P. o. rel.
3539
gf

P. O. rel.

353997

Turgenev

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

НОВЬ.

РОМА́НЪ

И. С. ТУРГЕ́НЕВА.

„Поднима́ть слѣ́дуетъ новь не повéрх-
„ностно скользя́щей сохóй, но глубокó
„забира́ющимъ плу́гомъ.“

Изъ запи́сокъ хозя́ина-агронóма.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Е. Л. Моргенштернъ.

LEIPZIG,
E. L. Morgenstern.

1887.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

I.

Весно́ю 1868 го́да, часу́ въ пе́рвомъ дня, въ Петербу́ргѣ, взбира́лся по чёрной ле́стницѣ пятиэта́жнаго до́ма въ Офице́рской у́лицѣ челове́къ лѣтъ двадцати́-семи́, небре́жно и бѣ́дно оде́тый. Тяжело́ шлёпая сто́птанными кало́шами, ме́дленно пока́чивая гру́зное, неукло́жее тѣ́ло, челове́къ э́тотъ дости́гнулъ наконе́цъ самаго ве́рха ле́стницы, останови́лся пере́дъ обо́рванной полураскры́той две́рью — и, не позвони́въ въ колоко́льчикъ, а то́лько шу́мно, вздохну́въ, вали́лся въ небольшу́ю тёмную пере́днюю.

— Неждано́въ до́ма? — кри́кнулъ, онъ густы́мъ и гро́мкимъ го́лосомъ.

— Его́ нѣтъ — я здѣсь, войди́те, — разда́лся въ сосѣ́дней ко́мнатѣ друго́й, тоже дово́льно грубова́тый же́нскій го́лосъ.

— Машу́рина? — переспроси́лъ новопри́бывшій.

— Она́ са́мая и есть. — А вы — Остроду́мовъ?

— Имене́нъ Остроду́мовъ, — отвѣча́лъ тотъ, и стара́тельно снявъ сперва́ кало́ши, а пото́мъ повѣ́сивъ на гвоздь ве́тхую шине́лишку, вошёлъ въ ко́мнату, отку́да разда́лся же́нскій го́лосъ.

Ни́зкая, неопря́тная, со стѣна́ми выкра́шенными мутно-зелёной кра́ской, ко́мната э́та едва́ освѣща́лась двумя́ запы́ленными око́шками. То́лько и бы́ло въ ней ме́бели, что желѣ́зная крова́тка въ углу́, да столъ по середи́нѣ, да нѣ́сколько сту́льевъ, да этаже́рка, зава́ленная кни́гами. — Во́злѣ стола́ сидѣла же́нщина лѣтъ тридцати́, простоволо́сая, въ чёрномъ шерстяно́мъ пла́тьѣ, и кури́ла папиро́ску. Уви́дѣвъ вошедшаго Остроду́мова, она́ мо́лча подала́ ему́ свою́ широ́кую кра́сную ру́ку. Тотъ такъ же мо́лча пожа́лъ её — и, опусти́вшись на стулъ, доста́лъ изъ бокового́ карма́на полусло́манную сига́ру. Машу́рина дала́ ему́ огня́ — онъ закури́лъ, и о́ба, не говоря́ ни сло́ва и да́же не мѣня́ясь взгля́дами, при́нялись пуска́ть стру́йки синева́таго ды́ма въ ту́склый во́здухъ ко́мнаты, уже́ безъ того́ доста́точно пропи́танный имъ.

Въ обо́ихъ кури́льщикахъ бы́ло нѣ́что о́бщее, хотя́ черта́ми лица́ они́ не походи́ли другъ на дру́га. Въ обѣ́ихъ э́тихъ неря́шливыхъ фигу́рахъ

съ кру́пными губа́ми, зуба́ми, носа́ми (Острому́мовъ къ тому́-же ещё былъ рябъ), ска́зывалось что-то че́стное, и сто́йкое, и трудолюби́вое.

— Ви́дѣли вы Нежда́нова? — спроси́лъ наконе́цъ Острому́мовъ.

— Ви́дѣла; онъ сейча́съ придётъ. Кни́ги въ библіо́теку понёсъ.

Острому́мовъ сплю́нулъ въ сто́рону.

— Что э́то онъ всё бѣ́гать сталъ? Ника́къ его́ не пойма́ешь.

Машу́рина доста́ла другу́ю папиро́су.

— Скуча́етъ, — промо́лвила она́, тща́тельно её разжига́я.

— Скуча́етъ! — повтори́лъ съ укори́зной Острому́мовъ. — Вотъ баловство́! Поду́маешь, заня́тій у насъ съ нимъ нѣ́ту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла́ облома́ть какъ слѣ́дуетъ — а онъ скуча́етъ!

— Письмо́ изъ Москвы́ пришло́? — спроси́ла Машу́рина, погодя́ немно́го.

— Пришло́... тре́тьяго дня.

— Вы чита́ли?

Острому́мовъ то́лько голово́й ка́чнулъ.

— Ну... и что же?

— Что́? Ско́ро ѣ́хать на́до бу́детъ.

Машу́рина вы́нула папиро́су изо рта́. — Э́то отчего́ же? Тамъ, слы́шно, идётъ всё хорошо́.

— Идётъ, свои́мъ поря́дкомъ. То́лько человѣ́чекъ оди́нъ подверну́лся ненаде́жный. Такъ вотъ... смѣсти́ть его́ на́до; а не то и во́все устрани́ть.

— Да и други́я есть дѣла́. — Васъ то́же зову́тъ.

— Въ письмѣ́?

— Да; въ письмѣ́.

Машу́рина встряхну́ла свои́ми тяжёлыми волоса́ми. Небре́жно скру́ченные сза́ди въ небольшу́ю косу́, они́ спереди́ па́дали ей на лобъ и на бро́ви.

— Ну, что-жъ! — промо́лвила она́: — коли́ вы́детъ распоряже́ніе — разсужда́ть тутъ не́чего!

— Извѣ́стно, не́чего. То́лько безъ де́негъ ника́къ нельзя́; а гдѣ́ ихъ взять, са́мыя э́ти де́ньги?

Машу́рина заду́малась.

— Нежда́новъ до́лженъ доста́ть, — проговори́ла она́ вполго́лоса, сло́вно про себя́.

— Я за э́тимъ са́мымъ и пришёлъ, — замѣ́тилъ Острому́мовъ.

— Письмо́ съ ва́ми? — спроси́ла вдругъ Машу́рина.

— Со мной. Хоти́те проче́сть?

— Да́йте... и́ли нѣтъ, не ну́жно. Вмѣстѣ прочтёмъ... по́слѣ.

— Вѣ́рно говорю́, — пробурча́лъ Острому́мовъ; — не сомнѣва́йтесь.

— Да я и не сомнѣва́юсь.

И о́ба зати́хли опя́ть, и то́лько стру́йки ды́ма по пре́жнему бѣжа́ли изъ ихъ безмо́лвныхъ устъ и поднима́лись, сла́бо змѣя́сь, надъ ихъ волоси́стыми голова́ми.

Въ пере́дней разда́лся стукъ кало́шъ.

— Вотъ онъ! — шепну́ла Машу́рина.

Дверь слегка́ пріотвори́лась, и въ отве́рстіе просу́нулась голова́ — но то́лько не голова́ Неждано́ва.

То была́ кру́глая голо́вка съ чёрными, жо́сткими волоса́ми, съ широ́кимъ, морщи́нистымъ лбомъ, съ ка́рими, о́чень живы́ми гла́зками подъ густы́ми бро́вями, съ ути́нымъ, кверху́ вздёрнутымъ но́сомъ и ма́ленькимъ, ро́зовымъ, заба́вно сло́женнымъ ртомъ. Голо́вка э́та осмотре́лась, закива́ла, засмѣя́лась — причёмъ вы́казала мно́жество кро́шечныхъ бѣ́лыхъ зубко́въ — и вошла́ въ ко́мнату вмѣстѣ со свои́мъ тщеду́шнымъ туло́вищемъ, коро́ткими ру́чками и немно́го кривы́ми, немно́го хромы́ми но́жками. И Машу́рина, и Остроду́мовъ, — какъ то́лько увида́ли э́ту голо́вку, о́ба рази́ли на ли́цахъ свои́хъ нѣ́что въ ро́дѣ снисходи́тельнаго презрѣ́нія, то́чно ка́ждый изъ нихъ вну́тренно произнёсъ: „А! *э́тотъ*“. И не проронили ни еди́наго сло́ва, да́же не пошевельну́лись. Впо́рчемъ, ока́занный ему́ пріёмъ не то́лько не смути́лъ ново-появи́вшагося го́стя, но, ка́жется, доста́вилъ ему́ нѣ́которое удовлетворе́ніе.

— Что сіё означа́етъ? — произнёсъ онъ писклі́вымъ голоско́мъ. — Дуэ́тъ? Отчего́ же не тріо? И гдѣ же гла́вный тено́ръ?

— Вы э́то о Неждано́вѣ любопы́тствуете, г-нъ Па́клинъ? — проговори́лъ съ серьёзнымъ ви́домъ Остроду́мовъ.

— То́чно такъ, г-нъ Остроду́мовъ: о нёмъ.

— Онъ вѣроя́тно ско́ро прибу́детъ, г-нъ Па́клинъ.

— Э́то о́чень прія́тно слы́шать, г-нъ Остроду́мовъ.

Хро́менькій человѣкъ обрати́лся къ Машу́риной. Она́ сидѣ́ла, насу́пившись — и продолжа́ла, не спѣша́, попы́хивать изъ папиро́ски.

— Какъ вы поживаете, любе́знѣйшая... любе́знѣйшая... Вѣдь вотъ какъ э́то доса́дно! Всегда́ я забыва́ю, какъ васъ по и́мени и по о́тчеству!

Машу́рина пожа́ла плеча́ми.

— И совсѣ́мъ э́то не ну́жно знать! Вамъ моя́ фами́лія извѣ́стна. Чего́ же бо́льше! — И что за вопро́съ: какъ вы поживаете? — Ра́звѣ вы не ви́дите, что я живу́?

— Совершенно, совершенно справедли́во! — воскли́кнулъ Па́клинъ, раздува́я но́здри и подёргивая бро́вями: — не бы́ли бы вы жи́вы — вашъ поко́рный слуга́ не имѣ́лъ бы удово́льствія васъ здѣсь ви́дѣть и бесѣ́довать съ вами! — Припиши́те мой вопро́съ застарѣ́лой дурно́й привы́чкѣ. Вотъ и на счётъ и́мени и о́тчества... Зна́ете: какъ-то нело́вко говори́ть пря́мо: Машу́рина! — Мнѣ, пра́вда, извѣстно, что вы и подъ пи́сьмами ва́шими ина́че не подпи́сываетесь какъ: Бонапа́ртъ! — то́-бишь: Машу́рина! — Но всётаки, въ разгово́рѣ...

— Да кто васъ про́ситъ со мной разгова́ривать?

Па́клинъ засмѣя́лся нерви́чески, какъ-бы захлёбываясь.

Х. 79.

Ну, по́лноте, ми́лая, голу́бушка, да́йте ва́шу ру́ку, не серди́тесь — вѣдь я зна́ю: вы предо́брая — и я то́же до́брый... Ну?...

Па́клинъ протяну́лъ ру́ку... Машу́рина посмотрѣла на него́ мра́чно — одна́ко по́дала ему́ свою́.

— Е́сли вамъ непремѣ́нно ну́жно знать моё и́мя, — промо́лвила она́ всё съ тѣмъ же мра́чнымъ ви́домъ — изво́льте: меня́ зову́тъ Θёклой.

— А меня́ — Пимѐномъ, приба́вилъ ба́сомъ Остроду́мовъ.

Ахъ! э́то о́чень-о́чень поучи́тельно! Но въ тако́мъ слу́чаѣ скажи́те мнѣ, о, Θёкла! и вы, о, Пимѐнъ! скажи́те мнѣ, отчего́ вы о́ба такъ недружелю́бно, такъ постоя́нно-недружелю́бно отно́ситесь ко мнѣ, ме́жду тѣмъ какъ я...

— Машу́рина нахо́дитъ, — переби́лъ Остроду́мовъ — и не она́ одна́ э́то нахо́дитъ — что, такъ какъ вы на всѣ предме́ты смо́трите съ ихъ смѣшно́й стороны́, то и положи́ться на васъ нельзя́.

Па́клинъ кру́то поверну́лся на каблука́хъ.

— Вотъ она́, вотъ постоя́нная оши́бка люде́й, кото́рые обо мнѣ су́дятъ, почте́ннѣйшій Пимѐнъ! Во-пе́рвыхъ: я не всегда́ смѣю́сь; а во-вторы́хъ — э́то ничему́ не мѣша́етъ и положи́ться на меня́ мо́жно, что́ и дока́зывается ле́стнымъ довѣ́ріемъ, кото́рымъ я не разъ по́льзовался въ ва́шихъ же ряда́хъ! Я че́стный человѣкъ, почте́ннѣйшій Пимѐнъ!

Остроду́мовъ промыча́лъ что-то сквозь зу́бы, а Па́клинъ покача́лъ голово́ю и повтори́лъ, уже́ безъ вся́кой улы́бки:

— Нѣтъ! я не всегда́ смѣю́сь! Я во́все не весёлый человѣ́къ! Вы посмотри́те-ка на меня́!

Остроду́мовъ возвёлъ на него́ глаза́. — Дѣйстви́тельно, когда́ Па́клинъ не смѣя́лся, когда́ онъ молча́лъ, лицо́ его принима́ло выраже́ніе почти́ уны́лое, почти́ запу́ганное: оно́ станови́лось заба́внымъ и да́же злымъ, какъ то́лько онъ раскрыва́лъ ротъ. Остроду́мовъ одна́ко ничего́ не сказа́лъ.

Па́клинъ сно́ва обрати́лся къ Машу́риной.

— Ну, а учѐніе какъ подвига́ется? Дѣлаете вы успѣ́хи въ ва́шемъ и́стинно-человѣколюби́вомъ иску́сствѣ? Чай, шту́ка тру́дная — помога́ть нео́пытному граждани́ну при его́ не́рвомъ вступле́ніи на свѣтъ бо́жій?

— Ничего́, труда́ нѣтъ, коли́ онъ не мно́го бо́льше васъ ро́стомъ, — отвѣ́тила Машу́рина, то́лько-что сда́вшая экза́менъ на повива́льную ба́бушку — и самодово́льно ухмыльну́лась. Го́да полтора́ тому́ наза́дъ, она́, бро́сивъ свою́ родну́ю, дворя́нскую, небога́тую семью́ въ ю́жной Россіи, при́была въ Петербу́ргъ съ шестью́ цѣлко́выми въ карма́нѣ; поступи́ла въ родовспомога́тельное заведе́ніе и безуста́ннымъ трудо́мъ доби́лась жела́ннаго аттеста́та. Она́ была́ дѣви́ца... и о́чень цѣлому́дренная дѣви́ца. Дѣ́ло не удиви́тельное! ска́жетъ ино́й ске́птикъ, вспо́мнивъ то, что́ бы́ло ска́зано объ ея нару́жности. Дѣ́ло удиви́тельное и рѣ́дкое! позво́лимъ себѣ́ сказа́ть мы.

Услы́шавъ ея о́тповѣдь, Па́клинъ сно́ва разсмѣя́лся.

— Вы молодецъ, моя́ ми́лая! — воскли́кнулъ онъ. — Сла́вно меня́ отбри́ли! По-дѣло́мъ мнѣ! Зачѣ́мъ я таки́мъ ка́рликомъ оста́лся! Одна́ко, гдѣ же э́то пропада́етъ нашъ хозя́инъ?

Па́клинъ не безъ у́мысла перемѣни́лъ предме́тъ разгово́ра. Онъ ника́къ не могъ помири́ться съ кро́хотнымъ своимъ ро́стомъ, со всей свое́й невзра́чной фигу́ркой. Это бы́ло ему́ тѣмъ чувстви́тельнѣе, что онъ стра́стно люби́лъ женщи́нъ. Чего́ бы онъ не далъ, чтобъ нра́виться имъ! Созна́ніе своей мизе́рной нару́жности гора́здо больне́е грызло́ его́, чѣмъ его ни́зменное происхожде́ніе, чѣмъ незави́дное положе́ніе его́ въ о́бществѣ. Оте́цъ Па́клина былъ просто́й мѣщани́нъ, дослужи́вшійся вся́кими непра́вдами до чи́на титуля́рнаго сове́тника, ходо́къ по тя́жебнымъ дѣла́мъ, аферисть. Онъ управля́лъ имѣ́ніями, дома́ми, и зашибъ-таки́ копѣ́йку; но си́льно пилъ подъ коне́цъ жи́зни и ничего́ не оста́вилъ по́слѣ свое́й сме́рти. Молодо́й Па́клинъ (зва́ли его́: Си́ла, Си́ла Самсо́нычъ — что́ онъ та́кже счита́лъ насмѣ́шкой надъ собо́ю) — воспи́тывался въ комме́рческомъ учи́лищѣ, гдѣ отли́чно вы́учился нѣме́цкому языку́. По́слѣ разли́чныхъ, дово́льно тяжёлыхъ передря́гъ, онъ попа́лъ, наконе́цъ, въ ча́стную конто́ру на 1500 р. с. годово́го содержа́нія. Э́тими де́ньгми онъ корми́лъ себя́, больну́ю тётку, да горба́тую сестру́. Во вре́мя на́шего разска́за ему́ то́лько-что пошёлъ 28-й годъ. Па́клинъ зна́лся со мно́жествомъ студе́нтовъ, молоды́хъ люде́й, кото́рымъ онъ нра́вился свое́й цини́ческой бо́йкостью, весёлой же́лчью самоувѣ́ренной рѣ́чи, односторо́нней, но несомнѣ́нной начи́танностью, безъ педанти́зма. Лишь и́зрѣдка ему́ доста́валось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опозда́лъ на „полити́ческую“ схо́дку... Войдя́, то́тчасъ на́чалъ тороплі́во извиня́ться... — „Трусова́ть былъ Па́клинъ бѣ́дный“ — запѣ́лъ кто-то въ углу́ — и всѣ́ расхохота́лись. Па́клинъ наконе́цъ засмѣя́лся самъ, хоть и скребло́ у него́ на се́рдцѣ. „Пра́вду сказа́лъ, моше́нникъ!“, — поду́малъ онъ про себя́. Съ Неждановымъ онъ познакоми́лся въ гре́ческой кухми́стерской, куда́ ходи́лъ обѣ́дать и гдѣ выража́лъ подъ-часъ весьма́ свобо́дныя и рѣ́зкія мнѣ́нія. Онъ увѣря́лъ, что гла́вной причи́ной его́ демократи́ческаго настрое́нія была́ скве́рная гре́ческая ку́хня, кото́рая раздража́ла его́ пе́чень.

— Да... и́менно... гдѣ пропада́етъ нашъ хозя́инъ? — повтори́лъ Па́клинъ. — Я замѣча́ю: онъ съ нѣ́которыхъ поръ сло́вно не въ ду́хѣ. Ужъ не влюблёнъ ли онъ, Бо́же сохрани́!

Машу́рина нахму́рилась.

— Онъ пошёлъ въ библіо́теку за кни́гами — а влюбля́ться ему́ не́когда и не въ кого́.

„А въ васъ?“ чуть-бы́ло не сорвало́сь съ губъ у Па́клина.

— Я потому́ жела́ю его́ ви́дѣть, — промо́лвилъ онъ гро́мко, — что мнѣ ну́жно переговори́ть съ нимъ по одному́ ва́жному дѣ́лу.

— По како́му это́ дѣ́лу? — вмѣша́лся Остроду́мовъ. — По на́шему?

— А мо́жетъ быть и по ва́шему... т.-е. по на́шему, о́бщему.

Остродýмовъ хмы́кнулъ. Въ душѣ́ онъ усомни́лся, но тутъ же подýмалъ: „А чортъ его́ зна́етъ! Вишь онъ како́й прола́зъ!“

— Да вотъ онъ идётъ наконе́цъ, — проговори́ла вдругъ Машу́рина — и въ ея́ ма́ленькихъ некраси́выхъ глаза́хъ, устремлённыхъ на дверь пере́дней, промелькну́ло что-то тёплое и нѣ́жное, како́е-то свѣ́тлое, глубо́кое, вну́треннее пя́тнышко...

Дверь отвори́лась — и на э́тотъ разъ, съ карту́зомъ на головѣ́, со свя́зкой книгъ подъ мы́шкой, вошёлъ молодо́й человѣ́къ лѣ́тъ двадцати́-трёхъ, самъ Неждáновъ.

II.

При ви́дѣ гостéй, находи́вшихся въ его́ ко́мнатѣ, онъ останови́лся на поро́гѣ две́ри, обвёлъ ихъ всѣ́хъ глаза́ми, сбро́силъ карту́зъ, урони́лъ кни́ги пря́мо на́ полъ — и мо́лча, добра́вшись до крова́ти, прикорну́лъ на ея́ кра́ѣ, Его́ краси́вое, бѣ́лое лицо́, каза́вшееся ещё бѣлѣ́е отъ темнокра́снаго цвѣ́та волни́стыхъ ры́жихъ воло́съ, выража́ло неудово́льствіе и доса́ду.

Машу́рина слегка́ отверну́лась и закуси́ла гу́бу; Остродýмовъ проворча́лъ:

— Наконе́цъ-то!

Па́клинъ пе́рвый прибли́зился къ Неждáнову.

— Что́ съ тобо́й, Алексѣ́й Дми́тріевичъ, россі́йскій Га́млетъ? Огорчи́лъ кто тебя́? И́ли такъ — безъ причи́ны — взгрустну́лось?

— Переста́нь пожа́луйста, россі́йскій Мефисто́фель, — отвѣча́лъ раздражённо Неждáновъ. — Мнѣ́ не до того́, что́бы препира́ться съ тобо́ю пло́скими остро́тами.

Па́клинъ засмѣя́лся.

— Ты нето́чно выража́ешься: коли́ остро́, такъ не пло́ско — коли́ пло́ско, такъ не остро́.

— Ну, хорошо́, хорошо́... Ты, извѣ́стно, у́мница.

— А ты въ нерво́зномъ состоя́ніи, — произнёсъ съ разстано́вкою Па́клинъ. — А́ли въ са́момъ дѣ́лѣ что̀ случи́лось?

— Ничего́ не случи́лось осо́беннаго; — а случи́лось то, что нельзя́ но́су на у́лицу вы́сунуть, въ э́томъ га́дкомъ го́родѣ, въ Петербу́ргѣ, чтобъ не наткну́ться на каку́ю-нибу́дь по́шлость, глу́пость, на безобра́зную несправедли́вость, на чепуху́! Жить здѣ́сь бо́льше невозмо́жно.

— То-то ты въ газе́тахъ публикова́лъ, что и́щешь кондúціи и согла́сенъ на отъѣ́здъ, — проворча́лъ опя́ть Остродýмовъ.

— И коне́чно, съ величайшимъ удово́льствіемъ уѣ́ду отсю́да! Лишь бы нашёлся дура́къ — мѣ́сто предложи́лъ!

— Сперва́ на́до *здѣсь* свою́ обя́занность испо́лнить, значи́тельно проговори́ла Машу́рина, не переста́вая глядѣ́ть въ сто́рону.

— То-есть? — спроси́лъ Нежда́новъ, кру́то оберну́вшись къ ней. Машу́рина сти́снула гу́бы.

— Вамъ Острому́мовъ ска́жетъ.

Нежда́новъ оберну́лся къ Острому́мову. Но тотъ то́лько кря́кнулъ и отка́шлялся: — „погоди́-молъ.“

— Нѣтъ, не шутя́, въ са́момъ дѣлѣ, — вмѣша́лся Па́клинъ: — ты узна́лъ что-нибу́дь, непрія́тность каку́ю?

Нежда́новъ подскочи́лъ на посте́ли, сло́вно его́ что́ подбро́сило.

— Кака́я тебѣ́ ещё непрія́тность нужна́? — закрича́лъ онъ внеза́пно зазвенѣ́вшимъ го́лосомъ. — Полъ-Россіи съ го́лода помира́етъ, „Моско́вскія Вѣ́домости“ торжеству́ютъ, классици́змъ хотя́тъ ввести́, студе́нческія ка́ссы запреща́ются, вездѣ́ шпіо́нство, притѣсне́нія, доно́сы, ложь и фальшь — ша́гу намъ ступи́ть не́куда... а ему́ всё ма́ло, онъ ждётъ ещё но́вой непрія́тности, онъ ду́маетъ, что я шучу́... Баса́нова арестова́ли, — приба́вилъ онъ, нѣсколько пони́зивъ тонъ: — мнѣ въ библіо́текѣ ска́зывали.

Острому́мовъ и Машу́рина о́ба ра́зомъ приподня́ли го́ловы.

— Любе́зный другъ, Алексѣ́й Дми́тріевичъ, — на́чалъ Па́клинъ, — ты взволно́ванъ — дѣ́ло поня́тное... Да ра́звѣ ты забы́лъ, въ како́е вре́мя и въ како́й странѣ́ мы живёмъ? — Вѣдь у насъ утопа́ющій самъ до́лженъ сочини́ть ту соло́минку, за кото́рую ему́ прихо́дится ухвати́ться! — Гдѣ ужъ тутъ минда́льничать?! На́до, братъ, чо́рту въ глаза́ умѣ́ть смотрѣ́ть, а не раздража́ться по-ребя́чьи...

— Ахъ, пожа́луйста, пожа́луйста! — переби́лъ тоскли́во Нежда́новъ, и да́же сморщи́лся, сло́вно отъ бо́ли. — Ты, извѣ́стное дѣ́ло, энерги́ческій мужчи́на — ты ничего́ и никого́ не бои́шься...

— Я-то никого́ не бою́сь?! — на́чалъ-бы́ло Па́клинъ...

— Кто то́лько могъ вы́дать Баса́нова? — продолжа́лъ Нежда́новъ, — не понима́ю!

— А извѣ́стное дѣ́ло — прія́тель. — Они́ на э́то мо́лодцы — прія́тели-то. Съ ни́ми держи́ у́хо востро́! Былъ у меня́, напримѣ́ръ, прія́тель — и, каза́лось, хоро́шій человѣ́къ: та́къ обо мнѣ забо́тился, о моей репута́ціи! Быва́ло, смо́тришь: идётъ ко мнѣ... — „Предста́вьте“, кричи́тъ: „каку́ю объ васъ глупу́ю клевету́ распусти́ли: увѣря́ютъ, что вы ва́шего родно́го дя́дюшку отрави́ли — что васъ ввели́ въ оди́нъ домъ, а вы сей часъ къ хозя́йкѣ сѣ́ли спино́й — и такъ весь ве́черъ и просидѣ́ли! И ужъ пла́кала она́, пла́кала отъ оби́ды! — Вѣдь э́такая чепуха́! э́такая нелѣ́пица! Какіе дураки́ мо́гутъ э́тому повѣ́рить!“ — И что же? Годъ спустя́, разсо́рился я съ э́тимъ са́мымъ прія́телемъ... И пи́шетъ онъ мнѣ въ своёмъ проща́льномъ письмѣ́: „Вы, кото́рый умори́ли своего́ дя́дю! — Вы, кото́рый не устыди́лись оскорби́ть почте́нную да́му, сѣ́вши къ ней спино́й“!... и т. д. и т. д. — Вотъ каковы́ прія́тели!

Острому́мовъ переглянулся съ Машу́риной.

— Алексѣ́й Дми́тріевичъ! — бря́кнулъ онъ своимъ тяжёлымъ ба-

сомъ — онъ я́вно жела́лъ прекрати́ть возника́вшее безполе́зное словоизверже́ніе — отъ Васи́лія Никола́евича письмо́ изъ Москвы́ пришло́.

Неждано́въ слегка́ дро́гнулъ и потупи́лся.

— Что́ онъ пи́шетъ? — спроси́лъ онъ наконе́цъ.

— Да вотъ... намъ вотъ съ ней... — Остроду́мовъ указа́лъ бро́вями на Машу́рину — ѣхать на́до.

— Какъ? и её зову́тъ?

— Зову́тъ и её.

— Зачѣ́мъ же дѣ́ло ста́ло?

— Да извѣ́стно зачѣ́мъ... за де́ньгами.

Неждано́въ поднялся съ крова́ти и подошёлъ къ окну́.

— Мно́го ну́жно?

— Пятьдеся́тъ рубле́й... Ме́ньше нельзя́.

Неждано́въ помолча́лъ.

— У меня́ тепе́рь ихъ нѣтъ, — прошепта́лъ онъ наконе́цъ, посту́кивая па́льцами по стеклу́ — но... я могу́ доста́ть. Я доста́ну. Письмо́ у тебя́?

— Письмо́-то? Оно́... то-есть... коне́чно...

— Да что вы веё отъ меня́ хоро́нитесь?— воскли́кнулъ Па́клинъ. — Неу́жто я не заслужи́лъ ва́шего довѣ́рія? — Е́сли бы я да́же не вполнѣ́ сочу́вствовалъ... тому́, что́ вы предпринима́ете — неу́жто же вы полага́ете, что я въ состоя́ніи измѣни́ть и́ли разболта́ть?

— Безъ у́мысла... пожа́луй! — проба́силъ Остроду́мовъ.

— Ни съ у́мысломъ, ни безъ у́мысла! — Вотъ г-жа Машу́рина гля́дитъ на меня́ и улыба́ется... а я скажу́...

— Я ниско́лько не улыба́юсь, — окры́силась Машу́рина.

— А я скажу́, — продолжа́лъ Па́клинъ, — что у васъ, господа́, чутья́ нѣтъ; что вы не уѣ́мете различи́ть, кто ва́ши настоя́щіе друзья́! Человѣ́къ смѣётся, вы и ду́маете: онъ несерьёзный...

— А то небо́сь нѣтъ? — втори́чно окры́силась Машу́рина.

— Вы, вотъ, напримѣ́ръ, — подхвати́лъ съ но́вой си́лой Па́клинъ, на э́тотъ разъ да́же не возража́я Машу́риной — вы нужда́етесь въ де́ньгахъ... а у Неждано́ва ихъ тепе́рь нѣтъ... Такъ *я* могу́ дать.

Неждано́въ бы́стро отверну́лся отъ окна́.

— Нѣтъ... нѣ́тъ... э́то къ чему́ же? Я доста́ну... Я возьму́ часть пе́нсіи впередъ... По́мнится, *они́* оста́лись мнѣ до́лжны. А вотъ что̀, Остроду́мовъ: покажи́-ка письмо́.

Остроду́мовъ оста́лся сперва́ нѣ́которое вре́мя неподви́жнымъ; пото́мъ осмотрѣ́лся круго́мъ; пото́мъ всталъ, нагну́лся всѣ́мъ тѣ́ломъ, и, засучи́въ панталоны, вы́тащилъ изъ-за голени́ща сапога́ тща́тельно сло́женный клочо́къ си́ней бума́ги; вы́тащивъ э́тотъ клочо́къ, неизвѣ́стно зачѣ́мъ поду́лъ на него́ и пода́лъ Неждано́ву.

Тотъ взялъ бума́жку, развернулъ её, прочёлъ внима́тельно и переда́лъ Машу́риной... Та сперва́ вста́ла со сту́ла, пото́мъ то́же прочла́ и возвра-

ти́ла бума́жку Неждáнову, хотя́ Пáклинъ протя́гивалъ за нéю ру́ку. Неждáновъ плечóмъ и передáлъ таи́нственное письмó Пáклину. Пáклинъ въ свою́ óчередь пробѣжáлъ глазáми бумáжку и, многозначи́тельно сжавъ гу́бы, торжéственно и ти́хо положи́лъ её на столъ. Тогдá Остроду́мовъ взялъ её, зажёгъ большу́ю спи́чку, распространи́вшую си́льный зáпахъ сѣ́ры, и сперва́ высокó подня́лъ бумáжку надъ головóю, какъ-бы показывая её всѣмъ прису́тствовавшимъ, сжёгъ её до тла на спи́чкѣ, не щадя́ свои́хъ пáльцевъ, и брóсилъ пéпелъ въ пéчку. Никтó не произнёсъ слóва, никтó дáже не пошевели́лся въ течéніи э́той операціи. Глазá у всѣхъ бы́ли опу́щены. Остроду́мовъ имѣ́лъ видъ сосредоточéнный и дѣ́льный, лицó Неждáнова казáлось злымъ; въ Пáклинѣ проявля́лось напряжéніе, Машу́рина — священнодѣ́йствовала.

Такъ прошлó мину́ты двѣ... Потóмъ всѣмъ стáло немнóго нелóвко. Пáклинъ пéрвый почу́вствовалъ необходи́мость нарушúть безмóлвіе.

— Такъ чтó же? — нáчалъ онъ. — Принимáется моя́ жéртва на áлтарь отéчества и́ли нѣтъ? Позволя́ется мнѣ поднести́, éсли не всѣ пятьдеся́тъ, то хоть двáдцать-пять и́ли три́дцать рублéй на óбщее дѣ́ло?

Неждáновъ вдругъ вспы́хнулъ весь. Казáлось, въ нёмъ накипѣ́ла доса́да... Торжéственное сжигáніе письмá ея́ не уменьши́ло, — онá ждáла тóлько предлóга, чтóбы вы́рваться нару́жу.

— Я ужé сказáлъ тебѣ́, что э́то не ну́жно, не ну́жно... не ну́жно! Я э́того не допущу́ и не прúму. Я достáну дéньги, я сейчáсъ же ихъ достáну. Я не нуждáюсь ни въ чьей пóмощи!

— Ну, братъ, — промóлвилъ Пáклинъ — я ви́жу: ты хоть и революціонéръ — а не демократъ!

— Скажи́ прямо, что я аристократъ!

— Да ты и тóчно аристократъ... до нѣ́которой стéпени.

Неждáновъ принуждённо засмѣ́ялся.

— То-есть, ты хóчешь намекну́ть на то, что я незакóнный сынъ. Напрáсно тру́дишься, любéзный... Я и безъ тебя́ э́того не забывáю.

Пáклинъ всплеснýлъ рукáми.

— Алёша, помúлуй, что̀ съ тобóю! Какъ мóжно такъ понимáть мои́ словá! Я не узнаю́ тебя́ сегóдня. — Неждáновъ сдѣ́лалъ нетерпѣли́вое движéніе головóй и плечáми. — Арéстъ Басáнова тебя́ разстрóилъ — но вѣ́дь онъ самъ такъ неосторóжно вёлъ себя́...

— Онъ не скрывáлъ своúхъ убѣжде́нiй, — сýмрачно вмѣша́лась Машу́рина: — не намъ его́ осуждáть!

— Да; тóлько ему́ слѣ́довало бы тóже подýмать о другúхъ, котóрыхъ онъ тепéрь скомпрометти́ровать мóжетъ.

— Почему́ вы такъ о нёмъ полага́ете?... — загудѣ́лъ въ свою́ óчередь Остроду́мовъ: — Басáновъ человѣкъ съ характéромъ твёрдымъ; онъ никогó не вы́дастъ. А что до осторóжности... зна́ете чтó? Не вся́кому данó быть осторóжнымъ, г-нъ Пáклинъ!

Па́клинъ оби́дѣлся и хотѣ́лъ-бы́ло возрази́ть, но Неждано́въ остановои́лъ его́.

— Господа́! — воскли́кнулъ онъ, — сдѣ́лайте одолже́ніе, бро́симте, на́ время, поли́тику!

Наступи́ло молча́ніе.

— Я сего́дня встрѣ́тилъ Скоропи́хина, — заговори́лъ наконе́цъ, Па́клинъ, — на́шего всероссі́йскаго кри́тика и эсте́тика, и энтузіа́ста. Что за несно́сное созда́ніе! Вѣ́чно закипа́етъ и шипи́тъ, ни дать ни взять буты́лка дрянны́хъ ки́слыхъ щей... Полово́й на бѣгу́ заткну́лъ её па́льцемъ вмѣ́сто про́бки, въ го́рлышкѣ застря́лъ пу́хлый изю́мъ — она́ вся брызжётъ и свисти́тъ — а какъ вы́летитъ изъ нея́ вся пѣ́на — на днѣ́ остаётся всего́ нѣ́сколько ка́пель прескве́рной жи́дкости, кото́рая не то́лько не утоля́етъ ничьёй жа́жды — но причиня́етъ одну́ лишь рѣзь... Превре́дный для молоды́хъ люде́й индиви́дуй!

Сравне́ніе, употреблённое Па́клинымъ, хотя́ вѣ́рное и мѣ́ткое, не вы́звало улы́бки ни на чьёмъ лицѣ́. Оди́нъ Остроду́мовъ замѣ́тилъ, что о молоды́хъ лю́дяхъ, кото́рые спосо́бны интересова́ться эсте́тикой, жалѣ́ть не́чего, да́же е́сли Скоропи́хинъ и собьётъ ихъ съ то́лку.

— Но поми́луйте, посто́йте, — воскли́кнулъ съ жа́ромъ Па́клинъ — онъ тѣ́мъ бо́лѣе горя́чился, чѣ́мъ ме́нѣе встрѣча́лъ себѣ́ сочу́вствія: — тутъ вопро́съ, поло́жимъ, не полити́ческій, но всётаки ва́жный. Послу́шать Скоропи́хина, вся́кое ста́рое худо́жественное произведе́ніе уже́ по тому́ самому́ не годи́тся никуда́, что оно́ ста́ро... Да, въ тако́мъ слу́чаѣ, худо́жество, иску́сство вообще́ — не что ино́е какъ мо́да — и говори́ть серьёзно о нёмъ не сто́итъ! Е́сли въ нёмъ нѣ́тъ ничего́ незы́блемаго, вѣ́чнаго — такъ чортъ съ нимъ! Въ нау́кѣ, въ матема́тикѣ, напримѣ́ръ: не считае́те же вы Э́йлера, Лапла́са, Га́усса за отжи́вшихъ пошляко́въ? Вы гото́вы призна́ть ихъ авторите́тъ — а Рафа́эль и́ли Мо́цартъ — дураки́? и ва́ша го́рдость возмуща́ется про́тивъ ихъ авторите́та? Зако́ны иску́сства трудне́е улови́ть, чѣ́мъ зако́ны нау́ки... согла́сенъ; но они существу́ютъ — и кто ихъ не ви́дитъ, тотъ слѣпе́цъ; доброво́льный и́ли недоброво́льный — всё равно́!

Па́клинъ умо́лкъ... и никто́ ничего́ не промо́лвилъ, то́чно всѣ́ въ ротъ воды́ набра́ли — то́чно всѣ́мъ бы́ло немно́жко со́вѣстно за него́. Оди́нъ Остроду́мовъ проворча́лъ:

— И всё-таки я тѣ́хъ молоды́хъ люде́й, кото́рыхъ сбива́етъ Скоропи́хинъ — ниско́лько не жалѣ́ю.

„А ну васъ съ Бо́гомъ!“ поду́малъ Па́клинъ. „Уйду́!“

Онъ пришёлъ-бы́ло къ Неждано́ву съ тѣ́мъ, что́бы сообщи́ть ему́ свои́ соображе́нія на-счётъ доста́вки „Поля́рной Звѣ́зды́“ изъ заграни́цы („Ко́локолъ“ уже́ не существова́лъ) — но разгово́ръ при́нялъ тако́й оборо́тъ, что лу́чше бы́ло и не поднима́ть э́того вопро́са. Па́клинъ уже́ взя́лся за ша́пку, какъ вдругъ, безъ вся́каго предвари́тельнаго шу́ма и

сту́ка, въ пере́дней разда́лся удиви́тедьно-прія́тный, му́жественный и зы́чный барито́нъ, отъ са́маго зву́ка кото́раго вѣ́яло чѣмъ-то необыкновѣ́нно-благоро́днымъ, благовоспи́таннымъ и да́же благоуха́ннымъ.

— Господи́нъ Нежда́новъ до́ма?

— Всѣ́ переглянýлись въ изумле́ніи.

— До́ма господи́нъ Нежда́новъ? — повтори́лъ барито́нъ.

— До́ма, — отвѣча́лъ наконе́цъ Нежда́новъ.

Дверь отвори́лась скро́мно и пла́вно, и, ме́дленно снима́я вы́лощенную шля́пу съ благообра́зной, коротко́ остри́женной головы́, въ ко́мнату вошёлъ мужчи́на лѣ́тъ подъ-со́рокъ, высо́каго ро́сту, стро́йный и велича́вый. Одѣ́тый въ прекра́снѣйшее дра́повое пальто́, съ превосхо́днѣйшимъ бобро́вымъ воротнико́мъ, хотя́ апрѣ́ль мѣ́сяцъ уже́ бли́зился къ концу́ — онъ порази́лъ всѣхъ, Нежда́нова, Па́клина, да́же Машу́рину... да́же Остродýмова! — изя́щной самоувѣ́ренностью оса́нки и ла́сковымъ спокойствіемъ привѣ́та. Всѣ́ невóльно поднялúсь при его́ появле́ніи.

III.

Изя́щный мужчи́на подошёлъ къ Нежда́нову и, благосклóнно осклабя́сь, проговори́лъ: „Я уже́ имѣ́лъ удово́льствіе встрѣ́титься и да́же бесѣ́довать съ ва́ми, г-нъ Нежда́новъ, тре́тьяго дня, е́сли изво́лите припóмнить — въ теа́трѣ. (Посѣти́тель останови́лся, какъ-бы выжида́я; Нежда́новъ слегка́ ки́внулъ голово́ю и покраснѣ́лъ.) — Да!... а сего́дня я яви́лся къ вамъ вслѣ́дствіе объявле́нія, помѣщённаго ва́ми въ газе́тахъ. Я бы жела́лъ переговори́ть съ ва́ми, е́сли то́лько не стѣсню́ г-дъ присýтствующихъ... (Посѣти́тель поклони́лся Машу́риной и повёлъ руко́й, облечённой въ сѣрова́тую шве́дскую перча́тку, въ направле́ніи Па́клина и Остродýмова) — и не помѣша́ю имъ...

— Нѣтъ... отчего́ же... — отвѣча́лъ не безъ нѣ́котораго трудá Нежда́новъ. — Э́ти господа́ позво́лятъ... Не уго́дно-ли вамъ присѣ́сть?

Посѣти́тель прія́тно перегнýлъ станъ, и, любе́зно взя́вшись за спи́нку стýла, прибли́зилъ его́ къ себѣ́, но не сѣ́лъ — такъ какъ всѣ́ въ ко́мнатѣ стоя́ли, — а то́лько повёлъ круго́мъ свои́ми свѣ́тлыми, хоть и полузакры́тыми глаза́ми.

— Проща́йте, Алексѣ́й Дми́тричъ, — проговори́ла вдругъ Машу́рина: — я зайдý по́слѣ.

— И я, — приба́вилъ Остродýмовъ. — Я то́же... по́слѣ.

Минýя посѣти́теля, и какъ-бы въ пи́ку емý, Машу́рина взяла́ рýку Нежда́нова, си́льно тря́хнула её и пошла́ вонъ, никомý не поклони́вшись. Остродýмовъ отпра́вился вслѣ́дъ за не́ю, безъ нужды́ стуча́ сапога́ми и да́же фы́ркнувъ ра́за два: „Вотъ-молъ тебѣ́, бобро́вый воротни́къ!“ Посѣти́тель проводи́лъ ихъ обо́ихъ учти́вымъ, слегка́ любопы́тнымъ взо́ромъ. Онъ устреми́лъ его́ пото́мъ на Па́клина, какъ-бы ожида́я, что и тотъ

послѣдуетъ примѣру двухъ удали́вшихся гостей́; но Па́клинъ, на лицѣ́ кото́раго, съ са́маго появле́нія незнако́мца, засвѣти́лась осо́бенная сде́ржанная улы́бка, отошёлъ въ сто́рону и пріюти́лся въ уголку́. Тогда́ посѣти́тель опусти́лся на стулъ. Неждановъ сѣлъ то́же.

— Моя́ фами́лія — Сипя́гинъ, мо́жетъ быть, слыха́ли, — съ горде́ливой скро́мностью на́чалъ посѣти́тель.

Но пре́жде слѣ́дуетъ разсказа́ть, каки́мъ о́бразомъ Неждановъ встрѣ́тился съ нимъ въ теа́трѣ.

Дава́ли пье́су Остро́вскаго: „Не въ свои́ са́ни не сади́сь“. Пере́дъ обѣ́домъ Неждановъ зашёлъ въ ка́ссу, гдѣ засталъ дово́льно мно́го наро́ду. Онъ собира́лся взять биле́тъ въ партеръ; — но въ ту мину́ту, какъ онъ подходи́лъ къ отве́рстію ка́ссы, стоя́вшій за нимъ офице́ръ закрича́лъ кассиру, протя́гивая чере́зъ го́лову Неждано́ва трехрублёвую ассигна́цію: „Имъ (т.-е. Нежданову) вѣроя́тно придётся получа́ть сда́чу — а мнѣ не на́до; — такъ вы да́йте мнѣ, пожа́луйста, поскорѣ́й биле́тъ во второ́мъ ряду́... мнѣ къ спѣ́ху!“ — „Извини́те, г-нъ офице́ръ, — промо́лвилъ рѣ́зкимъ го́лосомъ Неждано́въ, — я самъ жела́ю взять биле́тъ во второ́мъ ряду́“, — и тутъ же бро́силъ въ око́шко трехрублёвую бума́жку, весь свой нали́чный капита́лъ. Кассиръ вы́далъ ему́ биле́тъ — и ве́черомъ Неждано́въ очути́лся въ аристократи́ческомъ отдѣле́ніи Александри́нскаго теа́тра.

Онъ былъ пло́хо одѣ́тъ, безъ перча́токъ, въ нечи́щенныхъ сапога́хъ — чу́вствовалъ себя́ смущённымъ и доса́довалъ на себя́ за са́мое э́то чу́вство. Во́злѣ него́, съ пра́вой стороны́, сидѣ́лъ усѣ́янный звѣзда́ми генера́лъ; — съ лѣ́вой — тотъ са́мый изя́щный мужчи́на, та́йный совѣ́тникъ Сипя́гинъ, появле́ніе кото́раго, два дня спустя́, такъ взволнова́ло Машу́рину и Остроду́мова. Генера́лъ и́зрѣдка взгля́дывалъ на Неждано́ва, какъ на нѣ́что неприли́чное, неожи́данное и да́же оскорби́тельное; Сипя́гинъ, напро́тивъ, броса́лъ на него́ хотя́ ко́свенные, но не враждебные взо́ры. — Всѣ ли́ца, окружа́вшія Неждано́ва, каза́лись, во-пе́рвыхъ, бо́лѣе осо́бами, не́жели ли́цами; во-вторы́хъ, они́ всѣ о́чень хорошо́ зна́ли другъ дру́га и мѣня́лись коро́ткими разгово́рами, слова́ми и́ли да́же просты́ми восклица́ніями и привѣ́тами — ины́е опя́ть-таки́ че́резъ го́лову Неждано́ва; а онъ сидѣ́лъ неподви́жно и нело́вко въ своёмъ широ́комъ, поко́йномъ кре́слѣ, — то́чно па́рія како́й. Го́рько и сты́дно и скве́рно бы́ло у него́ на душѣ́; ма́ло наслажда́лся онъ коме́діей Остро́вскаго и игро́ю актёровъ. И вдругъ — о, чу́до! — во вре́мя одного́ антра́кта, сосѣ́дъ его́ съ лѣ́вой стороны́ — не звѣздоно́сный генера́лъ, а друго́й, безъ вся́каго зна́ка отли́чія на груди́, — заговори́лъ съ нимъ учти́во и мя́гко, съ како́й-то зайскивавшей снисходи́тельностью. Онъ заговори́лъ о пье́сѣ Остро́вскаго, жела́я узна́ть отъ Неждано́ва, какъ отъ „одного́ изъ представи́телей молодо́го поколѣ́нія“, — како́е бы́ло его́ мнѣ́ніе о ней? Изумлённый, чуть не испу́ганный, Неждано́въ отвѣча́лъ сперва́ отры́висто и однос-

ло́жно... да́же се́рдце у него́ застуча́ло; но пото́мъ ему́ ста́ло доса́дно на себя́: съ чего́ э́то онъ волну́ется? Не тако́й же ли онъ челове́къ, какъ всѣ? И онъ пусти́лся излага́ть своё мнѣ́ніе, не стѣсня́ясь, безъ ута́йки, подъ коне́цъ да́же такъ гро́мко и съ таки́мъ увлече́ніемъ, что я́вно обезпоко́ивалъ сосѣда-звѣздоно́сца. Нежда́новъ былъ горя́чимъ покло́нникомъ Остро́вскаго; — но при всёмъ уваже́ніи къ тала́нту, выка́занному а́второмъ въ коме́діи: „Не въ свои́ са́ни не сади́сь“, не могъ одо́брить въ ней я́вное жела́ніе уни́зить цивилиза́цію въ каррикату́рномъ лицѣ́ Ви́хорева. — Учти́вый сосѣ́дъ слу́шалъ его́ съ больши́мъ внима́ніемъ, съ уча́стіемъ — и въ сле́дующій антра́ктъ заговори́лъ съ нимъ опя́ть, но уже́ не о коме́діи Остро́вскаго, а вообще́ о ра́зныхъ жите́йскихъ, нау́чныхъ и да́же полити́ческихъ предме́тахъ. Онъ, очеви́дно, интересова́лся свои́мъ молоды́мъ и краснорѣчи́вымъ собесѣ́дникомъ. Нежда́новъ, по пре́жнему, не то́лько не стѣсня́лся, но да́же нѣ́сколько наддава́лъ, какъ говори́тся, па́ру. „Коли́, молъ, любопы́тствуешь, — такъ на́ же вотъ!“ Въ сосѣ́дѣ-генера́лѣ онъ возбужда́лъ уже́ не просто́е безпоко́йство, а негодова́ніе и подозри́тельность. По оконча́ніи нье́сы, Сипя́гинъ весьма́ благоскло́нно распрости́лся съ Нежда́новымъ — но не пожела́лъ узна́ть его́ фами́лію и самъ не назва́лъ себя́. Дожида́ясь каре́ты на ле́стницѣ, онъ столкну́лся съ хоро́шимъ свои́мъ прія́телемъ, фли́гель-адъюта́нтомъ кня́земъ Г. — Я смотрѣ́лъ на тебя́ изъ ло́жи, — сказа́лъ ему́ князь, посмѣ́иваясь сквозь раздушённые усы́: — зна́ешь ли ты, съ кѣ́мъ ты э́то бесѣ́довалъ? — Нѣ́тъ, не зна́ю; а ты? — Не глу́пый, небо́сь, ма́лый, а? — О́чень неглу́пый; кто онъ тако́й? — Тутъ князь наклони́лся ему́ на́ ухо и шепну́лъ пофранцу́зски: — мой братъ. Да; онъ мой братъ. Побо́чный сынъ моего́ отца́... зову́тъ его́ Нежда́новымъ. Я тебѣ́ когда́-нибу́дь разскажу́... Оте́цъ ника́къ э́того не ожида́лъ, оттого́ онъ и Нежда́новымъ его́ прозва́лъ. Одна́ко устро́илъ его́ судьбу́... il lui a fait un sort... Мы выдаёмъ ему́ пе́нсію. Ма́лый съ голово́й... получи́лъ, опя́ть-таки́ по ми́лости отца́, хоро́шее воспита́ніе. То́лько совсѣ́мъ съ то́лку сби́лся, республика́нецъ како́й-то... Мы его́ не принима́емъ... Il est impossible! Одна́ко проща́й; мою́ карету крича́тъ. — Князь удали́лся, а на сле́дующій день Сипя́гинъ прочёлъ въ „Полице́йскихъ Вѣ́домостя́хъ“ объявле́ніе, помѣщённое Нежда́новымъ — и пое́халъ къ нему́...

Моя́ фами́лія — Сипя́гинъ, — говори́лъ онъ Нежда́нову, си́дя пере́дъ нимъ на соло́менномъ сту́лѣ и озаря́я его своимъ внуши́тельнымъ взгля́домъ: — я узна́лъ изъ газе́тъ, что вы жела́ете е́хать на кондиці́ю — и я пришёлъ къ вамъ съ сле́дующимъ предложе́ніемъ. Я жена́тъ; у меня́ оди́нъ сынъ — девяти́ ле́тъ; ма́льчикъ, скажу́ пря́мо, о́чень даровитый. Бо̀льшую часть ле́та и о́сени мы прово́димъ въ дере́внѣ, въ С....ой губе́рніи, въ пяти́ верста́хъ отъ губе́рнскаго го́рода. Такъ вотъ: не уго́дно ли вамъ бу́детъ е́хать туда́ съ на́ми на вре́мя вака́ціи учи́ть моего́ сы́на россі́йскому языку́ и исто́ріи — тѣ́мъ предме́тамъ, о кото́рыхъ вы упо-

мина́ете въ ва́шемъ объявле́ніи? Сме́ю ду́мать, что вы оста́нетесь дово́льны мно́ю, мои́мъ семе́йствомъ и са́мымъ мѣстоположе́ніемъ уса́дьбы. Прекра́сный садъ, рѣка́, во́здухъ хоро́шій, помѣсти́тельный домъ... Согла́сны вы? Въ тако́мъ слу́чаѣ остаётся то́лько узна́ть ва́ши усло́вія, хотя́ я не полага́ю, — приба́вилъ Сипя́гинъ съ лёгкой ужи́мкой, — что́бы на э́тотъ счётъ могли́ возни́кнуть у насъ съ ва́ми каки́я-ли́бо затрудне́нія.

Во всё вре́мя, пока́ Сипя́гинъ говори́лъ, Неждано́въ неотсту́пно глядѣлъ на него́, на его́ небольшу́ю, нѣсколько наза́дъ заки́нутую голо́вку, на его́ у́зкій и ни́зкій, но у́мный лобъ, то́нкій ри́мскій носъ, прія́тные глаза́, пра́вильныя гу́бы, съ ко́торыхъ такъ и лила́сь уми́льная рѣчь, на его́ дли́нные, на англійскій мане́ръ вися́чіе ба́кены — глядѣлъ и недоумѣва́лъ. — „Что э́то тако́е“ ду́малъ онъ. Зачѣмъ э́тотъ челове́къ сло́вно зайскиваетъ во мнѣ? Э́тотъ аристокра́тъ — и я?! — Какъ мы сошли́сь? И что́ его́ привело́ ко мнѣ“?

Онъ до того́ погрузи́лся въ свои́ ду́мы, что не рази́нулъ рта да́же тогда́, когда́ Сипя́гинъ, око́нчивъ свою́ рѣчь, умо́лкъ, ожида́я отвѣта. Сипя́гинъ скользну́лъ взгля́домъ въ уголъ, гдѣ, пожира́я его́ глаза́ми не ху́же Неждано́ва, пріюти́лся Па́клинъ. — Ужъ не прису́тствіе ли э́того тре́тьяго лица́ мѣша́ло Неждано́ву вы́сказаться? — Сипя́гинъ возвёлъ бро́ви горѣ, какъ-бы подчиня́ясь стра́нности той обстано́вки, въ кото́рую попа́лъ, по со́бственной впро́чемъ во́лѣ — и, вслѣдъ за бровя́ми возвысивъ го́лосъ, повтори́лъ свой вопро́съ.

Неждано́въ встрепену́лся.

— Коне́чно, — заговори́лъ онъ нѣсколько уторо́пленнымъ о́бразомъ; — я... согла́сенъ... съ охо́той... хотя́ я до́лженъ призна́ться... что не могу́ не чу́вствовать нѣкотораго удивле́нія... такъ какъ у меня́ нѣтъ никако́й рекоменда́ціи... да и са́мыя мнѣнія́, кото́рыя я вы́сказалъ тре́тьяго дня въ теа́трѣ, должны́ бы́ли скорѣй отклони́ть васъ...

— Въ э́томъ вы соверше́нно ошиба́етесь, любе́зный Алексѣй... Алексѣй Дми́тричъ? такъ; ка́жется? — промо́лвилъ, оскла́бясь, Сипя́гинъ. — Я, смѣю сказа́ть, извѣстенъ какъ челове́къ убѣжде́ній либера́льныхъ, прогресси́вныхъ; и напро́тивъ, ва́ши мнѣнія, за устране́ніемъ всего́ того́, что́ въ нихъ сво́йственно мо́лодости, скло́нной — не взыщи́те! — къ нѣкоторому преувели́ченію — э́ти ва́ши мнѣнія ниско́лько не противорѣчатъ мои́мъ — и да́же нра́вятся мнѣ свои́мъ ю́ношескимъ жа́ромъ!

Сипя́гинъ говори́лъ безъ малѣйшей запи́нки: какъ мёдъ по ма́слу кати́лась его́ кру́глая, пла́вная рѣчь.

— Жена́ моя́ раздѣля́етъ мой о́бразъ мы́слей, — продолжа́лъ онъ: — ея́ воззрѣнія, быть мо́жетъ, да́же бли́же подхо́дятъ къ ва́шимъ, чѣмъ къ мои́мъ; поня́тное дѣло: она́ моло́же! Когда́, на друго́й день по́слѣ на́шего свида́нія, я прочёлъ въ газе́тахъ ва́ше и́мя, кото́рое вы, замѣчу кста́ти, про́тивъ о́бщаго обыкнове́нія опубликова́ли вмѣстѣ съ ва́шимъ а́дресомъ — (а узна́лъ я ва́ще и́мя уже́ въ теа́трѣ) — то... э́то... э́тотъ

фактъ меня́ порази́лъ. Я увида́лъ въ нёмъ — въ э́томъ сопоставле́ніи — не́кій... извини́те суевѣ́рность выраже́нія... не́кій, такъ сказа́ть, пе́рстъ ро́ка! — Вы упомяну́ли о рекомендо́ваніи; но мнѣ никако́й рекомендо́ваніи не ну́жно. — Ва́ша нару́жность, ва́ша ли́чность возбужда́ютъ мою́ симпа́тію. Сего́ мнѣ дово́льно. Я привы́къ вѣ́рить своему́ гла́зу. Ита́къ — я могу́ надѣ́яться? Вы согла́сны?

— Согла́сенъ... коне́чно... — отвѣча́лъ Неждано́въ — и постара́юсь оправда́ть ва́ше довѣ́ріе. — То́лько объ одно́мъ позво́мте мнѣ тепе́рь же васъ предувѣдоми́ть: быть учи́телемъ ва́шего сы́на я гото́въ, но не гувернёромъ. Я на э́то неспосо́бенъ — да и не хочу́ закаба́литься, не хочу́ лиши́ться мое́й свобо́ды.

Сипя́гинъ лего́нько повёлъ по во́здуху руко́ю, какъ-бы отгоня́я му́ху.

— Бу́дьте споко́йны, мой любе́знѣйшій... Вы не изъ той муки́, изъ кото́рой пеку́тся гувернёры; да мнѣ гувернёра и не ну́жно. Я ищу́ учи́теля — и нашёлъ его́. Ну, а какъ же усло́вія? Де́нежныя усло́вія? презрѣ́нный мета́ллъ?

Неждано́въ затрудня́лся, что́ сказа́ть...

— Послу́шайте, — промо́лвилъ, Сипя́гинъ, нагну́вшись впередъ всѣмъ ко́рпусомъ и ла́сково тро́нувъ концами па́льцевъ колѣ́но Неждано́ва: — ме́жду поря́дочными людьми́ подо́бные вопро́сы разрѣша́ются двумя́ слова́ми. Предлага́ю вамъ сто рубле́й въ мѣ́сяцъ; путевы́я изде́ржки туда́ и наза́дъ, коне́чно, на мой счётъ. — Вы согла́сны?

Неждано́въ опя́ть покраснѣ́лъ.

Э́то гора́здо бо́льше, чѣмъ я намѣ́ренъ былъ запроси́ть... потому́ что... я...

— Прекра́сно, прекра́сно... — переби́лъ Сипя́гинъ... Я смотрю́ на это́ дѣ́ло, какъ на рѣшённое... а на васъ — какъ на домоча́дца. — Онъ приподня́лся со сту́ла — и вдругъ весь повеселѣ́лъ и распусти́лся, сло́вно пода́рокъ получи́лъ. Во всѣхъ его́ движе́ніяхъ прояви́лась нѣ́которая прія́тная фамилья́рность и да́же шутли́вость. — Мы уѣзжа́емъ на-дняхъ, — заговори́лъ онъ развя́знымъ то́номъ: я люблю́ встрѣча́ть весну́ въ дере́внѣ, хотя́ я, по ро́ду свои́хъ заня́тій, прозаи́ческій челове́къ и прико́ванъ къ го́роду... А потому́ позво́льте счита́ть пе́рвый вашъ мѣ́сяцъ, начина́я съ ны́нѣшняго же дня. Жена́ моя́ съ сы́номъ тепе́рь уже́ въ Москвѣ́. Она́ отпра́вилась впередъ. Мы ихъ найдёмъ въ дере́внѣ... на ло́нѣ приро́ды. Мы съ ва́ми пое́демъ вмѣ́стѣ... холостяка́ми... Хе, хе! — Сипя́гинъ коке́тливо и коротко́ посмѣя́лся въ носъ. — А тепе́рь...

Онъ доста́лъ изъ карма́на пальто́ серебряный съ че́рнью портфёльчикъ и вы́нулъ отту́да ка́рточку.

— Вотъ мой здѣ́шній а́дресъ. Зайди́те — хоть за́втра. Такъ... часо́въ въ двѣна́дцать. Мы ещё потолку́емъ. Я разовью́ вамъ ко́е-каки́я свои́ мы́сли на счётъ воспита́нія... Ну — и день отъѣ́зда мы рѣши́мъ. Сипя́гинъ взялъ ру́ку Неждано́ва. — И зна́ете что? — приба́вилъ онъ,

пони́зивъ го́лосъ и и́скоса поста́вивъ го́лову: — е́сли вы нужда́етесь въ зада́тка́... Пожа́луйста, не церемо́ньтесь! хоть мѣ́сяцъ впере́дъ!

Неждановъ про́сто не зналъ, что́ отвѣча́ть — и съ тѣ́мъ же недоумѣ́ньемъ глядѣ́лъ на э́то свѣ́тлое, привѣ́тное — и въ то же вре́мя столь чу́ждое лицо́, кото́рое такъ бли́зко на него́ надви́нулось и такъ снисходи́тельно улыба́лось ему́.

— Не нужда́етесь? а? — шепну́лъ Сипя́гинъ.

— Я, е́сли позво́лите, вамъ это за́втра скажу́, — произнёсъ наконе́цъ Неждановъ.

— Отли́чно! Ита́къ — до свида́нья! До за́втра! — Сипя́гинъ вы́пустилъ ру́ку Нежда́нова — и хотѣ́лъ-бы́ло удали́ться...

— Позво́льте васъ спроси́ть, — промо́лвилъ вдругъ Неждановъ. — Вы, вотъ, сейчасъ сказа́ли мнѣ́, что уже́ въ теа́трѣ узна́ли, ка̀къ меня́ зову́тъ? — Отъ кого́ вы это узна́ли?

— Отъ кого́? — Да отъ одного́ ва́шего хоро́шаго знако́маго — и, ка́жется, ро́дственника, кня́зя... кня́зя Г.

— Флигель-адъюта́нта?

— Да; отъ него́.

Нежда́новъ покраснѣ́лъ — сильне́е пре́жняго — и раскры́лъ ротъ... Но ничего́ не сказа́лъ. Сипя́гинъ сно́ва пожа́лъ ему́ ру́ку — то́лько мо́лча на э́тотъ разъ — и, поклони́вшись сперва́ ему́ — а пото́мъ Па́клину — надѣ́лъ шля́пу пере́дъ са́мой две́рью, и вы́шелъ вонъ, унося́ на лицѣ́ своёмъ самодово́льную улы́бку; въ ней выража́лось созна́ніе глубо́каго впечатлѣ́нія, кото́рое не могъ не произвести́ его визи́тъ.

IV.

Не успѣ́лъ Сипя́гинъ перешагну́ть поро́гъ две́ри, какъ Па́клинъ соскочи́лъ со сту́ла и, бро́сившись къ Нежда́нову, приня́лся его́ поздравля́ть.

— Вотъ како́го ты осетра́ залучи́лъ! — твердилъ онъ, хихика́я и топоча́ нога́ми. — Вѣдь э́то, ты зна́ешь ли, кто́? — Извѣ́стный Сипя́гинъ, каммерге́ръ, въ нѣ́которомъ ро́дѣ обще́ственный столпъ, бу́дущій мини́стръ!

— Мнѣ́ онъ соверше́нно неизвѣ́стенъ, — угрю́мо промо́лвилъ Неждановъ.

Па́клинъ отча́янно взмахну́лъ рука́ми.

— Въ томъ-то и на́ша бѣ́да́, Алексѣ́й Дми́тричъ, что мы никого́ не зна́емъ! Хоти́мъ дѣ́йствовать, хоти́мъ цѣ́лый міръ къ верху́ дномъ перевернуть — а живёмъ въ сторонѣ́ отъ са́маго э́того ми́ра, во́димся то́лько съ двумя́-тремя́ прія́телями, толчёмся на мѣ́стѣ, въ узе́нькомъ кружкѣ́...

— Извини́, — переби́лъ Нежда́новъ: — э́то — непра́вда. Мы то́лько

съ врага́ми на́шими зна́ться не хоти́мъ — а съ людьми́ на́шего пошиба, съ наро́домъ, мы вступа́емъ въ постоя́нныя сноше́нія.

— Стой, стой, стой, стой! — въ свою́ о́чередь переби́лъ Па́клинъ. — Во-пе́рвыхъ: что каса́ется враго́въ — то позво́ль тебѣ́ припо́мнить стихъ Гёте:

Wer den Dichter will verstehen
Muss ins Land des Dichters gehen...

— а я говорю́:

Wer die *Feinde* will verstehen
Muss ins Land des *Feindes* gehen...

Чужда́ться враго́въ свои́хъ, не знать ихъ обы́чая и бы́та — нелѣ́по! — Не...лѣ...по... Да! Да! Коли́ я хочу́ подстрѣли́ть во́лка въ лѣсу́ — я до́лженъ знать всѣ его́ ла̀зы... Во-второ́мъ, ты вотъ сейча́съ сказа́лъ: сближа́ться съ наро́домъ... Душа́ моя́! — Въ 1862 году́ поля́ки уходи́ли „до ля́су“ — въ лѣсъ; — и мы ухо́димъ тепе́рь въ тотъ же лѣсъ, си́рѣчь въ наро́дъ, кото́рый для насъ глухъ и тёменъ не ху́же любо́го лѣса!

— Такъ что-жъ, по тво́ему, дѣ́лать?

— Инді́йцы броса́ются подъ колесни́цу Джаггернау́та, — продолжа́лъ Па́клинъ мра́чно: — она́ ихъ да́витъ, и они́ умира́ютъ — въ блаже́нствѣ. — У насъ есть то́же свой Джаггернау́тъ... Да́вить-то онъ насъ да́витъ; но блаже́нства не доставля́етъ.

— Такъ что-жъ, по-тво́ему, дѣ́лать? — повтори́лъ чуть не съ кри́комъ Неждано́въ. По́вѣсти съ „направле́ніемъ“ писа́ть что-ли?

Па́клинъ разста́вилъ ру́ки и наклони́лъ голо́вку къ лѣ́вому плечу́.

— По́вѣсти — во вся́комъ слу́чаѣ — писа́ть ты бы могъ, такъ какъ въ тебѣ́ есть литерату́рная жи́лка... Ну, не серди́сь, не бу́ду! Я зна́ю, ты не лю́бишь, что́бы на э́то намека́ли; но я съ тобо́ю согла́сенъ: сочиня́ть э́такія шту́чки съ „нача́инкой“ — да ещё съ новомо́дными оборо́тами: — „Ахъ! я васъ люблю́! *подскочи́ла* она́“... „Мнѣ всё равно́! *почеса́лся* онъ“ — дѣ́ло куда́ не весёлое! — Оттого́-то я и повторя́ю: сближа́йтесь со всѣ́ми сосло́віями, начина́я съ вы́сшаго! Не всё же полага́ться на одни́хъ Остроду́мовыхъ! Че́стные они́, хоро́шіе лю́ди — за то глу́пы! глу́пы!! Ты посмотри́ на на́шего прія́теля. Са́мыя подо́швы его́ сапого́въ — и тѣ не такія, какія быва́ютъ у у́мныхъ людей́! Вѣдь отчего́ онъ сейча́съ ушёлъ отсю́да? — Онъ не хотѣ́лъ оста́ться въ одно́й ко́мнатѣ, дыша́ть одни́мъ во́здухомъ съ аристокра́томъ!

— Прошу́ тебя́ не отзыва́ться такъ объ Остроду́мовѣ при мнѣ, — съ запа́льчивостью подхвати́лъ Неждано́въ. — Сапоги́ онъ но́ситъ то́лстые, потому что они́ дешёвле.

— Я не въ томъ смы́слѣ, на́чалъ-бы́ло Па́клинъ.

— Если онъ не хо́четъ оста́ться въ одно́й ко́мнатѣ съ аристокра́томъ, — продолжа́лъ, возвы́сивъ тонъ, Неждано́въ, — то я его́ хвалю́ за э́то; —

а гла́вное: онъ собо́й поже́ртвовать съумѣетъ — и, е́сли ну́жно, на смерть пойдётъ, чего́ мы съ тобо́й никогда́ не сдѣлаемъ!

Па́клинъ скорчи́лъ жа́лкую ро́жицу и указа́лъ на хро́менькія, то́ненькія свои́ но́жки.

— Гдѣ же мнѣ сража́ться, другъ мой, Алексѣ́й Дми́тричъ! — Поми́луй! Но въ сто́рону всё э́то... Повторя́ю: я душе́вно радъ твоему́ сближе́нію съ г-мъ Сипя́гинымъ — и да́же предви́жу большу́ю по́льзу отъ э́того сближе́нія — для на́шего дѣла. Ты попадёшь въ вы́сшій кругъ; уви́дишь э́тихъ львицъ, э́тихъ же́нщинъ съ ба́рхатнымъ тѣ́ломъ на стальны́хъ пружи́нахъ, какъ ска́зано въ „Пи́сьмахъ объ Испа́ніи“; изуча́й ихъ, братъ, изуча́й! Е́слибъ ты былъ эпикуре́йцемъ, я бы да́же боя́лся за тебя́... пра́во! — Но вѣдь ты не съ э́той цѣ́лью ѣ́дешь на кондѝцію?

— Я ѣ́ду на кондѝцію, — подхвати́лъ Неждановъ, — что́бы зубо́въ не положи́ть на по́лку... „и чтобъ отъ васъ всѣхъ на вре́мя удали́ться“ — приба́вилъ онъ про себя́.

— Ну, коне́чно! коне́чно! — Потому́ я и говорю́ тебѣ́: изуча́й! Како́й одна́ко за́пахъ за собо́ю э́тотъ ба́ринъ оста́вилъ! — Па́клинъ потяну́лъ во́здухъ но́сомъ. — Вотъ оно́ настоя́щеето „амбрэ“, о кото́ромъ мечта́ла городни́чиха въ „Ревизо́рѣ“!

— Онъ обо мнѣ́ кня́зя Г. разспра́шивалъ, глу́хо заговори́лъ Неждановъ, сно́ва уткну́вшись въ окно́: — ему́, должно́ быть, тепе́рь вся моя́ исто́рія извѣстна.

— Не: должно́-быть — а: навѣрно́е! — Что-жъ тако́е? — Пари́ держу́, что ему́ и́менно отъ э́того и пришла́ въ го́лову мысль, взять тебя́ въ учи́тели. Что́ тамъ ни толку́й, а вѣдь ты самъ аристокра́тъ — по кро́ви. — Ну, и зна́читъ: свой человѣкъ! Одна́ко я у тебя́ засидѣ́лся; мнѣ пора́ въ мою́ конто́ру, къ эксплуата́торамъ! — До свида́нія, братъ!

Па́клинъ подошёлъ-бы́ло къ две́ри, но останови́лся и верну́лся.

— Послу́шай, Алёша, — сказа́лъ онъ вкра́дчивымъ то́номъ: — ты мнѣ вотъ сейча́съ отказа́лъ — у тебя́ тепе́рь де́ньги бу́дутъ, я зна́ю — но всё-таки́ позво́ль мнѣ поже́ртвовать хотя́ ма́лость на о́бщее дѣ́ло! — Ничѣ́мъ други́мъ не могу́ — такъ хоть карма́номъ! Смотри́: я кладу́ на столъ десятирублёвую бума́жку! Принима́ется?

Неждано́въ ничего́ не отвѣча́лъ и не пошевельну́лся.

— Молча́ніе — знакъ согла́сія! Спаси́бо! — ве́село воскли́кнулъ Па́клинъ и исче́зъ.

Неждано́въ оста́лся оди́нъ... Онъ продолжа́лъ глядѣ́ть чере́зъ стекло́ окна́ на су́мрачный у́зкій дворъ, куда́ не запада́ли лу́чи да́же лѣ́тняго со́лнца — и су́мрачно бы́ло и его́ лицо́.

Неждано́въ роди́лся, какъ мы уже́ зна́емъ, отъ кня́зя Г., богача́, генера́лъ-адъюта́нта — и отъ гувернантки его́ дочере́й, хоро́шенькой институ́тки, уме́ршей въ са́мый день родо́въ. Первонача́льное воспита́ніе Неждано́въ получи́лъ въ пансіо́нѣ одного́ швейца́рца, дѣ́льнаго и стро́гаго

педагóга — а потóмъ поступи́лъ въ университе́тъ. Самъ онъ жела́лъ сдѣ́латься юри́стомъ; — но генера́лъ, оте́цъ его́, ненави́дѣвшій нигили́стовъ, пусти́лъ его́ „по эсте́тикѣ,“ какъ съ го́рькой усмѣ́шкой выража́лся Неждáновъ, т.-е. по исто́рико-филологи́ческому факульте́ту. Оте́цъ Неждáнова ви́дѣлся съ нимъ всего́ три-четы́ре ра́за въ годъ — но интересова́лся его́ судьбо́ю — и, умира́я, завѣща́лъ ему́ — „въ па́мять На́стеньки“ (его́ ма́тери) — капита́лъ въ 6,000 р. сер., проце́нты съ кото́раго, подъ и́менемъ „пе́нсіи“, выдава́лись ему́ его́ бра́тьями, князья́ми Г. — Па́клинъ не да́ромъ обзыва́лъ его́ аристокра́томъ; всё въ нёмъ изоблича́ло поро́ду: ма́ленькія у́ши, ру́ки, но́ги, нѣ́сколько ме́лкія, но то́нкія черты́ лица́, нѣ́жная ко́жа, пуши́стые во́лосы, са́мый го́лосъ, слегка́ карта́вый, но прія́тный. Онъ былъ ужа́сно не́рвенъ, ужа́сно самолюби́въ, впечатли́теленъ, и да́же капри́зенъ; фальши́вое положе́ніе, въ кото́рое онъ былъ поста́вленъ съ са́маго дѣ́тства, разви́ло въ нёмъ оби́дчивость и раздражи́тельность; но прирождённое великоду́шіе не дава́ло ему́ сдѣ́латься подозри́тельнымъ и недовѣ́рчивымъ. — Тѣ́мъ же са́мымъ фальши́вымъ положе́ніемъ Неждáнова объясня́лись и противорѣ́чія, кото́рыя ста́лкивались въ его́ существѣ́. Опря́тный до щепети́льности, брезгли́вый до гадли́вости, онъ си́лился быть цини́чнымъ и гру́бымъ на слова́хъ; идеали́стъ по нату́рѣ, стра́стный и цѣлому́дренный, смѣ́лый и ро́бкій въ одно́ и то же вре́мя, онъ, какъ позо́рнаго поро́ка, стыди́лся и э́той ро́бости свое́й, и своего́ цѣлому́дрія, и счита́лъ до́лгомъ смѣ́яться надъ идеа́лами. Се́рдце онъ имѣ́лъ нѣ́жное и чужда́лся люде́й; легко́ озлобля́лся — и никогда́ не по́мнилъ зла. Онъ негодова́лъ на своего́ отца́ за то, что тотъ пусти́лъ его́ „по эсте́тикѣ“; онъ я́вно, на виду́ у всѣхъ, занима́лся одни́ми полити́ческими и соціа́льными вопро́сам, исповѣ́дывалъ са́мыя кра́йнія мнѣ́нія — (въ нёмъ онѣ́ не́ были фра́зой!) — и вта́йнѣ наслажда́лся худо́жествомъ, поэ́зіей, красото́й во всѣхъ ея́ проявле́ніяхъ... да́же самъ писа́лъ стихи́... Онъ тща́тельно пря́талъ тетра́дку, въ кото́рую онъ заноси́лъ ихъ — и изъ петербу́ргскихъ друзе́й то́лько Па́клинъ — и то, по сво́йственному ему́ чутью́, подозрѣ́ва́лъ ея́ существова́ніе. Ничто́ такъ не обижа́ло, не оскорбля́ло Неждáнова, какъ малѣ́йшій намёкъ на его́ стихотво́рство, на э́ту его́, какъ онъ полага́лъ, непрости́тельную сла́бость. По ми́лости воспита́теля швейца́рца, онъ зналъ дово́льно мно́го фа́ктовъ и не боя́лся труда́; онъ да́же охо́тно рабо́талъ — нѣ́сколько, пра́вда, лихора́дочно и непослѣ́довательно. Това́рищи ого́ люби́ли... ихъ привлека́ла его́ вну́тренняя правди́вость и доброта́ и чистота́; но не подъ счастли́вой звѣ́здо́ю роди́лся Неждáновъ; не легко́ ему́ жило́сь. — Онъ самъ глубоко́ э́то чу́вствовалъ — и сознава́лъ себя́ одино́кимъ, несмотря́ на привя́занность друзе́й.

Онъ продолжа́лъ стоя́ть пере́дъ окно́мъ — и ду́малъ, гру́стно и тя́жко ду́малъ о предстоя́вшей ему́ пое́здкѣ, объ э́томъ но́вомъ, неожи́данномъ поворо́тѣ его́ судьбы́... Онъ не жалѣ́лъ о Петербу́ргѣ; онъ не

оставля́лъ въ нёмъ ничего́ осо́бенно ему́ дорого́го; притомъ же онъ зналъ, что вернётся къ о́сени. А всё-таки́ раздумье его́ бра́ло: онъ ощуща́лъ невольную уны́лость.

„Како́й я учи́тель!“ приходи́ло ему́ въ го́лову; — „како́й педаго́гъ?!“ — Онъ гото́въ былъ упрекну́ть себя́ въ томъ, что при́нялъ обя́занность преподава́теля. А ме́жду тѣмъ — подо́бный упрёкъ былъ бы несправедли́въ. — Неждановъ обладалъ доста́точными свѣдѣніями — и, несмотря́ на его́ неро́вный нравъ, дѣти шли къ нему́ безъ принужде́нья и онъ самъ легко́ привя́зывался къ нимъ. Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была́ то́ чу́вство, прису́щее всякой перемѣнѣ мѣстопребыва́нія, чу́вство, кото́рое испы́тываютъ всѣ меланхо́лики, всѣ заду́мчивые лю́ди; лю́дямъ хара́ктера бо́йкаго, сангвини́ческаго, оно́ незнако́мо: они́ скорѣй гото́вы ра́доваться, когда́ наруша́ется повседне́вный ходъ жи́зни, когда́ мѣня́ется ея́ обы́чная обстано́вка. Неждановъ до того́ углуби́лся въ свои́ ду́мы, что понемно́гу, почти́ безсозна́тельно, на́чалъ ихъ передава́ть слова́ми; броди́вшія въ нёмъ ощуще́нія уже́ скла́дывались въ мѣрныя созву́чія...

— Фу, ты, чортъ! — воскли́кнулъ онъ гро́мко, — я, ка́жется, собира́юсь стихи́ сочиня́ть! — Онъ встрепену́лся, отошёлъ отъ окна́; увида́лъ лежа́вшую, на столѣ десятирублёвую бума́жку Па́клина, су́нулъ её въ карма́нъ и принялся расха́живать по ко́мнатѣ.

— На́до бу́детъ взять зада́токъ, размышля́лъ онъ самъ съ собо́ю... бла́го э́тотъ ба́ринъ предлага́етъ. — Сто рубле́й... да у бра́тьевъ — у ихъ сія́тельствъ — сто рубле́й... Пятьдеся́тъ на долги́, пятьдеся́тъ и́ли се́мьдесятъ на доро́гу... а остальны́я Остроду́мову. Да вотъ, что́ Па́клинъ далъ — то́же ему́... Да ещё съ Мерку́лова на́до бу́детъ что-нибу́дь получи́ть...

Пока́ онъ вёлъ въ головѣ э́ти разсчёты — пре́жнія созву́чія опя́ть зашевели́лись въ нёмъ. Онъ останови́лся, заду́мался... и, устреми́въ глаза́ въ сто́рону, за́меръ на мѣстѣ... Пото́мъ ру́ки его́, какъ-бы о́щупью, отыска́ли и откры́ли я́щикъ стола́, доста́ли изъ са́мой его́ глубины́ испи́санную тетра́дку...

Онъ опусти́лся на стулъ, всё не мѣня́я направле́нія взгля́да, взялъ перо́ и, мурлы́ча себѣ подъ носъ, и́зрѣдка взма́хивая волоса́ми, перечёркивая, мара́я, приня́лся выводи́ть строку́ за строко́ю...

Дверь въ пере́днюю отвори́лась на полови́ну — и показа́лась голова́ Машу́риной. Неждановъ не замѣтилъ ея́ и продолжа́лъ свою́ рабо́ту. Машу́рина до́лго, при́стально посмотрѣла на него́ — и, напра́во и налѣво покача́въ голово́ю, подала́сь наза́дъ... Но Неждановъ вдругъ вы́прямился, огляну́лся, и промо́лвивъ съ доса́дой...

— А! Вы! — швы́рнулъ тетра́дку въ я́щикъ стола́.

Тогда́ Машу́рина твёрдой по́ступью вошла́ въ ко́мнату.

— Остроду́мовъ присла́лъ меня́ къ вамъ, — проговори́ла она́ съ разстано́вкой, — затѣмъ, что́бы узна́ть, когда́ мо́жно бу́детъ получи́ть

дѣньги. — Ѣсли вы сегóдня достáнете, такъ мы сегóдня же вѣчеромъ уѣдемъ.

— Сегóдня нельзя́, — возрази́лъ Неждáновъ и нахмýрилъ брóви: — приходи́те зáвтра.

— Въ котóромъ часý?

— Въ два часá.

— Хорошó.

Машýрина помолчáла немнóго и вдругъ протянýла рýку Неждáнову...

— Я, кáжется, вамъ помѣшáла; извини́те меня́. Да притóмъ... я вотъ уѣзжáю. Кто знáетъ, уви́димся ли мы? Я хотѣ́ла прости́ться съ вáми.

Неждáновъ пожáлъ ея́ крáсные, холóдные пáльцы.

— Вы ви́дѣли у меня́ э́того господина́? — нáчалъ онъ. — Мы съ нимъ услóвились. Я ѣ́ду къ нему́ на кондúцію. Егó имѣ́ніе въ С....ой губéрніи, вóзлѣ сáмаго С*.

По лицý Машýриной мелькнýла рáдостная улы́бка.

— Вóзлѣ С*! — Такъ мы, мóжетъ быть, еще уви́димся. Мóжетъ быть, насъ тудá пошлю́тъ. — Машýрина вздохнýла. — Ахъ, Алексѣ́й Дмúтричъ...

— Что̀? — спроси́лъ Неждáновъ.

Машýрина прúняла сосредоточенный видъ.

— Ничегó. — Прощáйте! Ничегó.

Онá ещё разъ стúснула Неждáнову рýку и удали́лась.

„А во всёмъ Петербýргѣ никтó ко мнѣ такъ не привя́занъ, какъ э́та... чудáчка!“ подýмалось Неждáнову. „Но нýжно-жъ ей бы́ло мнѣ помѣшáть... Впрóчемъ, всё къ лýчшему!“

Ýтромъ слѣ́дующаго дня Неждáновъ отпрáвился на городскýю квáртиру Сипя́гина и тамъ, въ великолѣ́пномъ кабинéтѣ, напóлненномъ мéбелью строгаго стúля, вполнѣ́ сообрáзной съ достóинствомъ либерáльнаго государственнаго мýжа и джéнтльмена, сúдя перéдъ громáднымъ бюрó, на котóромъ въ стрóйномъ поря́дкѣ лежáли никомý и ни на что́ ненýжныя бумáги, ря́домъ съ исполúнскими ножáми изъ слонóвой кóсти, никогóа ничегó неразрѣ́зывавшими — онъ, въ течéніи цѣ́лаго чáса, вы́слушивалъ свободомы́слящаго хозя́ина, обдавáлся елéемъ егó мýдрыхъ, благосклóнныхъ, снисходúтельныхъ рѣчéй, получúлъ, наконéцъ, сто рублéй задáтка — а дéсять дней спустя́, тотъ же Неждáновъ, полулёжа на бáрхатномъ дивáнѣ въ осóбомъ отдѣлéніи первоклáсснаго вагóна, о́-бокъ съ тѣ́мъ же мýдрымъ, либерáльнымъ государственнымъ мýжемъ и джéнтльменомъ, мчáлся въ Москвý по тря́скимъ рéльсамъ Николáевской дорóги.

V.

Въ гостúной большóго кáменнаго дóма съ колóннами и грéческимъ фронтóномъ, пострóеннаго въ двадцáтыхъ годáхъ нынѣ́шняго столѣ́тія, из-

вѣ́стнымъ агроно́момъ и „данти́стомъ“ — отцо́мъ Сипя́гина, жена́ его́, Валенти́на Миха́йловна, о́чень краси́вая да́ма, ждала́ съ ча́су на́ часъ прибы́тія му́жа, возвѣщённаго телегра́ммой. — Убра́нство гости́ной носи́ло отпеча́токъ новѣ́йшаго, деликатнаго вку́са: всё въ ней бы́ло ми́ло и привѣ́тно — всё, отъ прія́тной пестроты́ кретонныхъ обо́евъ и драпери́ до разнообразны́хъ очерта́ній фа́рфоровыхъ, бро́нзовыхъ, хруста́льныхъ бездѣ́лушекъ, разсы́панныхъ по этаже́ркамъ и столамъ; все мя́гко и стро́йно выдава́лось — и слива́лось — въ весёлыхъ луча́хъ ма́йскаго дня, свобо́дно струи́вшихся сквозь высо́кія, на́стежь раскры́тыя о́кна. Во́здухъ гости́ной, напоённый за́пахомъ ла́ндышей (больши́е буке́ты э́тихъ чудесныхъ весе́нникъ цвѣто́въ бѣлѣ́ли тамъ и сямъ) — по времена́мъ едва́ колыха́лся, возмущённый прили́вомъ лёгкаго вѣ́тра, ти́хо кружи́вшаго надъ пы́шно-раски́нутымъ са́домъ.

Преле́стная карти́на! И сама́ хозя́йка до́ма, Валенти́на Миха́йловна Сипя́гина, доверша́ла э́ту карти́ну, придава́ла ей смыслъ и жизнь. Это была́ высо́каго ро́сту же́нщина лѣтъ тридцати́, съ тёмно-ру́сыми волоса́ми, сму́глымъ, но свѣ́жимъ, одноцвѣ́тнымъ лицо́мъ, напомина́вшимъ о́бликъ Сикстинской Мадо́нны, съ удиви́тельными, глубо́кими, ба́рхатными глаза́ми. — Ея́ гу́бы бы́ли немно́жко широки́ и блѣ́дны, плеча́ немно́го высоки́, ру́ки немно́го велики́... Но за всѣмъ тѣмъ, вся́кій, кто бы увида́лъ, какъ она́ свобо́дно и легко́ дви́галась по гости́ной, то наклоня́я къ цвѣта́мъ свой то́нкій, слегка́ перетя́нутый станъ и съ улы́бкой нюхая ихъ — то переставля́я каку́ю-нибу́дь кита́йскую ва́зочку — то бы́стро поправля́я пе́редъ зе́ркаломъ свои́ лосни́стые во́лосы и чуть-чуть прищу́ривая свои́ ди́вные глаза́ — вся́кій, говори́мъ мы, навѣрно́е воскли́кнулъ бы, — про себя́ и́ли да́же гро́мко, — что, онъ не встрѣча́лъ бо́лѣе плѣни́тельнаго созда́нія!

Хоро́шенькій, кудря́вый ма́льчикъ лѣтъ девяти́, въ шотла́ндскомъ костю́мѣ, съ го́лыми но́жками, си́льно напома́женный и завито́й, вбѣжа́лъ стреми́тельно въ гости́ную и внеза́пно останови́лся при ви́дѣ Валенти́ны Миха́йловны.

— Что́ тобѣ́, Ко́ля? — спроси́ла она́. — Го́лосъ у ней былъ тако́й же мя́гкій и ба́рхатный, какъ и глаза́.

— Вотъ что́, ма́ма, — на́чалъ съ замѣша́тельствомъ ма́льчикъ, — меня́ тётушка присла́ла сюда́... велѣ́ла принести́ ла́ндышей... для ея́ ко́мнаты... у нея́ нѣ́ту...

Валенти́на Миха́йловна взяла́ своего́ сыни́шку за подборо́докъ и приподня́ла его́ напома́женную голо́вку.

— Скажи́ тётушкѣ, что́бы она́ посла́ла за ла́ндышами къ садо́внику; — а э́ти ла́ндыши — мои́... Я не хочу́, что́бы ихъ тро́гали. Скажи́ ей, что я не люблю́, что́бы наруша́лись мои́ поря́дки. Съумѣ́ешь ли ты повтори́ть мои́ слова́?

— Съумѣ́ю... — прошепта́лъ ма́льчикъ.

— Ну-ка — скажи́.

— Я скажу́... я скажу́... что ты не хо́чешь.

Валенти́на Миха́йловна засмѣя́лась. — И смѣхъ у нея́ былъ мя́гкій.

— Я ви́жу, тебѣ́ ещё нельзя́ дава́ть никаки́хъ поруче́ній. Ну, всё равно́, скажи́, что́ вздумается.

Ма́льчикъ бы́стро поцѣлова́лъ ру́ку ма́тери, всю укра́шенную ко́льцами, и стремгла́въ бро́сился вонъ.

Валенти́на Миха́йловна проводи́ла его́ глаза́ми, вздохну́ла, подошла́ къ золо́ченой про́волочной клѣткѣ, по стѣнкамъ кото́рой, осторо́жно цѣпля́ясь клю́вомъ и ла́пками, пробира́лся зелёный попуга́йчикъ, подразни́ла его́ концо́мъ па́льца; пото́мъ опусти́лась на ни́зкій дива́нчикъ и, взя́вши съ кру́глаго ре́зного сто́лика послѣ́дній No. „Revue des Deux Mondes“, — при́нялась его́ перели́стывать.

Почти́тельный ка́шель заста́вилъ её огляну́ться. На поро́гѣ две́ри стоя́лъ благообра́зный слуга́ въ ливре́йномъ фра́кѣ и бѣ́ломъ га́лстукѣ.

Чего́ тебѣ́, — Агаѳо́нъ? спроси́ла Валенти́на Миха́йловна всё тѣ́мъ же мя́гкимъ го́лосомъ.

— Семёнъ Петро́вичъ Коломе́йцевъ прiѣ́хались. Прика́жете приня́ть?

— Проси́, разумѣ́ется, проси́. — Да вели́ сказа́ть Маріа́ннѣ Вике́нтьевнѣ, что́бы она́ пожа́ловала въ гости́ную.

Валенти́на Миха́йловна бро́сила на сто́ликъ No. „Revue des Deux Mondes“ — и, прислони́вшись къ спи́нкѣ дива́на, подняла́ глаза́ кверху́ и заду́малась — что́ о́чень къ ней шло.

Уже́ по тому́, какъ Семёнъ Петро́вичъ Калломѣ́йцевъ, моло́дой мужчи́на лѣтъ 32-хъ, вошёлъ въ ко́мнату — развя́зно, небре́жно и то́мно; — какъ онъ вдругъ прiя́тно просвѣтлѣ́лъ, какъ поклони́лся немно́го въ бокъ — и какъ эласти́чески вы́прямился пото́мъ; — какъ заговори́лъ не то въ носъ, не то слащаво; — какъ почти́тельно взялъ, какъ внуши́тельно поцѣлова́лъ ру́ку Валенти́ны Миха́йловны — уже по всему́ э́тому мо́жно бы́ло догада́ться, что новоприбы́вшій гость не былъ жи́тель прови́нціи, не деревѣ́нскій, случа́йный, хоть и бога́тый сосѣ́дъ, а настоя́щій петербу́ргскій „гранжа́нръ“ вы́сшаго полёта. — Къ тому́ же и одѣ́тъ онъ былъ на са́мый лу́чшій англiи́скій мане́ръ: цвѣтно́й ко́нчикъ бѣ́лаго бати́стоваго но́ваго платка́ торча́лъ ма́ленькимъ трёхъуго́льникомъ изъ пло́скаго бокового́ карма́на пёстренькой жакѣ́тки; на дово́льно широ́кой чёрной ле́нточкѣ болта́лась одногла́зая лорне́тка; блѣ́дно-ма́товый тонъ шве́дскихъ перча́токъ соотвѣ́тствовалъ блѣ́дно-сѣ́рому ко́леру клѣ́тчатыхъ панталоно́въ. Остри́женъ былъ г-нъ Калломѣ́йцевъ коротко́, вы́бритъ гла́дко; лицо́ его́, нѣ́сколько женоподо́бное, съ небольши́ми бли́зко другъ къ дру́гу поста́вленными гла́зками, съ то́нкимъ, во́гнутымъ но́сомъ, съ пу́хлыми кра́сными гу́бками, выража́ло прiя́тную во́льность высокообразо́ваннаго дворяни́на. Оно́ дыша́ло привѣ́томъ... и весьма́ легко́ станови́лось злымъ, да́же гру́бымъ: сто́ило кому́-нибу́дь чѣ́мъ-нибу́дь задѣ́ть Семёна Петро́вича,

задѣ́ть его́ консерва́торскіе, патріоти́ческіе и религіо́зные при́нципы, — о! тогда́ онъ дѣ́лался безжа́лостнымъ! Всё его́ изя́щество испаря́лось мгнове́нно; — нѣ́жные гла́зки зажига́лись недо́брымъ огонько́мъ; — краси́вый ро́тикъ вы́пускалъ некраси́выя слова́ — и взыва́лъ — съ пи́скомъ взыва́лъ къ нача́льству!

Фами́лія Семёна Петро́вича происходи́ла отъ просты́хъ огоро́дниковъ. — Пра́дѣдъ его́ называ́лся, по мѣ́сту происхожде́нія: Коло́менцовъ... Но уже́ дѣ́дъ его́ переименова́лъ себя́ въ Коломе́йцева; оте́цъ писа́лъ: Калломе́йцевъ, — наконе́цъ Семёнъ Петро́вичъ посша́вилъ бу́кву: *ъ* на мѣ́сто: *е* — и, не шутя́, счита́лъ себя́ чистокро́внымъ аристокра́томъ; да́же намека́лъ на то, что ихъ фами́лія происхо́дитъ со́бственно отъ баро́новъ фонъ-Галленмейеръ, изъ ко́ихъ оди́нъ былъ австрі́йскимъ фе́льдмаршаломъ въ Тридцатиле́тнюю войну́. Семёнъ Петро́вичъ служи́лъ въ министе́рствѣ двора́, имѣ́лъ зва́ніе каммеръюнкера; патріоти́змъ помѣша́лъ ему́ пойти́ по дипломати́ческой ча́сти, куда́, каза́лось, всё его́ призыва́ло: и воспита́ніе, и привы́чка къ свѣ́ту, и успѣ́хи у же́нщинъ, и са́мая нару́жность... mais quitter la Russie? — jamais! — У Калломѣ́йцева бы́ло хоро́шее состоя́ніе, бы́ли свя́зи; онъ слылъ за человѣ́ка надѣ́жнаго и пре́даннаго — „un peu trop... féodal dans ses opinions“, какъ выража́лся о нёмъ извѣ́стный князь Б., одно́ изъ свѣти́лъ петербу́ргскаго чино́вничьяго ми́ра. Въ С...ую губе́рнію Калломѣ́йцевъ цріѣ́халъ на двухмѣ́сячный о́тпускъ, что́бы хозя́йствомъ позаня́ться, т.-е. „кого́ пу́гнуть, кого́ поприжа́ть“. — Вѣдь безъ э́того — невозмо́жно!

— Я полага́лъ, что найду́ уже́ здѣ́сь Бори́са Андре́ича, — на́чалъ онъ, любе́зно пока́чиваясь съ ноги́ на̀ ногу — и внеза́пно гля́дя въ бокъ, въ подража́ніе одному́ о́ченъ ва́жному лицу́.

Валенти́на Миха́йловна слегка́ прищу́рилась.

— А то вы бы не пріѣ́хали?

Калломѣ́йцевъ да́же наза́дъ запроки́нулся, до того́ вопро́съ г-жи́ Сипя́гиной показа́лся ему́ несправедли́вымъ и ни съ чѣ́мъ несообра́знымъ!

— Валенти́на Миха́йловна! — воскли́кнулъ онъ — поми́луйте, возмо́жно ли предполага́ть...

— Ну, хорошо́, хорошо́, сади́тесь. Бори́съ Андре́ичъ сейча́съ здѣ́сь бу́детъ. Я за нимъ посла́ла коля́ску на ста́нцію. Подожди́те немно́го... Вы уви́дите его́. Кото́рый тепе́рь часъ?

— Полови́на тре́тьяго, — промо́лвилъ Калломѣ́йцевъ, вы́нувъ изъ карма́на жиле́та больши́е золоты́е часы́, укра́шенные эма́лью. Онъ показа́лъ ихъ Сипя́гиной. — Вы ви́дѣли мои́ часы́? Мнѣ́ ихъ подари́лъ Михаи́лъ, зна́ете... се́рбскій князь... Обрено́вичъ. Вотъ его́ шифръ, — посмотри́те. Мы съ нимъ больши́е прія́тели. Вмѣ́стѣ охо́тились. Прекра́сный ма́лый! И рука́ желѣ́зная, какъ слѣ́дуетъ прави́телю. О, онъ шути́ть не лю́битъ! Нѣ-хѣ-хѣ́тъ!

Калломѣ́йцевъ опусти́лся на кре́сло, скрести́лъ но́ги и на́чалъ ме́дленно ста́скивать свою́ лѣ́вую перча́тку.

— Вотъ намъ бы здѣсь, въ на́шей губе́рніи, тако́го Михаи́ла!

— А что? Вы ра́звѣ чѣмъ недово́льны?

Калломѣ́йцевъ намо́рщилъ носъ.

— Да всё э́то зе́мство! Э́то зе́мство! Къ чему́ оно́? То́лько ослабля́етъ администра́цію и возбужда́етъ... ли́шнія мы́сли... (Калломѣ́йцевъ поболта́лъ въ во́здухѣ обнажённой лѣ́вой руко́й, освобождённой отъ давле́нія перча́тки)... и несбы́точныя наде́жды (Калломѣ́йцевъ поду́лъ себѣ́ на ру́ку). Я говори́лъ объ э́томъ въ Петербу́ргѣ... mais, bah! Вѣ́теръ не туда́ тя́нетъ. Да́же супру́гъ вашъ... представа́вьте! Впро́чемъ, онъ извѣ́стный либера́лъ!

Сипя́гина вы́прямилась на дива́нчикѣ.

— Какъ? И вы, мсьё Калломѣ́йцевъ, вы дѣ́лаете оппози́цію прави́тельству?

— Я? Оппози́цію? Никогда́! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда́ критику́ю, но покоря́юсь всегда́!

— А я такъ напро́тивъ: не критику́ю, и не покоря́юсь.

— Ah! mais c'est un mot! Я, е́сли позво́лите, сообщу́ ва́ше замѣча́ніе моему́ дру́гу — Ladislas, vous savez, онъ собира́ется написа́ть рома́нъ изъ большо́го свѣ́та, и уже́ прочёлъ мнѣ нѣ́сколько главъ. Это бу́детъ пре́лесть! Nous aurons enfin le grand monde russe, par lui-même.

— Гдѣ э́то появи́тся?

— Коне́чно, въ „Ру́сскомъ Вѣ́стникѣ“. Э́то на́ша „Revue des Deux Mondes“. Я, вотъ ви́жу, вы её чита́ете.

— Да; но, зна́ете ли, она́ о́чень скучна́ стано́вится.

— Мо́жетъ быть... мо́жетъ быть... И „Ру́сскій Вѣ́стникъ“, пожа́луй, то́же съ нѣ́которыхъ поръ, — говоря́ совреме́ннымъ языко́мъ, — кро́шечку подгуля́лъ.

Калломѣ́йцевъ засмѣя́лся во весь ротъ; ему́ показа́лось, что э́то о́чень заба́вно сказа́ть: „подгуля́лъ“ да ещё „кро́шечку“. — Mais c'est un journal, qui se respecte, — продолжа́дъ онъ. — А э́то гла́вное. Я, доложу́ вамъ, я... ру́сской литерату́рой интересу́юсь ма́ло; въ ней тепе́рь всё каки́е-то разночи́нцы фигюри́руютъ. Дошли́, наконе́цъ, до того́, что ро́иня рома́на — куха́рка, проста́я куха́рка, parole d'honneur! Но рома́нъ Ладисла́са я прочту́ непремѣ́нно. Il y aura le petit mot pour rire... и направле́ніе направле́ніе! Нигили́сты бу́дутъ посрамлены́ — въ э́томъ мнѣ пору́кой о́бразъ мы́слей Ладисла́са, — qui est très-correct.

— Но не его́ проше́дшее, — замѣ́тила Сипя́гина.

— Ah! jetons un voile sur les erreurs de sa jeunesse! — воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ и стащи́лъ пра́вую перча́тку.

Г-жа Сипя́гина опя́ть слегка́ прищу́рилась. Она́ немно́го коке́тничала свои́ми удиви́тельными глаза́ми.

— Семёнъ Петро́вичъ, — промо́лвила она́, — позво́льте васъ спроси́ть, зачѣ́мъ вы э́то, говоря́ но-ру́сски, употребля́ете такъ мно́го францу́зскихъ словъ? Мнѣ ка́жется, что... извини́те меня́, э́то устарѣ́лая мане́ра.

— Зачѣмъ? зачѣ́мъ? Не всѣмъ же такъ отли́чно влад ѣ́ть родны́мъ нарѣ́чіемъ, какъ, напримѣ́ръ, вы. Что каса́ется до меня́, то я признаю́ язы́къ россі́йскій, язы́къ ука́зовъ и постановле́ній прави́тельственныхъ; я дорожу́ его́ чистото́ю! Пе́редъ Карамзины́мъ я склоня́юсь!... Но ру́сскій, такъ сказа́ть, ежедне́вный язы́къ... ра́звѣ онъ существу́етъ? Ну, напримѣ́ръ, какъ бы вы перевели́ мое восклицаніе — de tout à l'heure: „C'est un mot!?“ Э́то — сло́во!?... Поми́луйте!

— Я бы сказа́ла: э́то — уда́чное сло́во.

Калломѣ́йцевъ засмѣя́лся.

— „Уда́чное сло́во!“ Валенти́на Миха́йловна! Да ра́звѣ вы не чу́вствуете, что тутъ... семина́ріей сейча́съ запа́хло... Вся́кая соль исче́зла...

— Ну, вы меня́ не переубѣди́те. — Да что же э́то Маріа́нна?

Она позвони́ла въ колоко́льчикъ; вошёлъ казачо́къ.

— Я велѣ́ла попроси́ть Маріа́нну Вике́нтьевну сойти́ въ гости́ную. Ра́звѣ ей не доложи́ли?

Казачо́къ не успѣ́лъ отвѣ́тить, какъ за его́ спино́й, на поро́гѣ две́ри, появи́лась молода́я дѣ́вушка, въ широ́кой тёмной блу́зѣ, остри́женная въ кружо́къ, Маріа́нна Вике́нтьевна Сине́цкая, племя́нница Сипя́гина по ма́тери.

VI.

— Извини́те меня́, Валенти́на Миха́йловна, — сказа́ла она́ прибли́зившись къ Сипя́гиной, — я была́ занята́ и замѣ́шкалась.

Пото́мъ она́ поклони́лась Калломѣ́йцеву, и, отойдя́ немно́го въ сто́рону, сѣ́ла на ма́ленькое патэ́, въ сосѣ́дствѣ попуга́йчика, кото́рый, какъ то́лько уви́дѣлъ её, захло́палъ кры́льями и потяну́лся къ ней.

— Зачѣ́мъ же э́то ты такъ далеко́ сѣ́ла, Маріа́нна, — замѣ́тила Сипя́гина, проводи́въ её глаза́ми до са́маго патэ́. — Тебѣ́ хо́чется быть побли́же къ твоему́ ма́ленькому дру́гу? Предста́вьте, Семёнъ Петро́вичъ, — обрати́лась она́ къ Калломѣ́йцеву, — попуга́йчикъ э́тотъ про́сто влюблёнъ въ на́шу Маріа́нну...

— Э́то меня́ не удивля́етъ!

— А меня́ терпѣ́ть не мо́жетъ.

— Вотъ э́то удиви́тельно! Вы его́, должно́ быть, дра́зните?

— Никогда́; напро́тивъ. Я его́ са́харомъ ко́рмлю. То́лько онъ изъ рукъ мои́хъ ничего́ не беретъ. Нѣтъ... э́то симпа́тія... и антипа́тія...

Маріа́нна исподло́бья глянула́ на Сипя́гину... и Сипя́гина глянула́ на неё.

Э́ти двѣ же́нщины не люби́ли другъ дру́га.

Въ сравне́ніи съ тёткой, Маріа́нна могла́ каза́ться почти́ „дур-

ну́шкой“. Лицо́ она́ имѣ́ла кру́глое, носъ большо́й, орли́ный, — сѣ́рые, то́же больши́е и о́чень свѣ́тлые глаза́, — то́нкія бро́ви, то́нкія гу́бы. Она́ стригла́ свои́ ру́сые, густы́е во́лосы и смотрѣ́ла бу́кой. Но отъ всего́ ея существа́ вѣ́яло чѣ́мъ-то си́льнымъ и смѣ́лымъ, чѣ́мъ-то стреми́тельнымъ и стра́стнымъ. Но́ги и ру́ки у ней бы́ли кро́шечныя; ея́ крѣ́пко и ги́бко сло́женное, ма́ленькое тѣ́ло напомина́ло флорентійскія статуе́тки XVI вѣ́ка; дви́галась она́ стро́йно и легко́.

Положе́ніе Сине́цкой въ до́мѣ Сипя́гиныхъ бы́ло дово́льно тяжёлое. Ея́ оте́цъ, о́чень у́мный и бо́йкій челове́къ полупо́льскаго происхожде́нія, дослужи́лся генера́льскаго чи́на — но сорва́лся вдругъ, уличённый въ грома́дной, казённой кра́жѣ; его суди́ли... осуди́ли, лиши́въ чино́въ, дворя́нства, сосла́ли въ Сиби́рь. Пото́мъ прости́ли... верну́ли; но онъ не успѣ́лъ выкара́бкаться вновь и у́меръ въ кра́йней бѣ́дности. Его́ жена́, родна́я сестра́ Сипя́гина, мать Маріа́нны (кро́мѣ ея́ у нея́ не́ было дѣте́й) — не перенесла́ уда́ра, разгроми́вшаго всё ея благосостоя́ніе и умерла́ вско́рѣ по́слѣ му́жа. Дя́дя Сипя́гинъ пріюти́лъ Маріа́нну у себя́ въ до́мѣ. — Но жить въ зави́симости бы́ло ей то́шно: она́ рвала́сь на во́лю, всѣ́ми си́лами непода́тливой души́ — и ме́жду ея́ тёткою и е́ю кипѣ́ла постоя́нная, хотя́ скры́тная борьба́. Сипя́гина счита́ла её нигили́сткой и безбо́жницей; съ свое́й стороны́, Маріа́нна ненави́дѣла въ Сипя́гиной свою́ нево́льную притѣсни́тельницу. Дя́ди она́ чужда́лась, какъ и всѣхъ други́хъ люде́й. — Она́ и́менно чужда́лась ихъ, а не боя́лась; нравъ у нея́ былъ не ро́бкій.

— Антипа́тія, — повтори́лъ Калломѣ́йцевъ, — да, э́то стра́нная вещь. Всѣ́мъ, напримѣ́ръ, извѣ́стно, что я глубоко́-религіо́зный челове́къ, правосла́вный въ по́лномъ смы́слѣ сло́ва; а попо́вскую коси́чку, пучо́къ — ви́дѣть не могу́ равноду́шно: такъ и закипа́етъ во мнѣ что-то, такъ и закипа́етъ!

Калломѣ́йцевъ при э́томъ да́же предста́вилъ, подня́вши ра́за два сжа́тую ру́ку, какъ у него́ въ груди́ закипа́етъ.

— Васъ вообще́ во́лосы безпоко́ятъ, Семёнъ Петро́вичъ, — замѣ́тила Маріа́нна: — я увѣ́рена, что вы то́же не мо́жете ви́дѣть равноду́шно, е́сли у кого́ они́ остри́жены, какъ у меня́.

Сипя́гина ме́дленно приподня́ла бро́ви и преклони́ла го́лову — какъ-бы удивля́ясь той развя́зности, съ кото́рой ны́нѣшнія молоды́я дѣ́вушки вступа́ютъ въ разгово́ръ, — а Калломѣ́йцевъ снисходи́тельно оскла́бился.

— Коне́чно, — промо́лвилъ онъ, — я не могу́ не сожалѣ́ть о тѣхъ прекра́сныхъ ку́дряхъ, подо́бныхъ ва́шимъ, Маріа́нна Вике́нтьевна, кото́рыя па́даютъ подъ безжа́лостнымъ лезвіёмъ но́жницъ; но антипа́тіи во мнѣ нѣтъ; и во вся́комъ слу́чаѣ... вашъ примѣ́ръ могъ ы меня́... меня́... конверти́ровать!

Калломѣ́йцевъ не нашёлъ ру́сскаго сло́ва; — а по-францу́зски не хотѣ́лъ говори́ть, по́слѣ замѣча́нія хозя́йки.

— Сла́ва Бо́гу, Маріа́нна у меня́ ещё очко́въ не но́ситъ, вмѣша́лась Сипя́гина, — и съ воротничка́ми, — и съ рука́вчиками пока́ ещё не разста́лась: — за то́ есте́ственными нау́ками, къ и́скреннему моему́ сожале́нію, занима́ется; и же́нскимъ вопро́сомъ интересу́ется то́же... Не пра́вда ли, Маріа́нна?

Всё э́то бы́ло ска́зано съ цѣ́лью смути́ть Маріа́нну; но она́ не смути́лась.

— Да, тётушка, — отвѣча́ла она́, — я чита́ю всё, что̀ объ э́томъ напи́сано; я стара́юсь поня́ть, въ чёмъ состои́тъ э́тотъ вопро́съ.

— Что́ зна́читъ мо́лодость! — обрати́лась Сипя́гина къ Калломѣ́йцеву: — вотъ мы съ ва́ми уже́ э́тимъ не занима́емся — а?

Калломѣ́йцевъ сочу́вственно улыбну́лся: на́до-жъ бы́ло поддержа́ть весёлую шу́тку любе́зной да́мы.

— Маріа́нна Вике́нтьевна, — на́чалъ онъ — испо́лнена ещё тѣ́мъ идеали́змомъ... тѣ́мъ романти́змомъ ю́ности... кото́рый... со вре́менемъ...

— Впро́чемъ, я клеве́щу на себя́, — переби́ла его́ Сипя́гина: — вопро́съ э́тотъ меня́ интересу́етъ то́же. Я вѣ́дь не совсѣ́мъ ещё состарѣ́лась.

— И я всѣ́мъ э́тимъ интересу́юсь, — поспѣ́шно воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ; — то́лько я запрети́лъ бы объ э́томъ говори́ть!

— Запрети́ли бы объ э́томъ говори́ть? — перепроси́ла Маріа́нна.

— Да! — Я бы сказа́лъ пу́бликѣ: интересова́ться не мѣша́ю... но говори́ть... тссссъ! — Онъ поднёсъ па́лецъ къ гу́бамъ. — Во вся́комъ слу́чаѣ, *печа́тно* говори́ть — запрети́лъ бы! — Безусло́вно!

Сипя́гина засмѣя́лась.

— Что-жъ? По ва́шему, не коммі́ссію ли назна́чить при министе́рствѣ для разрѣше́нія э́того вопро́са?

— А хоть бы и коммі́ссію! — Вы ду́маете, мы бы разрѣши́ли э́тотъ вопро́съ ху́же, чѣ́мъ всѣ э́ти голо́дные щелкопёры, кото́рые да́льше своего́ но́са ничего́ не ви́дятъ и вообража́ютъ, что они́... пе́рвые ге́нiи? — Мы бы назна́чили Бори́са Андре́ича предсѣда́телемъ...

Сипя́гина ещё пу́ще засмѣя́лась.

— Смотри́те, береги́тесь; Бори́съ Андре́ичъ иногда́ таки́мъ быва́етъ якоби́нцемъ...

— Жако́, жако́, жако́, — затреща́лъ попуга́й.

Валенти́на Миха́йловна махну́ла на него́ платко́мъ.

— Не мѣша́й у́мнымъ лю́дямъ разгова́ривать!... Маріа́нна, уйми́ его́.

Маріа́нна оберну́лась къ кле́ткѣ и приня́лась чеса́ть но́гтемъ попуга́йчика по ше́ѣ, кото́рую тотъ ей тотча́съ подста́вилъ.

— Да, — продолжа́ла Сипя́гина, — Бори́съ Андре́ичъ иногда́ меня́ самоё удивля́етъ. Въ нёмъ есть жи́лка... жи́лка трибу́на.

— C'est parcequ'il est orateur! — сгоряча́ подхвати́лъ по-францу́зски Калломѣ́йцевъ. — Вашъ мужъ облада́етъ да́ромъ сло́ва, какъ никто́, ну, и блестѣ́ть привы́къ... ses propres paroles le grisent... а къ

тому́ же и жела́ніе популя́рности... Впро́чемъ, онъ тепе́рь не́сколько разсержёнъ, не пра́вда ли? Il boude? Eh?

Синя́гина повела́ глаза́ми на Маріа́нну.

— Я ничего́ не замѣ́тила, — промо́лвила она́ по́слѣ небольшо́го молча́нія.

— Да, — продолжа́лъ заду́мчивымъ то́номъ Калломѣ́йцевъ, — его́ немно́жко обошли́ на Свято́й...

Сипя́гина опя́ть указа́ла ему́ глаза́ми на Маріа́нну.

Калломѣ́йцевъ улыбну́лся и прищу́рился: — „я, молъ, по́нялъ“.

— Маріа́нна Вике́нтьевна! — воскли́кнулъ онъ вдругъ, безъ ну́жды гро́мко: — вы въ ны́нѣшнемъ году́ опя́ть намѣ́рены дава́ть уро́ки въ шко́лѣ.

Маріа́нна отверну́лась отъ клѣ́тки.

— И *э́то* васъ интересу́етъ, Семёнъ Петро́вичъ?

— Коне́чно; о́чень да́же интересу́етъ.

— Вы бы *э́того* не запрети́ли?

— Нигили́стамъ запрети́лъ бы да́же ду́мать о шко́лахъ; а подъ руково́дствомъ духове́нства — и съ надзо́ромъ за духове́нствомъ — самъ бы заводи́лъ!

— Вотъ какъ! А я не зна́ю, что́ бу́ду дѣ́лать въ ны́нѣшнемъ году́. — Въ про́шломъ всё такъ ду́рно шло. — Да и кака́я шко́ла лѣ́томъ!

Когда́ Маріа́нна говори́ла, она́ постепе́нно красне́ла, какъ бу́дто ея́ рѣ́чь ей сто́ила уси́лія, какъ бу́дто она́ заставля́ла себя́ её продолжа́ть. Мно́го ещё въ ней бы́ло самолю́бія.

— Ты не дово́льно подгото́влена? — спроси́ла Сипя́гина съ иронѝческимъ трепета́ніемъ въ го́лосѣ.

— Мо́жетъ быть.

— Какъ! — сно́ва воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ. — Что я слы́шу!! О, бо́ги! Для того́, чтобъ учи́ть крестья́нскихъ дѣ́вочекъ а́збукѣ — нужна́ подгото́вка?

Но въ э́ту мину́ту въ гости́ную съ кри́комъ: „Ма́ма! ма́ма! папа́ ѣ́детъ!“ — вбѣжа́лъ Ко́ля — а, вслѣ́дъ за нимъ, перева́ливаясь на то́лстыхъ но́жкахъ, появи́лась сѣдовла́сая да́ма въ чепцѣ́ и жёлтой ша́ли — и то́же объяви́ла, что Бо́ринька сейча́съ бу́детъ!

Э́та да́ма была́ тётка Сипя́гиня, А́нна Заха́ровна по и́мени. — Всѣ находи́вшіяся въ гости́ной ли́ца повскака́ли съ свои́хъ мѣ́стъ и устреми́лись въ пере́днюю — а отту́да спусти́лись по лѣ́стницѣ на гла́вное крыльцо́. Дли́нная алле́я стри́женыхъ ёлокъ вела́ отъ большо́й доро́ги пря́мо къ э́тому крыльцу́; по ней уже́ скака́ла коля́ска, запряжённая четвернёй. Валенти́на Миха́йловна, стоя́вшая впереди́ всѣхъ, замаха́ла платко́мъ, Ко́ля запища́лъ пронзи́тельно; ку́черъ ли́хо осади́лъ разгоря́ченныхъ лошаде́й, лаке́й слетѣ́лъ кубарёмъ съ ко́зелъ, да чуть не вы́рвалъ две́рецъ коля́ски вмѣ́стѣ съ пе́тлями и замко́мъ — и вотъ, съ

снисходи́тельной улы́бкой на уста́хъ, въ глаза́хъ, на всёмъ лицѣ́, одни́мъ ло́вкимъ движе́ніемъ плечъ сбро́сивъ съ себя́ шине́ль, Бори́съ Андре́евичъ спусти́лся на зе́млю. Валенти́на Миха́йловна краси́во и бы́стро вски́нула ему́ о́бѣ ру́ки вокру́гъ ше́и — и три́жды съ нимъ поцѣлова́лась. Ко́ля топота́лъ нога́ми и дёргалъ отца́ сза́ди за по́лы сюртука́... но тотъ сперва́ облобыза́лся съ А́нной Заха́ровной, предвари́тельно снявъ съ головы́ пренеудо́бный и безобра́зный шотла́ндскій доро́жный карту́зъ, пото́мъ поздоро́вался съ Маріа́нной и Калломѣ́йцевымъ, кото́рые то́же вы́шли на крыльцо́ — (Калломѣ́йцеву онъ далъ си́льный англі́йскій shakehands, въ „раска́чку“ — сло́вно въ ко́локолъ позвони́лъ) — и то́лько тогда́ обрати́лся къ сы́ну; взялъ его́ подъ-мы́шки, подня́лъ и прибли́зилъ къ своему́ лицу́.

Пока́ всё э́то происходи́ло, изъ коля́ски, тихо́хонько, сло́вно вино-ва́тый, вы́лѣзъ Неждано́въ и останови́лся близъ пере́дняго колеса́, не снима́я ша́пки и посма́тривая исподло́бья... Валенти́на Миха́йловна, обнима́ясь съ му́жемъ, зо́рко гляну́ла чере́зъ его́ плечо́ на э́ту но́вую фигу́ру; — Сипя́гинъ предупреди́лъ её, что привезётъ съ собо́ю учи́теля.

Всё о́бщество, продолжа́я мѣня́ться привѣ́тами и рукопожа́тіями съ при́бывшимъ хозя́иномъ, дви́нулось вверхъ по лѣ́стницѣ, уста́вленной съ обѣ́ихъ сторо́нъ гла́вными слуга́ми и служа́нками. — Къ ру́чкѣ они́ не подходи́ли — э́та „азіа́тщина“ была́ давно́ отмѣнена́ — и то́лько кла́-нялись почти́тельно; и Сипя́гинъ отвѣча́лъ ихъ покло́намъ — бо́льше бро́вями и но́сомъ, чѣ́мъ головою́.

Неждано́въ то́же поплёлся вверхъ по широ́кимъ ступе́нямъ. Какъ то́лько онъ вошёлъ въ пере́днюю, Сипя́гинъ, кото́рый уже́ иска́лъ его́ глаза́ми, предста́вилъ его́ женѣ́, А́ннѣ Заха́ровнѣ, Маріа́ннѣ; а Ко́лѣ сказа́лъ: „Э́то твой учи́тель, прошу́ его́ слу́шаться! Пода́й ему́ ру́ку“! — Ко́ля ро́бко протяну́лъ ру́ку Неждано́ву — а пото́мъ уста́вился на него́; но, ви́дно, не найдя́ въ нёмъ ничего́ осо́беннаго и́ли прія́тнаго, сно́ва ухвати́лся за своего́ „па́пу“. — Неждано́въ чу́вствовалъ себя́ нело́вко, такъ же, какъ тогда́ въ теа́трѣ. На нёмъ бы́ло ста́рое, дово́льно невзра́ч-ное пальто́; доро́жная пыль насѣ́ла ему́ на всё лицо́ и на́ руки. — Валенти́на Миха́йловна сказа́ла ему́ что-то любе́зное; но онъ хороше́нько не разслы́шалъ ея́ словъ и не отвѣча́лъ, а то́лько замѣ́тилъ, что она́ осо́бенно свѣ́тло и ла́сково взира́ла на своего́ му́жа и жа́лась къ нему́. — Въ Ко́лѣ ему́ не понра́вился его́ завито́й, напома́женный хохо́лъ; при ви́дѣ Калломѣ́йцева онъ поду́малъ: „э́кая обли́занная мо́рдочка!“ — а на другія ли́ца онъ во́все не обрати́лъ внима́нія. Сипя́гинъ ра́за два съ досто́инствомъ повертѣ́лъ голово́ю, какъ-бы осма́тривая свои́ пена́ты, причёмъ удиви́тельно отчека́нивались его́ дли́нныя висячія бакенба́рды и нѣ́сколько круто́й, ма́ленькій затыло́къ. — Пото́мъ онъ си́льнымъ, вку́снымъ, отъ доро́ги ниско́лько не охри́плымъ го́лосомъ кри́кнулъ одному́ изъ лаке́евъ: „Ива́нъ проводи́ г-на учи́теля въ зелёную ко́мнату, да

чемода́нъ ихъ туда́ снеси́“ — и объяви́лъ Неждано́ву, что онъ мо́жетъ тепе́рь отдохну́ть и разобра́ться и почи́ститься — а обѣ́дъ у нихъ въ до́мѣ подаю́тъ ро́вно въ пять часо́въ. Неждано́въ поклони́лся и отправился вслѣ́дъ за Ива́номъ въ „зелёную“ ко́мнату, находи́вшуюся во второ́мъ этажѣ́.

Всё о́бщество перешло́ въ гости́ную. Тамъ ещё разъ повтори́лись привѣ́тствія; — полуслѣпа́я стару́шка-ня́нька яви́лась съ покло́номъ. — Э́той, изъ уваже́нія къ ея лѣта́мъ, Сипя́гинъ далъ поцѣлова́ть свою́ ру́ку, и, извини́вшись пере́дъ Калломѣ́йцевымъ, удали́лся въ спа́льню, сопровожда́емый свое́й супру́гой.

VII.

Обши́рная и опря́тная ко́мната, въ кото́рую слуга́ ввёлъ Неждано́ва, выходи́ла о́кнами въ садъ. Они́ бы́ли раскры́ты, и лёгкій вѣ́теръ сла́бо надува́лъ бѣ́лыя што́ры: онѣ́ округля́лись какъ паруса́, приподнима́лись и па́дали сно́ва. По потолку́ ти́хо скользи́ли золоти́стые о́тблески; во всей ко́мнатѣ стоя́лъ весе́нній, свѣ́жій, немно́го сыро́й за́пахъ. — Неждано́въ на́чалъ съ того́, что усла́лъ слугу́, вы́ложилъ ве́щи изъ чемода́на, умы́лся и переодѣ́лся. Путеше́ствіе его́ умори́ло; двухдне́вное посто́янное прису́тствіе челове́ка незнако́маго, — съ кото́рымъ онъ говори́лъ мно́го, разнообра́зно — и безпло́дно, раздражи́ло его́ не́рвы: что-то го́рькое, не то ску́ка, не то злость, та́йно забра́лось въ са́мую глубь его́ существа́; онъ негодова́лъ на сво́ё малоду́шіе — а се́рдце всё ны́ло!

Онъ подошёлъ къ окну́ — и сталъ глядѣ́ть на садъ. То былъ прадѣ́довскій, черноземный садъ, како́го не уви́дишь по-сю сторону́ Москвы́. — Располо́женный по дли́нному ска́ту поло́гаго хо́лма, онъ состоя́лъ изъ четырёхъ, я́сно обозна́ченныхъ отдѣле́ній. Пере́дъ до́момъ, шаго́въ на двѣ́сти, разстила́лся цвѣтни́къ, съ песча́ными прямы́ми доро́жками, гру́ппами ака́цій и сире́ней и кру́глыми „клу́мбами“; налѣ́во, мину́я ко́нный дворъ, до са́маго гумна́ тяну́лся фрукто́вый садъ, гу́сто наса́женный ябло́нями, гру́шами, сли́вами, смороди́ной, мали́ной; пря́мо напро́тивъ до́ма возвыша́лись больши́мъ сплошны́мъ четырёхуго́льникомъ ли́повыя скрещённыя алле́и. Напра́во видъ прегражда́лся доро́гой, заслоненной двойны́мъ ря́домъ серебри́стыхъ то́полей; изъ-за ку́пы плаку́чихъ берёзъ виднѣ́лась крута́я кры́ша оранжере́и. Весь садъ нѣ́жно зеленѣ́лъ пе́рвой красо́ю весе́нняго расцвѣта́нія; не́ было ещё слы́шно лѣ́тняго, си́льнаго гудѣ́нья насѣко́мыхъ; молоды́е ли́стья лепета́ли — да зя́блики ко́е-гдѣ пѣ́ли, да двѣ́ горли́нки воркова́ли всё на одно́мъ и томъ же де́ревѣ, да кукова́ла одна́ куку́шка, перемѣща́ясь вся́кій разъ — да издалека́, изъ-за ме́льничнаго пру́да, приноси́лся дру́жный грачи́ный гамъ, подо́бный скри́пу мно́жества телѣ́жныхъ колёсъ. — И надо́ всей э́той молодо́ю, уединённой, ти́хой жи́знью, округля́я свои́ гру́ди, какъ больши́я,

лѣни́выя пти́цы, ти́хо плы́ли свѣ́тлыя облака́. — Нежда́новъ гляде́лъ, слу́шалъ, втя́гивалъ во́здухъ сквозь раскры́тыя, похолоде́вшія гу́бы...

И ему́ сло́вно ле́гче становѝлось; тишина́ находѝла и на него́.

А ме́жду тѣмъ внизу́, въ спа́льнѣ, рѣчь шла то́же о нёмъ. Сипя́гинъ разска́зывалъ женѣ, какъ онъ съ нимъ познако́мился, и что́ ему́ сказа́лъ князь Г., и какіе разгово́ры они́ вели́ во вре́мя путеше́ствія.

— У́мная голова́! — повторя́лъ онъ, — и съ свѣ́дѣніями; пра́вда, онъ кра́сный, да вѣдь у меня́, ты зна́ешь, э́то ничего́ не зна́читъ; по кра́йней мѣрѣ у э́тихъ люде́й есть амби́ція. Да и Ко́ля сли́шкомъ мо́лодъ; никаки́хъ глу́постей онъ отъ него́ не переймётъ.

Валенти́на Миха́йловна слу́шала своего́ му́жа съ ла́сковой и въ то же вре́мя насмѣшливой улы́бкой, то́чно онъ ка́ялся ей въ немно́го стра́нной, но заба́вной вы́ходкѣ; ей да́же какъ бу́дто прія́тно бы́ло, что ея́ „seigneur et maître“, тако́й соли́дный челове́къ и ва́жный чино́вникъ, всё ещё въ состоя́ніи вдругъ взять да вы́кинуть ша́лость, не ху́же двадцатилѣ́тняго. Сто́я пере́дъ зе́ркаломъ въ бѣ́лой какъ снѣгъ руба́шкѣ, въ голубы́хъ шо́лковыхъ по́мочахъ, Сипя́гинъ прі́нялся причёсывать свою́ го́лову на англі́йскій фасо́нъ, въ двѣ щётки; — а Валенти́на Миха́йловна, взобра́вшись съ боти́нками на туре́цкую ни́зкую кушётку, на́чала сообща́ть ему́ ра́зныя свѣдѣнія о хозя́йствѣ, о бума́жной фа́брикѣ, кото́рая — увы́! — не шла такъ хорошо́, какъ бы слѣ́довало, о по́варѣ, кото́раго на́до бу́детъ перемѣни́ть, о це́ркви, съ кото́рой свали́лась штукату́рка, о Маріа́ннѣ, о Калломѣ́йцевѣ...

Ме́жду обо́ими супру́гами существова́ло нелицемѣ́рное доеѣ́ріе и согла́сіе; они́ дѣ́йстви́тельно жи́ли въ „любви́ и сове́тѣ“, какъ гова́ривалось въ старину́; и когда́ Сипя́гинъ, око́нчивъ свой туале́тъ, ры́царски испроси́лъ у Валенти́ны Миха́йловны „ру́чку“, когда́ она́ подала́ ему́ о́бѣ, и съ нѣ́жной го́рдостью глядѣ́ла, какъ онъ попереме́нно цѣлова́лъ ихъ, — то чу́вство, кото́рое вырази́лось на ли́цахъ у обо́ихъ, бы́ло чу́вство хоро́шее и правди́вое, хотя́ у ней оно́ свѣ́тилось въ оча́хъ, досто́йныхъ Рафаэ́ля, а у него́ въ просты́хъ генера́льскихъ „глядѣ́лкахъ“.

Ро́вно въ пять часо́въ Нежда́новъ сошёлъ внизъ къ обѣ́ду, возвѣщённому да́же не зву́комъ ко́локола, а протя́жнымъ завыва́ньемъ кита́йскаго „го́нга“. Всё о́бщество уже́ собрало́сь въ столово́й. Сипя́гинъ сно́ва его́ привѣ́тствовалъ съ высоты́ своего́ га́лстука, и указа́лъ ему́ мѣ́сто за столо́мъ ме́жду Анной Заха́ровной и Ко́лей. Анна Заха́ровна была́ перезрѣ́лая дѣ́ва, сестра́ поко́йнаго старика́ Сипы́гина; отъ нея́ попа́хивало камфоро́й, какъ отъ залежа́лаго пла́тья, и видъ она́ имѣ́ла безпоко́йный и уны́лый. Она́ исполня́ла въ до́мѣ роль Ко́линаго дя́дьки и́ли гувернёра; ея́ сморщённое лицо́ вы́казало неудово́лствіе, когда́ Нежда́нова посади́ли ме́жду е́ю и ея́ пито́мцемъ. Ко́ля сбо́ку погля́дывалъ на свего́ но́ваго сосѣ́да; у́мный ма́льчикъ ско́ро догада́лся, что учи́телю нело́вко, что онъ конфу́зится: онъ же не поднима́лъ глазъ и почти́ ничего́ не ѣлъ. Ко́лѣ

э́то понра́вилось: онъ до тѣхъ поръ боя́лся, какъ бы учи́тель не оказа́лся стро́гимъ и серди́тымъ. Валенти́на Миха́йловна то́же погля́дывала на Нежда́нова.

„Онъ смо́тритъ студе́нтомъ — ду́малось ей — и въ свѣтѣ онъ не живо́лъ, но лицо́ у него́ интере́сное, и оригина́льный цвѣтъ воло́съ, какъ у того́ апо́стола, кото́раго ста́рые италья́нскіе мастера́ всегда́ писа́ли ры́жимъ, — и ру́ки чи́стыя“. Впро́чемъ, всѣ за столо́мъ погля́дывали на Нежда́нова, и какъ-бы щади́ли его́, оставля́ли его́ въ поко́ѣ, на пе́рвыхъ по-ра́хъ; онъ э́то чу́вствовалъ, и былъ э́тимъ дово́ленъ, и въ то же вре́мя почему́-то зли́лся. Разгово́ръ за столо́мъ вели́ Калломѣ́йцевъ и Сипя́гинъ. Рѣчь шла о зе́мствѣ, о губерна́торѣ, о доро́жной пови́нности, о выкупны́хъ сдѣ́лкахъ, объ о́бщихъ петербу́ргскихъ и моско́вскихъ знако́мыхъ, о то́лько-что входи́вшемъ въ си́лу лице́ѣ г-на Катко́ва, о тру́дности доста́ть рабо́чихъ, о штра́фахъ и потра́вахъ, а та́кже о Би́смаркѣ, о войнѣ 66-го го́да и о Наполео́нѣ III, кото́раго Калломѣ́йцевъ велича́лъ молодцо́мъ. Ю́ный ка́ммеръ-ю́нкеръ выска́зывалъ мнѣ́нія весьма́ ретрогра́дныя: онъ договори́лся наконе́цъ до того́ — что привёлъ, пра́вда, въ ви́дѣ шу́тки, — тостъ одного́ знако́маго ему́ ба́рина, за нѣ́которымъ имени́ннымъ банке́томъ: „Пью за еди́нственные при́нципы, кото́рые признаю́“, — воскли́кнулъ э́тотъ разгоря́ченный помѣ́щикъ — „за кнутъ и за Рёдереръ!“

Валенти́на Миха́йловна намо́рщила бро́ви и замѣ́тила, что э́та цита́та — de très mauvais gout. — Сипя́гинъ вы́ражалъ, напро́тивъ, мнѣ́нія весьма́ либера́льныя; вѣ́жливо и нѣ́сколько небре́жно опроверга́лъ Калломѣ́йцева; да́же подтру́нивалъ надъ нимъ.

— Ва́ши стра́хи на счётъ эмансипа́ціи любе́зный Семёнъ Петро́вичъ, — сказа́лъ онъ ему́ ме́жду про́чимъ, — напомина́ютъ мнѣ́ запи́ску, кото́рую нашъ почте́ннѣйшій и добрѣ́йшій Алексѣ́й Ива́нычъ Тверѝтиновъ по́далъ въ 1860 году́, и кото́рую онъ всю́ду чита́лъ по петербу́ргскимъ сало́намъ. Осо́бенно хороша́ была́ тамъ одна́ фра́за о томъ, какъ нашъ освобождённый мужи́къ непремѣ́нно пойдётъ съ фа́келомъ въ рукѣ́, по лицу́ всего́ оте́чества. На́до бы́ло ви́дѣть, какъ нашъ ми́лый Алексѣ́й Ива́новичъ, надува́я щёчки и тараща́ глазёнки, произноси́лъ свои́мъ младе́ническимъ ро́тикомъ: „фа́келъ! ффа́келъ! пойдётъ съ ффа́келомъ!“ Ну, вотъ соверши́лась эмансипа́ція... Гдѣ же мужи́къ съ фа́келомъ?

— Тверѝтиновъ, — возрази́лъ су́мрачнымъ то́номъ Калломѣ́йцевъ, — оши́бся то́лько въ томъ, что не мужики́ пойду́тъ съ фа́келами, а други́е.

При э́тихъ слова́хъ Нежда́новъ, кото́рый до того́ мгнове́нія почти́ не замѣча́лъ Маріа́нны — она́ сидѣ́ла отъ него́ на́искось — вдругъ переглану́лся съ не́ю, и тотча́съ почу́вствовалъ, что они́ о́ба, э́та угрю́мая дѣ́вушка и онъ — одни́хъ убѣжде́ній, и одного́ поши́ба. Она́ не произвела́ никако́го впечатлѣ́нія на него́, когда́ Сипя́гинъ предста́вилъ его́ ей; почему́ же онъ тепе́рь переглану́лся и́менно съ не́ю? Онъ тутъ же поста́-

вилъ себѣ́ вопро́съ: не сты́дно ли, не позо́рно ли, сидѣ́ть и слу́шать подо́бныя мнѣ́нія, и не протестова́ть, и дава́ть свои́мъ молча́ньемъ по́водъ ду́мать, что самъ ихъ раздѣля́ешь? Неждано́въ втори́чно глянулъ на Маріа́нну, и ему́ показа́лось, что онъ въ ея́ глаза́хъ прочёлъ отвѣ́тъ на свой вопро́съ: „погоди́-молъ; тепе́рь ещё не вре́мя... не сто́итъ... по́слѣ; всегда́ успѣ́ешь...“.

Ему́ прія́тно бы́ло ду́мать, что она́ его́ понима́етъ. Онъ опя́ть прислу́шался къ разгово́ру... Валенти́на Миха́йловна смѣни́ла своего́ му́жа, и вы́сказывалась ещё свобо́днѣе, ещё радика́льнѣе, не́жели онъ. Она́ не постига́ла, „рѣши́тельно не пос...ти...га́...ла“, какъ челове́къ, образо́ванный и молодо́й, мо́жетъ приде́рживаться тако́й застарѣ́лой рути́ны!

— Впро́чемъ, приба́вила она́, — я увѣ́рена, что вы э́то говори́те то́лько такъ, для кра́снаго словца́! Что же каса́ется до васъ, Алексѣ́й Дми́тричъ, — обрати́лась она́ съ любе́зной улы́бкой къ Неждано́ву (онъ вну́тренно изуми́лся тому́, что его́ и́мя и о́тчество бы́ли ей извѣ́стны), — я знаю, вы не раздѣля́ете опасе́ній Семёна Петро́вича: мнѣ Бори́съ переда́лъ ва́ши бесѣ́ды съ нимъ, во вре́мя доро́ги.

Неждано́въ покраснѣ́лъ, склони́лся надъ таре́лкой и пробормота́лъ что-то невня́тное: онъ не то́, что́бы оробѣ́лъ, а не привы́къ онъ переки́дываться рѣча́ми съ таки́ми блестя́щими осо́бами. Сипя́гина продолжа́ла улыба́ться ему́; мужъ покрови́тельственно поддака́ивалъ ей... За то Калломѣ́йцевъ воткну́лъ, не спѣша́, своё кру́глое стёклышко ме́жду бро́вью и но́сомъ, и уста́вился на студе́нтика, кото́рый осмѣ́ливается не раздѣля́ть его „опасе́ній“. Ну — *э́тимъ* смути́ть Неждано́ва бы́ло тру́дно; напро́тивъ: онъ то́тчасъ вы́прямился и уста́вился въ свою́ о́чередь на великосвѣ́тскаго чино́вника: — и такъ же внеза́пно, какъ почу́вствовалъ въ Маріа́ннѣ това́рища, онъ въ Калломѣ́йцевѣ почу́вствовалъ врага́! И Калломѣ́йцевъ э́то почу́вствовалъ; вы́ронилъ стёклышко, отверну́лся и попыта́лся усмѣхну́ться... но ничего́ не вы́шло; одна́ А́нна Заха́ровна, та́йно благоговѣ́вшая пере́дъ нимъ, мы́сленно ста́ла на его́ сто́рону, и ещё бо́лѣе вознегодова́ла на непро́шеннаго сосѣ́да, отдѣли́вшаго её отъ Ко́ли.

Вско́рѣ затѣ́мъ обѣ́дъ ко́нчился. О́бщество перешло́ на терра́ссу пить ко́фе; Сипя́гинъ и Калломѣ́йцевъ закури́ли сига́ры. Сипя́гинъ предложи́лъ-бы́ло одну́ настоя́щую рега́лію Неждано́ву; но тотъ отказа́лся.

— Ахъ, да! — воскли́кнулъ Сипя́гинъ; я и забылъ: — вы ку́рите только свои́ папиро́сы!

— Стра́нный вкусъ, — замѣ́тилъ сквозь зу́бы Калломѣ́йцевъ.

Нежда́новъ чуть не вспыли́лъ. — „Ра́зницу ме́жду рега́ліей и папиро́сой я о́чень хорошо́ зна́ю, но я одолжа́ться не хочу́“ — чуть не сорвало́сь у него́ съ языка́... Одна́ко онъ удержа́лся; но тутъ же занёсъ э́ту пторую́ де́рзость своему́ врагу́ въ „де́бетъ“.

— Маріа́нна! — вдругъ гро́мкимъ го́лосомъ промо́лвила Сипя́гина:

— ты не церемо́нься пере́дъ но́вымъ лицо́мъ... кури́ съ Бо́гомъ свою́ пахито́ску. Тѣмъ бо́лѣе, — приба́вила она́, обраща́ясь къ Неждано́ву, — что, я слы́шала, въ ва́шемъ о́бществѣ всѣ ба́рышни ку́рятъ?

— То́чно такъ-съ, — отвѣча́лъ су́хо Неждано́въ. — То бы́ло пе́рвое сло́во, ска́занное имъ Сипя́гиной.

— А я вотъ не ку́рю, — продолжа́ла она́, ла́сково прищу́ривъ свои́ ба́рхатные глаза́... — Отста́ла отъ вѣка.

Маріа́нна медли́тельно и обстоя́тельно, сло́вно на зло тёткѣ, доста́ла пахито́ску, коро́бочку со спи́чками, и на́чала кури́ть. Неждано́въ то́же закури́лъ папиро́су, позаи́мствовавъ огня́ у Маріа́нны.

Ве́черъ стоя́лъ чуде́сный. Ко́ля съ А́нной Заха́ровной отпра́вились въ садъ; остально́е о́бщество остава́лось ещё о́коло ча́су на терра́сѣ, наслажда́ясь во́здухомъ. Бесѣда шла дово́льно оживлённая... Калломѣ́йцевъ напада́лъ на литерату́ру; Сипя́гинъ и тутъ яви́лся либера́ломъ, отста́ивалъ ея́ незави́симость, дока́зывалъ ея́ по́льзу, упомяну́лъ да́же о Шатобріа́нѣ и о томъ, что импера́торъ Алекса́ндръ Па́вловичъ пожа́ловалъ ему́ о́рденъ св. Андре́я Первозва́ннаго! Неждано́въ не вмѣ́шивался въ э́то словопре́ніе; Сипя́гина посма́тривала на него́ съ таки́мъ выраже́ніемъ, какъ бу́дто, съ одно́й стороны́, она́ одобря́ла его скро́мную воздержность, а съ друго́й — немно́го удивля́лась ей.

Къ ча́ю всѣ перешли́ въ гости́ную.

— У насъ, Алексѣ́й Дми́тричъ, — сказа́лъ Сипя́гинъ Неждано́ву, — така́я сквѣ́рная привы́чка: по вечера́мъ мы игра́емъ въ ка́рты, да ещё въ запрещённую игру́ — въ сту́колку... Предста́вьте! — Я васъ не приглаша́ю... но, впро́чемъ, Маріа́нна бу́детъ такъ добра́, сыгра́етъ намъ что-нибу́дь на фортепья́но. Вы, вѣдь, надѣ́юсь, лю́бите му́зыку — а? И не дожида́ясь отвѣ́та, Сипя́гинъ взялъ въ ру́ку коло́ду картъ. Маріа́нна сѣ́ла за фортепья́но и сыгра́ла ни хорошо́, ни ху́до нѣ́сколько „Пѣ́сенъ безъ словъ“ Мендельсо́на. — Charmant! Charmant! quel touché! — закрича́лъ и́здали, сло́вно ошпа́ренный, Калломѣ́йцевъ; но восклица́ніе э́то бы́ло имъ пу́щено бо́лѣе изъ вѣ́жливости; да и Неждано́въ, несмотря́ на наде́жду, вы́раженную Сипя́гинымъ, никако́го пристра́стія къ му́зыкѣ не имѣ́лъ.

Ме́жду тѣмъ Сипя́гинъ съ жено́й, Калломѣ́йцевъ А́нна Заха́ровна усѣ́лись за ка́рты... Ко́ля пришёлъ проститься и, получи́въ благослове́ніе отъ роди́телей да большо́й стака́нъ молока́ вмѣ́сто ча́ю, отпра́вился спать: оте́цъ кри́кнулъ ему́ вслѣ́дъ, что за́втра же онъ начнётъ свои́ уро́ки съ Алексѣ́емъ Дми́тричемъ. Немно́го спустя́, увида́въ, что Неждано́въ торчи́тъ безъ дѣ́ла посреди́ ко́мнаты и напряжённо перевора́чиваетъ листы́ фотографи́ческаго альбо́ма, Сипя́гинъ сказа́лъ ему́, чтобъ онъ не стѣсня́лся и шёлъ бы къ себѣ́ отдоу́хнть, такъ какъ онъ вѣроя́тно уста́лъ по́слѣ доро́ги; что у нихъ въ до́мѣ гла́вный девиз: свобо́да!

Неждано́въ воспо́льзовался да́ннымъ позволе́ніемъ и, раскла́нявшись

со всѣ́ми, пошёлъ вонъ; въ дверя́хъ онъ столкну́лся съ Маріа́нной и, сно́ва загляну́въ ей въ глаза́, сно́ва убѣди́лся, что бу́детъ съ ней какъ това́рищъ, хотя́ она́ не то́лько не у́лыбну́лась ему́, но да́же нахму́рила бро́ви.

Онъ нашёлъ ко́мнату свою́ всю напо́лненною души́стой свѣ́жестью: о́кна остава́лись откры́тыми цѣ́лый день. Въ саду́, пря́мо про́тивъ его́ окна́, коротко́ и зву́чно щелка́лъ солове́й; ночно́е не́бо ту́скло и тёпло краснѣ́ло надъ округлёнными верху́шками липъ: то гото́вилась вы́плыть луна́. Неждано́въ зажёгъ свѣ́чку; ночны́я сѣ́рыя ба́бочки такъ и посы́пались изъ тёмнаго са́да и пошли́ на ого́нь, кружа́сь и толка́ясь, а вѣ́теръ ихъ отдува́лъ и колеба́лъ си́не-жёлтое пла́мя свѣ́чи.

„Стра́нное дѣ́ло!“ ду́малъ Неждано́въ, уже́ лёжа въ посте́лѣ... „Хозя́ева, лю́ди, ка́жется, хоро́шіе, либера́льные, да́же гума́нные... а то́мно что-то на душѣ́. Каммерге́ръ... ка́ммеръ-ю́нкеръ... Ну, у́тро ве́чера мудренѣ́е... Сантимента́льничать не́чего“.

Но въ это мгнове́нье въ саду́ сто́рожъ насто́йчиво и громко стуча́лъ въ доску́ — и разда́лся протя́жный крикъ: „Слу́ша...а...ай!“

— Примѣ́ча...а́...й! — отозва́лся друго́й зауны́вный го́лосъ.

— Фу ты, Бо́же мой! — то́чно въ крѣ́пости!

VIII.

Неждано́въ просну́лся ра́но, и, не дожида́ясь появле́нія слуги́, одѣ́лся и сошёлъ въ садъ. О́чень онъ былъ вели́къ и краси́въ, э́тотъ садъ, и содержа́лся въ отли́чномъ поря́дкѣ: на́нятые рабо́тники скребли́ лопа́тами доро́жки; въ я́ркой зе́лени густо́въ мелька́ли кра́сные платки́ на голова́хъ крестья́нскихъ дѣ́вушекъ, вооружённыхъ гра́блями. Неждано́въ добра́лся до пру́да: у́тренній тума́нъ съ него́ слетѣ́лъ — но онъ ещё дыми́лся мѣста́ми, въ тѣни́стыхъ излу́чинахъ берего́въ. Невысо́кое со́лнце би́ло ро́зовымъ свѣ́томъ по шелкови́стому свинцу́ его́ широ́кой гла́ди. Челове́къ пять пло́тниковъ вози́лось о́коло пло́та: тутъ же колыха́лась, сла́бо перева́ливаясь съ бо́ку на́ бокъ и пуска́я отъ себя́ лёгкую рябь по водѣ́ — но́вая, раскра́шенная ло́дка. Людскіе голоса́ звуча́ли рѣ́дко и сде́ржанно: ото всего́ вѣ́яло у́тромъ, тишино́й и спо́ростью у́тренней рабо́ты, вѣ́яло поря́дкомъ и пра́вильностью устано́вленной жи́зни. И вотъ, на поворо́тѣ алле́и, Неждано́ву предста́ло са́мо олицетворе́ніе поря́дка и пра́вильности — предста́лъ Синя́гинъ.

На нёмъ былъ сюрту́къ горо́ховаго цвѣ́та, въ ро́дѣ шлафро́ка, и пёстрый карту́зъ; онъ опира́лся на англі́йскую, бамбу́ковую трость, и то́лько-что вы́бритое лицо́ его́ дыша́ло дово́льствомъ; онъ шёлъ осма́тривать своё хозя́йство. Синя́гинъ привѣ́тливо поздорова́лся съ Неждановымъ.

— Ага! — воскли́кнулъ онъ; — я ви́жу: вы изъ молоды́хъ, да

ра́нній! (Онъ, вѣроя́тно, хотѣ́лъ э́той не совсѣ́мъ умѣ́стной поговóркой вырази́ть своё одобре́ніе Неждáнову за то, что тотъ такъ же, какъ и онъ самъ, недóлго остава́лся въ посте́ли). — Мы въ вóсемь часóвъ пьёмъ óбщій чай въ столовóй, а въ двѣна́дцать за́втракаемъ; въ дéсять часóвъ вы дади́те Кóлѣ вашъ пéрвый урóкъ въ рýсскомъ языкѣ́, а въ два — въ истóріи. За́втра, 9-го ма́я, онъ именúнникъ, и урóковъ не бýдетъ; но сегóдня прошý нача́ть!

Неждáновъ наклони́лъ гóлову — а Сипя́гинъ прости́лся съ нимъ на францýзскій манéръ, нѣ́сколько разъ съ-ря́ду бы́стро поднеся́ рýку къ сóбственнымъ гýбамъ и носý — и пошёлъ да́лѣе, бóйко размáхивая трóстью и посви́стывая — вóвсе не какъ ва́жный чинóвникъ и́ли санóвникъ — а какъ дóбрый рýсскій country-gentleman.

До 8-ми́ часóвъ Неждáновъ остава́лся въ садý, наслажда́ясь тѣ́нью ста́рыхъ дерéвьевъ, свѣ́жестью вóздуха, пѣ́ньемъ птицъ; завыва́нія гóнга призва́ли егó въ домъ — и онъ нашёлъ всё óбщество въ столовóй. Валенти́на Миха́йловна óчень ла́сково обошла́сь съ нимъ; въýтреннемъ туале́тѣ она́ показа́лась емý соверше́нной краса́вицей. Лицó Маріáнны выража́ло обы́чную сосредотóченность и суровость. — Рóвно въ дéсять часóвъ произошёлъ пéрвый урóкъ въ присýтствіи Валентúны Миха́йловны; она́ сперва́ освѣдоми́лась у Неждáнова, не бýдетъ ли она́ мѣша́ть? и всё врéмя óчень скрóмно держа́ла себя́. Кóля оказа́лся ма́льчикомъ поня́тливымъ; пóслѣ неизбѣ́жныхъ пéрвыхъ колеба́ній и нелóвкостей, урóкъ сошёлъ благополýчно. Валентúна Миха́йловна оста́лась, повúдимому, весьма́ довóльна Неждáновымъ, и нѣ́сколько разъ привѣ́тливо заговáривала съ нимъ. — Онъ упира́лся... но не слúшкомъ. Валентúна Миха́йловна присýтствовала та́кже на второ́мъ урóкѣ — изъ рýсской истóріи. Она́ съ улы́бкой объяви́ла, что по э́тому предмéту нуждáется въ настáвникѣ не хýже самогó Кóли — и та́кже чúнно и тúхо держа́ла себя́, какъ и въ течéніи пéрваго урóка. Отъ 2-ýхъ до 5-ти́ Неждáновъ сидѣ́лъ у себя́ въ кóмнатѣ, писа́лъ пúсьма въ Петербýргъ — и чýвствовалъ себя́... такъ себѣ́: скýки нé было, нé было и тоскú; натя́нутые нéрвы по немнóжку смягча́лись. Они́ напряглúсь снóва во врéмя обѣ́да, хотя́ Калломѣ́йцевъ отсýтствовалъ и ла́сковая предупредúтельность хозя́йки не измѣня́лась; но са́мая э́та предупредúтельность нѣ́сколько сердúла Неждáнова. — Къ томý же, егó сосѣ́дка, ста́рая дѣ́вúца Анна Заха́ровна я́вно враждова́ла и дýлась, а Маріáнна продолжа́ла серьёзничать, и са́мый Кóля ужé слúшкомъ безцеремóнно толка́лъ егó нога́ми. Сипя́гинъ та́кже каза́лся не въ дýхѣ. Онъ былъ óчень недовóленъ управля́ющимъ свóей писчебума́жной фа́брики, нѣ́мцемъ, котóраго на́нялъ за большúя дéньги. Сипя́гинъ прúнялся брани́ть вообще́ всѣ́хъ нѣ́мцевъ, причёмъ объявúлъ, что онъ до нѣ́которой стéпени славянофúлъ, хоть и не фана́тикъ — и упомянýлъ объ однóмъ молодóмъ рýсскомъ, нѣ́коемъ Солóминѣ, котóрый, по слýхамъ, на отлúчную ногý поста́вилъ фа́брику сосѣ́да-купца́; óчень емý хотѣ́лось познакóмиться съ э́тимъ Соло-

минымъ. Къ вѐчеру пріѣхалъ Калломѣйцевъ, имѣніе котóраго находи́лось всегó въ десяти́ верстáхъ отъ „Аржáного“; такъ называ́лась дерéвня Синя́гина. Пріѣхалъ тáкже мировóй посрéдникъ, помѣщикъ изъ числá тѣхъ, котóрыхъ столь мѣтко охарактеризовáлъ Лéрмонтовъ двумя́ извѣстными стихáми:

Весь спря́танъ въ гáлстухъ, фракъ до пятъ...
Усы́, дискáнтъ — и мýтный взглядъ.

Пріѣхалъ другóй сосѣдъ съ уны́лымъ, беззýбымъ лицóмъ, но чрезвычáйно чи́сто одѣтый; пріѣхалъ уѣздный дóкторъ, весьмá плохóй врачъ, люби́вшій щеголя́ть учёными тéрминами: онъ увѣря́лъ, напримѣръ, что предпочитáетъ Кýкольника Пýшкину, потомý что въ Кýкольникѣ мнóго „протоплáзмы.“ Сѣли игрáть въ стýколку. — Неждáновъ удали́лся къ себѣ́ въ кóмнату — и за пóлночь читáлъ и писáлъ.

На слѣ́дующій день, 9-го мáя, бы́ли Кóлины имяни́ны. Цѣ́лымъ дóмомъ, въ трёхъ откры́тыхъ коля́скахъ, съ лакéями на запя́ткахъ, отпрáвились „господá“ къ обѣднѣ — а до нея́ и чéтверти версты́ нé было. Всё произошлó óчень парáдно и пы́шно. Синя́гинъ возложи́лъ на себя́ лéнту; Валентúна Михáйловна одѣ́лась въ прелéстное парúжское плáтье блѣ́дно-сирéневаго цвѣта — и въ цéркви, во врéмя обѣдни, моли́лась по крóшечной кни́жечкѣ, переплетённой въ малúновый бáрхатъ; кни́жечка э́та смущáла ины́хъ старикóвъ; одúнъ изъ нихъ не воздержáлся и спроси́лъ у своегó сосѣда; „Что́ э́то онá, прости́ Гóсподи, колдýетъ, что ли“? — Благовóніе цвѣтóвъ, наполня́вшихъ цéрковь, слива́лось съ си́льнымъ зáпахомъ нóвыхъ насѣ́ренныхъ армякóвъ, дегтя́рныхъ сапогóвъ и котóвъ — и надъ тѣ́ми и другúми испарéніями удýшливо-прія́тно царúлъ лáданъ. Дьячки́ и пономари́ на клиро́сахъ пѣ́ли удиви́тельно-старáтельно. Съ пóмощью присоедини́вшихся къ нимъ фабри́чныхъ, они́ покуси́лись дáже на концéртъ! Былá минýта, когдá всѣмъ присýтствовавшимъ стáло нѣ́сколько... жýтко. Тенóровый гóлосъ (онъ принадлежáлъ фабри́чному Кли́му, человѣ́ку въ злѣ́йшей чахóткѣ) вы́водилъ одúнъ, безъ вся́кой поддéржки, хроматúческіе, минóрные и бемóльные тóны; — они́ бы́ли ужáсны, э́ти тóны! — но оборви́сь они́ — и весь концéртъ немéдленно бы провали́лся... Однáко дѣ́ло... ничегó... обошлóсь. Отéцъ Киприáнъ, священнúкъ сáмой почтéнной нарýжности, съ набéдренникомъ и камилáвкой, произнёсъ прóповѣдь весьмá поучúтельную, по тетрáдкѣ; къ сожалѣ́нію, старáтельный бáтюшка счёлъ за нýжное привести́ именá какúхъ-то премудрёныхъ ассирíйскихъ царéй, чѣмъ весьмá себя́ затрудни́лъ въ произнóсѣ — и хотя́ вы́казалъ нѣ́которую учёность — однáко вспотѣ́лъ же сúльно! Неждáновъ, давнó не бывáвшій въ цéркви, забúлся въ уголóкъ мéжду бáбами: онѣ́ тóлько и́зрѣдка косúлись на негó, и́стово крестя́сь, ни́зко клáняясь и степéнно утирáя нóсы своúхъ малю́токъ; за то крестья́нскія дѣ́вочки въ нóвыхъ армячёнкахъ, съ подни́зями на лбахъ,

и ма́льчики въ подпоя́санныхъ рубашёнкахъ, съ расши́тыми опле́чьями и кра́сными ластови́цами, внима́тельно огля́дывали но́ваго богомо́льца, поверну́вшись пря́мо къ нему́ лицо́мъ... И Неждано́въ смотре́лъ на нихъ и ду́малъ — ра́зныя ду́мы.

По́слѣ обѣ́дни, дли́вшейся весьма́ до́лго — моле́бенъ Никола́ю Чудотво́рцу, какъ извѣ́стно, едва́ ли не са́мый продолжи́тельный изо всѣ́хъ моле́бновъ правосла́вной це́ркви — всё духове́нство, по приглаше́нію Сипя́гина, дви́нулось къ госпо́дскому до́му и, соверши́въ ещё нѣ́сколько прили́чныхъ слу́чаю обря́довъ, окропи́въ да́же ко́мнаты свято́й водо́ю, — получи́ло оби́льный за́втракъ, въ тече́ніи кото́раго вели́сь обы́чные, благонадёжные, но нѣ́сколько утоми́тельные разгово́ры. И хозя́инъ, и хозя́йка — хотя́ въ э́тотъ часъ дня никогда́ не за́втракали — одна́ко тутъ и прикуси́ли, и приго́убили. Сипя́гинъ да́же разсказа́лъ анекдо́тъ, вполнѣ́ присто́йный, но смѣхотво́рный — что́, при его́ кра́сной ле́нтѣ и санови́тости, произвело́ впечатлѣ́ніе, мо́жно сказа́ть, отра́дное, — а въ отцѣ́ Кипріа́нѣ возбуди́ло чу́вство и благода́рности, и удивле́нія. Въ „отме́стку“ — а такъ же для того́, чтобъ показа́ть, что и онъ при слу́чаѣ мо́жетъ сообщи́ть нѣ́что любозна́тельное, — оте́цъ Кипріа́нъ разсказа́лъ о своёмъ разгово́рѣ съ „архіере́омъ“, когда́ тотъ, объѣзжа́я епа́рхію, вы́звалъ всѣхъ свяще́нниковъ уѣ́зда къ себѣ́ въ го́родъ, въ монасты́рь. — Онъ у насъ стро́гій, престро́гій, — увѣря́лъ оте́цъ Кипріа́нъ; — сперва́ разспро́ситъ о прихо́дѣ, о поря́дкахъ — а пото́мъ экза́менъ дѣ́лаетъ... Обрати́лся онъ то́же ко мнѣ. — Твой како́й храмово́й пра́здникъ? — Спа́са Преображе́нія, говорю́. — А тропа́рь на э́тотъ день зна́ешь? — Ещё бы не знать! — Пой! — Ну, я сейча́съ: „Преобрази́лся еси́ на горѣ́, Хри́сте Бо́же нашъ...“ — Стой! Что́ есть преображе́ніе и ка̀къ на́до его́ понима́ть? — Одно́ сло́во, говорю́: хотѣ́лъ Христо́съ ученика́мъ сла́ву свою́ показа́ть! — Хорошо́, говори́тъ; вотъ тебѣ́ отъ меня́ образо́къ на па́мять. — Я ему́ въ но́ги. — Благодарю́-молъ, Влады́ко!... Такъ я отъ него́ тощъ вы́шелъ.

— Я имѣ́ю честь ли́чно знать преосвяще́ннаго, — съ ва́жностью замѣ́тилъ Сипя́гинъ. — Досто́йнѣйшій па́стырь!

— Досто́йнѣйшій! подтверди́лъ и оте́цъ Кипріа́нъ. — Благочи́нными напра́сно то́лько сли́шкомъ довѣря́ется...

Валенти́на Миха́йловна упомяну́ла о крестья́нской шко́лѣ и указа́ла при э́томъ на Маріа́нну, какъ на бу́дущую учи́тельницу: діа́конъ — (ему́ былъ пору́ченъ надзо́ръ надъ шко́лой) — человѣ́къ атлети́ческаго сложе́нія и съ дли́нной волни́стой косо́ю, сму́тно напомина́вшей расче́санный хвостъ орло́вскаго рысака́, хотѣ́лъ-бы́ло вы́разить своё одобре́ніе, но не сообрази́въ си́лы свое́й горта́ни, такъ гу́сто кря́кнулъ, что и самъ оробѣ́лъ, и други́хъ испуга́лъ. — По́слѣ э́того духове́нство ско́ро удали́лось.

Ко́ля, въ сво́ей но́вой ку́рточкѣ съ золоты́ми пу́говками, былъ геро́емъ дня: ему́ дѣ́лали пода́рки, его́ поздравля́ли, цѣлова́ли ему́ ру́ки и съ

пере́дняго крыльца́, и съ за́днаго: фабри́чные, дворовы́е, стару́хи и дѣ́вки; мужики́, тѣ бо́льше по ста́рой крѣпостно́й па́мяти гудѣ́ли пере́дъ до́момъ вокру́гъ столо́въ, уста́вленныхъ пирога́ми и што́фами съ во́дкой. — Ко́ля и стыди́лся, и ра́довался, и горди́лся, и робѣ́лъ, и ла́стился къ роди́телямъ, и вы́бѣгалъ изъ ко́мнаты; а за обѣ́домъ Сипя́гинъ велѣ́лъ пода́ть шампа́нскаго, — и пре́жде чѣмъ вы́пить за здоро́вье сы́на, произнёсъ спичъ. Онъ говори́лъ о томъ, что́ зна́читъ: „служи́ть землѣ́“, — и по како́й доро́гѣ онъ жела́лъ бы, что́бы пошёлъ его́ Никола́й!... (онъ и́менно такъ его́ назва́лъ), — и чего́ въ пра́вѣ ожида́ть отъ него́: вопе́рвыхъ, семья́, — во вторы́хъ, сосло́віе, о́бщество; въ-тре́тьихъ, наро́дъ — да, ми́лостивые государи́, наро́дъ, — и въ четвёртыхъ — прави́тельство! Постепе́нно возвыша́ясь, Сипя́гинъ дости́гъ наконе́цъ и́стиннаго краснорѣ́чія, причёмъ, на подо́біе Ро́берта Пи́ля, закла́дывалъ ру́ку за фа́лду фра́ка; пришёлъ въ умиле́ніе отъ сло́ва „нау́ка“, и ко́нчилъ свой спичъ лати́нскимъ восклица́ніемъ: Laboremus!, кото́рое тутъ же перевёлъ на ру́сскій языкъ. Ко́ля съ бока́ломъ въ рукѣ́ отпра́вился вдоль стола́ благодари́ть отца́ и цѣлова́ться со всѣ́ми.

Нежда́нову опя́ть пришло́сь помѣня́ться взгля́дами съ Маріа́нной... О́ба они́, вѣроя́тно, ощуща́ли одно́ и то же... Но другъ съ дру́гомъ они́ не говори́ли.

Впро́чемъ, Нежда́нову всё, что́ онъ ви́дѣлъ, каза́лось бо́лѣе смѣшны́мъ и да́же занима́тельнымъ, не́жели доса́днымъ и́ли проти́внымъ; а любе́зная хозя́йка, Валенти́на Миха́йловна, явля́лась ему́ у́мной же́нщиной, кото́рая зна́етъ, что разы́грываетъ роль, и въ то же вре́мя та́йно ра́дуется, что есть друго́е лицо́, то́же у́мное и дога́дливое, кото́рое ее постига́етъ... Нежда́новъ, вѣроя́тно, самъ не подозрѣва́лъ, до какой сте́пени его́ самолю́біе бы́ло польщено́ ея́ обхожде́ніемъ съ нимъ.

На слѣ́дующій день уро́ки возобнови́лись, и жизнь побѣжа́ла обы́чной колеёй.

Недѣ́ля прошла́ незамѣ́тно... О томъ, что́ испыта́лъ, что́ переду́малъ Нежда́новъ, лу́чше осего́ мо́жетъ дать поня́тіе отры́вокъ изъ его́ письма́ къ нѣ́коему Си́лину, бы́вшему его́ това́рищу по гимна́зіи и лу́чшему его́ дру́гу. Си́линъ э́тотъ жилъ не въ Петербу́ргѣ, а въ отдалённомъ губе́рнскомъ го́родѣ у зажи́точнаго ро́дственника, отъ кото́раго зави́сѣлъ вполнѣ́. Положе́ніе его́ опредѣли́лось такъ, что ему́ не́чего бы́ло и ду́мать когда́-нибу́дь вы́рваться отту́да; человѣ́къ онъ былъ немо́щный, ро́бкій и неда́льній, но замѣча́тельно чи́стой души́. Поли́тикой онъ не занима́лся, почи́тывалъ ко́е-какія кни́жки, игра́лъ отъ ску́ки на фле́йтѣ и боя́лся ба́рышень. Си́линъ стра́стно люби́лъ Нежда́нова — се́рдце у него́ бы́ло вообще́ привя́зчивое. Ни пере́дъ кѣмъ Нежда́новъ такъ безъ-завѣ́тно не вы́сказывался, какъ поре́дъ Владими́ромъ Си́линымъ; когда́ онъ писа́лъ къ нему́, ему́ всегда́ каза́лось, что онъ бесѣ́дуетъ съ существо́мъ бли́зкимъ и знако́мымъ — но жильцо́мъ друго́го ми́ра, и́ли съ

со́бственной со́вѣстью. Нежда́новъ не могъ да́же предста́вить себѣ́, какъ бы онъ сно́ва за́жилъ съ Си́линымъ по-това́рищески, въ одно́мъ го́родѣ... Онъ, вѣроя́тно, то́тчасъ охладѣ́лъ бы къ нему́: о́чень ма́ло бы́ло у нихъ о́бщаго; но писа́лъ онъ къ нему́ охо́тно и мно́го — и вполнѣ́ откровѣ́нно. Съ други́ми онъ — на бума́гѣ, по кра́йней мѣ́рѣ, — всё какъ бу́дто фальши́лъ и́ли рисова́лся; съ Си́линымъ — никогда́! Пло́хо владѣ́я перо́мъ, Си́линъ отвѣча́лъ ма́ло, коро́ткими нело́вкими фра́зами; но Нежда́новъ и не нужда́лся въ простра́нныхъ отвѣ́тахъ: онъ зналъ и безъ того́, что другъ его́ поглоща́етъ ка́ждое его́ сло́во, какъ доро́жная пыль бры́зги дождя́, храни́тъ его́ та́йны, какъ святы́ню — и, зате́рянный въ глухо́мъ и безвы́ходномъ уедине́нiи, то́лько и живётъ что его́ жи́знью. Никому́ въ све́тѣ Нежда́новъ не говори́лъ о свои́хъ сноше́нiяхъ съ нимъ и дорожи́лъ и́ми чрезвыча́йно.

„Ну, дружи́ще, — чи́стый Влади́миръ!“ — такъ писа́лъ онъ ему́, онъ всегда́ называ́лъ его́ чи́стымъ, и неда́ромъ! — „поздра́вь меня́: попа́лъ я на подно́жный кормъ и могу́ тепе́рь отдохну́ть и собра́ться съ си́лами. Я живу́ на кондиціи у бога́таго сано́вника Сипя́гина, учу́ его́ сыни́шку, ѣмъ чуде́сно (я въ жи́зни такъ не ѣда́лъ!), сплю кре́пко, гуля́ю всласть по прекра́снымъ окре́стностямъ — а гла́вное: вы́шелъ на́ время изъ-подъ опе́ки петербу́ргскихъ друзе́й; и хоть снача́ла ску́ка гры́зла ли́хо, но тепе́рь какъ бу́дто ле́гче ста́ло. Въ ско́рости придётся надѣ́ть извѣ́стную тебѣ́ ля́мку, т.-е. полѣ́зть въ ку́зовъ, такъ какъ я назва́лся гру́здёмъ (меня́ со́бственно затѣ́мъ и отпусти́ли сюда́); но, пока́, я могу́ жить драгоцѣ́нной живо́тной жи́знью, расти́ въ брю́хо — и, пожа́луй, стихи́ сочиня́ть, коли́ приспи́читъ охо́та. Такъ называ́емыя наблюде́нiя отлага́ются до друго́го вре́мени: имѣ́нiе мнѣ ка́жется благоустро́еннымъ, вотъ то́лько ра́звѣ фа́брика подгуля́ла; отдѣ́лённые по вы́купу мужики́ каки́е-то недосту́пные; на́нятые дворовы́е — ужъ о́чень всё присто́йныя физіоно́мiи. Но мы э́то разберёмъ впослѣ́дствiи. Хозя́ева — учти́вые, либера́льные; ба́ринъ всё снисхо́дитъ, всё снисхо́дитъ — а то вдругъ возьмётъ и воспари́тъ: преобразо́ванный мужчи́на! Ба́рыня — пи́саная краса́вица и о́чень должна́ быть себѣ́ на умѣ́; такъ и карау́литъ тебя́, — а ужъ какъ мягка́! — Совсѣ́мъ безко́стная! Я ея́ поба́иваюсь; ты вѣдь зна́ешь, како́й я да́мскiй кавале́ръ! — Сосѣ́ди есть — сквѐрные; стару́ха одна́ меня́ притѣсня́етъ... Но бо́льше всѣхъ меня́ занима́етъ одна́ дѣ́вушка, ро́дственница-ли, компаньо́нка-ли, — Госпо́дь её зна́етъ! — съ кото́рой я почти́ двухъ словъ не сказа́лъ, но въ кото́рой я чу́вствую своего́ по́ля я́году“...

Тутъ слѣ́довало описа́нiе нару́жности Маріа́нны — всей ея́ пова́дки; а пото́мъ онъ продолжа́лъ:

„Что она́ несча́стна, горда́, самолюби́ва, скры́тна, а гла́вное, несча́стна, — э́то для меня́ не подлежи́тъ сомнѣ́нiю. Почему́ она́ несча́стна, — э́того я до сихъ поръ ещё не зна́ю. Что она́ нату́ра че́стная, — э́то

мнѣ я́сно; добра́ ли она́, — э́то ещё вопро́съ. Да и существу́ютъ ли вполнѣ́ до́брыя же́нщины — е́сли онѣ́ не глу́пы? И ну́жно ли это? Впро́чемъ, я же́нщинъ вообще́ ма́ло зна́ю. Хозя́йка её не лю́битъ... И она́ ей пла́титъ тѣ́мъ же... Но кто изъ нихъ правъ, — неизвѣ́стно. Я полага́ю, что скорѣ́й хозя́йка не пра́ва... такъ какъ ужъ о́чень она́ вѣ́жлива съ не́ю; а у *той* да́же бро́ви нерви́чески подёргиваются, когда́ она́ говори́тъ съ свое́й патро́ншей. Да; о́чень она́ нерви́ческое существо́; э́то то́же по мое́й ча́сти. И *вывихнута* она́ та́кже, какъ я, — хотя́ вѣро́ятно не одни́мъ и тѣ́мъ же мане́ромъ.

„Когда́ всё э́то немно́жко распу́тается, — напишу́ тебѣ́...

„Она́ со мной почти́ никогда́ не бесѣ́дуетъ, какъ я уже́ сказа́лъ тебѣ́; но въ немно́гихъ ея́ слова́хъ, ко мнѣ обращённыхъ — (всегда́ внеза́пно и неожи́данно) — звучи́тъ кака́я-то жёсткая откровенность... Мнѣ э́то прія́тно.

„Кста́ти, что́ ро́дственникъ твой всё ещё де́ржитъ тебя́ на сухоя́дѣніи — и не собира́ется умира́ть?

„Чита́лъ ли ты въ „Вѣ́стникѣ Евро́пы“ статью́ о послѣ́днихъ самозва́нцахъ въ Оренбу́ргской губе́рніи? Въ 34-мъ году́ э́то происходи́ло, братъ! Журна́лъ я э́тотъ не люблю́ — и а́вторъ — консерва́торъ; но вещь интере́сная, и мо́жетъ навести́ на мы́сли“...

IX.

Май уже́ перевали́лся за вторую́ полови́ну; стоя́ли пе́рвые жа́ркіе лѣ́тніе дни. — Око́нчивъ уро́къ исто́ріи, Неждановъ отпра́вился въ садъ, а изъ са́да перешёлъ въ берёзовую ро́щу, кото́рая примыка́ла къ нему́ съ одно́й стороны́. — Часть э́той ро́щи свели́ купцы́ лѣ́тъ пятна́дцать тому́ наза́дъ; по всѣ́мъ вы́рубленнымъ мѣ́стамъ засѣ́лъ сплошно́й березня́къ. Нѣ́жномато́выми серебря́ными сто́лбиками, съ сѣрова́тыми попере́чными ко́льцами, стоя́ли ча́стые ство́лы дере́вьевъ; ме́лкіе ли́стья я́рко и дру́жно зеленѣ́ли, сло́вно кто ихъ вы́мылъ и лакъ на нихъ навёлъ; весе́нняя тра́вка пробива́лась о́стрыми язычка́ми сквозь ро́вный слой прошлого́дней тёмно-па́левой листвы́. Всю ро́щу прорѣза́ли у́зкія доро́жки; желтоно́сые чёрные дрозды́ съ внеза́пнымъ кри́комъ, сло́вно испу́ганные, перелётывали че́резъ э́ти доро́жки, ни́зко, надъ са́мой землёй, — и броса́лись въ ча́щу, сломя́ го́лову. Погуля́вши съ полчаса́, Неждановъ присѣ́лъ наконе́цъ на сру́бленный пень, окружённый сѣ́рыми, ста́рыми щепками: онѣ́ лежа́ли ку́чкой такъ, какъ упа́ли, отби́тыя когда́-то топоро́мъ. Мно́го разъ ихъ покрыва́лъ зи́мній снѣгъ — и сходи́лъ съ нихъ весно́ю, — и никто́ ихъ не тро́галъ. Неждановъ сидѣ́лъ спино́ю къ сплошно́й стѣнѣ́ молоды́хъ берёзъ, въ густо́й, но коро́ткой тѣни́; онъ не ду́малъ ни о чёмъ, онъ отдава́лся весь тому́ осо́бенному весе́ннему ощуще́нію, къ кото́рому — и въ молодо́мъ, и въ ста́ромъ се́рдцѣ всегда́ примѣ́шивается грусть... взволно́ванная

грусть ожида́нія — въ молодо́мъ, неподви́жная грусть сожале́нія — въ ста́ромъ...

Нежда́нову вдругъ послы́шался шумъ приближа́вшихся шаго́въ.

То шёлъ не оди́нъ челове́къ — и не мужи́къ въ ла́птяхъ и́ли тяжёлыхъ сапога́хъ — и не босоно́гая ба́ба. Каза́лось, дво́е шли не спѣша́, мѣрно... Же́нское пла́тье прошурша́ло слегка́...

Вдругъ разда́лся глухо́й го́лосъ, го́лосъ мужчи́ны:

— Ита́къ, это ва́ше после́днее сло́во? Никогда́?

— Никогда́! — повтори́лъ другой, же́нскій го́лосъ, показа́вшійся Нежда́нову знако́мымъ — и мгнове́ніе спустя́, изъ-за угла́ доро́жки, оги-ба́вшей въ э́томъ мѣстѣ молодо́й березня́къ — вы́ступила Маріа́нна въ сопровожде́ніи челове́ка сму́глаго, черногла́заго, кото́раго Нежда́новъ до того́ мгнове́нія не вида́лъ.

О́ба останови́лись, какъ вко́панные, при ви́дѣ Нежда́нова; — а онъ до того́ удиви́лся, что да́же не подня́лся съ пня, на кото́ромъ сидѣлъ... Маріа́нна покрасне́ла до ко́рней воло́съ — но тотча́съ же презри́тельно усмѣхну́лась... Къ кому́ относи́лась э́та усмѣшка — къ ней само́й за то, что она́ покрасне́ла — и́ли къ Нежда́нову?... А спу́тникъ ея́ нахму́рилъ свои́ густы́я бро́ви — и сверкну́лъ желтова́тыми бѣлками безпоко́йныхъ глазъ. Пото́мъ онъ перегляну́лся съ Маріа́нной — и о́ба, повернувшись спино́ю къ Нежда́нову, пошли́ прочь, мо́лча, не прибавля́я ша́гу, ме́жду тѣмъ какъ онъ провожа́лъ ихъ изумлённымъ взо́ромъ.

Полчаса́ спустя́, онъ верну́лся домо́й, въ свою́ ко́мнату — и когда́, при́званный завыва́ньями го́нга, вошёлъ въ гости́ную, онъ увида́лъ въ ней того́ са́маго чёрномазаго незнако́мца, кото́рый наткну́лся на него́ въ ро́щѣ. Сипя́гинъ подвёлъ къ нему́ Нежда́нова и предста́вилъ его́, какъ своего́ beau-frère'a, бра́та Валенти́ны Миха́йловны — Серге́я Миха́йловича Ма́ркелова.

— Прошу́ васъ, господа́, люби́ть другъ дру́га и жа́ловать! — воскли́кнулъ Сипя́гинъ съ столь сво́йственной ему́ вели́чественно-привѣтной и въ то же вре́мя разсѣянной улы́бкой.

Ма́ркеловъ отвѣсилъ безмо́лвный покло́нъ; Нежда́новъ отвѣча́лъ таковы́мъ же... а Сипя́гинъ, слегка́ заки́дывая наза́дъ свою́ небольшу́ю голо́вку и подёргивая плеча́ми, отошёлъ въ сто́рону: — „Я, молъ, васъ свёлъ, а бу́дете ли вы то́чно люби́ть и жа́ловать другъ дру́га — э́то для меня́ дово́льно индифферентно!“

Тогда́ Валенти́на Миха́йловна прибли́зилась къ неподви́жно-стоя́вшей четѣ, сно́ва предста́вила ихъ другъ дру́гу — и съ осо́бенной, ла́сковой свѣтлостью взгля́да, кото́рая, сло́вно по кома́ндѣ, прилива́ла къ ея́ чудесным глаза́мъ, заговори́ла съ бра́томъ.

— Что́ э́то, cher Serge, ты насъ совсѣмъ забыва́ешь! Да́же на имяни́ны Ко́ли не пріѣхалъ. И́ли заня́тій у тебя́ такъ мно́го накопи́лось? — Онъ со свои́ми крестья́нами каки́е-то но́вые поря́дки заво́дитъ, — обрати́лась

она́ къ Нежда́нову — преоригина́льные: имъ три че́тверти всего́ — а себѣ́ одну́ че́тверть; и то онъ ещё нахо́дитъ, что мно́го ему́ достаётся.

— Сестра́ дю́битъ шути́ть, — обрати́лся въ свою́ о́чередь Ма́ркеловъ къ Нежда́нову: — но я гото́въ съ ней согласи́ться, что *одному́* челове́ку взять че́тверть того́, что́ принадлежи́тъ цѣ́лой *со́тнѣ*, — дѣйстви́тельно мно́го.

— А вы, Алексѣ́й Дми́тричъ, замѣ́тили, что я люблю́ шути́ть? — спроси́ла Сипя́гина всё съ то́ю же ла́сковой мя́гкостью и взо́ра, и го́лоса.

Нежда́новъ не нашёлся, что́ отвѣ́тить; — а тутъ доложи́ли о пріѣ́здѣ Калломѣ́йцева. Хозя́йка пошла́ къ нему́ на встрѣ́чу, — и нѣ́сколько мину́тъ спустя́, дворе́цкій появи́лся и пѣ́вучимъ го́лосомъ провозгласи́лъ, что — ку́шанье гото́во.

За обѣ́домъ Нежда́новъ нево́льно всё посма́тривалъ на Маріа́нну и на Ма́ркелова. — Они́ сидѣ́ли ря́домъ, о́ба съ опу́щенными глаза́ми, со сти́снутыми гу́бами, съ су́мрачнымъ и стро́гимъ, почти́ озлобле́ннымъ выра́женіемъ лица́. Нежда́новъ осо́бенно диви́лся тому́: каки́мъ о́бразомъ могъ Ма́ркеловъ быть бра́томъ Сипя́гиной? Такъ ма́ло схо́дства замѣча́лось ме́жду ни́ми. — Одно́ ра́звѣ: у обо́ихъ ко́жа была́ сму́глая; но у Валенти́ны Миха́йловны ма́товый цвѣ́тъ лица́, рукъ и плече́й составля́лъ одну́ изъ ея́ пре́лестей... у ея́ бра́та онъ переходи́лъ въ ту черноту́, кото́рую вѣ́жливые дю́ди величаютъ бро́нзой, но кота́рая ру́сскому гла́зу напомина́етъ — голени́ще. Во́лосы Ма́ркеловъ имѣ́лъ курчавые, носъ нѣ́сколько крючкова́тый, гу́бы кру́пныя, впа́лыя ще́ки, втя́нутый живо́тъ и жи́листыя ру́ки. Весь онъ былъ жи́листый, сухо́й, — и говори́лъ мѣ́рнымъ, рѣ́зкимъ, отры́вочнымъ го́лосомъ. Со́нный взглядъ — угрю́мый видъ, — какъ есть желчеви́къ! Онъ ѣ́лъ ма́ло, бо́льше ката́лъ ша́рики изъ хлѣ́ба — и лишь и́зрѣдка вски́дывалъ глаза́ми на Калломѣ́йцева, кото́рый то́лько-что верну́лся изъ го́рода, гдѣ ви́дѣлъ губерна́тора — по не совсѣ́мъ прія́тному для него́, Колломѣ́йцева, дѣ́лу, о кото́ромъ онъ впро́чемъ тща́тельно ума́лчивалъ, — и залива́лся соловьёмъ.

Сипя́гинъ, по пре́жнему, оса́живалъ его́, когда́ онъ че́резъ-чуръ заноси́лся, но мно́го смѣя́лся его́ анекдо́тамъ и бон-мо́, хотя́ и находи́лъ — „qu'il est un affreux réactionnaire“. Калломѣ́йцевъ увѣря́лъ, ме́жду про́чимъ, что пришёлъ въ соверше́нный восто́ргъ отъ назва́нія, кото́рое мужики́ — oui, oui! les simples mougiks — даю́тъ адвока́тамъ. „Бреху́нцы! бреху́нцы!“ — повторя́лъ онъ съ восхище́ніемъ: — cet peuple russe est délicieux! — Пото́мъ онъ разсказа́лъ, какъ, посѣти́въ одна́жды наро́дную шко́лу, онъ поста́вилъ ученика́мъ вопро́съ: Что́ есть строфоками́лъ? — И такъ какъ никто́ не умѣ́лъ отвѣ́тить, ни да́же самъ учи́тель, то онъ, Калломѣ́йцевъ, поста́вилъ другой вопро́съ: Что́ есть пи́ѳикъ? — причёмъ привёлъ стихъ Хе́мницера: „И Пиѳикъ слабоу́мъ списа́тель звѣ́рскихъ лицъ!“ — И на э́то ему́ никто́ не отвѣ́тилъ. — Вотъ вамъ и наро́дныя шко́лы!

— Но позво́льте, — замѣ́тила Валентѝна Михаѝловна, — я сама́ не зна́ю, что э́то за звѣ́ри такіе?

— Суда́рыня! воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ, — вамъ э́того и не ну́жно знать!

— А для чего́ же э́то наро́ду ну́жно?

— А для того́, что лу́чше ему́ знать пи́ѳика и строфоками́ла, — чѣ́мъ како́го-нибу́дь Прудо́на — и́ли да́же Ада́ма Сми́та!

Но тутъ Сипя́гинъ сно́ва осади́лъ Калломѣ́йцева, объяви́въ, что Ада́мъ Смитъ — одно́ изъ свѣти́лъ челове́ческой мы́сли, и что бы́ло бы поле́зно вса́сывать его́ при́нципы... (онъ нали́лъ себѣ́ рю́мку шато́ д'пке́му)... вмѣ́стѣ съ молоко́мъ... (онъ провёлъ у себя́ подъ но́сомъ и понюхалъ вино́)... ма́тери! — Онъ проглоти́лъ рю́мку. Калломѣ́йцевъ то́же вы́пилъ и похвали́лъ вино́.

Ма́ркеловъ не обраща́лъ осо́беннаго внима́нія на разглаго́льствованія петербу́ргскаго ка́ммеръ-ю́нкера, но ра́за два вопроси́тельно посмотрѣлъ на Нежда́нова и, подбро́сивъ хлѣ́бный ша́рикъ, чуть-бы́ло не попа́лъ имъ пря́мо въ носъ краснорѣчи́вому го́стю...

Сипя́гинъ оставля́лъ своего́ зя́тя въ поко́ѣ; Валентѝна Михаѝловна та́кже не загова́ривала съ нимъ! — ви́дно бы́ло, что они́ оба, и мужъ и жена́, привы́кли счита́ть Ма́ркелова за чудака́, кото́раго лу́чше не задира́ть.

По́слѣ обѣ́да Ма́ркеловъ отпра́вился въ билліа́рдную кури́ть тру́бку — а Нежда́новъ пошёлъ въ свою́ ко́мнату. — Въ корридо́рѣ онъ нату́лся на Маріа́нну. Онъ хотѣ́лъ-бы́ло пройти́ ми́мо... она́ останови́ла его́ рѣ́зкимъ движе́ніемъ руки́.

— Г-нъ Нежда́новъ, — заговори́ла она́ не совсѣ́мъ твёрдымъ го́лосомъ, — мнѣ́, по настоя́щему, должно́ быть всё равно́, что́ вы обо мнѣ́ ни ду́маете; но я всё-таки́ полага́ю... я полага́ю... (она́ не находи́ла сло́ва)... Я полага́ю умѣ́стнымъ сказа́ть вамъ, что когда́ вы встрѣ́тили сего́дня въ ро́щѣ меня́ съ г-мъ Ма́ркеловымъ... Скажи́те, вы, вѣроя́тно, поду́мали, отчего́ э́то они́ о́ба смути́лись и зачѣ́мъ э́то они́ пришли́ сюда́, — сло́вно на свида́ніе?

— Мнѣ́ дѣйстви́тельно показа́лось немно́го стра́ннымъ... на́чалъ-бы́ло Нежда́новъ.

— Г-нъ Ма́ркеловъ, — подхвати́ла Маріа́нна, — сдѣ́лалъ мнѣ́ предложе́ніе; и я ему́ отказа́ла. Вотъ всё, что́ я имѣ́ла сказа́ть вамъ! за симъ — проща́йте. И ду́майте обо мнѣ́, что́ хоти́те.

Она́ бы́стро отверну́лась и пошла́ ско́рыми шага́ми по корридо́ру.

Нежда́новъ верну́лся къ себѣ́ въ ко́мнату — и присѣ́въ пере́дъ окно́мъ, заду́мался. — Что́ за стра́нная дѣ́вушка — и къ чему́ э́та ди́кая вы́ходка, э́та непро́шенная откровѐнность? Что́ э́то тако́е — жела́ніе пооригина́льничать — и́ли про́сто фразёрство — и́ли го́рдость? Вѣрнѣ́е всего́, что го́рдость. Ей не въ терпе́жъ малѣ́йшее подозрѣ́ніе... Она́ не вы́носитъ мы́сли, что друго́й ло́жно су́дитъ о ней. — Стра́нная дѣ́вушка!

Такъ размышля́лъ Неждáновъ; а внизу́ на террáссѣ шёлъ разговóръ о нёмъ; — и онъ óчень хорошó всё слы́шалъ.

— Чу́етъ мой носъ, увѣря́лъ Калломѣ́йцевъ — чу́етъ, что э́то — крáсный. Я, ещё въ бы́тность мою́ чинóвникомъ по осóбымъ поручéніямъ у москóвскаго генерáлъ-губернáтора — avec Ladislas — навострúлся на э́тихъ госпóдъ — на крáсныхъ, да вотъ ещё на раскóльниковъ. Чутьёмъ, бывáло, беру́ вéрхнимъ. — Тутъ Калломѣ́йцевъ „кстáти“ разсказáлъ, какъ онъ однáжды, въ окрéстностяхъ Москвы́, поймáлъ *за каблу́къ* старикá-раскóльника, на котóраго нагря́нулъ съ полúціей и „котóрый едвá бы́ло не вы́скочилъ изъ окнá избы́... И такъ до той минýты смúрно сидѣ́лъ на лáвкѣ, бездѣ́льникъ!“

Калломѣ́йцевъ забы́лъ прибáвить, что э́тотъ сáмый старúкъ, посáженный въ тюрьму́, отказáлся ото вся́кой пúщи — и уморúлъ себя́ гóлодомъ.

— А вашъ нóвый учúтель, продолжáлъ ретúвый кáммеръ-ю́нкеръ — крáсный, непремѣ́нно! Обратúли-ли вы внимáніе на то, что онъ никогдá пéрвый не клáняется?

— Да зачѣ́мъ же онъ стáнетъ пéрвый клáняться? — замѣ́тила Синя́гина; — мнѣ э́то, напрóтивъ, въ нёмъ нрáвится.

— Я гость въ дóмѣ́, гдѣ онъ слýжитъ, — воскликнулъ Калломѣ́йцевъ — да, да, слýжитъ, за дéньги, comme un salarié... Стáло быть, я емý старшóй. — И онъ *дóлженъ* мнѣ клáняться пéрвый.

— Вы óчень взыскáтельны мой любезнѣ́йшій, — вмѣша́лся Синя́гинъ, съ ударéніемъ: на *ъй;* — всё это пáхнетъ, извинúте, чѣ́мъ-то весьмá отстáлымъ. Я купúлъ егó услýги, егó рабóту, но онъ остáлся человѣ́комъ свобóднымъ.

— Узды́ онъ не чýвствуетъ, — продолжáлъ Калломѣ́йцевъ — узды́: le frein! Всѣ́ э́ти крáсные — таковы́. Говорю́ вамъ: у меня́ на нихъ носъ чýдный! — Вотъ рáзвѣ Ladislas со мной — въ э́томъ отношéніи — потягáться мóжетъ! — Попадúсь онъ мнѣ, э́тотъ учúтель, въ рýки, — я бы егó подтянýлъ! Я бы егó вотъ какъ подтянýлъ! Онъ бы у меня́ запѣ́лъ другúмъ гóлосомъ; — и какъ бы шáпку ломáть пéредо мнóй сталъ... прéлесть!

— Дрянь, хвастунúшка! — чуть-бы́ло не закричáлъ сверхý Неждáновъ... Но въ э́то мгновéніе дверь егó кóмнаты растворúлась — и въ неё, къ немáлому изумлéнію Неждáнова, — вошёлъ Мáркеловъ.

X.

Неждáновъ приподня́лся съ своегó мѣ́ста емý навстрѣ́чу — а Мáркеловъ пря́мо подошёлъ къ немý и, безъ поклóна и безъ улы́бки, спросúлъ егó: тóчно ли онъ Алексѣ́й Дмúтріевъ Неждáновъ, студéнтъ с.-петербýргскаго университéта?

— Да... то́чно; — отвѣча́лъ Неждано́въ.

Ма́ркеловъ доста́лъ изъ бокового́ карма́на распеча́танное письмо́. — Въ тако́мъ слу́чаѣ — прочти́те э́то. Отъ Васи́лія Никола́евича, — приба́вилъ онъ, значи́тельно пони́зивъ го́лосъ.

Неждано́въ развернулъ и прочёлъ письмо́. Э́то бы́ло нѣ́что въ ро́дѣ полу́-оффиціа́льнаго циркуля́ра, въ кото́ромъ пода́тель, Серге́й Ма́ркеловъ, рекомендова́лся, какъ оди́нъ изъ „на́шихъ“, вполнѣ́ заслу́живавшихъ дове́рія; да́лѣе сле́довало наставле́ніе о безотлага́тельной необходи́мости взаимнодѣ́йствія, о распростране́ніи извѣ́стныхъ пра́вилъ. Цпркуля́ръ былъ ме́жду про́чимъ адресо́ванъ и Неждано́ву, то́же какъ вѣ́рному человѣ́ку.

Неждано́въ протяну́лъ ру́ку Ма́ркелову, попроси́лъ его́ сѣ́сть и самъ опусти́лся на стулъ. Ма́ркеловъ на́чалъ съ того́, что, ни сло́ва не говоря́, закури́лъ папиро́су. Неждано́въ послѣ́довалъ его́ приме́ру.

— Вы съ здѣ́шними крестья́нами уже́ успѣ́ли сбли́зиться? — спроси́лъ наконе́цъ Ма́ркеловъ.

— Нѣ́тъ; пока́ ещё не успѣ́лъ.

— Да вы давно́ ли сюда́ при́были?

— Ско́ро двѣ́ недѣ́ли бу́детъ.

— Зня́тій мно́го?

— Не сли́шкомъ.

— Ма́ркеловъ угрю́мо ка́шлянулъ.

— Гмъ! Наро́дъ здѣ́сь дово́льно пусто́й, — продолжа́лъ онъ; — тёмный наро́дъ. Поуча́ть на́до. Бѣ́дность больша́я — а растолкова́ть не́кому, отчего́ э́та са́мая бѣ́дность происхо́дитъ.

— Бы́вшіе мужики́ ва́шего зя́тя, ско́лько мо́жно суди́ть, не бѣ́дствуютъ — замѣ́тилъ Неждано́въ.

— Зять мой — хитре́цъ; глаза́ отводи́ть — ма́стеръ. Крестья́не здѣ́шніе — то́чно ничего́: но у него́ есть фа́брика. Вотъ гдѣ́ ну́жно стара́ніе приложи́ть. Тутъ то́лько копни́: что́ въ муравьи́ной ку́чкѣ, сейча́съ заворо́шатся. — Кни́жки у васъ съ собо́ю есть?

— Есть... да немно́го.

— Я вамъ доста́влю. Какъ же э́то вы такъ!

Неждано́въ ничего́ не отвѣча́лъ. Ма́ркеловъ то́же умо́лкъ и то́лько дымъ пуска́лъ но́здрями.

— Како́й однако́ мерза́вецъ э́тотъ Калломѣ́йцевъ, — промо́лвилъ онъ вдругъ. — Я за обѣ́домъ ду́малъ: встать, подойти́ къ э́тому ба́рину — и расшиби́ть въ прахъ всю его́ наха́льную физіоно́мію, что́бы другима́ъ пова́дно не́ было. Да нѣ́тъ! Тепе́рь есть дѣла́ поважнѣе, чѣ́мъ бить ка́ммеръ-ю́нкеровъ. — Тепе́рь не вре́мя сердиться на дурако́въ за то́, что они́ говоря́тъ глу́пыя слова́; тепе́рь вре́мя мѣша́ть имъ глу́пыя дѣла́ дѣ́лать.

Неждáновъ кáчнулъ головóй утвердúтельно — а Мáркеловъ опя́ть прúнялся за папиро́ску.

— Тутъ ме́жду всей э́той дворо́вой че́лядью есть одúнъ ма́лый дѣ́льный — на́чалъ онъ сно́ва; — не слугá вашъ Ивáнъ... э́то — ры́ба какáя то; а другóй... ему́ úмя Кириллъ, онъ при буфе́тѣ (Кириллъ э́тотъ былъ извѣ́стенъ, какъ го́рькій пья́ница). — Вы обрати́те на него́ внима́ніе. Забубённая голова́... да вѣдь намъ деликáтничать не прихо́дится. А что́ вы объ моéй сестрѣ́ скáжете? — прибáвилъ онъ, внезáпно по́днявъ го́лову и устáвивъ свои́ жёлтые глазá на Неждáнова. — Э́та ещё похитрѣе бу́детъ, чѣмъ мой зятёкъ. Какъ вы объ ней полагáете?

— Я полагáю, что онá óчень прия́тная и любе́зная дáма... И къ тому́ же онá óчень краси́ва.

— Гмъ! Какъ э́то вы, господá, въ Петербу́ргѣ то́нко выражáетесь... Удивля́юсь! — Ну... а на счётъ... на́чалъ-бы́ло онъ, но вдругъ насу́пился, потемнѣ́лъ въ лицѣ́ и не доко́нчилъ на́чатой фрáзы. — Намъ, я ви́жу, на́до съ ва́ми хорошéнько потолковáть, — заговори́лъ онъ опя́ть. — Здѣ́сь невозмóжно. Чортъ ихъ знáетъ! Подъ дверьми́, пожáлуй, подслу́шиваютъ. Знáете ли, что̀ я вамъ предлагáю? Сегóдня суббóта, зáвтра вы, чай, моему́ племя́ннику урóковъ не даёте?... Не прáвда ли?

— У меня́ зáвтра съ нимъ репети́ція въ три часá.

— Репети́ція? Точно въ теáтрѣ. Э́то, должнó быть, моя́ сестри́ца такія словá вы́думываетъ. Ну, всё равнó. Хоти́те? Поѣ́демте сейчáсъ ко мнѣ́. Моя́ дере́вня отсю́да въ десяти́ верстáхъ. Лóшади у меня́ хорóшія: сомчáтъ дýхомъ — вы у меня́ переночу́ете, проведёта у́тро — а зáвтра къ трёмъ часáмъ я васъ обрáтно достáвлю. Согласны?

— Извóльте, — промóлвилъ Неждáновъ. — Съ сáмаго прихóда Мáркелова онъ находи́лся въ возбуждённомъ и стѣ́снённомъ состоя́ніи. — Внезáпное сближе́ніе съ нимъ его́ смущáло; и въ то же вре́мя его́ влекло́ къ нему́. — Онъ чу́вствовалъ, онъ понимáлъ, что пе́редъ нимъ существó, вѣроя́тно тупóе, но несомнѣ́нно че́стное — и си́льное. — Къ тому́ же э́та стрáнная встрѣ́ча въ ро́щѣ, э́то неожи́данное объясне́ніе Маріáнны...

— Ну, и прекрáсно! — воскли́кнулъ Мáркеловъ. — Вы, покá, приготóвьтесь; а я пойду́, велю́ заложи́ть тарантáсъ. Вѣдь вамъ, я надѣ́юсь, не́чего спрáшиваться у здѣ́шнихъ хозя́евъ?

— Я ихъ предувѣ́домлю́. Безъ э́того, я полагáю, мнѣ́ отлучи́ться нельзя́.

— Я имъ скажу́, — подхвати́лъ Мáркеловъ. — Вы не безпоко́йтесь. — Они́ тепе́рь ду́ются въ кáрты — и не замѣ́тятъ ва́шего отсу́тствія. Мой зять всё въ государственные лю́ди ме́титъ, — а то́лько за нимъ и есть, что въ кáрты отли́чно играетъ. Ну, и то сказáть: че́резъ э́тотъ фóртель мнóгіе выхóдятъ!... — Такъ бу́дьте готóвы. Я сейчáсъ распоряжу́сь.

Ма́ркеловъ удали́лся; а часъ спустя́ Неждановъ сидѣлъ ря́домъ съ нимъ на большо́й ко́жаной поду́шкѣ, въ широ́комъ, разва́листомъ, о́чень ста́ромъ и о́чень поко́йномъ тарантасѣ; призёмистый кучеро́къ на облу́чкѣ непреста́нно свиста́лъ каки́мъ-то удиви́тельно-прія́тнымъ, пти́чьимъ сви́стомъ; тро́йка пѣгихъ лоша́докъ съ заплетёнными чёрными гри́вами и хвоста́ми бы́стро несла́сь по ро́вной доро́гѣ; и уже́ застла́нные пе́рвою ночно́ю тѣнью (въ мину́ту отъѣзда про́било де́сять часо́въ) пла́вно проноси́лись — иные взадъ, други́е впередъ, смотря́ по отдале́нію — отдѣльныя дере́вья, кусты́, поля́, луга́ и овра́ги.

Небольша́я дереве́нька Ма́ркелова (въ ней бы́ло всего́ двѣсти десяти́нъ и приноси́ла она́ о́коло 700 р. дохо́да — зва́ли её Борзёнково) находи́лась въ трёхъ верста́хъ отъ губе́рнскаго го́рода, отъ кото́раго имѣніе Сипя́гина отстоя́ло въ семи́ верста́хъ. — Что́бы попа́сть въ Борзёнково, на́до бы́ло проѣхать че́резъ го́родъ. — Не успѣ́ли но́вые знако́мцы обмѣня́ться и полусо́тней словъ, — какъ уже́ замелька́ли пере́дъ ни́ми дря́нные подгоро́дные мѣща́нскіе доми́шки съ прода́вленными тесовы́ми кры́шами, съ ту́склыми пя́тнами свѣта въ перекри́вленныхъ око́шкахъ; а тамъ загремѣ́ли подъ колёсами ка́мни губе́рнской мостово́й, тарантасъ запры́галъ, замета́лся изъ стороны́ въ сто́рону... и, подпры́гивая при ка́ждомъ толчкѣ́, поплы́ли ми́мо глу́пые ка́менные двухъ-эта́жные купе́ческіе дома́ съ фронто́нами, це́ркви съ коло́ннами, тракти́рныя заведе́нія... Дѣ́ло бы́ло подъ воскресе́нье; — на у́лицахъ уже́ не́ было прохо́жихъ — но въ кабака́хъ ещё толпи́лся наро́дъ. Хри́плые голоса́ вырыва́лись отту́да, пья́ныя пѣ́сни, гнусли́вые зву́ки гармо́никъ; изъ внеза́пно раскры́тыхъ двере́й би́ло гря́знымъ тепло́мъ, ѣ́дкимъ за́пахомъ спи́рта, кра́снымъ о́тблескомъ ночнико́въ. Почти́ пере́дъ ка́ждымъ кабако́мъ стоя́ли крестья́нскія телѣжчёнки, запряжённыя мохна́тыми, пуза́тыми кля́чами; поко́рно пону́ривъ кудла́стыя го́ловы, онѣ́, каза́лось, спа́ли; расте́рзанный, распоя́санный мужи́къ въ пу́хлой зи́мней ша́пкѣ, свѣ́сившейся мѣшко́мъ на затыло́къ, выходи́лъ изъ кабака́ — и, прислони́вшись гру́дью къ огло́блямъ, пребыва́лъ недви́жимъ, что-то сла́бо ощу́пывая и разводя́ и ша́ря рука́ми: и́ли худоща́вый фабри́чный въ карту́зѣ на бекре́нь, съ вы́пущенной кита́йчатой руба́хой и босо́й — сапоги́-то оста́лись въ заведе́ніи — дѣ́лалъ нѣсколько нерѣши́тельныхъ шаго́въ, остана́вливался, чеса́лъ спину́ — и, внеза́пно а́хнувъ, возвраща́лся вспять...

— Одолѣ́ваетъ вино́ ру́сскаго человѣ́ка! — су́мрачно замѣ́тилъ Ма́ркеловъ.

— Съ го́ря, ба́тюшка Серге́й Миха́йловичъ! — промо́лвилъ, не обора́чиваясь, ку́черъ, кото́рый пе́редъ ка́ждымъ кабако́мъ переставя́лъ свиста́ть и сло́вно въ себя́ углубля́лся.

— Пошёлъ! пошёлъ! — отвѣ́тилъ Ма́ркеловъ, съ се́рдцемъ потряса́я воротнико́мъ шине́ли. Тарантасъ перебра́лся че́резъ обши́рную база́рную пло́щадь, всю провоня́вшую капу́стой и рого́жей, миновалъ губерна́торскій

домъ съ пёстрыми бу́дками у воро́тъ, ча́стный домъ съ ба́шней, буль-ва́ръ съ то́лько-что поса́женными и уже умира́вшими дере́вцами, гости́-ный дворъ, напо́лненный соба́чьимъ ла́емъ и ля́згомъ цѣпе́й — и, понем-но́гу вы́бравшись за засто́ву, обогна́въ дли́нный, дли́нный обо́зъ, вы́сту-пившій въ путь по холо́дку — сно́ва очути́лся въ во́льномъ загоро́д-номъ во́здухѣ, на большо́й, ве́рбами обса́женной доро́гѣ — и сно́ва пока-ти́лъ ши́бче и ровнѣ́й.

Ма́ркеловъ — на́до же сказа́ть о нёмъ нѣ́сколько словъ — былъ шестью́ года́ми ста́рше свое́й сестры́, Сипя́гиной. Воспи́тывался онъ въ артиллери́йскомъ учи́лищѣ, отку́да вы́шелъ офице́ромъ; но уже́ въ чи́нѣ пору́чика онъ по́далъ въ отста́вку, по непрія́тности съ команди́ромъ — нѣ́мцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненави́дѣлъ нѣ́мцевъ, осо́бенно ру́с-скихъ нѣ́мцевъ. Отста́вка разсо́рила его́ съ отцо́мъ, съ кото́рымъ онъ такъ и не ви́дѣлся до са́мой его́ сме́рти; а унасле́довавъ отъ него́ дере-ве́ньку, посели́лся въ ней. Въ Петерду́ргѣ онъ ча́сто сходи́лся съ ра́з-ными у́мными, передовы́ми, людьми́, пе́редъ кото́рыми благоговѣ́лъ; они́ оконча́тельно опредѣли́ли его́ о́бразъ мы́слей. Чита́лъ Ма́ркеловъ нем-но́го — и бо́льше всё кни́ги, иду́щія къ дѣ́лу: — Ге́рцена въ осо́бенности. Онъ сохрани́лъ вое́нную вы́правку, жилъ спарта́нцемъ и мона́хомъ. Нѣ́-сколько лѣтъ тому́ наза́дъ, онъ стра́стно влюби́лся въ одну́ дѣ́вушку; но та измѣни́ла ему́ са́мымъ безцеремо́ннымъ мане́ромъ и вы́шла за адъюта́нта — то́же изъ нѣ́мцевъ. Ма́ркеловъ возненави́дѣлъ та́кже и адъюта́нтовъ. Онъ про́бовалъ писа́ть специа́льныя статьи́ о недоста́т-кахъ на́шей артилле́ріи — но у него́ не́ было никако́го тала́нта изло-же́нія: — ни одно́й статьи́ онъ не могъ да́же довести́ до конца́ — и всё-таки́ продолжа́лъ испи́сывать больши́е листы́ се́рой бума́ги, свои́мъ кру́пнымъ, неуклю́жимъ, и́стинно-дѣ́тскимъ по́черкомъ. Ма́ркеловъ былъ челове́къ упря́мый, неустраши́мый до отча́янности, не умѣ́вшій ни проща́ть, ни забыва́ть, постоя́нно оскорбля́емый за себя́, за всѣхъ угнетённыхъ — и на всё гото́вый. Его́ ограни́ченный умъ билъ въ одну́ и ту же то́чку: чего́ онъ не понима́лъ — то для него́ не существова́ло; но презира́лъ онъ и ненави́дѣлъ фальшь и ложь. Съ людьми́ вы́сшаго полёта, съ „реа́ками“, какъ онъ выража́лся, онъ былъ крутъ и да́же грубъ; съ наро́домъ — простъ; съ мужико́мъ обходи́те-ленъ, какъ съ свои́мъ бра́томъ. Хозя́инъ онъ былъ посре́дственный: у него́ въ голове́ верте́лись ра́зные соціалисти́ческіе пла́ны, кото́рые онъ такъ же не могъ осуществи́ть, какъ не умѣ́лъ зако́нчить на́ча-тыхъ стате́й о недоста́ткахъ артилле́ріи. Ему́ вообще́ не везло́ — ни-когда́ и ни въ чёмъ: въ ко́рпусѣ онъ носи́лъ назва́ніе „неуда́чника“. Челове́къ и́скренній, прямо́й, нату́ра стра́стная и несча́стная, онъ могъ, въ да́нномъ слу́чаѣ, оказа́ться безжа́лостнымъ, кровожа́днымъ, заслужи́ть назва́ніе и́зверга — и могъ такъ же поже́ртвовать собо́ю, безъ колеба́нія и безъ возвра́та.

Тарантáсъ, на трéтьей верстѣ отъ гóрода, внезáпно въѣхалъ въ мя́гкій мракъ оси́новой рóщи, съ шóрохомъ и трепетáніемъ незри́мыхъ ли́стьевъ, съ свѣ́жей гóречью лѣснóго зáпаха, съ нея́сными прóсвѣтами вверху́ — съ перепу́танными тѣ́нями внизу́. Луна́ уже́ встáла на небосклóнѣ, крáсная и широ́кая, какъ мѣ́дный щитъ. Вы́нырнувъ изъ-подъ дерéвьевъ, тарантáсъ очути́лся перéдъ небольшóй, помѣ́щичьей усáдьбой. Три освѣщённыхъ окнá я́ркими четырёх-угóльниками вы́ступали на перéднемъ фáсѣ ни́зенькаго дóма, заслони́вшаго собóю дискъ луны́; настёжь раскры́тыя воротá, казáлось, не запирáлись никогдá. На дворѣ́, въ полумрáкѣ, виднѣ́лась высóкая кибúтка, съ привя́занными сзáди къ балчуку́ двумя́ бѣ́лыми ямски́ми лошадьми́; два щенкá, тóже бѣ́лыхъ, вы́скочили откýда-то и зали́лись пронзи́тельнымъ, но не злóбнымъ лáемъ. Въ дóмѣ зашевели́лись лю́ди — тарантáсъ подкати́лъ къ крыльцу́ — и съ трудóмъ вы́лѣзая и оты́скивая ногóю желѣ́зную подно́жку, придѣ́ланную, какъ во́дится, доморóщеннымъ кузнецóмъ на сáмомъ неудóбномъ мѣ́стѣ, — Мáркеловъ сказáлъ Неждáнову:

— Вотъ мы и дóма — и вы найдёте здѣсь гостéй, котóрыхъ знáете хорошó — но никáкъ не ожидáете встрѣ́тить. — Пожáлуйте!

XI.

Эти́ми гостя́ми оказáлись нáши стари́нные знакóмые, Острóдумовъ и Машу́рина. Оба сидѣ́ли въ небольшóй, крáйне-плóхо у́бранной гости́ной Мáркеловскаго дóма — и при свѣтѣ керосúновой лáмпы пи́ли пи́во и кури́ли табáкъ. Они́ не удиви́лись прибы́тію Неждáнова; они́ знáли, что Мáркеловъ намѣ́ревался привезти́ егó съ собóю — но Неждáновъ óчень удиви́лся имъ. Когдá онъ вошёлъ, Острóдумовъ промóлвилъ: „здрáвствуй, братъ!“ — и тóлько; Машу́рина сперва́ побагровѣ́ла вся — потóмъ протянýла ру́ку. Мáркеловъ объясни́лъ Неждáнову, что Острóдумовъ и Машу́рина при́сланы по „óбщему дѣ́лу“, котóрое тепéрь скóро должнó осуществи́ться; что они́ съ недѣ́лю тому́ назáдъ вы́ѣхали изъ Петербýрга; что Острóдумовъ остаётся въ С—й губéрніи для пропагáнды — а Машу́рина ѣ́детъ въ К. для свидáнія съ одни́мъ человѣ́комъ.

Мáркеловъ внезáпно раздражи́лся, хотя́ никтó ему́ не противорѣ́чилъ; — сверкáя глазáми, кусáя усы́, онъ нáчалъ говори́ть взволнóваннымъ, глухи́мъ, но отчётливымъ гóлосомъ о совершáемыхъ безобрáзіяхъ, о необходи́мости безотлагáтельнаго дѣ́йствія, о томъ, что въ сýщности всё готóво — и мѣ́шкать мóгутъ одни́ трýсы; что нѣ́которая наси́льственность необходи́ма, какъ ударъ ланцéта по нары́ву, какъ бы зрѣ́лъ этотъ нары́въ ни былъ! Онъ нѣ́сколько разъ повтори́лъ э́то сравнéніе съ ланцéтомъ: онó ему́ очеви́дно нрáвилось — онъ егó не приду́малъ, а вы́читалъ гдѣ́ то. — Казáлось, что, потеря́въ вся́кую надéжду на взаи́мность со стороны́ Маріáнны — онъ уже́ ничегó не жалѣ́лъ, а тóлько дýмалъ о томъ, какъ

бы приня́ться поскоре́й „за де́ло“. Онъ говори́лъ, то́чно топоро́мъ руби́лъ, бе́зо вся́кой хи́трости, ре́зко, про́сто и зло́бно: слова́ однообра́зно и ве́ско выска́кивали одно́ за други́мъ изъ побле́дне́вшихъ его губъ, напомина́я отры́вистый лай стро́гой и ста́рой дворово́й соба́ки. Онъ говори́лъ о томъ, что хорошо́ зна́етъ окре́стныхъ мужико́въ, фабри́чныхъ — и что есть ме́жду ни́ми де́льные лю́ди, — какъ, напр.: голоплёцкій Ерме́й — кото́рые сію́ мину́ту пойду́тъ на что́ уго́дно. Э́тотъ голоплёцкій Ерме́й, Ерме́й изъ дере́вни Голоплёкъ, безпреста́нно приходи́лъ ему́ на язы́къ. Че́резъ ка́ждыя де́сять словъ онъ ударя́лъ пра́вой руко́ю — не ладо́нью, а ребро́мъ руки́ — но столу́; а ле́вой ты́калъ въ во́здухъ, отде́ли́въ указа́тельный па́лецъ. — Э́ти волоса́тыя, сухія ру́ки, э́тотъ па́лецъ, э́тотъ гуде́вшій го́лосъ, э́ти пыла́вшіе глаза́ производи́ли впечатле́ніе си́льное. Въ тече́ніи доро́ги Ма́ркеловъ съ Нежда́новымъ говори́лъ ма́ло; въ нёмъ желчь накопля́лась... но тутъ его́ прорва́ло. — Машу́рина и Остроду́мовъ одобря́ли его́ улы́бкой, взо́ромъ, иногда́ коро́ткимъ восклица́ніемъ; а съ Нежда́новымъ произошло́ не́что стра́нное. Сперва́ онъ пыта́лся возража́ть; упомяну́лъ о вреде́ поспе́шности, пре́жде-вре́менныхъ, необду́манныхъ посту́пковъ; гла́внео — онъ диви́лся тому́, что ка̀къ э́то ужъ такъ всё ре́шено́ — и сомне́ній не́тъ — и не́ для чего ни справля́ться съ обстоя́тельствами, ни да́же стара́ться узна́ть, чего́ со́бственно хо́четъ наро́дъ?... Но пото́мъ всѣ не́рвы его́ натяну́лись какъ стру́ны — затрепета́ли — и онъ съ каки́мъ то отча́яніемъ, чуть не со слеза́ми я́рости на глаза́хъ, съ проры-ва́вшимся кри́комъ въ го́лосѣ, при́нялся говори́ть въ томъ же ду́хѣ, какъ и Ма́ркеловъ, пошёлъ да́же да́льше, чѣмъ тотъ. — Что́ побуди́ло его́ къ э́тому — сказа́ть тру́дно: раска́яніе ли въ томъ, что онъ какъ бу́дто осла́бѣлъ въ после́днее вре́мя, доа́да ли на себя́ и на други́хъ, потре́бность ли заглуши́ть како́й то вну́тренній червь, жела́ніе ли, наконе́цъ, показа́ть себя́ пере́дъ новопри́бывшими эмиссара́ми... — и́ли слова́ Ма́ркелова то́чно подѣйствовали на него́, зажгли́ въ нёмъ кровь? До са́мой зари́ продолжа́лась бесѣда; Остроду́мовъ и Машу́рина не встава́ли съ свои́хъ сту́льевъ — а Ма́ркеловъ и Нежда́новъ не сади́лись. Ма́ркеловъ стоя́лъ на одно́мъ и томъ же мѣстѣ, ни дать, ни взять часово́й; а Нежда́новъ всё расха́живалъ по ко́мнатѣ — нерóвными шага́ми, то ме́дленно, то торопли́во. Говори́ли о предстоя́вшихъ мѣрахъ и сре́дствахъ, о ро́ли, кото́рую ка́ждый до́лженъ былъ взять на себя́ — разбира́ли и свя́зывали въ па́чки ра́зныя книжо́нки и отдѣльные листы́; упомяну́ли о купцѣ́ изъ раско́льниковъ, нѣкоемъ Голу́шкинѣ, весьма́ наде́жномъ, хотя́ и необразо́ванномъ челове́кѣ, о молодо́мъ пропаганди́стѣ Кисляко́вѣ, кото́рый о́чень-молъ зна́ющъ, но уже́ черезъ-чу́ръ ю́рокъ и сли́шкомъ высо́каго мнѣнія о со́бственныхъ тала́нтахъ; произнесли́ такъ же и́мя Соло́мина...

— Э́то тотъ, что́ бумагопряди́льной фа́брикой завѣдываетъ? спроси́лъ Нежда́новъ — вспо́мнивъ ска́занное о нёмъ за столо́мъ у Синя́гиныхъ.

— Онъ са́мый и есть, — промо́лвилъ Ма́ркеловъ; — на́до вамъ съ нимъ познако́миться; мы его́ ещё не раскуси́ли — но дѣ́льный, дѣ́льный челове́къ.

Еремѣ́й изъ Голоплёкъ опя́ть яви́лся на сце́ну. Къ нему́ присоедини́лся Сипя́гинскій Кири́лло — и ещё како́й-то Менделѣ́й, по про́звищу Ду́тикъ; то́лько на э́того Ду́тика положи́ться бы́ло тру́дно: въ трезвомъ ви́дѣ храбръ — а въ пья́номъ трусли́въ! и почти́ всегда́ пья́нъ быва́етъ.

— Ну, а со́бственно изъ ва́шихъ люде́й? — спросилъ Нежда́новъ Ма́ркелова: — есть на кого́ положи́ться?

Ма́ркеловъ отвѣча́лъ, что есть; одна́ко ни одного́ изъ нихъ не назва́лъ по и́мени — и пусти́лся толкова́ть о городски́хъ мѣща́нахъ и семинари́стахъ, кото́рые бы́ли, впро́чемъ, бо́лѣе поле́зны тѣ́мъ, что о́чень крѣ́пки тѣле́сной си́лой — и ужъ какъ при́мутся дѣ́йствовать кулака́ми — такъ ужъ ну! — Нежда́новъ полюбопы́тствовалъ на счётъ вдоря́нъ. Ма́ркеловъ отвѣча́лъ ему́, что есть челове́къ пять-шесть изъ молоды́хъ — оди́нъ изъ нихъ да́же нѣ́мецъ — и са́мый радика́льный; то́лько извѣ́стное дѣ́ло: на нѣ́мца разсчи́тывать не́чего... какъ разъ наду́етъ и́ли прода́стъ! — Да вотъ на́до подожда́ть, каки́я свѣ́дѣнія доста́витъ Кисля́ко́въ. — Нежда́новъ полюбопы́тствовалъ та́кже на счётъ вое́нныхъ. Тутъ Ма́ркеловъ запну́лся, подёргалъ свои́ дли́нныя бакенба́рды и объяви́лъ наконе́цъ, что ничего́ — пока́ — рѣши́тельнаго нѣтъ... вотъ ра́звѣ что́ Кисляко́въ откро́етъ.

— Да кто тако́е э́тотъ Кисляко́въ? — нетерпѣли́во воскли́кнулъ Нежда́новъ.

Ма́ркеловъ значи́тельно усмѣхну́лся и сказа́лъ, что э́то челове́къ... тако́й челове́къ...

— Я его́, впро́чемъ, зна́ю ма́ло, — приба́вилъ онъ: — всего́ два ра́за съ нимъ ви́дѣлся; но каки́я пи́сьма э́тотъ челове́къ пи́шетъ, каки́я пи́сьма!! Я вамъ покажу́... Вы удиви́тесь! про́сто — ого́нь! И кака́я дѣ́ятельность! Разъ пять и́ли шесть всю Россію вдоль и поперёгъ проскака́лъ... и съ ка́ждой ста́нціи письмо́ въ де́сять — двѣна́дцать страни́цъ!!

Нежда́новъ вопроси́тельно посмотрѣ́лъ на Острода́мова; но тотъ сидѣ́лъ какъ истука́нъ и да́же бро́вью не шевельну́лъ; а Машу́рина сложи́ла гу́бы въ го́рькую усмѣ́шку — и то́же — хоть бы чу́кнула! Нежда́новъ вздума́лъ-бы́ло поразспроси́ть Ма́ркелова на счётъ его́ преобразова́ній въ соціа́льномъ ду́хѣ, — по хозя́йству... но тутъ Острода́мовъ вмѣша́лся.

— Къ чему́ объ э́томъ толкова́ть тепе́рь? — замѣ́тилъ онъ: — всё равно́ — на́до бу́детъ всё пото́мъ передѣ́лать.

Разгово́ръ возврати́лся опять на полити́ческую по́чву. Та́йный вну́тренній червь продолжа́лъ точи́ть и грызть Нежда́нова; но чѣ́мъ э́та грызь была́ сильнѣ́й, тѣ́мъ гро́мче и безповоро́тнѣе говори́лъ онъ. —

Онъ вы́пилъ всего́ оди́нъ стака́нъ пи́ва; но ему́ отъ вре́мени до вре́мени каза́лось, что онъ совсѣмъ опьянѣ́лъ — и голова́ его́ кружи́лась, и се́рдце стуча́ло съ болѣ́зненной потяго́той. Когда́ же, наконе́цъ, въ четвёртомъ часу́ но́чи пре́нія прекрати́лись и собесѣ́дники, мину́я спа́вшаго въ пере́дней казачка́, разбрели́сь по свои́мъ угла́мъ, Неждано́въ, пре́жде чѣмъ лёгъ въ посте́ль, до́лго стоя́лъ неподви́жно, вери́въ глаза́ пе́редъ собо́ю въ полъ. Ему́ чуди́лся постоя́нный, го́рестный, ду́шу щеми́вшій звукъ во всёмъ, что́ произноси́лъ Ма́ркеловъ: самолю́біе э́того человѣка не могло́ не быть оскорблённымъ, онъ *до́лженъ* былъ страда́ть, его́ наде́жды на ли́чное сча́стіе ру́шились, — и однако́ какъ онъ себя́ забыва́лъ, какъ отдава́лся тому́, что̀ признава́лъ за и́стину! Ограни́ченный субъе́ктъ, ду́малось Неждано́ву... Но не во сто ли разъ лу́чше быть таки́мъ ограни́ченнымъ субъе́ктомъ, чѣмъ таки́мъ... таки́мъ, каки́мъ *я*, напримѣ́ръ, чу́вствую себя́?!

Но тутъ онъ возмути́лся про́тивъ со́бственнаго уничиже́нія.

„Почему́ же такъ? Ра́звѣ я то́же не съумѣ́ю собо́й поже́ртвовать? Погоди́те, господа́... И ты, Па́клинъ, убѣди́шься со вре́менемъ, что я, хоть и эсте́тикъ, хоть и пишу́ стихи́“...

Онъ серди́то вски́нулъ во́лосы руко́ю, скрипну́лъ зуба́ми и, тороплі́во сдёрнувъ съ себя́ оде́жду, бро́сился въ холо́дную и сыру́ю посте́ль.

— Споко́йной но́чи! — разда́лся за две́рью го́лосъ Машу́риной: — я ва́ша сосѣ́дка.

— Прощ́айте, — отвѣча́лъ Неждано́въ и тутъ же вспо́мнилъ, что она́ въ тече́ніи ве́чера не спуска́ла съ него́ глазъ.

— Чего́ ей ну́жно? — шепну́лъ онъ про себя́ — и сты́дно ему́ ста́ло. „Ахъ, хоть бы поскоре́е засну́ть!“

Но съ не́рвами сла́дить тру́дно... и со́лнце стоя́ло уже́ дово́льно высоко́ на́ небѣ, когда́ онъ, наконе́цъ, засну́лъ тяжёлымъ и безотра́днымъ сномъ.

На друго́е у́тро онъ всталъ по́здно, съ голо́вною бо́лью. Онъ одѣ́лся, подошёлъ къ окну́ мезони́на, въ кото́ромъ находи́лась его́ ко́мната — и увида́лъ, что у Ма́ркелова со́бственно и уса́дьбы не́ было никако́й: флигелёкъ его́ стоя́лъ на юру́, недалеко́ отъ ро́щи. Амба́рчикъ, коню́шня, погребо́къ, избу́шка съ полуобвали́вшейся соло́менной кры́шей — съ одно́й стороны́; съ друго́й — кро́хотный прудъ, огоро́децъ, коноплі́нникъ и друга́я избу́шка съ тако́ю же кры́шей; вдали́ ри́га, молоти́льный сара́йчикъ и пусто́е гумно́ — вотъ и вся „бла́годать“, представля́вшаяся взо́рамъ. Всё каза́лось бѣ́днымъ, у́тлымъ — и не то, что́бы забро́шеннымъ и́ли одича́лымъ — а такъ-таки́ никогда́ не расцвѣ́тшимъ, какъ пло́хо приня́вшееся деревцо́. Неждано́въ сошёлъ внизъ. Машу́рина сидѣ́ла въ столово́й за самова́ромъ — и, повиди́мому, его́ дожида́лась. Онъ узна́лъ отъ нея́, что Остроду́мовъ уѣ́халъ по дѣ́лу — и ра́ньше двухъ недѣ́ль не вернётся; а хозя́инъ пошёлъ вози́ться съ

батракáми. Такъ какъ май ужé блúзился къ концý, и спѣшныхъ рабóтъ никакúхъ нé было — то Мáркеловъ вздýмалъ сóбственными срéдствами свести́ небольшýю берёзовую рóщу и отпрáвился тудá съ утрá.

Неждáновъ чýвствовалъ стрáнную устáлость на душѣ. Наканýнѣ такъ мнóго бы́ло говóрено о невозмóжности дóлѣе мéдлить, о томъ, что остава́лось тóлько „приступи́ть“. Но кáкъ приступи́ть, къ чемý — да ещё безотлагáтельно? — У Машýриной нéчего бы́ло спрáшивать: онá не вѣдала колебáній: онá не сомнѣвáлась въ томъ, чтó ей нýжно бы́ло дѣлать — а и́менно: ѣхать въ К. Дáльше онá не загля́дывала. Неждáновъ не зналъ, чтó сказáть ей — и, напи́вшись чáю, надѣлъ шáпку и пошёлъ по направлéнію берёзовой рóщи. На дорóгѣ емý попáлись мужики́, ѣхавшіе съ навóзницы, бы́вшіе крестья́не Мáркелова. Онъ заговори́лъ съ ни́ми... тóлку большóго отъ нихъ онъ не доби́лся. Они́ тóже казáлись устáлыми — но физи́ческой, обыкновéнной устáлостью, нискóлько не похóжею на то чýвство, котóрое испы́тывалъ онъ. — Прéжній ихъ помѣщикъ, по ихъ словáмъ, былъ бáринъ простóй, тóлько чудакова́тый: они́ пророчили емý разорéніе — потомý: поря́дковъ не знáетъ и всё на свой салты́къ норóвитъ, не такъ какъ отцы́. И мудрёнъ тóже бывáетъ — не поймёшь егó, хоть ты что! — а добрѣ добръ! — Неждáновъ отпрáвился дáльше и наткнýлся на сáмого Мáркелова.

Онъ шёлъ, окружённый цѣлой толпóю рабóтниковъ; и́здали мóжно бы́ло ви́дѣть, какъ онъ имъ что-то поясня́лъ, толковáлъ — а потóмъ махнýлъ рукóй... знáчитъ: брóсилъ! Ря́домъ съ нимъ вы́ступалъ егó прикáзчикъ, мáлый молодóй и подслѣповáтый, бéзо вся́кой представи́тельности въ осáнкѣ. Прикáзчикъ э́тотъ безпрестáнно повторя́лъ: „Э́то какъ бýдетъ вамъ угóдносъ“ — къ вели́кой досáдѣ егó начáльника, котóрый ожидáлъ отъ негó бóльше самостоя́тельности. Неждáновъ подошёлъ къ Мáркелову — и увидáлъ на лицѣ егó выраженіе такóй же душéвной устáлости, какýю ощущáлъ онъ самъ. — Они́ поздоровáлись; Мáркеловъ тóтчасъ заговори́лъ — прáвда вкрáтцѣ — о вчерáшнихъ „вопрóсахъ“, о блúзости переворóта; но выраженіе устáлости не покидáло егó лица. Онъ былъ весь въ пыли́, въ потý; древéсныя стружки, зелёныя ни́ти мóху прицѣпи́лись къ егó плáтью — гóлосъ его охри́пъ... Окружáвшіе егó лю́ди помáлчивали: они́ не тò трусúли, не тó посмѣ́ивались... Неждáновъ глядѣлъ на Мáркелова — и словá Остродýмова снóва звучáли въ егó головѣ: „Къ чемý э́то? Ввё равнó — нáдо бýдетъ потóмъ всё передѣлать! „Одúнъ провини́вшійся рабóтникъ нáчалъ упрáшивать Мáркелова, чтóбы тотъ снялъ съ негó штрафъ... Мáркеловъ снача́ла разсердúлся — и закричáлъ неи́стово — а потóмъ простúлъ... „Всё равнó, нáдо бýдетъ потóмъ всё передѣлать“... Неждáновъ попроси́лъ у негó лошадéй и экипáжа, чтóбы вернýться домóй; Мáркеловъ слóвно удиви́лся его желáнію, однáко отвѣчáлъ, что всё тотчáсъ бýдетъ готóво.

Онъ верну́лся домо́й вмѣстѣ съ Нежда́новымъ... Онъ на ходу́ шата́лся отъ изнеможе́нія.

— Что съ ва́ми? — спроси́лъ Нежда́новъ.

— Измо́чился!! — свирѣпо проговори́лъ Ма́ркеловъ. — Какъ ты съ э́тими людьми́ ни толку́й, сообрази́ть они́ ничего́ не мо́гутъ — и приказа́ній не исполня́ютъ... Да́же по-ру́сски ни нонима́ютъ. — Сло́во: „уча́стокъ“ имъ хорошо́ извѣстно... а „уча́стіе“... Что́ тако́е: уча́стіе? Не понима́ютъ! А вѣдь то́же ру́сское сло́во, чортъ возьми́. — Вообража́ютъ, что я хочу́ имъ уча́стокъ дать! (Ма́ркеловъ вздо́малъ разъясни́ть крестья́намъ при́нципъ ассоціа́ціи и ввести́ её у себя́ — а они́ упира́лись. — Оди́нъ изъ нихъ да́же сказа́лъ по э́тому по́воду: „Была́ я́ма глубо́ка... а тепе́рь и дна не вида́ть“... что́ совсѣмъ уничто́жило Ма́ркелова).

Воше́дши въ домъ, онъ отпусти́лъ свою́ сви́ту — и сталъ распоряжа́ться на счётъ экипа́жа и лошаде́й и на счётъ за́втрака. — Прислу́га его́ состоя́ла изъ казачка́, кухарки, ку́чера и како́го-то о́чень дре́вняго старика́ съ заро́сшими уша́ми, въ длиннопо́ломъ мухоя́ровомъ кафта́нѣ, бы́вшаго каммерди́нера его дѣда. — Э́тотъ стари́къ постоя́нно, съ глубо́кой уны́лостью глядѣлъ на своего́ ба́рина — а впро́чемъ ничего́ не дѣлалъ — и вря́дъ ли былъ въ состоя́ніи сдѣлать что-нибу́дь; но прису́тствовалъ неотлу́чно, прико́рнувъ на рундучкѣ.

Поза́втракавши я́йцами въ крутую́, ки́льками и окро́шкой (горчи́цу по́далъ казачо́къ въ ста́рой пома́дной банкѣ, у́ксусъ въ одеколо́нной стекля́нкѣ). — Нежда́новъ сѣлъ въ тотъ же са́мый тарантасъ, въ кото́ромъ пріѣхалъ наканунѣ: но вмѣсто трёхъ лошаде́й ему́ заложи́ли то́лько двухъ: тре́тью заковали — и она́ охромѣла. Въ тече́ніи за́втрака Ма́ркеловъ говори́лъ ма́ло, ничего́ не ѣлъ и дыша́лъ уси́ленно... Произнёсъ два-три го́рькихъ сло́ва о своёмъ хозя́йствѣ — и опя́ть махну́лъ руко́й... „Всё равно́, на́до бу́детъ пото́мъ всё передѣлать“. Машу́рина попроси́ла Нежда́нова довезти́ её до го́рода: ей пона́добилось съѣздить туда́ для нѣкоторыхъ поку́покъ; — „а верну́ться изъ го́рода я могу́ пѣшко́мъ — а не то къ обра́тному мужичку́ на телѣгу подся́ду“. — Провожа́я ихъ обо́ихъ до крыльца́, Ма́ркеловъ упомяну́лъ о томъ, что въ ско́рости опя́ть пришлётъ за Нежда́новымъ — и тогда́... тогда́ — (онъ встрепену́лся и опя́ть пріободри́лся) — на́до бу́детъ оконча́тельно усло́виться; что Соло́минъ то́же то́гда́ пріѣдетъ; что онъ, Ма́ркеловъ, ждётъ то́лько извѣстія отъ Васи́лія Никола́евича — и тогда́ оста́нется одно́: неме́дленно „приступи́ть“ — такъ какъ наро́дъ — (тотъ са́мый наро́дъ, кото́рый не понима́етъ сло́ва: „уча́стіе“) до́льше ждать не согла́сенъ!

— А что же, вы хотѣли показа́ть мнѣ пи́сьма э́того... какъ бишь его́? — Кисляко́ва? — спроси́лъ Нежда́новъ.

— По́слѣ... по́слѣ, поспѣшно проговори́лъ Ма́ркеловъ. — Тогда́ ужъ всё — ра́зомъ.

Тарантáсъ трóнулся.

— Бýдьте готóвы! раздáлся въ послѣ́дній разъ гóлосъ Мáркелова. Онъ стоя́лъ на крыльцѣ́, — а ря́домъ съ нимъ, съ тóю же неизмѣ́нной уны́лостью во взгля́дѣ, вы́тянувъ сгорблённый станъ, заложи́въ óбѣ рýки за спи́ну, распространя́я зáпахъ ржаного́ хлѣ́ба и мухоя́ра — и ничегó не слы́ша, — стоя́лъ „изъ слугъ слугá“, дря́хлый дѣ́довскій каммерди́неръ.

До сáмаго гóрода Машýрина молчáло, тóлько покýривала папиро́су. Приближáясь къ застáвѣ, онá вдругъ грóмко вздохнýла.

— Жаль мнѣ Сергѣ́я Михáйловича, — промóлвила онá — и лицó ея́ омрачи́лось.

— Захлопотáлся онъ совсѣ́мъ, — замѣ́тилъ Неждáновъ: — мнѣ кáжется, хозя́йство егó идётъ плóхо.

— Мнѣ не оттогó егó жаль.

— Отчегó же?

— Несчáстный онъ человѣ́къ, неудáчливый!... Ужъ на чтó лýчше егó... анъ нѣтъ! Не годи́тся!

Неждáновъ посмотрѣ́лъ на свою́ спýтницу.

— Да вамъ рáзвѣ чтó-нибудь извѣ́стно?

— Ничегó мнѣ не извѣ́стно... а вся́кій э́то чýвствуетъ по себѣ́. Прощáйте, Алексѣ́й Дми́тричъ.

Машýрина вы́лѣзла изъ тарантáса — а часъ спустя́, Неждáновъ ужé въѣзжáлъ на дворъ Сипя́гинскаго дóма. — Не óчень хорошó онъ себя́ чýвствовалъ... Ночь онъ провёлъ безъ сна... и потóмъ — всѣ э́ти словопрéнія... э́ти тóлки...

Краси́вое лицó вы́глянуло изъ окнá и дружелю́бно емý улыбнýлось... Это Сипя́гина привѣ́тствовала егó возвращéніе.

„Какíе у ней глазá!“ подýмалось емý.

XII.

Къ обѣ́ду наѣ́хало мнóго нарóду — а, пóслѣ обѣ́да, Неждáновъ, воспóльзовавшись óбщей суетóй, ускользнýлъ къ себѣ́ въ кóмнату. Емý хотѣ́лось остáться наединѣ́ съ сáмимъ собóю, хотя́ бы для тогó тóлько, чтóбы привести́ въ поря́докъ впечатлѣ́нія, вынесённыя имъ изъ егó поѣ́здки. — За столóмъ Валенти́на Михáйловна нѣ́сколько разъ внимáтельно посмотрѣ́ла на негó — но, повúдимому, не имѣ́ла возмóжности заговори́ть съ нимъ; а Маріáнна, пóслѣ той неожúданной вы́ходки, столь егó удивúвшей, какъ бýдто сóвѣстилась и избѣгáла егó. — Неждáновъ взялъ-бы́ло перó въ рýки; емý захотѣ́лось побесѣ́довать на бумáгѣ съ своúмъ другúмъ Сúлинымъ; — но онъ не нашёлъ, чтó сказáть дáже другý; úли, быть мóжетъ, татъ мнóго противоположóжныхъ мы́слей и ощущéній столпúлось у негó въ головѣ́, что онъ не попытáлся ихъ распýтать — и отло-

жи́лъ всё до друго́го дня. — Въ числѣ́ обѣ́давшихъ былъ та́кже г. Калломѣ́йцевъ; никогда́ онъ не выка́зывалъ бо́лѣе высокомѣ́рія и дже́нтльменской презри́тельности; но его́ развя́зныя рѣ́чи ниско́лько не дѣ́йствовали на Нежда́нова: онъ не замѣча́лъ ихъ. Его́ окружа́ло како́е-то о́блако; полуту́склой завѣ́сой стоя́ло оно́ ме́жду нимъ и остальны́мъ ми́ромъ — и, стра́нное дѣ́ло! — сквозь э́ту завѣ́су виднѣ́лись ему́ то́лько три ли́ца — и всѣ́ три же́нскихъ — и всѣ́ три упо́рно устремля́ли на него́ свои́ глаза́. Это были: Сипя́гина, Машу́рина и Маріа́нна. Что э́то зна́чило? И почему́ и́менно э́ти три лица́? Что́ ме́жду ни́ми о́бщаго? И что́ хотя́тъ они́ отъ него́?

Онъ лёгъ спать ра́но — но засну́ть не могъ. Его посѣти́ли — не то, что печа́льныя — а тёмныя мы́сли... мы́сли о неизбѣ́жномъ концѣ́, о сме́рти. — Онѣ́ бы́ли ему́ знако́мы. До́лго онъ перевора́чивалъ ихъ и такъ и сякъ, то содрога́ясь пе́редъ вѣроя́тностью ничто́жества, то привѣ́тствуя её, почти́ ра́дуясь ей. — Онъ почу́вствовалъ наконе́цъ осо́бенное, ему́ знако́мое волне́ніе... Онъ всталъ; сѣ́лъ за пи́сьменный столъ и, немно́го поду́мавъ, почти́ безъ попра́вки, вписа́лъ сле́дующее стихотворе́ніе въ свою́ завѣ́тную тетра́дку:

Ми́лый другъ, когда́ я бу́ду
Умира́ть — вотъ мой прика́зъ:
Всѣхъ мои́хъ писа́ній гру́ду
Истреби́ ты въ тотъ же часъ!
Окружи́ меня́ цвѣта́ми,
Со́лнце въ ко́мнату впусти́ —
За раскры́тыми дверя́ми́
Музыка́нтовъ помѣсти́.
Запрети́ имъ плачъ печа́льный!
Пусть, какъ бу́дто въ часъ пиро́въ,
Рѣ́зко взви́згнетъ вальсъ наха́льный
Подъ уда́рами смычко́въ!
Слу́хомъ га́снущимъ внима́я
Замира́ніямъ струны́,
Самъ замру́ я, засыпа́я...
И предсме́ртной тишины́
Не смути́въ напра́снымъ сто́номъ,
Перейду́ я въ міръ ино́й,
Убаю́канъ лёгкимъ зво́номъ
Лёгкой ра́дости земно́й!

Когда́ онъ написа́лъ сло́во: „другъ“ — онъ ду́малъ о томъ же Си́линѣ. Онъ продеклами́ровалъ въ полго́лоса своё стихотворе́ніе — и самъ удиви́лся тому, что́ у него́ вы́шло изъ-подъ пера́. Э́тотъ скептици́змъ, э́то равноду́шіе, э́то легкомы́сленное безвѣ́ріе — какъ согласова́лось всё э́то съ его́ при́нципами? съ тѣ́мъ, что́ онъ говори́лъ у Ма́ркелова? — Онъ бро́силъ тетра́дку ьъ я́щикъ стола́ — и верну́лся къ своей посте́ли.

— Но заснулъ онъ передъ самымъ утромъ, когда уже первые жаворонки зазвенѣли въ побѣлѣвшемъ небѣ.

На другой день — онъ только-что кончилъ урокъ и сидѣлъ въ биллiардной — Сипягина вошла, оглянулась, и, съ улыбкой подойдя къ нему, позвала его къ себѣ въ кабинетъ. — На ней было лёгкое, барежевое платье, очень простенькое и очень миленькое: обшитые рюшами рукава доходили только до локтей, широкая лента охватывала ея станъ, волосы падали густыми космами на шею. Всё въ ней дышало привѣтомъ и лаской, бережной, ободряющей лаской — всё: и укрощённый блескъ полузакрытыхъ глазъ, и мягкая лѣность голоса, движенiй, самой походки. Сипягина привела Неждановa съ свой кабинетъ, уютный, пріятный, весь пропитанный запахомъ цвѣтовъ и духовъ, чистой свѣжестью женскихъ одеждъ, постояннаго женскаго пребыванія; посадила его на кресло, сѣла сама возлѣ него и начала его разспрашивать объ его поѣздкѣ, о житьѣ-бытьѣ Маркелова — и такъ осторожно, кротко, хорошо! Она выказала искреннее участіе въ судьбѣ брата, о которомъ до тѣхъ поръ — при Неждановѣ — не упоминала ни разу; изъ иныхъ ея словъ можно было понять что отъ ея вниманія не ускользнуло чувство, внушённое ему Маріанной; она слегка погрустила... о томъ ли, что со стороны Маріанны не проявилось взаимности — о томъ ли, что выборъ брата палъ на дѣвушку, въ сущности ему чуждую — это осталось неразъяснённымъ. Но главное: она явно старалась приручить Неждановa, возбудить въ немъ довѣріе къ ней, заставить его перестать дичиться. — Валентина Михайловна даже немножко попеняла на него за то, что онъ имѣетъ о ней ложное понятіе.

Нежданов слушалъ её, глядѣлъ ей на руки, на плечи, изрѣдка бросалъ взоръ на ея розовыя губы, на чуть-чуть колебавшіяся пряди волосъ. Сперва онъ отвѣчалъ очень кратко; онъ ощущалъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и въ груди... но мало-помалу ощущеніе это смѣнилось другимъ, всё ещё неспокойнымъ, но не лишённымъ нѣкоторой сладости: онъ никакъ не ожидалъ, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка, въ состоянiи заинтересоваться имъ, простымъ студентомъ; а она не только имъ интересовалась — она какъ будто немножко кокетничала съ нимъ. Нежданов спрашивалъ себя, для чего она это всё дѣлаетъ? — и не находилъ отвѣта; да, правду сказать, онъ, и не нуждался въ немъ. Г-жа Сипягина заговорила о Колѣ; она даже начала увѣрять Неждановa, что собственно для того только и пожелала съ нимъ сблизиться, чтобы серьёзно побесѣдовать о своёмъ сынѣ — вообще чтобы узнать его мысли насчётъ воспитанiя русскихъ дѣтей. Нѣсколько странною могла показаться внезапность, съ которою возникло въ ней это желанiе. Но дѣло было вовсе не въ томъ, что именно говорила Валентина Михайловна, а въ томъ, что на

неё набѣжа́ло нѣ́что въ ро́дѣ чу́вственной струи́; яви́лась потре́бность покори́ть, нагну́ть къ нога́мъ свои́мъ э́ту непоко́рную го́лову...

Но здѣсь прихо́дится верну́ться нѣ́сколько наза́дъ.

Валенти́на Миха́йловна была́ дочь о́чень ограни́ченнаго и не бо́йкаго генера́ла съ одно́й звѣздо́й и пря́жкой за пятидесятилѣ́тнюю слу́жбу, — и о́чень проны́рливой и хи́трой малоро́сски, одарённой, какъ многія ея́ соотéчественницы, кра́йне простоду́шной и да́же глупова́той нару́жностью, изъ кото́рой она́ умѣ́ла извле́чь всю возмо́жную по́льзу. Роди́тели Валенти́ны Миха́йловны бы́ли лю́ди небога́тые: одна́ко она́ попа́ла въ Смо́льный монасты́рь, гдѣ хотя́ и счита́лась республика́нкой, но была́ на виду́ и на хоро́шемъ счёту, потому́ что приле́жно учи́лась и приме́рно вела́ себя́. По вы́ходѣ изъ Смо́льнаго, она́ посели́лась вмѣ́стѣ съ ма́терью — (братъ уѣ́халъ въ дере́вню, оте́цъ, генера́лъ со звѣздо́ю и пря́жкою, уже́ у́меръ) — въ опря́тной, но о́чень холо́дной кварти́рѣ: когда́ въ э́той кварти́рѣ говори́ли, мо́жно бы́ло ви́дѣть паръ, выходи́вшій изъ устъ; Валенти́на Миха́йловна смѣя́лась и увѣря́ла, что э́то — „какъ въ це́ркви“. Она хра́бро переноси́ла всѣ неудо́бства бѣ́днаго, стѣснённаго житья́: — у ней былъ удиви́тельно ро́вный нравъ. Съ по́мощью ма́тери ей удало́сь поддержа́ть и пріобрѣсти́ знако́мства и свя́зи: о ней говори́ли всѣ, да́же въ вы́сшихъ сфе́рахъ, какъ о дѣ́вушкѣ о́чень ми́лой, о́чень образо́ванной — и о́чень прили́чной. У Валенти́ны Миха́йловны бы́ло нѣ́сколько женихо́въ; изъ всѣхъ изъ нихъ она́ вы́брала Сипя́гина — и влюби́ла его́ въ себя́ о́чень про́сто, бы́стро и ло́вко... Впро́чемъ, онъ и самъ ско́ро по́нялъ, что ему́ лу́чшей жены́ не найти́. Она́ была́ умна́, не зла... скорѣ́й добра́, въ су́щности хо́лодна и равноду́шна... и не допуска́ла мы́сли, что́бы кто́-нибудь могъ оста́ться равноду́шнымъ къ ней. Валенти́на Миха́йловна была́ прони́кнута той осо́бенной гра́ціей, кото́рая сво́йственна „ми́лымъ“ эгои́стамъ; — въ э́той гра́ціи нѣ́тъ ни поэ́зіи, ни и́стинной чувстви́тельности: но есть мя́гкость, есть симпа́тія, есть да́же нѣ́жность. То́лько пере́чить э́тимъ преле́стнымъ эгои́стамъ не слѣ́дуетъ: они́ властолюби́вы — и не выно́сятъ чужо́й самостоя́тельности. Же́нщины, подо́бныя Сипя́гиной, возбужда́ютъ и волну́ютъ люде́й нео́пытныхъ и стра́стныхъ; са́ми онѣ́ лю́бятъ пра́вильность и тишину́ жи́зни. Добродѣтель имъ легко́ даётся — онѣ́ невозмути́мы; но постоя́нное жела́ніе повелѣва́ть, привлека́ть и нра́виться придаётъ имъ подви́жность и блескъ: во́ля у нихъ крѣ́пкая — и са́мое ихъ обая́ніе ча́стью зави́ситъ отъ э́той крѣ́пкой во́ли. Тру́дно устоя́ть человѣ́ку, когда́ по тако́му я́сному, нетро́нутому существу́ забѣга́ютъ огонькй какъ бы невóльной, та́йной нѣ́ги; онъ такъ и ждётъ, что вотъ-вотъ насту́питъ часъ — и лёдъ раста́етъ; но свѣ́тлый лёдъ то́лько игра́етъ луча́ми — и не раста́ятъ, и не помути́тся ему́ никогда́!

Кокéтничать немно́гаго сто́ило Сипя́гиной: она́ о́чень хорошо́ зна́ла, что опа́сности для нея́ нѣ́тъ и не мо́жетъ быть. А ме́жду тѣ́мъ — за-

ста́вить чужіе глаза́ то поме́ркнуть, то заблиста́ть, чужія щёки разгоря́ться жела́ніемъ и стра́хомъ, чужо́й го́лосъ задрожа́ть, оборва́ться, смути́ть чужу́ю ду́шу — о, какъ э́то бы́ло сла́дко *ея́* душѣ́! Ка́къ ве́село бы́ло вспомина́ть по́здно ве́черомъ, ложа́сь въ своё чи́стое ло́же на безмяте́жный сонъ — вспомина́ть всѣ́ э́ти взволно́ванныя слова́ и взгля́ды и вздо́хи! Съ како́й дово́льной улы́бкой уходи́ла она́ тогда́ вся въ себя́, въ созна́тельное ощуще́ніе своей́ непристу́пности, своей́ недосяга́емости — и́ли снисходи́тельно отдава́лась зако́нымъ ла́скамъ благовоспи́таннаго супру́га! Э́то бы́ло такъ прія́тно, что она́ да́же умиля́лась подъ-часъ и гото́ва была́ сдѣ́лать до́брое дѣ́ло, помо́чь бли́жнему... Она́ одна́жды основа́ла ма́ленькую богадѣ́льняю по́слѣ того́, какъ оди́нъ до безу́мія въ неё влюблённый секрета́рь посо́льства попыта́лся зарѣ́заться! Она и́скренне моли́лась за него́, хотя́ религіо́зное чу́вство съ са́мыхъ ра́нныхъ лѣ́тъ въ ней бы́ло сла́бо.

Ита́къ, она́ бесѣ́довала съ Нежда́новымъ и вся́чески стара́лась покори́ть его́ себѣ́ „подъ но́зи“. Она́ допуска́ла его́ до себя́, она́ какъ-бы раскрыва́лась пе́редъ нимъ, и съ ми́лымъ любопы́тствомъ, съ полу-матери́нской не́жностью смотрѣ́ла, какъ э́тотъ о́чень недурно́й и интере́сный и суро́вый радика́лъ тихо́нько и нело́вко шёлъ ей на встрѣ́чу. День, часъ, мину́ту спустя́ всё э́то исче́знетъ безъ слѣда́ — но, пока́, ей ве́село, ей немно́жко смѣ́шно́, немно́жко жу́тко — и немно́жко да́же гру́стно. Позабы́въ его́ происхожде́ніе, и зна́я, какъ подо́бное внима́ніе цѣ́нится одино́кими, отчуждёнными людьми́, Валенти́на Миха́йловна на́чала-бы́ло разспра́шивать Нежда́нова объ его́ мо́лодости, объ его́ семьѣ́... Но мгнове́нно догада́вшись по его́ смущённымъ и рѣ́зкимъ о́тзывамъ, что попа́ла въ проса́къ, Валенти́на Миха́йловна постара́лась загла́дить свою́ оши́бку и распусти́лась ещё немно́жко бо́льше пе́редъ нимъ... Такъ въ то́мный жаръ лѣ́тняго полу́дня расцвѣ́тшая ро́за распуска́етъ свои́ души́стые лепёстки, кото́рые вскорѣ́ сно́ва сожмётъ и свернётъ крѣпи́тельная прохла́да но́чи.

Вполнѣ́ загла́дить свою́ оши́бку ей одна́ко не удало́сь. — Затро́нутый за больно́е мѣ́сто, Нежда́новъ уже́ не могъ довѣ́риться по пре́жнему. То го́рькое, что́ онъ всегда́ носи́лъ, всегда́ ощуща́лъ на днѣ души́, — шевельну́лось опя́ть; проснулись демократи́ческія подозрѣ́нія и укори́зны. — „Не для э́того пріѣ́халъ я сюда́“, — поду́малось ему́; вспо́мнились ему́ насмѣ́шливыя наставле́нія Па́клина... и онъ воспо́льзовался пе́рвой мину́той молча́нія, всталъ, поклони́лся коро́ткимъ покло́номъ — и вы́шелъ „очень глу́по“, какъ онъ нево́льно шепну́лъ самому́ себѣ́.

Его́ смуще́ніе не ускользну́ло отъ Валенти́ны Миха́йловны... но, судя́ по улы́бочкѣ, съ кото́рой она́ проводи́ла его́ взо́ромъ — она́ растолкова́ла э́то смуще́ніе вы́годнымъ для себя́ о́бразомъ.

Въ билліа́рдной Нежда́нову попа́лась Маріа́нна. Она́ стоя́ла спино́й

къ окну́ недалеко́ отъ две́ри кабине́та, тѣ́сно скрести́въ ру́ки. Лицо́ ея́ находи́лось въ почти́ чёрной тѣни́; — но такъ вопроси́тельно, такъ насто́йчиво гляде́ли на Неждано́ва ея́ смѣ́лые глаза́, тако́е презрѣ́ніе, таку́ю оби́дную жа́лость вы́ражали ея́ сжа́тыя гу́бы, что онъ останови́лся въ недоумѣ́ніи...

— Вы хоти́те мнѣ что-то сказа́ть? — нево́льно проговори́лъ онъ.

Маріа́нна не то́тчасъ отвѣ́тила.

— Нѣтъ... и́ли да; хочу́. То́лько не тепе́рь.

— Когда́ же?

— А вотъ погоди́те. Мо́жетъ быть — за́втра; мо́жетъ быть — никогда́. Я вѣдь о́чень ма́ло зна́ю — кто вы со́бственно тако́й?

— Одна́ко, — на́чалъ Неждано́въ, — мнѣ иногда́ каза́лось... что ме́жду на́ми...

— А вы меня́ совсѣ́мъ не зна́ете, — переби́ла Маріа́нна. — Да вотъ погоди́те. За́втра, мо́жетъ быть. Тепе́рь мнѣ на́до идти́ къ моей́... госпожѣ́. До за́втра.

Неждано́въ ступи́лъ ра́за два — но вдругъ верну́лся.

— Ахъ, да! Маріа́нна Вике́нтьевна... я всё хотѣ́лъ васъ спроси́ть: не позво́лите ти вы мнѣ пойти́ съ ва́ми въ шко́лу, — посмотрѣ́ть, какъ вы тамъ занима́етесь — пока́ ея́ не закры́ли.

— Извольте... То́лько я не о шко́лѣ хотѣ́ла съ ва́ми говори́ть.

— А о чёмъ же?

— До за́втра, — повтори́ла Маріа́нна.

Но она́ не дожда́лась за́втрашняго дня — и разгово́ръ ме́жду е́ю и Неждано́вымъ произошёлъ въ тотъ же ве́черъ — въ одно́й изъ ли́повыхъ алле́й, начина́вшихся недалеко́ отъ терра́сы.

XIII.

Она́ сама́ пе́рвая прибли́зилась къ нему́.

— Г-нъ Неждано́въ, — на́чала она́ торопли́вымъ го́лосомъ, — вы, ка́жется, соверше́нно очаро́ваны Валенти́ной Миха́йловной?

Она́ поверну́лась, недожда́вшись отвѣ́та — и пошла́ вдоль алле́и; и онъ пошёлъ съ ней ря́домъ.

— Почему́ вы э́то ду́маете? — спроси́лъ онъ, погодя́ немно́го.

— А ра́звѣ нѣтъ? Въ тако́мъ слу́чаѣ она́ ду́рно распоряди́лась сего́дня. Вообража́ю, какъ она́ хлопота́ла, какъ разставля́ла свои́ ма́ленькія сѣ́ти!

Неждано́въ ни сло́ва не промо́лвилъ и то́лько съ бо́ку посмотрѣ́лъ на свою́ стра́нную собесѣ́дницу.

— Послу́шайте, — продолжа́ла она́: — я не ста́ну притворя́ться: я не люблю́ Валенти́ны Миха́йловны — и вы э́то о́чень хорошо́ зна́ете. Я могу́ вамъ показа́ться несправедли́вой... но вы сперва́ поду́майте...

Го́лосъ пресѣ́кся у Маріа́нны. Она́ краснѣ́ла, она́ волнова́лась... Волне́ніе у ней всегда́ принима́ло такой видъ, какъ-бу́дто она́ зли́тся.

— Вы, вѣроя́тно, спра́шиваете себя́, — на́чала она́ сно́ва, — зачѣ́мъ э́та ба́рышня мнѣ всё э́то разска́зываетъ? Вы, должно́ быть, то же са́мое поду́мали, когда́ я вамъ сообщи́ла извѣ́стіе... на счётъ г-на Ма́ркелова.

Она́ вдругъ нагну́лась, сорва́ла небольшо́й грибо́къ, переломи́ла его́ пополам́ъ и отбро́сила въ сторо́ну.

— Вы ошиба́етесь, Маріа́нна Вике́нтьевна, — промо́лвилъ Неждано́въ: — я, напро́тивъ, поду́малъ, что я внуша́ю вамъ довѣ́ріе — и э́та мысль мнѣ была́ о́чень прія́тна.

Неждано́въ сказа́лъ непо́лную пра́вду: э́та мысль то́лько тепе́рь пришла́ ему́ въ го́лову.

Маріа́нна мгнове́нно глянула́ на него́. До тѣ́хъ поръ она́ всё отвора́чивалась.

— Вы не то́, что́бы внуша́ли мнѣ довѣ́ріе, — проговори́ла она́, какъ-бы размышля́я: — вы́ вѣдь мнѣ совсѣ́мъ чужо́й. — Но ва́ше положе́ніе — и моё — о́чень схо́жи. Мы о́ба одина́ково несча́стливы; вотъ что́ насъ свя́зываетъ.

— Вы несча́стливы? — спроси́лъ Неждано́въ.

— А вы — нѣтъ? — отвѣча́ла Маріа́нна.

Онъ ничего́ не сказа́лъ.

— Вамъ извѣ́стна моя́ исто́рія? — заговори́ла она́ съ жи́востью: — исто́рія моего́ отца́? Его́ ссы́лка? — нѣтъ? Ну, такъ зна́йте же, что онъ былъ взятъ подъ-судъ, на́йденъ винова́тымъ, лишёнъ чино́въ... и всего́ — и со́сланъ въ Сиби́рь. Пото́мъ онъ у́меръ... мать моя́ то́же у́мерла. Дя́дя мой, г-нъ Сипя́гинъ, братъ моёй ма́тери, призрѣ́лъ меня́ — я у него́ на хлѣба́хъ — онъ мой благодѣ́тель — и Валенти́на Миха́йловна моя́ благодѣ́тельница — а я имъ плачу́ чёрной неблагода́рностью, — потому́ что у меня́, должно́ быть, се́рдце чёрствое — и чужо́й хлѣбъ го́рекъ — и я не умѣ́ю переноси́ть снисходи́тельныхъ оскорбле́ній — и покрови́тельства не те́рплю... и не умѣ́ю скрыва́ть — и когда́ меня́ безпреста́нно ко́лютъ була́вками — я то́лько оттого́ не кричу́, что я о́чень горда́.

Произнося́ э́ти отры́вочныя рѣ́чи, Маріа́нна шла всё быстрѣ́й и быстрѣ́й.

Она́ вдругъ останови́лась.

— Зна́ете ли, что моя́ тётка, что́бы то́лько сбыть меня́ съ рукъ, про́читъ меня́... за э́того га́дкаго Калломѣ́йцева? — Вѣдь ей извѣ́стны мои́ убѣжде́нья — вѣдь я въ глаза́хъ ея́ нигили́стка — а онъ! — Я, коне́чно, ему́ не нра́влюсь, я вѣдь не краси́ва — но прода́ть меня́ мо́жно. Вѣдь э́то то́же благодѣя́ніе!

Зачѣ́мъ же вы... — на́чалъ-бы́ло Неждано́въ — и запну́лся.

Маріа́нна опя́ть мгнове́нно глянула́ на него́.

— Зачѣмъ я не при́няла предложе́ніе г-на Ма́ркелова — хоти́те вы сказа́ть? Не такъ ли? Да; но что же дѣ́лать? Онъ хоро́шій челове́къ... Но я не винова́та, я не люблю́ его́.

Маріа́нна сно́ва пошла́ впередъ, какъ-бы жела́я изба́вить своего́ собесѣ́дника отъ обя́занности чѣмъ-нибу́дь отозва́ться на э́то нежда́нное призна́ніе.

Они́ о́ба дости́гли конца́ алле́и. Маріа́нна прово́рно свернула́ на у́зкую доро́жку, проло́женную сквозь сплошно́й е́льникъ — и пошла́ по ней. — Нежда́новъ отпра́вился за Маріа́нной. — Онъ ощуща́лъ двойно́е недоумѣ́ніе: чудно́ ему́ каза́лось, каки́мъ о́бразомъ э́та ди́кая дѣ́вушка вдругъ такъ открове́нничаетъ съ нимъ — и ещё бо́льше диви́лся онъ тому́, что открове́нность э́та нисколько его́ не пораже́аетъ, что онъ нахо́дитъ её есте́ственной.

Маріа́нна вдругъ оберну́лась — и ста́ла посреди́ доро́жки, такъ что ея́ лицо́ пришло́сь на разстоя́ніи арши́на отъ лица́ Нежда́нова — и глаза́ ея́ вонзи́лись пря́мо въ его́ глаза́.

— Алексѣ́й Дми́тричъ, — заговори́ла она́ — не ду́майте, что моя́ тётка зла... Нѣтъ! но она́ вся — ложь, она́ комедіа́нтка, она́ позёрка — она́ хо́четъ, что́бы всѣ её обожа́ли — какъ краса́вицу — и благоговѣ́ли пе́редъ не́ю, какъ пе́редъ свято́ю! Она́ приду́маетъ задуше́вное сло́во, ска́жетъ его́ одному́ — а пото́мъ повторя́етъ э́то же сло́во друго́му и тре́тьему — и всё съ таки́мъ ви́домъ, какъ-бу́дто она́ сейча́съ э́то сло́во приду́мала — и тутъ же кста́ти игра́етъ свои́ми чуде́сными глаза́ми! — Она́ самоё себя́ о́чень хорошо́ зна́етъ — она́ зна́етъ, что похо́жа на Мадо́нну — и никого́ не лю́битъ! Притворя́ется, что всё во́зится съ Ко́лей — а то́лько всего́ и дѣ́лаетъ, что говори́тъ о нёмъ съ у́мными людьми́. Сама́ она́ никому́ зла не жела́етъ... Она́ вся — благоволе́ніе. — Но пуска́й вамъ въ ея прису́тствіи всѣ ко́сти въ тѣ́лѣ перелома́ютъ... ей ничего́! — Она́ па́льцемъ не пошевельнётъ, что́бы васъ изба́вить; — а е́сли ей э́то ну́жно и́ли вы́годно... тогда́... о, тогда́!

Маріа́нна умо́лкла. Жёлчь души́ла её, она́ рѣши́лась дать ей во́лю, она́ не могла́ удержа́ться — но рѣчь ея невольно обрыва́лась. Маріа́нна принадлежа́ла къ осо́бенному разря́ду несча́стныхъ суще́стъ (въ Россіи они́ ста́ли попада́ться дово́льно ча́сто)... Справедли́вость удовлетворя́етъ, но не ра́дуетъ ихъ — а несправедли́вость, на кото́рую они́ стра́шно чу́тки, возмуща́етъ ихъ до дна души́. — Пока́ она́ говори́ла, Нежда́новъ глядѣ́лъ на неё внима́тельно: ея́ покраснѣ́вшее лицо́, съ слегка́ разбро́санными коро́ткими волоса́ми, съ тре́петнымъ подёргиваньемъ то́нкихъ губъ, показа́лось ему́ и угрожа́ющимъ, и значи́тельнымъ — и краси́вымъ. Со́лнечный свѣ́тъ, перехва́ченный ча́стой сѣ́ткою вѣтве́й, лежа́лъ у ней на лбу золоты́мъ косы́мъ пятно́мъ — и э́тотъ о́гненный язы́къ шёлъ къ возбуждённому выраже́нію всего́ ея́ лица́, къ широко́-раскры́тымъ, недви́жнымъ и блестя́щимъ глаза́мъ, къ горя́чему зву́ку ея́ го́лоса.

— Скажи́те, — спроси́лъ её наконе́цъ Неждáновъ: — отчего́ вы меня́ назва́ли несча́стливымъ? Ра́звѣ вамъ извѣ́стно моё проше́дшее?

Маріáнна ки́внула голово́ю.

— Да.

— То-есть... какъ же такъ извѣ́стно? Вамъ кто-нибу́дь говори́лъ обо мнѣ?

— Мнѣ извѣстно... ва́ше происхожде́ніе.

— Вамъ извѣ́стно... Кто же вамъ сказа́лъ?

— Да всё та же — та же Валенти́на Миха́йловна, кото́рою вы такъ очаро́ваны. Она́ не премину́ла замѣ́тить при мнѣ — по обыкнове́нью вскользь, но вня́тно — не съ сожалѣ́ньемъ, а какъ либера́лка, кото́рая вы́ше вся́кихъ предразсу́дковъ — что вотъ-молъ кака́я существу́етъ случа́йность въ жи́зни на́шего но́ваго учи́теля! Не удивля́йтесь, пожа́луйста: Валенти́на Миха́йловна то́чно та́кже вскользь и съ сожалѣ́ньемъ, чуть не вся́кому посѣти́телю сообща́етъ что вотъ- молъ въ жи́зни моей́ племя́нницы кака́я существу́етъ... случа́йность: ея́ отца́ за взя́тки сосла́ли въ Сиби́рь! Како́ю аристокра́ткой она́ себя́ ни вообража́й — она́ про́сто спле́тница и позёрка — э́та ва́ша Рафаэ́левская Мадо́нна!

— Позво́льте, — замѣ́тилъ Неждáновъ: — почему́ же она́: „моя́?“ Маріáнна отверну́лась и пошла́ опя́ть по доро́жкѣ.

— У васъ съ не́ю былъ тако́й большо́й разгово́ръ, — произнесла́ она́ глу́хо.

— Я почти́ ни одного́ сло́ва не вы́молвилъ, — отвѣ́тилъ Неждáновъ: она́ одна́ всё вре́мя говори́ла.

Маріáнна шла впередъ мо́лча. Но вотъ доро́жка поверну́ла въ сто́рону, — е́льникъ сло́вно разступи́лся и откры́лась впереди́ небольша́я поля́на съ дупли́стой плаку́чей берёзой посреди́нѣ и кру́глой скамьёй, охва́тывавшей стволъ ста́раго де́рева. Маріáнна сѣ́ла на э́ту скамью́; Неждáновъ помѣсти́лся ря́домъ. Надъ голова́ми обо́ихъ тихо́нько пока́чивались дли́нныя па́чки вися́чихъ вѣ́токъ, покры́тыхъ ме́лкими зелёными листо́чками. Круго́мъ въ жи́дкой травѣ́ бѣлѣ́ли ла́ндыши — и ото всей́ поля́ны поднима́лся свѣ́жій за́пахъ молодо́й травы́, прія́тно облегча́вшій грудь, всё ещё стѣснённую смоли́стыми испаре́ніями е́лей.

— Вы хоти́те пойти́ со мной посмотрѣ́ть здѣ́шнюю шко́лу, — на́чала Маріáнна; что-жъ? пойдёмте. — То́лько... я не зна́ю. Удово́льствія вамъ бу́детъ ма́ло. Вы слы́шали, нашъ гла́вный учи́тель — діа́конъ. Онъ человѣ́къ до́брый, — но вы не мо́жете себѣ́ предста́вить, о чёмъ онъ бесѣ́дуетъ съ ученика́ми! Межъ ни́ми есть ма́льчикъ... его́ зову́тъ Гарасе́й — онъ сирота́, девяти́ лѣтъ, — и, предста́вьте! онъ у́чится лу́чше всѣхъ!

Перемѣни́въ внеза́пно предме́тъ разгово́ра, Маріáнна сама́ какъ-бу́дто измѣни́лась: она́ поблѣднѣ́ла, ути́хла — и лицо́ ея́ вы́разило смуще́ніе, сло́вно ей со́вѣстно ста́ло всего́, что́ она́ наговори́ла. Ей ви́димо хотѣ́лось

навести́ Неждáнова на кокóй-нибýдь „вопрóсъ“ — шкóльный, крестья́нскій — лишь бы тóлько не продолжáть въ прéжнемъ тóнѣ. Но емý въ э́ту минýту бы́ло не до „вопрóсовъ.“

— Маріáнна Викéнтьевна, — нáчалъ онъ; — скажý вамъ откровéнно: я никáкъ не ожидáлъ всегó тогó... чтó тепéрь произошлó мéжду нáми. — (При слóвѣ: „произошлó,“ онá слегкá насторожи́лась.) Мнѣ кáжется, мы вдругъ — óчень... óчень сблúзились. Да онó такъ и слѣдовало. Мы давнó подхóдимъ другъ къ дрýгу; тóлько гóлосу не подавáли. — А потомý я бýду съ вáми говорúть безъ утáйки. — Вамъ тяжелó и тóшно въ здѣшнемъ дóмѣ; но дя́дя вашъ — онъ хотя́ ограни́ченный, однáко, наскóлько я могý судúть, гумáнный человѣкъ; — рáзвѣ онъ не понимáетъ вáшего положéнія, не станóвится на вáшу стóрону?

— Мой дя́дя? Во-пéрвыхъ — онъ вóвсе не человѣкъ; онъ чинóвникъ — сенáторъ или минúстръ... я ужъ не знáю. А во-вторы́хъ... я не хочý напрáсно жáловаться и клеветáтъ: мнѣ вóвсе не тóшно и не тяжелó здѣсь, то-есть, меня́ здѣсь не притѣсня́ютъ; мáленькія шпúльки моéй тётки въ сýщности для меня́ ничтó... Я совершéнно свобóдна.

Неждáновъ съ изумлéніемъ глянýлъ на Маріáнну.

— Въ такóмъ слýчаѣ... всё, чтó вы мнѣ сейчáсъ говорúли...

— Вы вóльны смѣя́ться надо мнóю, — подхватúла онá; — но éсли я несчáстна — то не своúмъ несчáстьемъ. — Мнѣ кáжется иногдá, что я страдáю за всѣхъ притѣснённыхъ бѣ́дныхъ, жáлкихъ на Русú... нѣтъ, не страдáю — а негодýю за нихъ, возмущáюсь;... что я за нихъ готóва... гóлову сложúть. Я несчáстна тѣмъ, что я бáрышня, прижива́лка, что я ничегó, ничегó не могý и не умѣю! Когдá мой отéцъ былъ въ Сибúри — а я съ мáтушкой остава́лась въ Москвѣ — ахъ, какъ я рва́лась къ немý! — и не то, чтóбы я óчень егó любúла úли уважа́ла — но мнѣ такъ хотѣ́лось извѣ́дать самóй, посмотрѣть сóбственными глазáми, какъ живýтъ ссы́льные, загнáнные... И кàкъ мнѣ бы́ло досáдно на себя́ и на всѣхъ э́тихъ спокóйныхъ, зажúточныхъ, сы́тыхъ!... А потóмъ, когдá онъ вернýлся, надлóманный, разбúтый — и нáчалъ унижáться, хлопотáть и зайскивать... ахъ... какъ э́то было-тяжелó! Какъ хорошó онъ сдѣ́лалъ, чтоýмеръ... и мáтушка тóже! Но вотъ я остáлась въ живы́хъ... Къ чемý? — Чтóбы чýвствовать, что у меня́ дурнóй нравъ, что я неблагодáрна, что со мной лáду нѣтъ — и что я ничегó, ничегó не могý ни для чегó, ни для когó!

Маріáнна отклонúлась въ стóрону — рукá ея́ скользнýла на скамью́. Неждáнову стáло óчень жаль ея́; онъ прикоснýлся къ э́той повúсшей рукѣ́... но Маріáнна тóтчасъ её отдёрнула, не потомý, чтóбы движéніе Неждáнова показáлось ей неумѣ́стнымъ — а чтóбы онъ — сохранú Богъ — не подýмалъ, что онá напрáшивается на учáстіе.

Сквозь вѣ́тки éльника мелькнýло вдалú жéнское плáтье.

Маріáнна вы́прямилась. — Посмотрúте, вáша Мадóнна вы́слала свою

шпіо́нку. Э́та го́рничная должна́ наблюда́ть за мно́ю — и доноси́ть свое́й ба́рынѣ, гдѣ я быва́ю и съ кѣмъ! — Тётка вѣроя́тно сообрази́ла, что я съ ва́ми — и нахо́дитъ, что э́то неприли́чно — осо́бенно, по́слѣ сантимента́льной сце́ны, кото́рую она́ пе́редъ ва́ми разыгра́ла. Да и въ са́момъ дѣ́лѣ — пора́ верну́ться. Пойдёмте.

Маріа́нна вста́ла; Нежда́новъ то́же подня́лся съ своего́ мѣ́ста. Она́ гляну́ла на него́ че́резъ плечо́ и вдругъ по ея́ лицу́ мелькну́ло выраже́ніе почти́ дѣ́тское, милови́дное, немно́го смущённое.

— Вы вѣдь не се́рдитесь на меня́? Вы не ду́маете, что я то́же порисова́лась пере́дъ ва́ми? — Нѣтъ, вы э́того не поду́маете, — продолжа́ла она́, пре́жде чѣмъ Нежда́новъ ей что́-нибудь отвѣ́тилъ. — Вы вѣдь тако́й же, какъ я — несча́стный — и нравъ у васъ то́же... дурно́й, какъ у меня́. — А за́втра мы пойдёмъ вмѣ́стѣ въ шко́лу, потому́ что мы вѣдь тепе́рь хоро́шіе прія́тели.

Когда́ Маріа́нна и Нежда́новъ прибли́зились къ до́му, Валенти́на Миха́йловна посмотрѣ́ла на нихъ въ лорне́тку съ высоты́ балко́на — и съ свое́й обычной, кро́ткой улы́бкой тихо́нько покача́ла голово́ю; а возвраща́ясь че́резъ раскры́тую стеклянну́ю дверь въ гости́ную, въ кото́рой Сипя́гинъ уже́ сидѣ́лъ за преферансомъ съ заверну́вшимъ на чаёкъ беззу́бымъ сосѣ́домъ, промо́лвилагро́мко и протя́жно, отставля́я слогъ отъ сло́га:

— Какъ сы́ро на во́здухѣ! Это нездоро́во!

Маріа́нна переглянну́лась съ Нежда́новымъ; а Сипя́гинъ, кото́рый то́лько-что обреми́зилъ своего́ па́ртнера, бро́силъ на жену́ и́стинно-мини́стерскій взоръ въ бокъ и вверхъ че́резъ щеку́ — и пото́мъ перевёлъ тотъ же сонли́во-холо́дный, но проница́тельный взоръ на входи́вшую изъ тёмнаго са́да молоду́ю чету́.

XIV.

Мину́ло ещё двѣ недѣ́ли. — Всё шло свои́мъ поря́дкомъ. Сипя́гинъ распредѣля́лъ ежедне́вныя заня́тія — е́сли не какъ мини́стръ, то уже навѣрно́е, какъ дире́кторъ департа́мента — и держа́лся по пре́жнему — высо́ко, гума́нно и нѣ́сколько брезгли́во; Ко́ля бралъ уро́ки, А́нна Заха́ровна терза́лась постоя́нной, угнетённой зло́бой, го́сти наѣзжа́ли, разгова́ривали, сража́лись въ ка́рты — и, пови́димому, не скуча́ли; Валенти́на Миха́йловна продолжа́ла зайгрывать съ Нежда́новымъ — хотя́ къ ея́ любе́зности ста́ло примѣ́шиваться нѣ́что въ ро́дѣ доброду́шной иро́ніи. Съ Маріа́нной Нежда́новъ оконча́тельно сбли́зился — и къ удивле́нію своему́, нашёлъ, что у ней хара́ктеръ дово́льно ро́вный и что съ ней мо́жно говори́ть обо всёмъ, не натыка́ясь на сли́шкомъ рѣ́зкія противорѣ́чія. — Вмѣ́стѣ съ не́ю онъ ра́за два посѣти́лъ шко́лу — но съ пе́рваго же посѣще́нія убѣди́лся, что ему́ тутъ дѣлать не́чего. Оте́цъ дія́конъ завладѣ́лъ е́ю вдоль и поперёгъ, съ разрѣше́нія Сипя́гина и по его во́лѣ. Оте́цъ

дія́конъ учи́лъ гра́мотѣ неду́рно, хотя́ по стари́нному спо́собу — но на экза́менахъ предлага́лъ вопро́сы — дово́льно несообра́зные; напр.: онъ спроси́лъ одна́жды Гара́сю: „какъ-молъ онъ объясня́етъ выраже́ніе „темна́ вода́ въ о́блацѣхъ“? — на что́ Гарася до́лженъ былъ, по указа́нію само́го отца́ дія́кона, отвѣтствовать: „Сіё есть необъясни́мо“. Впро́чемъ, шко́ла ско́ро и такъ закры́лась, — по слу́чаю лѣтняго вре́мени — до о́сени. — Па́мятуя наставле́нія Па́клина и други́хъ, Неждано́въ старался та́кже сближа́ться съ крестья́нами; но въ ско́рости замѣтилъ, что онъ про́сто изуча́етъ ихъ, наско́лько хвата́ло наблюда́тельности — а во́все не пропаганди́руетъ! Онъ почти́ всю свою́ жизнь провёлъ въ го́родѣ — и ме́жду имъ и дереве́нскимъ лю́домъ существова́лъ овра́гъ и́ли ровъ, че́резъ кото́рый онъ ника́къ не могъ перескочи́ть. Неждано́ву пришло́сь обмѣня́ться нѣсколькими слова́ми съ пья́ницей Кири́ллой и да́же съ Менделѣемъ Ду́тикомъ — но, стра́нное дѣло! — онъ сло́вно робѣлъ пе́редъ ни́ми — и кро́мѣ о́чень о́бщей и о́чень коро́ткой ру́гани, онъ отъ нихъ ничего́ не услы́шалъ. Друго́й мужи́къ — зва́ли его́ Ѳитю́евымъ — про́сто въ тупи́къ его́ поста́вилъ. Лицо́ у э́того мужика́ бы́ло необыча́йно энерги́ческое, чуть не разбо́йничье... „Ну, э́тотъ навѣрно́е, надёжный!“ — ду́малось Неждано́ву... И что же? Ѳитю́евъ оказа́лся бобылёмъ; у него́ міръ отобра́лъ зе́млю, потому́ что онъ — челове́къ здоро́вый и да́же си́льный — *не могъ* рабо́тать. — „Не могу́!“ — всхли́пывалъ Ѳитю́евъ самъ, съ глубо́кимъ, вну́треннимъ сто́номъ — и протя́жно вздыха́лъ: — „не могу́ я рабо́тать! убе́йте меня́! — А то я на себя́ ру́ки наложу́!“ — И конча́лъ тѣмъ, что проси́лъ ми́лостыньки — гро́шика на хлѣбушко... А лицо́ какъ у Рина́льдо Ринальди́ни! — Фабри́чный наро́дъ — такъ тотъ совсѣмъ не да́лся Неждано́ву; всѣ э́ти ребя́та бы́ли ли́бо ужа́сно-бо́йкіе, ли́бо ужа́сно-мра́чные... и у Неждано́ва съ ни́ми то́же не вы́шло ничего́. Онъ по э́тому по́воду написа́лъ дру́гу своему́, Си́лину, большо́е письмо́, въ кото́ромъ го́рько жа́ловался на свою́ неумѣлость и припи́сывалъ её своему́ скве́рному воспита́нію и па́костной эстети́ческой нату́рѣ! Онъ вдругъ вообрази́лъ, что его́ призва́ніе — въ дѣлѣ пропага́нды — дѣйствовать не живы́мъ у́стнымъ сло́вомъ, — а пи́сьменнымъ; но заду́манныя имъ брошю́ры не кле́ились. Всё, что́ онъ пыта́лся выводи́ть на бума́гѣ, производи́ло на него́ самого́ впечатлѣніе чего́-то фальши́ваго, натя́нутаго, невѣрнаго въ то́нѣ, въ языкѣ, — и онъ ра́за два — о, у́жасъ! — невольно свора́чивалъ на стихи́ и́ли на скепти́ческія, ли́чныя изліянія. Онъ да́же рѣши́лся (ва́жный при́знакъ довѣрія и сближе́нія!) — говори́ть объ э́той свое́й неуда́чѣ съ Маріа́нной... и, оня́ть-таки́ къ удивле́нію своему́ — нашёлъ въ ней сочу́вствіе — разумѣется, не къ свое́й беллетри́стикѣ — а къ той нра́вственной болѣзни, кото́рой онъ страда́лъ и кото́рая не была́ ей чу́жда. Маріа́нна не ху́же его́ возстава́ла на эсте́тику; — а со́бственно потому́ и не полюби́ла Ма́ркелова и не пошла́ за него́, что въ нёмъ не существова́ло и слѣда́ той са́мой эсте́тики! — Маріа́нна,

коне́чно, въ э́томъ да́же себѣ́ само́й не смѣ́ла созна́ться; но вѣдь то́лько то и си́льно въ насъ, что́ остаётся для насъ сами́хъ полуподозрѣ́нной та́йной.

Такъ шли дни — ту́го, неро́вно — но не ску́чно.

Нѣ́что стра́нное происходи́ло съ Неждановымъ. Онъ былъ недово́ленъ собо́ю, свое́й дѣ́ятельностью — то-есть, свои́мъ бездѣ́йствіемъ; рѣ́чи его почти́ постоя́нно отзыва́лись жёлчью и ѣ́дкостью самобичева́нія: а на душѣ́ у него́, гдѣ-то тамъ о́чень далеко́ внутри́ — бы́ло неду́рно; онъ испы́тывалъ да́же нѣ́которое успокое́ніе. Бы́ло ли то слѣ́дствіемъ деревѣ́нскаго зати́шья, во́здуха, лѣ́та, вку́сной пи́щи, удо́бнаго житья́, — происходи́ло ли оно́ отъ того́, что ему́ въ пе́рвый разъ о́тъ роду случи́лось извѣ́дать сла́дость соприкоснове́нія съ же́нскою душо́ю? — сказа́ть тру́дно; но ему́ въ су́щности бы́ло да́же легко́, хотя́ онъ и жа́ловался — и́скренно жа́ловался — дру́гу своему́, Си́лину.

Впро́чемъ, э́то настрое́ніе Нежда́нова бы́ло внеза́пно и наси́льственно пре́рвано — въ оди́нъ день.

У́тромъ того́ дня онъ получи́лъ запи́ску отъ Васи́лія Никола́евича, въ кото́рой предпи́сывалось ему́ вмѣ́стѣ съ Ма́ркеловымъ — въ ожида́ніи дальнѣ́йшихъ инстру́кцій — неме́дленно познако́миться и сговори́ться съ уже́ поимено́ваннымъ Соло́минымъ и нѣ́которымъ купцо́мъ Голу́шкинымъ, старообря́дцемъ, прожива́вшемъ въ С*. Запи́ска э́та перетрево́жила Нежда́нова; упрёкъ его́ бездѣ́йствію послы́шался ему́ въ ней. Го́речь, кото́рая всё э́то вре́мя кипѣ́ла у него́ на одни́хъ слова́хъ, тепе́рь сно́ва подня́лась со дна его́ души́.

Къ обѣ́ду пріѣ́халъ Калломѣ́йцевъ, разстро́енный и раздражённый. — Предста́вьте, — закрича́лъ онъ почти́ слезли́вымъ го́лосомъ, — како́й у́жасъ я сейча́съ вы́читалъ въ газе́тѣ: — моего́ дру́га, моего́ ми́лаго Михаи́ла, се́рбскаго кня́зя, какіе-то злодѣ́и уби́ли въ Бѣлгра́дѣ! — До чего́ наконе́цъ дойду́тъ э́ти якоби́нцы и революціоне́ры, е́сли имъ не поло́жатъ твёрдый предѣ́лъ! — Синя́гинъ „позво́лилъ себѣ́ замѣ́тить,“ что э́то гну́сное убі́йство, вѣроя́тно, совершено́ не якоби́нцами — „ко́ихъ въ Се́рбіи не предполага́ется“ — а людьми́ па́ртіи Карагео́ргіевичей, врага́ми Обрено́вичей... Но Калломѣ́йцевъ ничего́ слы́шать не хотѣ́лъ и тѣ́мъ же слезли́вымъ го́лосомъ на́чалъ сно́ва разска́зывать, какъ по́койный князь его́ люби́лъ, и како́е ему́ подари́лъ ружьё!... Понемно́гу расходи́вшись и придя́ въ аза́ртъ, Калломѣ́йцевъ отъ заграни́чныхъ якоби́нцевъ обрати́лся къ доморо́щеннымъ нигили́стамъ и соціали́стамъ — и разрази́лся наконе́цъ цѣ́лой фили́ппикой. Обхвати́въ, по мо́дному, большо́й бѣ́лый хлѣ́бъ обѣ́ими рука́ми перела́мывая его́ попола́мъ надъ таре́лкой су́па, какъ э́то дѣ́лаютъ завзя́тые парижа́не въ „Café-Riche“ — онъ изъявля́лъ жела́ніе раздроби́ть, превати́ть въ прахъ всѣ́хъ тѣ́хъ, кото́рые сопротивля́ются — чему́ бы и кому́ бы то ни́ было!... Онъ и́менно такъ вы́разился. — „Пора́! пора́! твердѝлъ онъ, занося́ себѣ́ ло́жку въ

ротъ; — „пора́! пора́!“ „повторя́лъ онъ, подставля́я рю́мку слугѣ́, разлива́вшему хе́рэсъ. Съ благоговѣ́ньемъ упомяну́лъ онъ о вели́кихъ моско́вскихъ публици́стахъ — и Ladislas, notre bon et cher Ladislas, не сходи́лъ у него́ съ языка́. — И при э́томъ онъ то-и-дѣ́ло устремля́лъ взоръ на Неждано́ва, сло́вно ты́калъ его́ имъ. — „Вотъ, молъ, тебѣ́! Получа́й загво́здку! э́то я на твой счётъ! А вотъ ещё!“ — Тотъ не вы́терпѣлъ наконе́цъ — и на́чалъ возража́ть — немно́го, пра́вда, тре́петнымъ (коне́чно, не отъ ро́бости) и хрипова́тымъ го́лосомъ; на́чалъ защища́ть надежды, при́нципы, идеа́лы молодёжи. Калломѣ́йцевъ неме́дленно запища́лъ — негодова́ніе въ нёмъ всегда́ выража́лось фальце́томъ — и сталъ грубить. Сипя́гинъ вели́чественно при́нялъ сто́рону Неждано́ва; Валенти́на Миха́йловна то́же соглаша́лась съ му́жемъ; А́нна Заха́ровна стара́лась отвле́чь внима́ніе Ко́ли — и броса́ла, куда́ ни попа́ло, я́ростные взгля́ды изъ-подъ нави́сшаго чепца́; Маріа́нна не шевели́лась, сло́вно окаменѣ́ла.

Но вдругъ, услы́шавъ въ двадца́тый разъ произнесённое и́мя Ladislas'a, — Неждано́въ вспы́хнулъ весь и, уда́ривъ ладо́нью по столу́, воскли́кнулъ:

— Вотъ нашли́ авторите́тъ! Какъ-бу́дто мы не зна́емъ, что́ тако́е э́тотъ Ladislas? — Онъ — прирождённый клевре́тъ и бо́льше ничего́!

— А... а... а... во... вотъ какъ... вотъ ку... куда́! — простона́лъ Калломѣ́йцевъ, зайкаясь отъ бѣ́шенства... — Вы вотъ какъ позволя́ете себѣ́ отзыва́ться о человѣкѣ́, кото́раго уважа́ютъ такія осо́бы, какъ графъ Бла́зенкрампфъ и князь Коври́жкинъ!

Неждано́въ пожа́лъ плеча́ми. — Хороша́ рекоменда́ція: кня́зь Коври́жкинъ, э́тотъ лаке́й-энтузіастъ...

— Ladislas — мой другъ! — закрича́лъ Калломѣ́йцевъ. — Онъ мой това́рищъ — и я...

— Тѣмъ ху́же для васъ, — переби́лъ Неждано́въ; зна́читъ, вы раздѣля́ете его́ о́бразъ мы́слей, и мои́ слова́ отно́сятся такъ же къ вамъ.

Калломѣ́йцевъ помертвѣ́лъ отъ зло́сти. — Ка... какъ? Что? Какъ вы смѣ́ете? На... на́добно васъ... сейча́съ...

— Что́ вамъ уго́дно сдѣ́лать со мно́ю *сейча́съ?* — вторично, съ прони́ческой вѣ́жливостью переби́лъ Неждано́въ.

Богъ вѣ́даетъ, чѣмъ бы разрѣши́лась э́та схва́тка ме́жду двумя́ врага́ми, е́сли бы Сипя́гинъ не прекрати́лъ ея́ въ са́момъ нача́лѣ. Возвы́сивъ го́лосъ и приня́въ оса́нку, въ кото́рой неизвѣ́стно что̀ преобладало: ва́жность ли государственнаго человѣка и́ли же досто́инство хозя́ина до́ма — онъ съ споко́йной твёрдостью объяви́лъ, что не жела́етъ слы́шать бо́лѣе у себя́ за столо́мъ подо́бныя неумѣ́ренныя выраже́нія; что онъ давно́ поста́вилъ себѣ́ пра́виломъ (онъ попра́вился: свяще́ннымъ пра́виломъ) уважа́ть вся́каго ро́да убѣжде́нія, но то́лько съ тѣмъ — (тутъ онъ по́днялъ указа́тельный па́лецъ, укра́шенный гербовы́мъ кольцо́мъ), что́бы онѣ́ удержи́вались въ извѣ́стныхъ грани́цахъ благопристо́йности и

благоприли́чія; что е́сли онъ, съ одно́й стороны́, не мо́жетъ не осуди́ть въ г. Нежда́новѣ не́которую невоздержность языка́, извиня́емую, впро́чемъ, мо́лодостью его́ лѣтъ, то, съ друго́й стороны́, не мо́жетъ та́кже одо́брить въ г-нѣ Калломе́йцевѣ ожесточе́ніе его́ напа́докъ на люде́й проти́внаго ла́геря — ожесточе́ніе, объясня́емое, впро́чемъ, его́ рве́ніемъ къ о́бщему бла́гу.

— Подъ мои́мъ кро́вомъ, — такъ ко́нчилъ онъ, подъ кро́вомъ Сипя́гиныхъ, нѣтъ ни якоби́нцевъ, ни клевре́товъ, а есть то́лько добросо́вѣстные лю́ди, кото́рые, одна́жды по́нявъ другъ дру́га, непреме́нно ко́нчатъ тѣмъ, что подаду́тъ другъ дру́гу ру́ки!

Нежда́новъ и Калломе́йцевъ умо́лкли о́ба — одна́ко ру́ки другъ дру́гу не по́дали; ви́дно, часъ взаи́мнаго понима́нія не наступи́лъ для нихъ. Напро́тивъ: они́ никогда́ ещё не чу́вствовали тако́й си́льной взаи́мной не́нависти. Обе́дъ ко́нчился въ непрія́тномъ и нело́вкомъ молча́ніи; Сипя́гинъ попыта́лся разсказа́ть како́й-то дипломати́ческій анекдо́тъ — но такъ и бро́силъ его́ на полъ-пути́. Маріа́нна упо́рно глядѣ́ла въ свою́ таре́лку. Ей не хоте́лось вы́казать сочу́вствія, возбуждённаго въ ней рѣча́ми Нежда́нова, не изъ тру́сости — о, нѣтъ, но на́до бы́ло пре́жде всего́ не вы́дать себя́ Сипя́гиной. Она́ чу́вствовала на себѣ́ ея́ проница́тельный, при́стальный взоръ. И дѣйстви́тельно, Сипя́гина не спуска́ла съ нея́ глазъ — съ нея́ и съ Нежда́нова. Его́ неожи́данная вспы́шка сперва́ порази́ла у́мную ба́рыню; — а пото́мъ её какъ-бу́дто что озари́ло — да такъ, что она́ нево́льно шепну́ла: А!... Она́ вдругъ догада́лась, что Нежда́новъ отверну́лся отъ нея́, тотъ са́мый Нежда́новъ, кото́рый ещё неда́вно шёлъ къ ней въ ру́ки. — Тутъ что́-то произошло́... Ужъ не Маріа́нна ли? Да, навѣрно́е Маріа́нна... Онъ ей нра́вится... да и онъ...

„На́до приня́ть ме́ры“, такъ заключи́ла она́ свои́ разсужде́нія, а ме́жду тѣмъ Калломе́йцевъ — задыха́лся отъ негодова́нія. Да́же игра́я въ префера́нсъ, часа́ два спустя́, онъ произноси́лъ слова́: пасъ! или: покупа́ю! съ наболѣ́вшимъ се́рдцемъ — и въ го́лосѣ его́ слы́шалось глухо́е тре́моло оби́ды, хотя́ онъ и пока́зывалъ видъ, что „презира́етъ“! — Оди́нъ Сипя́гинъ былъ со́бственно да́же о́чень дово́ленъ всей э́той сце́ной. Ему́ пришло́сь вы́казать си́лу своего́ кра́снорѣчія, усмири́ть начина́вшуюся бу́рю... Онъ зналъ лати́нскій язы́къ, и Вирги́ліевское: Quos ego! (я васъ!) не́ было ему́ чу́ждымъ. Созна́тельно онъ не сра́вни-валъ себя́ съ Непту́номъ; но какъ-то сочу́вственно вспо́мнилъ о нёмъ.

XV.

Какъ то́лько оказа́лось возмо́жнымъ, Нежда́новъ отпра́вился къ себѣ́ въ ко́мнату и запёрся. — Ему́ не хоте́лось ни съ кѣмъ ви́дѣться — ни съ кѣмъ, кро́мѣ Маріа́нны. Ея́ ко́мната находи́лась на са́момъ концѣ́ дли́ннаго корридо́ра, пересѣка́вшаго весь ве́рхній эта́жъ. Нежда́новъ

то́лько разъ — и то на нѣ́сколько мину́тъ — заходи́лъ туда́; но ему́ каза́лось, что она́ не разсе́рдится, е́сли онъ къ ней постучи́тся, что она́ да́же жела́етъ переговори́ть съ нимъ. Бы́ло уже́ дово́льно по́здно, часо́въ о́коло десяти́; хозя́ева, по́слѣ сце́ны за обѣ́домъ, не счита́ли ну́жнымъ его́ трево́жить и продолжа́ли игра́ть въ ка́рты съ Калломѣ́йцевымъ. Валенти́на Миха́йловна ра́за два навѣ́далась о Маріа́ннѣ, такъ какъ она́ то́же исче́зла ско́ро по́слѣ стола́. — Гдѣ же Маріа́нна Вике́нтьевна? — спроси́ла она́ сперва́ по-ру́сски, пото́мъ по-францу́зски, не обраща́ясь ни къ кому́ въ осо́бенности, а бо́лѣе къ стѣна́мъ, какъ э́то обыкнове́нно дѣ́лаютъ о́чень удивлённые лю́ди; впро́чемъ, она́ вско́рѣ сама́ заняла́сь игро́й.

Неждано́въ прошёлся нѣ́сколько разъ по свое́й ко́мнатѣ, пото́мъ отпра́вился по корридо́ру до Маріа́ннина двѣ́ри — и тихо́нько постуча́лся. Отвѣ́та не́ было. Онъ постуча́лся ещё разъ — попыта́лся отвори́ть дверь... Она́ оказа́лась за́пертою. — Но не успѣ́лъ онъ верну́ться къ себѣ́, сѣ́сть на стулъ, какъ его́ со́бственная дверь сла́бо скры́пнула и послы́шался го́лосъ Маріа́нны:

— Алексѣ́й Дми́тричъ, э́то *вы* приходи́ли ко мнѣ?

Онъ то́тчасъ вско́чилъ и бро́сился въ корридо́ръ. Маріа́нна стоя́ла пе́редъ две́рью, со свѣ́чёй въ рукѣ́, блѣ́дная и неподви́жная.

— Да... я... — шепну́лъ онъ.

Пойдёмте, — отвѣча́ла она́ и пошла́ по корридо́ру; но, не дойдя́ до конца́, останови́лась и толкну́ла руко́ю ни́зкую дверь. Неждано́въ увида́лъ небольшу́ю, почти́ пусту́ю ко́мнату. — Войдёмте лу́чше сюда́, Алексѣ́й Дми́тричъ, здѣсь намъ никто́ не помѣша́етъ. — Неждано́въ повинова́лся. Маріа́нна поста́вила свѣ́чку на подоко́нникъ и оберну́лась къ Неждано́ву.

— Я понима́ю, почему́ вамъ и́менно меня́ хотѣ́лось ви́дѣть — на́чала она́; — вамъ о́чень тяжело́ жить въ э́томъ до́мѣ — и мнѣ то́же.

— Да; я хотѣ́лъ васъ ви́дѣть, Маріа́нна Вике́нтьевна, — отвѣча́лъ Неждано́въ; — но мнѣ не тяжело́ здѣсь съ тѣ́хъ поръ, какъ я сбли́зился съ ва́ми.

Маріа́нна улыбну́лась заду́мчиво.

— Спаси́бо, Алексѣ́й Дми́тричъ — но, скажи́те, неуже́ли вы намѣ́рены оста́ться здѣсь по́слѣ всѣхъ э́тихъ безобра́зій?

— Я ду́маю, меня́ здѣсь не оста́вятъ — мнѣ отка́жутъ! — отвѣча́лъ Неждано́въ.

— А са́ми вы не отка́жетесь?

— Самъ... Нѣтъ.

— Почему́?

— Вы хоти́те знать пра́вду? Потому́ что *вы* здѣсь.

Маріа́нна наклони́ла го́лову и отошла́ немно́го въ глубь ко́мнаты.

— И къ тому́ же, — продолжа́лъ Неждано́въ, — я *обя́занъ* оста́ться

здѣсь. Вы ничего́ не зна́ете — но я хочу́, я чу́вствую, что до́лженъ вамъ всё сказа́ть. — Онъ подступи́лъ къ Маріа́ннѣ и схвати́лъ её за́ руку. Она́ ея́ не при́няла — и то́лько посмотрѣ́ла ему́ въ лицо́. — Послу́шайте! — воскли́кнулъ онъ съ внеза́пнымъ, си́льнымъ поры́вомъ. — Послу́шайте меня́! — И то́тчасъ же, не садя́сь ни на одно́ изъ двухъ-трёхъ сту́льевъ, находи́вшихся въ ко́мнатѣ, продолжа́я стоя́ть пе́редъ Маріа́нной и держа́ть ея́ ру́ку, Неждано́въ съ увлече́ніемъ, съ жа́ромъ, съ неожи́данным для него́ самого́ краснорѣ́чіемъ, сообщи́лъ Маріа́ннѣ свои́ пла́ны, намѣ́ренія, причи́ну, заста́вившую его́ приня́ть предложе́ніе Сипя́гина — всѣ свои́ свя́зи, знако́мства, своё проше́дшее, всё что́ онъ скрыва́лъ, что́ никому́ не выска́зывалъ! Онъ упомяну́лъ о полу́ченныхъ пи́сьмахъ, о Васи́лiѣ Никола́евичѣ, обо всёмъ — да́же о Си́линѣ! — Онъ говори́лъ торопли́во, безъ запи́нки, безъ малѣ́йшаго колеба́нья — сло́вно онъ упрека́лъ себя́ въ томъ, что до сихъ поръ не посвяти́лъ Маріа́нны во всѣ свои́ та́йны — сло́вно извиня́лся пе́редъ не́ю. — Она́ его́ слу́шала внима́тельно, жа́дно; на пе́рвыхъ пора́хъ она́ изуми́лась... Но э́то чу́вство то́тчасъ исче́зло. Благода́рность, го́рдость, пре́данность, рѣши́мость — вотъ чѣ́мъ переполня́лась ея́ душа́. Ея́ лицо́, ея́ глаза́ засія́ли; она́ положи́ла другу́ю свою́ ру́ку на ру́ку Неждано́ва — ея́ гу́бы раскры́лись восто́рженно... Она́ вдругъ стра́шно похорошѣ́ла!

Онъ останови́лся наконе́цъ — гляну́лъ на неё, и какъ бу́дто впервы́е увида́лъ *э́то* дицо́, кото́рое въ то же вре́мя такъ бы́ло и до́рого ему́ и такъ знако́мо.

Онъ вздохну́лъ си́льно, глубо́ко...

— Ахъ, какъ я хорошо́ сдѣ́лалъ, что вамъ все сказа́лъ! — едва́ могли́ шепну́ть его́ гу́бы.

— Да, хорошо́... хорошо́! повтори́ла она́ то́же шёпотомъ. Она́ нево́льно подража́ла ему́ — да и го́лосъ ея́ уга́съ. — И зна́читъ, вы зна́ете — продолжа́ла она́, что я въ ва́шемъ распоряже́нiи, что я хочу́ быть то́же поле́зной ва́шему дѣ́лу, что я гото́ва сдѣ́лать всё, что́ бу́детъ ну́жно, пойти́ куда́ прика́жутъ, что я всегда́, все́ю душо́ю, жела́ла того́ же, что́ и вы...

Она́ то́же умо́лкла. Ещё одно́ сло́во — и у ней бры́знули бы слёзы умиле́нія. Всё ея́ крѣ́пкое существо́ ста́ло внеза́пно мя́гко какъ воскъ. Жа́жда дѣ́ятельности, же́ртвы, же́ртвы неме́дленной — вотъ чѣ́мъ она́ томи́лась.

Чьи-то шаги́ послы́шались за две́рью — осторо́жные, бы́стрые, лёгкiе шаги́.

Маріа́нна вдругъ вы́прямилась, освободи́ла свои́ ру́ки — и вся то́тчасъ перемѣни́лась и повеселѣ́ла. Что-то презри́тельное, что-то удало́е мелькну́ло по ея́ лицу́.

— Я зна́ю, кто насъ подслу́шиваетъ въ э́ту мину́ту, — проговори́ла она́ такъ гро́мко, что въ корридо́рѣ я́вственнымъ отзву́чіемъ раздава́-

лось ка́ждое ея́ сло́во — г-жа Сипя́гина подслу́шиваетъ насъ... но мнѣ э́то соверше́нно всё равно́.

Шо́рохъ шаго́въ прекрати́лся.

— Такъ какъ же? — обрати́лась Маріа́нна къ Нежда́нову; — что же мнѣ дѣ́лать? какъ помо́чь вамъ? Говори́те... говори́те скорѣ́й! Что дѣ́лать?

— Что? — промо́лвилъ Нежда́новъ. — Я ещё не зна́ю... Я получи́лъ отъ Ма́ркелова запи́ску...

— Когда́? Когда́?

— Сего́дня ве́черомъ. — На́до мнѣ ѣ́хать за́втра съ нимъ къ Соло́мину на заво́дъ.

— Да... да... Вотъ ещё сла́вный челове́къ — Ма́ркеловъ! Вотъ настоя́щій другъ!

— Тако́й же какъ я?

Маріа́нна гляну́ла пря́мо въ лицо́ Нежда́нову.

— Нѣтъ — не тако́й же.

— Какъ?...

Она вдругъ отверну́лась.

— Ахъ! да ра́звѣ вы не зна́ете, чѣмъ вы для меня́ ста́ли и что́ я чу́вствую въ э́ту мину́ту...

Се́рдце Нежда́нова си́льно заби́лось, и взоръ опусти́лся нево́льно. Эта ду́вушка, кото́рая полюби́ла его́ — его́, бездо́мнаго горемы́ку — кото́рая ему́ довѣря́ется, кото́рая гото́ва идти́ за нимъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ одно́й и той же цѣ́ли — э́та чуде́сная дѣ́вушка — Маріа́нна — въ э́то мгнове́нье ста́ла для Нежда́нова воплоще́ніемъ всего́ хоро́шаго, правди́ваго на землѣ́ — воплоще́ніемъ неиспы́танной имъ семе́йной, сестри́ной, же́нской любви́, — воплоще́ніемъ ро́дины, сча́стья, борьбы́, свобо́ды!

Онъ по́днялъ го́лову — и увида́лъ ея́ глаза́, сно́ва на него́ обращённые...

О, какъ проника́лъ ихъ свѣ́тлый, сла́вный взглядъ, въ са́мую глубь его́ души́!

— Ита́къ, — на́чалъ онъ невѣ́рнымъ го́лосомъ — я ѣ́ду за́втра... И когда́ я верну́сь отту́да я скажу́... вамъ... (ему́ вдругъ ста́ло не́ловко говори́ть Маріа́ннѣ: вы) — скажу́ вамъ, что́ узна́ю, что́ бу́детъ рѣшено́. Отны́нѣ, всё, что́ я бу́ду дѣ́лать, всё, что́ я бу́ду ду́мать — всё, всё сперва́ узна́ешь... ты.

— О, мой другъ! — воскли́кнула Маріа́нна — и опя́ть схвати́ла его́ ру́ку. Я то же са́мое обѣща́ю тебѣ́!

Это „тебѣ́“ вы́шло у ней такъ легко́ и про́сто, какъ бу́дто ина́че и нельзя́ бы́ло — какъ бу́дто э́то бы́ло това́рищеское: „ты“.

— А письмо́ мо́жно ви́дѣть?

— Вотъ оно́, вотъ.

Маріáнна пробѣжáла письмó и чуть не съ благоговѣніемъ поднялá негó взоръ.

— На тебя́ возлагáютъ такія вáжныя поручéнія?

Онъ улыбнýлся ей въ отвѣ́тъ и спрятáлъ письмó въ кармáнъ.

— Стрáнно, — промóлвилъ онъ: — вѣдь мы объяснúлись другъ дрýгу въ любви́ — мы лю́бимъ другъ дрýга — а ни слóва объ э́томъ мéжду нáми нé было.

— Къ чемý? — шепнýла Маріáнна и вдругъ брóсилась къ немý на шéю, притúснула свою́ гóлову къ егó плечý... Но они́ дáже не цѣловáлись — э́то бы́ло бы пòшло и почемý-то жýтко — такъ, по крáйней мѣ́рѣ, чýвствовали они́ óба — и тóтчасъ же разошлúсь, крѣ́пко-крѣ́пко стиснýвъ другъ дрýгу рýку.

Маріáнна вернýлась за свѣчóй, котóрую остáвила на подокóнникѣ пустóй кóмнаты — и тóлько тутъ нашлó на неё нѣчто въ рóдѣ недоумѣ́нія. Онá погасúла её и, въ глубóкой темнотѣ́, бы́стро скользнýвъ по корридóру, вернýлась въ свою́ кóмнату — раздѣ́лась, и леглá въ той же для нея́ почемý-то отрáдной темнотѣ́.

XVI.

На другóе у́тро, когдá Неждáновъ проснýлся, онъ не тóлько не почýствовалъ никакóго смущéнія при воспоминáніи о томъ, что́ произошлó наканýнѣ — но, напрóтивъ: онъ испóлнился какóй-то хорóшей и трéзвой рáдостью, тóчно онъ совершúлъ дѣ́ло, котóрое, по настоя́щему, давнó слѣ́довало совершúть. Отпросúвшись на два дня у Синя́гина, котóрый согласúлся на егó отлýчку немéдленно, но строго, — Неждáновъ уѣ́халъ къ Мáркелову. Пéредъ отъѣ́здомъ онъ успѣ́лъ свúдѣться съ Маріáнной. — Онá тóже нискóлько не стыдúлась и не смущáлась, глядѣ́ла спокóйно и рѣшúтельно, и спокóйно говорúла емý: ты. Волновáлась онá тóлько о томъ, что́ онъ узнáетъ у Мáркелова, и просúла сообщúть ей всё.

— Э́то самó-собóю разумѣ́ется, — отвѣчáлъ Неждáновъ.

„И въ сáмомъ-дѣ́лѣ, — дýмалось емý: — чегó намъ тревóжиться? Въ нáшемъ сближéніи лúчное чýвство игрáло роль... второстепéнную — а соединúлись мы безвозвратно. Во úмя дѣ́ла? Да, во úмя дѣ́ла!“

Такъ дýмалось Неждáнову, — и онъ самъ не подозрѣвáлъ, скóлько бы́ло прáвды — и непрáвды въ егó дýмахъ.

Онъ застáлъ Мáркелова въ томъ же устáломъ и суровóмъ настроéніи дýха. Пообѣ́давши коё-какъ и коё-чѣ́мъ, они отпрáвились въ извѣ́стномъ ужé намъ тарантáсѣ — (второ́ю пристяжнóю, óчень молодóю и небывáвшую ещё въ упря́жѣ лóшадь, взя́ли на-прокáтъ у мужикá — Мáркеловская ещё хромáла) — на большóю бумагопрядúльную фáбрику купцá Фалѣ́ева, гдѣ́ жилъ Солóминъ. Любопы́тство Неждáнова бы́ло воз-

буждено́: ему́ о́чень хотѣ́лось побли́же познако́миться съ челове́комъ, о кото́ромъ въ послѣ́днее вре́мя онъ слы́шалъ такъ мно́го. Соло́минъ былъ предупрежденъ; какъ то́лько о́ба путеше́ственника останови́лись у воро́тъ фа́брики и назва́лись — ихъ неме́дленно провели́ въ невзра́чный флигелёкъ, занима́емый „меха́никомъ-управля́ющимъ“. Самъ онъ находи́лся въ гла́вномъ фабри́чномъ ко́рпусѣ; пока́ оди́нъ изъ рабо́чихъ бѣ́галъ за нимъ, Неждано́въ и Ма́ркеловъ успѣ́ли подойти́ къ окну́ и осмотрѣ́ться. Фа́брика, очеви́дно, была́ въ по́лномъ расцвѣта́ніи и зава́лена рабо́той: отовсю́ду нёсся бо́йкій гамъ и гулъ непреста́нной дѣ́ятельности: маши́ны пыхтѣ́ли и стуча́ли, скрипѣ́ли станки́, колёса жужжа́ли, хло́пали ре́мни, кати́лись и исчеза́ли та́чки, бо́чки, нагружённыя телѣ́жки; раздава́лись повели́тельные кри́ки, звонки́, свистки́, торопли́во пробѣга́ли мастеровы́е въ подпоя́санныхъ руба́хахъ, съ волоса́ми прихва́ченными ремешко́мъ, рабо́чія дѣ́вки въ си́тцахъ; дви́гались запряжённыя ло́шади... Людска́я тысячеголо́вая си́ла гудѣ́ла вокру́гъ, натя́нутая какъ струна́. Всё шло пра́вильно, разу́мно, по́лнымъ ма́хомъ; но не то́лько щегольства́ и́ли аккура́тности да́же опря́тности не́ было замѣ́тно нигдѣ́ и ни въ чёмъ; напро́тивъ — всю́ду поража́ла небре́жность, грязь, ко́поть; тамъ стекло́ въ окнѣ́ разби́то, тамъ облу́пилась штукату́рка, доски́ вы́валились, зѣва́етъ настёжь раство́ренная дверь; больша́я лу́жа, чёрная, съ ра́дужнымъ отли́вомъ гни́ли, стои́тъ посреди́ гла́внаго двора́; да́льше торча́тъ гру́ды разбро́санныхъ кирпиче́й; валя́ются оста́тки рого́жъ, цыно́вокъ, я́щиковъ, обры́вки верёвокъ; шершавыя соба́ки хо́дятъ съ подтя́нутыми живо́тами и да́же не ла́ютъ; въ уголку́ подъ забо́ромъ сиди́тъ ма́льчикъ лѣ́тъ четырёхъ, съ огро́мнымъ живото́мъ и взъеро́шенной голово́й, весь выпа́чканный въ са́жѣ — сиди́тъ и безнаде́жно пла́четъ, сло́вно оста́вленный цѣ́лымъ ми́ромъ; ря́домъ съ нимъ, зама́ранная той же са́жей, свинья́, окружённая пёстрыми порося́тами, пожира́етъ капу́стныя кочеры́жки; дыря́вое бѣ́лье́ болта́ется на протя́нутой верёвкѣ — а како́й смрадъ, кака́я духота́ всю́ду! — Ру́сская фа́брика — какъ есть; не нѣме́цкая и не францу́зская мануфакту́ра.

Неждано́въ глянулъ на Ма́ркелова.

— Мнѣ сто́лько натолкова́ли объ отмѣ́нныхъ спосо́бностяхъ Соло́мина, — на́чалъ онъ, — что, признаю́сь, меня́ весь э́тотъ безпоря́докъ удивля́етъ; я э́того не ожида́лъ.

— Безпоря́дка тутъ нѣтъ, — отвѣча́лъ угрю́мо Ма́ркеловъ, — а неряшливость ру́сская. Всё-таки́ — милліо́нное дѣ́ло! А ему́ приспособля́ться прихо́дится: и къ ста́рымъ обы́чаямъ, — и къ дѣла́мъ, — и къ самому́ хозя́ину. Вы имѣ́ете ли поня́тіе о Фалѣ́евѣ?

— Никако́го.

— Пе́рвый по Москвѣ́ алты́нникъ. Буржу́й — одно́ сло́во!

Въ э́ту мину́ту Соло́минъ вошёлъ въ ко́мнату. Неждано́ву пришло́сь разочарова́ться въ нёмъ, такъ же какъ и въ фа́брикѣ. На пе́рвый

ьзглядъ Соло́минъ производи́лъ впечатлѣ́ніе чухо́нца и́ли скорѣе шве́да. Онъ былъ высо́каго ро́ста, бѣлобры́съ, сухопа́ръ, плечи́стъ; лицо́ имѣ́лъ дли́нное, жёлтое, носъ коро́ткій и широ́кій, глаза́ о́чень небольши́е, зеленова́тые, взглядъ споко́йный, гу́бы кру́пныя и вы́двинутыя впередъ; зу́бы бѣ́лые, то́же кру́пные и раздво́енный подборо́докъ, чуть-чуть обро́сшій пу́хомъ. Одѣ́тъ онъ былъ реме́сленникомъ, кочега́ромъ: на ту́ловищѣ ста́рый пиджа́къ съ отви́слыми карма́нами, на головѣ́ клеёнчатый помя́тый карту́зъ, на ше́ѣ шерстяно́й шарфъ, на нога́хъ дегтя́рные сапоги́. Его́ сопровожда́лъ человѣ́къ лѣ́тъ сорока́, въ просто́й чу́йкѣ, съ чрезвыча́йно-подвижны́мъ, цыга́нскимъ лицо́мъ и чёрными какъ смоль, пронзи́тельными глаза́ми, кото́рыми онъ, какъ то́лько вошёлъ, такъ ра́зомъ и оки́нулъ Неждано́ва... Ма́ркелова онъ ужё зналъ. Зва́ли его́ Па́вломъ; онъ слылъ факто́тумомъ Соло́мина.

Соло́минъ подошёлъ, не спѣша́, къ обо́имъ посѣти́телямъ, давну́лъ, мо́лча, ру́ку ка́ждаго изъ нихъ своёй мозо́листой, костля́вой руко́й, вы́нулъ изъ стола́ запеча́танный паке́тъ и переда́лъ его́, то́же мо́лча, Па́влу, кото́рый то́тчасъ и вы́шелъ вонъ изъ ко́мнаты. Пото́мъ онъ потяну́лся, кря́кнулъ; сбро́сивъ карту́зъ съ затылка́ доло́й одни́мъ взма́хомъ руки́, — присѣ́лъ на деревя́нный кра́шеный сту́льчикъ, — и, указа́въ Ма́ркелову и Неждано́ву на тако́й же дива́нъ, промо́лвилъ: — Прошу́!

Ма́ркеловъ сперва́ познако́милъ Соло́мина съ Неждано́вымъ; тотъ ему́ сно́ва давну́лъ ру́ку. — Пото́мъ Ма́ркеловъ на́чалъ говори́ть о „дѣлѣ“, упомяну́лъ о письмѣ́ Васи́лія Никола́евича. Неждано́въ по́далъ э́то письмо́ Соло́мину. Пока́ онъ чита́лъ, внима́тельно и не торопя́сь переводя́ глаза́ со строки́ на строку́ — Неждано́въ глядѣ́лъ на него́. Соло́минъ сидѣ́лъ близъ окна́; ужё ни́зкое со́лнце я́рко освѣща́ло его́ загорѣ́лое, слегка́ вспотѣ́вшее лицо́, его́ бѣлоку́рые, запы́ленные во́лосы, зажига́я въ нихъ мно́жество золоти́стыхъ то́чекъ. Его но́здри подпры́гивали и раздува́лись во вре́мя чте́нія и гу́бы шевели́лись, какъ бы произнося́ ка́ждое сло́во; онъ держа́лъ письмо́ крѣ́пко и высоко́ обѣ́ими рука́ми. Всё э́то, Богъ вѣ́даетъ почему́, нра́вилось Неждано́ву. Соло́минъ возврати́лъ письмо́ Неждано́ву, улыбну́лся ему́, и опя́ть при́нялся слу́шать Ма́ркелова. Тотъ говори́лъ, говори́лъ — и умо́лкъ наконе́цъ.

— Зна́ете ли что́, — началъ Соло́минъ, и го́лосъ его́, немно́го си́лый, но молодо́й и си́льный, то́же понра́вился Неждано́ву, — у меня́ здѣсь несовсѣ́мъ удо́бно; пое́демте-ка къ вамъ — до васъ всего́ семь вёрстъ. Вѣдь вы ьъ тарантасѣ́ пріѣ́хали?

— Да.

— Ну... мѣ́сто мнѣ бу́детъ. Че́резъ часъ у меня́ рабо́ты конча́ются, и я свобо́денъ. Мы и потолку́емъ. Вы то́же свобо́дны? — обрати́лся онъ къ Неждано́ву.

— До по́слѣ-за́втра.

— И прекра́сно. Мы вотъ заночу́емъ у нихъ. — Мо́жно бу́детъ, Серге́й Миха́йлычъ?

— Что̀ за вопро́съ! Коне́чно, мо́жно.

— Ну — я сейча́съ. Да́йте то́лько пообчи́ститься немно́го.

— А какъ у васъ по фа́брикѣ? значи́тельно спроси́лъ Ма́ркеловъ.

Соло́минъ гляну́лъ въ сто́рону.

— Мы потолку́емъ, — промо́лвилъ онъ втори́чно. — Погоди́те-ка... Я сейча́съ... Я коё-что забы́лъ.

Онъ вы́шелъ. Е́сли бы не хоро́шее впечатлѣніе, кото́рое онъ извёлъ на Неждано́ва — тотъ бы, пожа́луй, поду́малъ, и да́же, быть мо́жетъ, спроси́лъ бы у Ма́ркелова: „Ужъ не отлы́ниваетъ ли онъ?“ Но ему́ ничего́ подо́бнаго въ го́лову не пришло́.

Часъ спустя́, въ то вре́мя, когда́ изо всѣхъ этаже́й грома́днаго зда́нія по всѣмъ лѣ́стницамъ спуска́лась и во всѣ две́ри вылива́лась шу́мная фабри́чная толпа́, — тарантасъ, въ кото́ромъ сидѣ́ли Ма́ркеловъ, Неждано́въ и Соло́минъ, вы́ѣзжалъ изъ воро́тъ на доро́гу.

— Васи́лій Ѳедо́тычъ! Дѣ́йствовать? — закрича́лъ Соло́мину напосле́дяхъ Па́велъ, проводи́вшій его́ до воро́тъ.

— Попридержи́... — отвѣча́лъ Соло́минъ. — Э́то насчётъ одно́й ночно́й опера́ціи, — поясни́лъ онъ свои́мъ това́рищамъ.

Прі̀ѣхали они́ въ Борзёнково; поу́жинали — бо́льше прили́чія ра́ди, — а тамъ запыла́ли сига́ры и на́чались разгово́ры, тѣ ночны́е, неутоми́мые ру́сскіе разгово́ры, кото́рые въ таки́хъ размѣ́рахъ и въ тако́мъ ви́дѣ едва́ ли сво́йственны друго́му како́му наро́ду. Впро́чемъ, и тутъ Соло́минъ не оправда́лъ ожида́ній Неждано́ва. Онъ говори́лъ замѣча́тельно ма́ло... такъ ма́ло, что почти́, мо́жно сказа́ть, постоя́нно молча́лъ; но слу́шалъ при́стально, и е́сли произноси́лъ како́е-либо сужде́ніе и́ли замѣча́ніе, то оно́ бы́ло и дѣ́льно, и вѣ́ско, и о́чень коро́тко. Оказа́лось, что Соло́минъ не вѣ́рилъ въ бли́зость револю́ціи въ Россіи; но, не жела́я навя́зывать своё мнѣ́ніе други́мъ, не мѣша́лъ имъ попыта́ться, и посма́тривалъ на нихъ — не и́здали, а сбо́ку. Онъ хорошо́ зналъ петербу́ргскихъ революціоне́ровъ — и до нѣ́которой сте́пени сочу́вствовалъ имъ — и́бо самъ былъ изъ наро́да; но онъ понима́лъ нево́льное отсу́тствіе э́того самаго́ наро́да, безъ кото́раго „ничего́ ты не подѣ́лаешь“, и кото́раго до́лго гото́вить на́до — да и не такъ и не тому́, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держа́лся въ сторонѣ́, не какъ хитре́цъ и виля́ка, а какъ ма́лый со смы́сломъ, кото́рый не хо́четъ да́ромъ губи́ть ни себя́, ни други́хъ. — А послу́шать... отчего́ не послу́шать — и да́же поучи́ться, е́сли такъ придётся. Соло́минъ былъ еди́нственный сынъ дьячка́; у него́ было пять сестёръ — всѣ за́мужемъ за попа́ми и дьяко́нами; но онъ, съ согла́сія отца́, степе́ннаго и тре́зваго человѣка, бро́силъ семина́рію, сталъ занима́ться матема́тикой и осо́бенно пристра́стился къ меха́никѣ; попа́лъ на заво́дъ къ англича́нину, кото́рый полюби́лъ его́

какъ сы́на — и далъ ему́ сре́дства съѣ́здить въ Ма́нчестеръ, гдѣ́ онъ про́былъ два го́да и вы́учился англі́йскому языку́. На фа́брику моско́вскаго купца́ онъ попа́лъ неда́вно, и хотя́ съ подчинённыхъ взы́скивалъ — потому́ что въ А́нгліи на э́ти поря́дки насмотрѣ́лся, — но по́льзовался ихъ расположе́ніемъ: свой, де́скать, челове́къ! Оте́цъ былъ имъ о́чень дово́ленъ, называ́лъ его „обстоя́тельнымъ“ и то́лько жалѣ́лъ о томъ, что сынъ жени́ться не жела́етъ.

Въ тече́ніи ночно́го разгово́ра у Ма́ркелова, Соло́минъ, какъ мы уже́ сказа́ли, почти́ всё молча́лъ; но когда́ Ма́ркеловъ при́нялся толкова́ть о наде́ждахъ, возлага́емыхъ имъ на фабри́чныхъ, Соло́минъ, по своему́ обыкнове́нію, лакони́чески замѣ́тилъ, что у насъ на Руси́ фабри́чные не то, что за грани́цей — са́мый тихо́ня наро́дъ.

— А мужики́? — спроси́лъ Ма́ркеловъ.

— Мужики́? Кулако́въ межъ ни́ми ужъ тепе́рь завело́сь дово́льно, и съ ка́ждымъ го́домъ бо́льше бу́детъ — а кулаки́ то́лько свою́ вы́году зна́ютъ; остальны́е — о́вцы, темнота́.

— Такъ гдѣ́ же иска́ть?

Соло́минъ улыбну́лся.

— Ищи́те и обря́щете.

Онъ почти́ постоя́нно улыба́лся — и улы́бка его́ была́ то́же кака́я-то безхи́тростная — но не безотчётная, какъ и весь онъ. — Съ Неждано́вымъ онъ обходи́лся осо́беннымъ о́бразомъ: молодо́й студе́нтъ возбуждалъ въ нёмъ уча́стіе, почти́ нѣ́жность.

Въ тече́ніи того́ же ночно́го разгово́ра, Неждано́въ вдругъ разгорячи́лся и пришёлъ въ аза́ртъ; Соло́минъ тихо́нько всталъ и, перейдя́ свое́й развали́стой похо́дкой че́резъ всю ко́мнату, за́перъ откры́вшееся за голово́й Неждано́ва око́шко...

— Какъ бы вы не простуди́лись, — доброду́шно промо́лвилъ онъ въ отвѣ́тъ на изумлённый взглядъ ора́тора.

Неждано́въ сталъ разспра́шивать его́ о томъ, какія соціа́льныя иде́и онъ пыта́ется провести́ во ввѣ́ренной ему́ фа́брикѣ, и намѣ́ренъ ли онъ устро́ить дѣ́ло такъ, что́бы рабо́тники уча́ствовали въ барышѣ́?

— Душа́ моя́! — отвѣча́лъ Соло́минъ — мы шко́лу завели́ и больни́цу ма́ленькую — да и то патро́нъ упира́лся какъ медвѣ́дь!

Разъ то́лько Соло́минъ разсерди́лся не на шу́тку и такъ уда́рилъ свои́мъ могу́чимъ кулако́мъ по столу́, что всё на нёмъ подпры́гнуло, не исключа́я пудо́вой ги́рки, прію́тившейся во́злѣ черни́льницы. Ему́ разска́зали о како́й-то несправедли́вости на судѣ́, о притѣсне́ніи рабо́чей арте́ли...

Когда́ же Неждано́въ и Ма́ркеловъ принима́лись говори́ть, какъ „приступи́ть,“ какъ привести́ планъ въ дѣ́йствіе, Соло́минъ продолжа́лъ слу́шать съ любопы́тствомъ, да́же съ уваже́ніемъ — но самъ уже́ не произноси́лъ ни сло́ва. Да четырёхъ часо́въ дли́лась э́та ихъ бесѣ́да. —

И о чёмъ, о чёмъ, они не перетолкова́ли! Ма́ркеловъ ме́жду про́чимъ таи́нственно намекну́лъ на неутоми́маго путеше́ственника Кисляко́ва, на его́ пи́сьма, кото́рыя стано́вятся всё интере́снѣе да интере́снѣе; онъ обѣща́лъ показа́ть Неждано́ву нѣ́которыя изъ нихъ и да́же датъ ихъ ему́ на́ домъ, такъ такъ онѣ́ о́чень простра́нны и пи́саны не совсѣ́мъ разбо́рчивымъ по́черкомъ; да и сверхъ того́ въ нихъ мно́го учёности и да́же стихи́ попада́ются — но не каки́е-нибу́дь легкомы́сленные — а съ соціа́листи́ческимъ направле́ніемъ! — Отъ Кисляко́ва Ма́ркеловъ перешёлъ къ солда́тамъ, къ адъюта́нтамъ, къ нѣ́мцамъ — договори́лся наконе́цъ до свои́хъ артиллери́йскихъ стате́й; Неждановъ упомяну́лъ объ антагони́змѣ Ге́йне и Бёрне, о Прудо́нѣ, о реали́змѣ въ иску́сствѣ; а Соло́минъ, слу́шалъ, вника́лъ, поку́ривалъ — и не переста́вая улыба́ться, не сказа́въ ни одного́ остроу́мнаго сло́ва, каза́лось, лу́чше всѣхъ понима́лъ, въ чёмъ состоя́ла со́бственно вся суть.

Проби́ло четы́ре часа́... Неждановъ и Ма́ркеловъ едва́ держа́лись на нога́хъ отъ уста́лости — а Соло́минъ хоть бы въ одно́мъ гла́зѣ́! — Прія́тели разошли́сь; но пре́жде бы́ло сообща́ полóжено: на слѣ́дующій день отпра́виться въ го́родъ къ старовѣ́ру купцу́ Голу́шкину, для пропага́нды: самъ Голу́шкинъ былъ о́чень ретивъ — да и обѣща́лъ прозели́товъ! Соло́минъ вы́казалъ бы́ло сомнѣ́ніе: сто́итъ ли посѣща́ть Голу́шкина? Одна́ко пото́мъ согласи́лся, что сто́итъ.

XVII.

Го́сти Ма́ркелова ещё спа́ли, когда́ къ нему́ яви́лся посла́нецъ съ письмо́мъ отъ его́ сестры́, г-жи́ Сипя́гиной. — Въ э́томъ письмѣ́ Валенти́на Миха́йловна говори́ла ему́ о каки́хъ-то хозя́йственныхъ пустячка́хъ, проси́ла его́ присла́ть ей взя́тую имъ кни́гу — да кста́ти въ постъ-скри́птумѣ сообща́ла ему́ „заба́вную“ но́вость: его́ бы́вшая па́ссія, Маріа́нна, влюби́лась въ учи́теля Неждано́ва — а учи́тель въ неё; и э́то она́, Валенти́на Миха́йловна, не сплетни передаётъ — а ви́дѣла всё со́бственными глаза́ми и слы́шала со́бственными уша́ми. Лицо́ Ма́ркелова ста́ло темнѣе но́чи... но онъ ни сло́ва не промо́лвилъ; — велѣ́лъ отда́ть посла́нцу кни́гу — и, уви́дѣвши сошедшаго сверху́ Неждано́ва, обы́чнымъ о́бразомъ съ нимъ поздоро́вался — да́же переда́лъ ему́ обѣ́щанную па́чку Кисляко́вскихъ посла́ній; — но не оста́лся съ нимъ, а ушёлъ „по хозя́йству“. — Неждано́въ верну́лся къ себѣ́ въ ко́мнату и пробѣ́жа́лъ о́тданныя ему́ пи́сьма: молодо́й пропаганди́стъ въ нихъ толкова́лъ постоя́нно о себѣ́, о своей су́дорожной дѣ́ятельности: по его́ слова́мъ, онъ въ послѣ́дній мѣ́сяцъ обскака́лъ оди́ннадцать уѣ́здовъ, былъ въ девяти́ города́хъ, двадцати́ девяти́ сёлахъ, пятидесяти́-трёхъ деревня́хъ, одно́мъ ху́торѣ и восьми́ заво́дахъ; шестна́дцать ночей провёлъ въ сѣ́нныхъ сара́яхъ, одну́ въ конюшнѣ́, одну́ да́же въ коро́вьемъ хлѣ́вѣ (тутъ онъ замѣ́тилъ въ ско́бкахъ съ *нотабе́не*, что

блоха́ его́ не берётъ); ла́зилъ по земля́нкамъ, по каза́рмамъ рабо́чихъ, вездѣ́ поуча́лъ, наставля́лъ, кни́жки раздава́лъ и на лёту собира́лъ свѣ́дѣнія; иныя́ запи́сывалъ на мѣ́стѣ, другія́ заноси́лъ себѣ́ въ па́мять, по новѣ́йшимъ пріёмамъ мнемо́ники; написа́лъ четы́рнадцать больши́хъ пи́семъ, два́дцать-во́семь ма́лыхъ и восемна́дцать запи́сокъ (изъ ко́ихъ четы́ре карандашо́мъ, одну́ кро́вью, одну́ са́жей, разведённой на водѣ́); и всё э́то онъ успѣва́лъ сдѣ́лать, потому́ что научи́лся систематѝчески распредѣля́ть вре́мя, принима́я въ руково́дство Квинти́на Джо́нсона, Сверли́цкаго и Карре́ліуса и другѝхъ публицѝстовъ и статѝстиковъ. — Пото́мъ онъ говори́лъ опя́ть таки́ о себѣ́, о свое́й звѣздѣ́, о томъ, какъ и въ чёмъ и́менно онъ допо́лнилъ тео́рію страсте́й Фурі́э; увѣря́лъ, что онъ пе́рвый отыска́лъ наконе́цъ, „по́чву,“ что онъ „не пройдётъ надъ мі́ромъ безо вся́каго слѣда́“ — что онъ самъ удивля́ется тому́, какъ э́то онъ, двадцати́-двухъ-лѣ́тній ю́ноша, уже́ рѣши́лъ *всѣ* вопро́сы жи́зни и нау́ки — и что онъ перевернётъ Россі́ю, да́же „встря́хнетъ“ её! — Dixi!! — припи́сывалъ онъ въ строку́. — Э́то сло́во: Dixi — попадо́лось ча́сто у Кисляко́ва и всегда́ съ двумя́ восклица́тельными зна́ками. Въ одно́тъ изъ пи́семъ находи́лось и соціалисти́ческое стихотворе́ніе, обращённое къ одно́й дѣ́вушкѣ и начина́вшееся слова́ми:

Люби́ не меня́ — но иде́ю!

Нежда́новъ вну́тренно подиви́лся не сто́лько самохва́льству г-на Кисляко́ва — ско́лько че́стному добродо́ушію Ма́ркелова... но тутъ же поду́малъ: „По́ боку есте́тику! и г-нъ Кисляко́въ мо́жетъ быть поле́зенъ“. — Къ ча́ю всѣ́ три прія́теля сошли́сь въ столово́й; но вчера́шнее словопре́ніе ме́жду ни́ми не возобнови́лось. — Никому́ изъ нихъ не хотѣ́лось говори́ть — но оди́нъ Соло́минъ молча́лъ споко́йно; и Нежда́новъ, и Ма́ркеловъ каза́лись вну́тренно взволно́ванными.

По́слѣ ча́ю они́ отпра́вились въ го́родъ; ста́рый слуга́ Ма́ркелова, си́дя на рундучкѣ́, сопровожда́лъ своего́ бы́вшаго ба́рина обы́чнымъ уны́лымъ взо́ромъ.

Купе́цъ Голу́шкинъ, съ кото́рымъ предстоя́ло познако́миться Нежда́нову — былъ сынъ разбогатѣ́вшаго торго́вца москате́льнымъ това́ромъ — изъ старовѣ́ровъ-ѳедосѣ́евцевъ. Самъ онъ не увели́чилъ отцо́вскаго состоя́нія, ибо былъ, какъ говори́тся, жуи́ръ, эпикуре́ецъ на ру́сскій ладъ — и никако́й въ торго́выхъ дѣла́хъ сообрази́тельности не имѣ́лъ. Э́то былъ человѣ́къ лѣ́тъ сорока́, дово́льно ту́чный и некраси́вый, рябо́й, съ небольши́ми сви́ными гла́зками; говори́лъ онъ о́чень поспѣ́шно и какъ-бы пу́таясь въ слова́хъ; разма́хивалъ рука́ми, нога́ми сѣмени́лъ, похоха́тывалъ... вообще́ производи́лъ впечатлѣ́ніе па́рня дурнова́таго, избало́ваннаго и кра́йне самолюби́ваго. Самъ онъ почита́лъ себя́ человѣ́комъ образо́ваннымъ, потому́ что одѣ́вался понѣме́цки и жилъ хотя́ гря́зненько да откры́то, зна́лся съ людьми́ бога́тыми — и въ теа́тръ ѣ́здилъ, и

протежи́ровалъ каска́дныхъ актри́съ, съ кото́рыми изъясня́лся на како́мъ-то необыча́йномъ, я́ко-бы францу́зскомъ языкѣ. Жа́жда популя́рности была́ его́ гла́вною стра́стью: греми́, молъ, Голу́шкинъ, по всему́ свѣ́ту! — То́ Сувóровъ и́ли Потёмкинъ — а то̀ Капито́нъ Голу́шкинъ! — Э́та же са́мая страсть, побѣди́вшая въ нёмъ прирождённую ску́пость, бро́сила его́, какъ онъ не безъ самодово́льства вы́ражался — въ оппози́цію (пре́жде онъ говори́лъ про́сто: „въ пози́цію“ — но пото́мъ его́ научи́ли) — свела́ его́ съ нигили́стами: онъ вы́сказывалъ са́мыя кра́йнія мнѣ́нія, тру́нилъ надъ со́бственнымъ старове́рствомъ, ѣлъ въ постъ скоро́мное, игра́лъ въ ка́рты — а шампа́нское пилъ какъ во́ду. И всё сходи́ло ему́ съ рукъ; — потому́, говори́лъ онъ — у меня́ вся́кое, гдѣ слѣ́дуетъ, нача́льство заку́плено, вся́кая проре́ха зашита́, всѣ рты заткну́ты, всѣ у́ши завѣ́шены. — Онъ былъ вдовъ, бездѣ́тенъ; сыновья́ его́ сестры́ съ подобостра́стнымъ тре́петомъ ви́лись о́коло него́... но онъ обзыва́лъ ихъ непросвѣщёнными о́лухами, ва́рварами, и едва́ пуска́лъ ихъ къ себѣ́ на глаза́. — Жилъ онъ въ большо́мъ, ка́менномъ, довóльно неря́шливо содéржанномъ до́мѣ; въ иныхъ ко́мнатахъ ме́бель была́ заграни́чная — а въ ины́хъ ничего́ не́ было кро́мѣ кра́шеныхъ сту́льевъ да клёенчатаго дива́на. Карти́ны висѣ́ли вездѣ́ — и вездѣ́ прескве́рныя: ры́жіе ла́ндшафты, лило́вые морскíе ви́ды — „Поцѣлу́й“ Молле́ра, то́лстыя го́лыя же́нщины съ кра́сными колѣ́нками и ло́ктями. Хоть у Голу́шкина и не́ было семьи́ — но мно́го ра́зной че́ляди и живáльщиковъ ю́тилось подъ его́ кро́влей: не изъ ще́дрости принима́лъ онъ ихъ, а опя́ть-таки́ изъ популя́рничанья — да чтобъ бы́ло надъ кѣ́мъ кома́ндовать и лома́ться. „Мои́ кліе́нты“, говори́лъ онъ, когда́ жела́лъ пыль пусти́ть въ глаза́; книгъ онъ не чита́лъ, — а учёныя выраже́нія запомина́лъ отли́чно.

Молоды́е лю́ди заста́ли Голу́шкина въ его́ кабине́тѣ. Облечённый въ долгопóлое пальто́, съ сига́рой во рту, онъ притворя́лся, что чита́етъ газе́ту. При ви́дѣ ихъ онъ то́тчасъ вскóчилъ, замета́лся, покраснѣ́лъ, закрича́лъ, что́бы скорѣ́й подава́ли заку́ску, что-то спроси́лъ, чему́-то засмѣя́лся — и всё э́то ра́зомъ. Ма́ркелова и Соло́мина онъ зналъ; Неждáновъ былъ для него́ но́вое лицó. Услы́шавъ, что онъ студе́нтъ, Голу́шкинъ опя́ть засмѣя́лся, пожа́лъ ему́ втори́чно ру́ку, и промóлвилъ:

— Сла́вно! сла́вно! на́шего полку́ при́было... Уче́ніе свѣтъ, неуче́ніе тьма — я самъ на мѣ́дные гро́ши учёнъ, но понима́ю, потому́ дости́гъ!

Неждáнову показа́лось, что г-нъ Голу́шкинъ робѣ́етъ и конфу́зится... да оно́ дѣйстви́тельно и бы́ло такъ. — „Смотри́, братъ Капито́нъ! не уда́рь лицóмъ въ грязь!“ — бы́ло его́ пе́рвой мы́слью, при ви́дѣ ка́ждаго но́ваго лица́. Онъ однáко ско́ро опра́вился и тѣ́мъ же торопли́во-шепеля́вымъ, спу́таннымъ языкóмъ на́чалъ говори́ть о Васи́лiѣ Никола́евичѣ, объ его́ хара́ктерѣ, о необходи́мости про... па... га́нды — (онъ э́то сло́во то́же хорошó зналъ, но выгова́ривалъ ме́дленно); — о томъ, что

у него́, Голу́шкина, откры́лся но́вый молоде́цъ пренадёжный; что, ка́жется, вре́мя тепе́рь уже́ бли́зко, назре́ло для... для ланце́та (при э́томъ онъ глянулъ на Ма́ркелова, который одна́ко да́же бро́вью не повёлъ); — пото́мъ, обратя́сь къ Неждано́ву, онъ приня́лся расписывать самого́ себя́, не ху́же чѣмъ самъ вели́кій корреспонде́нтъ, Кисляко́въ. Что онъ, молъ, изъ самоду́ровъ вы́шелъ давно́, что онъ хорошо́ зна́етъ права́ пролета́ріевъ (и это сло́во онъ по́мнилъ твёрдо), что хотя́ онъ со́бственно торго́влю бро́силъ и занима́ется ба́нковыми опера́ціями — для наращенія капита́ла — но э́то то́лько для того́, что́бы капита́лъ сей въ да́нную мину́ту могъ послужи́ть — въ по́льзу... въ по́льзу о́бщему движе́нію, въ по́льзу — такъ сказа́ть — наро́ду; а что онъ, Голу́шкинъ, въ су́щности презира́етъ капита́лъ! Тутъ вошёлъ челове́къ съ заку́ской, и Голу́шкинъ значи́тельно кря́кнулъ и попроси́лъ, не уго́дно ли пройти́сь по рю́мочкѣ? и самъ пе́рвый „хло́пнулъ“ внуши́тельную ча́рочку перцо́вки.

Го́сти при́нялись за заку́ску. — Голу́шкинъ запи́хивалъ себѣ въ ротъ грома́дные куски́ па́юсной икры́ и пилъ испра́вно, приговаривая: — Пожа́луйте, господа́, пожа́луйте, хоро́шій ма́кончикъ. Сно́ва обрати́вшись къ Неждано́ву, онъ спроси́лъ его́, отку́да онъ при́былъ, надо́лго ли и гдѣ обрѣта́ется; а узна́въ, что онъ живётъ у Сипя́гина, воскли́кнулъ:

— Зна́ю я э́того ба́рина! Пусто́й! И тутъ же на́чалъ брани́ть всѣхъ землевладѣльцевъ С...ой губе́рніи, — за то, что въ нихъ не то́лько нѣтъ ничего́ граждани́ственнаго, но да́же со́бственныхъ интере́совъ они́ не чу́вствуютъ... — То́лько — чу́дное дѣ́ло! — самъ брани́тся, — а глаза́ бѣгаютъ и ви́дно въ нихъ безпоко́йство. — Неждано́въ не могъ себѣ́ хорошенько отда́ть отчёта, что́ э́то за челове́къ — и зачѣ́мъ онъ имъ ну́женъ? Соло́минъ, по обыкнове́нію, пома́лчивалъ; а Ма́ркеловъ при́нялъ тако́й су́мрачный видъ, что Неждано́въ спроси́лъ его́ наконе́цъ: что́ съ нимъ? — На что́ Ма́ркеловъ отвѣча́лъ, что съ нимъ — ничего́; но таки́мъ то́номъ, таки́мъ обыкнове́нно отвѣча́ютъ лю́ди, когда́ хотя́тъ дать поня́ть, что, есть-молъ что-то, — да не про тебя́. — Голу́шкинъ опя́ть приня́лся сперва́ брани́ть кого́-то, а пото́мъ хвали́ть молодёжь: какіе, де́скать тепе́рь у́мницы пошли́! У-у́мницы! У! — Соло́минъ переби́лъ ело́ вопро́сомъ: кто́, молъ, тотъ молоде́цъ наде́жный, о кото́ромъ онъ говори́лъ — и гдѣ онъ его́ отыска́лъ? Го́лушкинъ расхохота́лся, повтори́лъ ра́за два: а вотъ уви́дите, уви́дите, — и на́чалъ разспра́шивать его́ объ его́ фа́брикѣ, и объ ея́ „плу́тѣ“ владѣ́льцѣ, на что́ Соло́минъ отвѣча́лъ весьма́ односло́жно. Тогда Голу́шкинъ нали́лъ всѣмъ шампа́нскаго — и наклоня́сь къ у́ху Неждано́ва, шепну́лъ: — За респу́блику: и вы́пилъ бока́лъ за́лпомъ. Неждано́въ приго́рбился, Соло́минъ замѣтилъ, что онъ вина́ у́тромъ не пьётъ; Ма́ркеловъ зло́бно и рѣши́тельно вы́пилъ свой бока́лъ до дна. Каза́лось, нетерпѣ́нье гры́зло его́: вотъ, молъ, мы всё прохлажда́емся — а къ настоя́щему разгово́ру не

приступа́емъ... Онъ уда́рилъ по столу́, суро́во промо́лвилъ: — Господа́! — и собра́лся-бы́ло говори́ть...

Но въ это мгнове́нье вошёлъ въ ко́мнату прили́занный челове́чекъ съ кувши́ннымъ ры́льцемъ и чахо́точный на видъ, въ купе́ческомъ на́нковомъ кафта́нчикѣ, о́бѣ ру́ки на отлётъ. Поклони́вшись всей компа́ніи, челове́къ доложи́лъ что-то вполго́лоса Голу́шкину.

— Сейча́съ, сейча́съ, — отвѣча́лъ тотъ тороплі́во. — Господа́, — приба́вилъ онъ, — я до́лженъ проси́ть извине́нія... Мнѣ Ва́ся вотъ, мой прика́зчикъ, одну́ таку́ „ве́щію“ сказа́лъ (Го́лушкинъ вы́разился такъ наро́чно, шу́тки-ра́ди), что мнѣ безпремѣнно предстои́тъ на́ время отлучи́ться; но надѣюсь, господа́, что вы согласи́тесь у меня́ сего́дня отку́шать — въ три часа́; и гора́здо тогда́ намъ бу́детъ свобо́днѣе!

Ни Соло́минъ, ни Неждано́въ не зна́ли, что́ отвѣ́тить; но Ма́ркеловъ то́тачсъ промо́лвилъ, съ той же суро́востью на лицѣ́ и въ го́лосѣ:

— Коне́чно, бу́демъ; а то — что же э́то за коме́дія?

— Благодари́мъ поко́рно, — подхвати́лъ Голу́шкинъ — и, нагну́вшись къ Ма́ркелову, присовокупи́лъ: — „Ты́щу“ рублёвъ во вся́комъ слу́чаѣ на дѣ́ло же́ртвую... въ э́томъ не сомнѣва́йся!

И при э́томъ онъ ра́за три дви́нулъ пра́вой руко́й съ оттопы́ренными мизи́нцемъ и больши́мъ па́льцемъ: „вѣ́рно, зна́читъ!“

Онъ проводи́лъ гостей́ до две́ри, — и, сто́я на поро́гѣ, кри́кнулъ:

— Бу́ду ждать въ три часа́!

— Жди! — отвѣча́лъ одинъ Ма́ркеловъ.

— Господа́! — промо́лвилъ Соло́минъ, — какъ то́лько всѣ тро́е очути́лись на у́лицѣ. — Я возьму́ изво́щика — и пое́ду на фа́брику. Что мы бу́демъ дѣ́лать до обѣ́да? Бить баклу́ши? Да и купе́цъ нашъ... мнѣ ка́жется — отъ него́, какъ отъ козла́ — ни ше́рсти, ни молока́.

— Ну, шерсть-то бу́детъ, — замѣ́тилъ угрю́мо Ма́ркеловъ, — Онъ вотъ де́ньги обѣща́етъ. И́ли вы имъ бре́згаете! Намъ во всё входи́ть нельзя́. — Мы — не разбо́рчивыя невѣ́сты.

— Ста́ну я бре́згать! — споко́йно проговори́лъ Соло́минъ. Я то́лько себя́ спра́шиваю, каку́ю по́льзу моё прису́тствіе мо́жетъ принести́. А впро́чемъ, — приба́вилъ онъ, гляну́въ на Неждано́ва и улыбну́вшись: — Изво́льте; оста́нусь. На лю́дяхъ и смерть краснá.

Ма́ркеловъ по́днялъ го́лову.

— Пойдёмъ, пока́, въ городско́й садъ; — пого́да хоро́шая. На люде́й посмо́тримъ.

— Пойдёмъ.

Они́ пошли́ — Ма́ркеловъ и Соло́минъ впереди́, Неждано́въ за ни́ми.

XVIII.

Стра́нное бы́ло состоя́ніе его́ души́. Въ послѣ́дніе два дня ско́лько но́выхъ ощуще́ній, но́выхъ лицъ... Онъ въ пе́рвый разъ въ жи́зни

сошёлся съ дѣвушкой, которую — по всей вѣроятности — полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому — по всей вѣроятности — посвятилъ всѣ свои силы... И что же? — Радовался онъ? — Нѣтъ. — Колебался онъ? Трусилъ? Смущался? — О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли онъ по крайней мѣрѣ то напряженіе всего существа, то стремленіе впередъ, въ первые ряды бойцовъ, которое вызывается близостью борьбы? — Тоже нѣтъ. Да вѣритъ ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣритъ ли онъ въ свою любовь? — О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы. — Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется? — Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ? Но Маріанна, этотъ славный, вѣрный товарищъ, эта чистая, страстная душа, эта чудесная дѣвушка, развѣ она его не любитъ? Не великое развѣ это счастье, что онъ встрѣтился съ нею, что онъ заслужилъ ея дружбу, ея любовь? И эти два существа, которыя теперь идутъ передъ нимъ, этотъ Маркеловъ, этотъ Соломинъ, котораго онъ знаетъ ещё мало, но къ которому чувствуетъ такое влеченіе — развѣ они не отличные обращики русской сути, русской жизни — и знакомство, близость съ ними не есть ли также счастье? — Такъ отчего же это неопредѣлённое, смутное, ноющее чувство? Къ чему, зачѣмъ эта грусть? — Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ, — снова шептали его губы — какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты пиши стишки, да кисни, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами — да копайся въ разныхъ психологическихъ соображеньицахъ и тонкостяхъ — а, главное, не принимай твоихъ болѣзненныхъ, нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣждённаго человѣка! — О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выдти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всёмъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

— Алексисъ! Другъ! Россійскій Гамлетъ! — раздался вдругъ, какъ-бы въ отзвучіе всѣмъ этимъ размышленіямъ знакомый, писклявый голосъ. — Тебя ли я вижу?!

Неждановъ поднялъ глаза — и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Паклина — Паклина въ образѣ пастушка, облечённаго въ лѣтнюю одежду бланжеваго цвѣту, безъ галстуха на шеѣ, въ большей соломенной шляпѣ, обвязанной голубой лентой и надвинутой на самый затылокъ — и въ лаковыхъ башмачкахъ!

Онъ тотчасъ подковылялъ къ Нежданову и ухватился за его руки.

— Во-первыхъ, — началъ онъ, — хотя мы въ публичномъ саду, надо, по старинному обычаю, обняться... и поцѣловаться... Разъ! два! три! — Во-вторыхъ, ты знай, что если бы я тебя не встрѣтилъ сегодня, ты бы навѣрное завтра улицезрѣлъ меня, ибо мнѣ извѣстно твоё мѣстопребываніе, и я даже нарочно прибылъ въ сей городъ... какимъ ма-

нéромъ — объ э́томъ пóслѣ; въ-трéтьихъ, познакóмь меня́ съ твои́ми товáрищами. Скажи́ мнѣ вкрáтцѣ, кто они́ — а имъ — кто я — и бу́демъ наслажда́ться жи́знью!

Неждáновъ испóлнилъ желáніе своегó дру́га, назвáлъ егó, Мáркелова, Соломина — и сказáлъ о кáждомъ изъ нихъ, кто онъ такóй, гдѣ живётъ, чтó дѣлаетъ и т. п.

— Прекрáсно! — воскли́кнулъ Пáклинъ; — а тепéрь позвóльте мнѣ отвести́ васъ всѣхъ вдаль отъ толпы́, котóрой, впрóчемъ, нѣтъ — на уединённую скамéйку, си́дя на котóрой я, въ часы́ мечтáній, наслаждáюсь природой. — Удиви́тельный тамъ видъ: губернáторскій домъ, двѣ полосáтыхъ бу́дки, три жандáрма и ни однóй собáки! — Не удивля́йтесь, однáко, сли́шкомъ мои́мъ рѣчáмъ, котóрыми я столь тщéтно стараю́сь разсмѣши́ть васъ! — Я, по мнѣ́нію мои́хъ друзе́й, представля́ю ру́сское остроу́міе... оттогó то, вѣрóятно, я и хромáю.

Пáклинъ повёлъ прія́телей къ „уединённой скамéйкѣ“, и усади́лъ ихъ на ней, предвари́тельно согнáвъ съ нея двухъ салóпницъ. Молоды́е лю́ди „обмѣня́лись мы́слями“... заня́тіе бóльшей частью довóльно ску́чное — осóбенно, на пéрвыхъ порáхъ — и необыкновéнно безплóдное.

— Стой! — воскли́кнулъ вдругъ Пáклинъ, оберну́вшись къ Неждáнову — нáдо тебѣ́ объясни́ть, почему́ я здѣсь. Ты знáешь, я свою́ сестру́ кáждое лѣ́то увожу́ куда́-нибудь; когда́ я узнáлъ, что ты отправля́ешься въ сосѣ́дство здѣ́шняго гóрода — я и вспóмнилъ, что въ сáмомъ э́томъ гóродѣ живу́тъ два удиви́тельнѣйшихъ субъе́кта: мужъ и женá, котóрые намъ довóдятся съ родни́... по мáтери. Мой отéцъ былъ мѣщани́нъ — (Неждáновъ э́то зналъ, но Пáклинъ сказáлъ э́то — для *тѣхъ двухъ*) — а онá дворя́нка. И давны́мъ-давнó они́ насъ къ себѣ́ зазывáютъ! — Стой! ду́маю я... Э́то мнѣ на-руку. Лю́ди они́ добрѣ́йшіе, сестрѣ́ у нихъ бу́детъ — лафá; — чегó же бóльше? Вотъ мы и прикати́ли. И ужъ тóчно: такъ намъ здѣсь хорошó... сказáть нельзя́! — Но чтó за субъе́кты! Чтó за субъе́кты! — Вамъ непремѣ́нно нáдо съ ни́ми познакóмиться! — Чтó вы здѣсь дѣ́лаете? Гдѣ вы обѣдаете? И зачѣ́мъ вы сóбственно сюдá пріѣ́хали?

— Мы обѣ́даемъ сегóдня у одногó Голу́шкина... Здѣсь есть такóй купе́цъ, — отвѣча́лъ Неждáновъ.

— Въ которóмъ часу́?

— Въ три часá.

— И вы ви́дитесь съ нимъ на счётъ... на счётъ... — Пáклинъ обвёлъ взóромъ Соломина, котóрый улыбáлся, и Мáркелова, котóрый всё темнѣ́лъ да темнѣ́лъ...

— Да ты имъ, Алёша, скажи́... сдѣ́лай какóй-нибудь фармазóнскій знакъ, прáво... скажи́, что со мной вѣдь чини́ться нéчего... Вѣдъ я вашъ... вашéго óбщества...

— Голу́шкинъ то́же нашъ, — замѣ́тилъ Неждано́въ.

— Ну, вотъ и чудесно! — До трёхъ часо́въ ещё вре́мени мно́го. — Послу́шайтесь меня́ — пойдёмте къ мои́мъ ро́дственникамъ!

— Да ты съ ума́ сошёлъ! Какъ же мо́жно такъ...

— Объ э́томъ ты не безпоко́йся! ужъ э́то я на себя́ беру́. — Представь: о́азисъ! — Ни поли́тика, ни литерату́ра, ни что́ совре́менное туда́ и не загля́дываетъ. — До́микъ како́й-то пуза́тенькій, каки́хъ тепе́рь и не вида́тъ нигдѣ́; за́пахъ въ нёмъ — анти́къ; лю́ди — анти́къ; во́здухъ — анти́къ... за что́ ни возьми́сь — анти́къ, Екатери́на втора́я, пу́дра, фи́жмы, XVIII-й вѣкъ! — Хозя́ева... предста́вь: мужъ и жена́, о́ба ста́ренькіе, престаренькіе, однолѣ́тки — и безъ морщи́нъ; кру́гленькіе, пу́хленькіе, опря́тненькіе, настоя́щіе попуга́йчики-периклитки; а добры́ до глу́пости, до свя́тости, безконе́чно! Мнѣ ска́жутъ, что „безконе́чная“ доброта́ ча́сто быва́етъ сопряжена́ съ отсу́тствіемъ нра́вственнаго чу́вства... Но я въ э́ти то́нкости не вхожу́ и зна́ю то́лько, что мои́ старички́! И дѣте́й никогда́ не имѣ́ли. Блаже́нные! Ихъ такъ въ го́родѣ блаже́нными и зову́тъ. Одѣ́ты о́ба одина́ково, въ какіе-то полоса́тые капо́ты — и матерія така́я добро́тная: тако́й то́же тепе́рь нигдѣ́ не сы́щешь. — Похо́жи другъ на дру́га ужа́сно — то́лько вотъ что у одно́й на головѣ́ чепе́цъ — а у друго́го колпа́къ — и съ таки́ми же рю́шами какъ на чепцѣ́; то́лько безъ ба́нта. Не будь э́того ба́нта — такъ и не узнаёшь: кто — кто́; къ тому́-жъ и мужъ-то безборо́дый. И зову́тъ ихъ: одного́ — Ѳо́мушка — а другую: Ѳи́мушка. — Я тебѣ́ говорю́ — де́ньги слѣ́довало бы плати́ть, что́бъ то́лько посмотрѣ́ть на нихъ. Лю́бятъ другъ дру́га — до невозмо́жности; а посѣти́тъ ихъ кто — ми́лости про́симъ! — И такіе пода́тливые: сейча́съ всѣ свои́ шту́чки пока́жутъ. То́лько одно́: кури́ть у нихъ нельзя́: не то́, что́бы они́ бы́ли раско́льники — но ужъ о́чень имъ таба́къ мерзи́тъ... Да вѣдь въ ихъ времена́ кто же и кури́лъ? — за то и канаре́екъ они́ не де́ржатъ — потому́ что пти́ца э́та то́же ма́ло была́ тогда́ распространена́... И э́то вели́кое сча́стье — согласи́тесь!

— Ну, что-жъ? идёте вы?

— Я, пра́во же, не зна́ю, — на́чалъ Неждано́въ.

— Стой! я ещё не всё сообщи́лъ. — Голоса́ у нихъ одина́ковые: закро́й глаза́, такъ и не зна́ешь, кто́ говори́тъ. То́лько у Ѳо́мушки рѣчь какъ бу́дто почувстви́тельнѣй. — Вотъ вы, господа́, собира́етесь тепе́рь на вели́кое дѣ́ло, — быть мо́жетъ, на стра́шную борьбу́... Что бы вамъ, пре́жде чѣмъ бро́ситься въ э́ти бу́рныя во́лны — оку́нуться...

— Въ стоя́чую во́ду? — перебилъ Ма́ркеловъ.

— А хоть бы и такъ? — Стоя́чая она́, то́чно; то́лько не гни́лая. — Такіе есть степны́е прудки́; они́ хоть и не прото́чные, а никогда́ не зацвѣта́ютъ, потому́ что на днѣ у нихъ есть ключи́. — И у мои́хъ старичко́въ есть ключи́ — тамъ, на днѣ се́рдца, чи́стые, пречи́стые. — Ужъ одно́ то: хоти́те вы узна́ть, какъ жи́ли сто, полтора́ста лѣтъ тому́ на-

за́дъ? — такъ спѣши́те, иди́те за мно́ю. А то придётъ вдругъ день и часъ — оди́нъ и тотъ же часъ непремѣ́нно для обо́ихъ — и сва́лятся мои́ периклі́тки со свои́хъ жердо́чекъ — и вся́кій анти́къ то́тчасъ съ ни́ми прекрати́тся — и пуза́тенькій домъ пропадётъ — и вы́ростетъ на его́ мѣ́стѣ то, что́, по слова́мъ мое́й ба́бушки, всегда́ выраста́етъ на мѣ́стѣ, гдѣ была́ „человѣ́чина“ — а и́менно: крапи́ва, репе́йникъ, осо́тъ, полы́нь и ко́нскій щаве́ль; само́й у́лицы не бу́детъ — и приду́тъ лю́ди и ничего́ уже́ бо́льше тако́го не найду́тъ во вѣ́ки вѣко́въ!...

— А что́? — воскли́кнулъ Нежда́новъ: — и впрямь пойти́?

— Я съ вели́кимъ да́же удово́льствіемъ гото́въ, — промо́лвилъ Соло́минъ; — не по мое́й э́то ча́сти — а всё-таки́ любопы́тно; — и коли́ г. Па́клинъ то́чно мо́жетъ поручи́ться, что мы свои́мъ прихо́домъ никого́ не обезпоко́имъ, то... почему́ же...

— Да ужъ не сомнѣва́йтесь! — воскли́кнулъ въ свою́ о́чередь Па́клинъ: — восто́ргъ произведёте — и бо́льше ничего́. Каки́я тутъ церемо́ніи! Говоря́тъ вамъ: они́ — блаже́нные; мы ихъ пѣть заста́вимъ. — А вы, г. Ма́ркеловъ, согла́сны?

Ма́ркеловъ серди́то повёлъ плеча́ми.

— Не остава́ться же мнѣ тутъ одному́! — Изво́льте вести́.

Молоды́е лю́ди подня́лись со скаме́йки.

— Како́й э́то у тебя́ ба́ринъ гро́зный, — шепну́лъ Па́клинъ Нежда́нову, ука́зывая на Ма́ркелова: — ни дать ни взять Іоа́ннъ Предте́ча, наѣвшійся акридъ... однѣ́хъ акридъ, безъ мёда! — А тотъ, — приба́вилъ онъ ки́внувъ голово́й на Соло́мина — чуде́сный! Какъ э́то онъ сла́вно улыба́ется! — Я замѣ́тилъ, такъ улыба́ются то́лько таки́е лю́ди, кото́рые вы́ше други́хъ — а са́ми э́того не зна́ютъ.

— Ра́звѣ быва́ютъ таки́е лю́ди? — спроси́лъ Нежда́новъ.

— Рѣ́дко; но быва́ютъ, — отвѣча́лъ Па́клинъ.

XIX.

Ѳо́мушка и Ѳи́мушка, — Ѳома́ Лавре́нтьевичъ и Евѳи́мія Па́вловна Су́бочевы — принадлежа́ли о́ба къ одному́ и тому́ же корённо́му ру́сскому дворя́нскому ро́ду — и счита́лись чуть ли не са́мыми стари́нными обита́телями го́рода С*. — Они́ вступи́ли въ бракъ о́чень ра́но — и о́чень давно́ тому́ наза́дъ, посели́лись въ дѣ́довскомъ деревя́нномъ до́мѣ на краю́ го́рода — никогда́ отту́да не выѣзжа́ли — и ни въ чёмъ никогда́ не измѣни́ли ни своего́ о́браза жи́зни, ни свои́хъ привы́чекъ. Вре́мя, каза́лось, останови́лось для нихъ; никако́е „но́вшество“ не проника́ло за грани́цу ихъ оа́зиса“. Состоя́ніе у нихъ бы́ло небольшо́е; но мужички́ ихъ по-пре́жнему привози́ли имъ по нѣ́скольку разъ въ годъ дома́шнюю жи́вность и прови́зію; ста́роста въ ука́занный срокъ явля́лся съ обро́чными де́ньгами и па́рой ря́бчиковъ, бу́дто бы застрѣ́лённыхъ въ госпо́д-

скихъ лѣсны́хъ, въ дѣйстви́тельности давно́ исчѐзнувшихъ, да́чахъ; его́ пои́ли ча́емъ на поро́гѣ гости́ной, дари́ли ему́ бара́нью ша́пку, па́ру зелёныхъ за́мшевыхъ рукави́цъ — и отпуска́ли съ Бо́гомъ. — Дворовы́е лю́ди по-пре́жнему наполня́ли Субочѐвскій домъ. Ста́рый слуга́ Калліо́пычъ, облечённый въ камзо́лъ изъ необыча́йно толста́го сукна́ съ стоя́чимъ воротнико́мъ и ма́ленькими стальны́ми пу́говицами, по-пре́жнему докла́дывалъ на-распѣ́въ, что „ку́шанье на столѣ,“ и засыпа́лъ, сто́я за кре́сломъ ба́рыни. Буфе́тъ былъ у него́ на рука́хъ; — онъ завѣ́дывалъ „разной бака́ліей, кардамо́нами и лимо́нами,“ — а на вопро́съ: не слыха́лъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостны́хъ вы́шла во́ля — вся́кій разъ отвѣча́лъ, что ма́ло ли кто какія ме́летъ вра́ки; это, молъ, у ту́рковъ быва́етъ во́ля — а его́, сла́ва Бо́гу, она́ минова́ла. Дѣ́вка Пу́фка, изъ ка́рлицъ держа́лась для развлече́нія, а ста́рая ня́ня Васи́льевна во вре́мя обѣ́да входи́ла съ больши́мъ тёмнымъ платко́мъ на головѣ́ — и разска́зывала ша́мкавшимъ го́лосомъ про вся́кія но́вости: — про Наполео́на, двѣна́дцатый годъ, про анти́христа и бѣ́лыхъ ара́повъ; — а не то, подпёрши руко́ю подборо́докъ, сло́вно горю́я, сообща́ла, како́й она́ ви́дѣла сонъ и что̀ онъ означа́лъ, — и что у ней на ка́ртахъ вы́шло. Са́мый домъ Су́бочевыхъ отлича́лся ото всѣхъ други́хъ домо́въ въ го́родѣ: онъ былъ весь постро́енъ изъ ду́ба, и о́кна имѣ́лъ въ ви́дѣ равносторо́нникъ четырёхуго́льниковъ; двойны́я ра́мы никогда́ не вынима́лись! И бы́ли въ нёмъ всевозмо́жныя сѣ́нцы и го̀ренки, и свѣтли́цы и хоро́минки, и рундучки́ съ пери́льцами, и голубцы́ на точёныхъ сто́лбикахъ, и вся́кіе за́дніе перехо́дцы и камо́рки. Спе́реди находи́лся полиса́дникъ — а сза́ди садъ; а въ саду́ — что́ клѣ́тушекъ, пу́некъ, амба́рчиковъ, погребко́въ, ле́дничковъ... — какъ есть гнѣздо́! И не то́, что́бы во всѣхъ э́тихъ помѣще́ніяхъ сохраня́лось мно́го добра́ — ины́я уже́ и завали́лись; — да заве́дено всё э́то бы́ло и́стари — ну, и держа́лось. Лошаде́й у Су́бочевыхъ бы́ло только двѣ́, дре́вніе, сѣдли́стыя, косма́тыя; по одно́й отъ ста́рости да́же бѣ́лыя пя́тна вы́ступили: звали её Недви́гой. Закла́дывались онѣ́ — мно́го-мно́го разъ въ мѣ́сяцъ — въ необыча́йный, всему́ го́роду извѣ́стный экипа́жъ, представля́вшій подо́біе земно́го гло́буса, съ вы́рѣзанной спе́реди четвёртою ча́стью и оби́тый снутри́ заграни́чной жёлтой мате́ріей, сплошь усѣ́янной кру́пными пупыру́шками въ ви́дѣ борода́вокъ. Послѣ́дній аршѝнъ э́той мате́ріи былъ вы́танъ въ Утрехтѣ́ или Ліо́нѣ ещё во времена́ императри́цы Елисаве́ты! И ку́черъ у Су́бочевыхъ былъ чрезвыча́йно дре́вній, пропи́танный за́пахомъ во́рвани и дёгтя стари́къ; борода́ начина́лась у него́ близъ са́мыхъ глазъ — а бро́ви па́дали ма́ленькимъ каска́домъ на бо́роду. Онъ до того́ былъ медли́теленъ во всѣхъ свои́хъ движе́ніяхъ, что употребля́лъ цѣ́лыхъ пять мину́тъ на понюшку табаку́, двѣ́ мину́ты на то̀, чтобы заткну́ть кнутъ за по́ясъ, и два часа́ сли́шкомъ на то̀, что́бы заложи́ть одну́ Недви́гу. А зва́ли его́ Перфи́шкой! Е́сли Су́бочевымъ случа́лось вы́ѣхать и экипа́жу приходи́лось хоть чу́точку поднима́ться

въ-го́ру — то они́ непремѣ́нно пуга́лись — (спуска́ясь съ-горы́, они́, впро́чемъ, то́же пуга́лись) — цѣпля́лись за каре́тные ре́мни и тверди́ли о́ба вслухъ: „Коня́мъ — коня́мъ... си́ла Самуи́ла; — а мы — а мы, ле́гче пу́ха, ле́гче ду́ха!!...“ Су́бочевыхъ всѣ въ горо́дѣ С* счита́ли за чудако́въ, чуть не за сумасше́дшихъ; — да они́ са́ми сознава́ли, что не подхо́дятъ къ настоя́щимъ поря́дкамъ... но не бо́льно объ э́томъ печа́лились: въ како́мъ быту́ роди́лись они́, вы́росли и сочета́лись бра́комъ — въ томъ и оста́лись. Одна́ то́лько осо́бенность того́ бы́та къ нимъ не приста́ла: о́тъ-роду они́ никогда́ никого́ не наказа́ли, не взыска́ли ни съ кого́. Коли́ слуга́ у нихъ ока́зывался отъя́вленнымъ пья́ницей или во́ромъ — они́ сперва́ до́лго терпѣ́ли и переноси́ли — вотъ какъ перено́сятъ дурну́ю пого́ду; а наконе́цъ стара́лись отдѣ́латься отъ него́, спусти́ть его́ другима́мъ господа́мъ: пуска́й же, де́скать, и тѣ пома́ются мале́нько! То́лько э́та бѣда́ случа́лась съ ни́ми рѣ́дко, — до того́ рѣ́дко, что стонови́лась въ ихъ жи́зни эпо́хой — и они́ гова́ривали, напримѣ́ръ: „Э́тому о́чень давно́; э́то приключи́лось тогда́, когда́ у насъ прожива́лъ Алдо́шка озо́рникъ;“ и́ли: „когда́ у насъ укра́ли мѣ́ховую дѣ́душкину ша́пку съ ли́сьимъ хвосто́мъ...“ — У Су́бочевыхъ ещё води́лись такія ша́пки. Друга́я, впро́чемъ, отличи́тельная черта́ стари́ннаго бы́та въ нихъ та́кже не замѣча́лась: ни Ѳи́мушка, ни Ѳо́мушка не́ были сли́шкомъ религіо́зными людьми́. Ѳо́мушка такъ да́же приде́рживался Вольтеріа́нскихъ пра́вилъ; а Ѳи́мушка смерте́льно боя́лась духо́вныхъ лицъ: у нихъ, по ея́ приме́тамъ, глазъ былъ дурно́й. „Попъ у меня́ посиди́тъ, — гова́ривала она́: — глядь! анъ, сли́вки-то и ски́слись.“ Въ це́рковь они́ вы́ѣзжали рѣ́дко — и пости́лись по-католи́чески, т.-е. употребля́ли я́йца, ма́сло и молоко́. Въ го́родѣ э́то зна́ли — и, коне́чно, э́то не поправля́ло ихъ репута́ціи. Но доброта́ ихъ всё побѣжда́ла; и надъ чудачка́ми Су́бочевыми хоть и смѣя́лись, хоть и счита́ли ихъ юроди́выми и блаже́нными — а всё-таки́, въ су́щности, уважа́ли ихъ.

Да; ихъ уважа́ли... но ѣ́здить къ нимъ никто́ не ѣ́здилъ. Впро́чемъ, они́ объ э́томъ та́кже не тужи́ли. Вмѣстѣ они́ никогда́ не скуча́ли — а потому́ не разлуча́лись никогда́, и никако́го друго́го о́бщества не жела́ли. Ни Ѳо́мушка, ни Ѳи́мушка ни-ра́зу не болѣ́ли; а е́сли съ одни́мъ изъ нихъ и приключа́лась кака́я лёгкая не́мощь — то они́ *о́ба* пи́ли насто́й липова́го цвѣ́ту, натира́лись тёплымъ ма́сломъ по поясни́цѣ — и́ли ка́пали горя́чимъ са́ломъ на подо́швы — и въ ско́рости всё проходи́ло. — День они́ проводи́ли всегда́ одина́ково. Встава́ли по́здно, ку́шали у́тромъ шокола́дъ изъ кро́шечныхъ ча́шекъ въ ви́дѣ сту́покъ; „чай — увѣря́ли они́ — ужъ по́слѣ насъ въ мо́ду-то вошёлъ“; — сади́лись другъ пе́редъ дру́гомъ — и ли́бо бесѣ́довали — (и всегда́ находи́ли о чёмъ!) — ли́бо чита́ли изъ „*Прія́тнаго препровожде́нія вре́мени*“, „*Зе́ркала Све́та*“ или „*Аони́дъ*“; ли́бо просма́тривали ста́ренькій альбо́мъ, переплетённый въ кра́сный сафья́нъ съ золото́ю каёмкой, принадлежа́вшій нѣ́когда,

какъ гласи́ла на́дпись, одно́й M-me Barbe de Kabyline. — Ка́къ и когда́ попа́лъ э́тотъ альбо́мъ къ нимъ въ ру́ки — они́ са́ми не зна́ли. Въ нёмъ находи́лось нѣсколько францу́зскихъ и мно́го ру́сскихъ стихотворе́ній и прозаи́ческихъ стате́й, въ ро́дѣ, напри́мѣръ, слѣ́дующаго „кра́ткаго“ размышле́нія о „Цицеро́нѣ“:

„Въ каково́мъ расположе́ніи Цицеро́нъ вступи́лъ въ чинъ кве́стора, объявля́етъ онъ слѣ́дующее: Засвидѣтельствова́вши бога́ми чистосе́рдіе свои́хъ чу́вственностей во всѣхъ чина́хъ, кои́ми дото́лѣ почте́нъ былъ, мнилъ себя́ обя́занна са́мыми свяще́нными у́зами къ досто́йному о́ныхъ исполне́нію и въ сёмъ намѣре́ніи не попуска́лся онъ, Цицеро́нъ, не то́кма въ сла́дости законопресту́пныя, — но и убѣга́лъ отъ таковы́хъ увесели́ній, ко́и ка́жутся быть всеконе́чно необходи́мы“. — Внизу́ стоя́ло: „Запи́сано въ Сиби́ри, въ гла́дѣ и хла́дѣ“. — Хорошо́ бы́ло та́кже стихотворе́ніе, озагла́вленное: „Тирси́съ“, гдѣ встрѣча́лись такія строфы́:

Поко́й вселе́нной управля́етъ,
Роса́ съ прія́тностью блести́тъ,
Приро́ду нѣ́житъ, прохлажда́стъ,
Ей но́ву жизнь собо́й дари́тъ!

Оди́нъ Тирси́съ съ душо́й уны́лой
Страда́етъ, му́чится, грусти́тъ...
Когда́ съ нимъ нѣтъ Ане́ты ми́лой —
Его́ ничто́ не весели́тъ!

— и экспро́мтъ проѣ́зжаго капита́на въ 1790 году́, „Ма́іія въ шесты́й день“:

Никогда́ я не забу́ду!
Тебя́, любе́зное село́!
И ве́чно по́мнить бу́ду!
Прія́тно вре́мя какъ текло́!
Кото́рое имѣ́лъ я честь!
У владѣ́лицы твое́й!
Пять лу́чшихъ въ жи́зни дней!
Въ почте́ннѣйшемъ кругу́ прове́сть!
Среди́ мно́жества дамъ и дѣви́цъ,
И про́чихъ антере́сныхъ лицъ!

На послѣ́дней страни́цѣ альбо́ма стоя́ло — вмѣ́сто стихо́въ — реце́пты отъ желу́дка, спа́змовъ — и — увы! да́же отъ глисто́въ. Су́бочевы обѣ́дали ро́вно въ двѣна́дцать часо́въ, и ѣ́ли всё стари́нныя ку́шанья: сыринки́, пигу́сы, соля́нки, разсо́льники, салама́ты, коку́рки, кисе́ли, взва́ры, верчёную куря́тину съ шафра́номъ, ала́дьи съ мёдомъ: по́слѣ обѣ́да отдыха́ли — ча́сикъ, не бо́льше; — просы́пались, опя́ть сади́лись другъ пе́редъ дру́гомъ и пи́ли брусни́чную води́цу, а иногда́ и шипу́чку, про́званную „сорокоу́момъ“, кото́рая, одна́ко, почти́ вся́кій разъ вылета́ла

вся вонъ изъ бутылки и причиняла много смѣху господамъ — а Каллiопычу много досады: надо было подтирать „всюду“ — и онъ долго ворчалъ на ключницу и на повара, которые будто бы выдумали этотъ напитокъ.... „И какое въ нёмъ удовольствiе? Только *небель* портитъ!“ — Потомъ супруги Субочевы опять что-нибудь читали или пересмѣивались съ карлицей Пуфкой или пѣли вдвоёмъ старинные романсы (голоса у нихъ были совершенно одинакiе, высокiе, слабые, нѣсколько дрожащiе и хрипплые — особенно послѣ сна; но не лишённые прiятности) — или наконецъ играли въ карты, но тоже всё въ старинныя игры: въ кребсъ, въ ламушъ или даже въ бостонъ сампрандеръ! — Потомъ появлялся самоваръ; по вечерамъ они пили чай... *эту* уступку духу времени они сдѣлали; однако всякiй разъ находили, что это баловство — и что народъ отъ „оной китайской травки“ становится нарочито слабѣе. — Вообще же они удерживались отъ порицанiй новаго времени и отъ восхваленiй стараго: иначе они отроду не живали; но что другiе люди могли жить другимъ манеромъ — и даже лучше — это они допускали; лишь бы ихъ не заставляли мѣняться! — Часамъ къ восьми Каллiопычъ подавалъ ужинъ съ неизбѣжной окрошкой; а въ девять часовъ полосатые высокiе пуховики уже принимали въ свои рыхлыя объятiя утученныя тѣла Ѳомушки и Ѳимушки, и безмятежный сонъ не медлилъ спуститься на ихъ вѣжды. — И всё утихало въ старенькомъ домѣ: лампадка теплилась, пахло выхухолью, мелиссой, сверчокъ трюкалъ — и спала добрая, смѣшная, невинная чета.

Вотъ къ этимъ-то юродивымъ или, какъ онъ выражался, периклиткамъ, прiютившимъ его сестру, — и привёлъ Паклинъ своихъ знакомыхъ.

Сестра его была дѣвушка умная и недурная лицомъ — глаза у ней были удивительные; но несчастный ея горбъ сокрушалъ её, отнималъ всякую самонадѣянность и весёлость, сдѣлалъ её недовѣрчивой, и чуть не злою. И имя ей попалось премудрёное: Снандулiя! — Паклинъ хотѣлъ было перекрестить её въ Софiю; но она упорно держалась своего страннаго имени, говоря, что горбатой такъ и слѣдуетъ называться Снандулiей. Она была хорошая музыкантша и порядочно играла на фортепьяно — „по милости моихъ длинныхъ пальцевъ“, — замѣчала она, не безъ горечи: „у горбатыхъ они всегда такiе бываютъ“.

Гости застали Ѳомушку и Ѳимушку въ самую ту минуту, когда они просыпались отъ послѣобѣденнаго сна и пили водицу.

— Вступаемъ въ XVIII-й вѣкъ! — воскликнулъ Паклинъ, какъ только перешагнулъ порогъ Субочевскаго дома.

И дѣйствительно: XVIII-й вѣкъ встрѣтилъ гостей уже въ передней въ видѣ низенькихъ, синенькихъ ширмочекъ, оклеенныхъ вырѣзанными чёрныти силуэтками напудренныхъ дамъ и кавалеровъ. Съ лёгкой руки Лафатера силуэтки были въ большой модѣ въ Россiи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтiя. Внезапное появленiе такого большого числа посѣ-

ти́телей — цѣ́лыхъ четы́ре! — произвело́ волне́ніе въ рѣ́дко-посѣща́емомъ до́мѣ. Послы́шался то́потъ обу́тыхъ и бо́сыхъ ногъ, нѣ́сколько же́нскихъ лицъ мгнове́нно вы́сунулось и исче́зло — кого́-то гдѣ-то припёрли, кто-то о́хнулъ, кто-то фы́ркнулъ, кто-то су́дорожно прошепта́лъ: — Ну васъ!

Наконе́цъ появи́лся Каллію́пычъ въ своёмъ шарша́вомъ камзо́лѣ — и, раствори́въ дверь въ „зало“, громогла́сно воскли́кнулъ:

— Госуда́рь, э́тта бу́детъ Си́ла Самсо́нычъ съ други́ми господа́ми!

Хозя́ева гора́здо ме́ньше перетрево́жились, чѣ́мъ ихъ прислу́га. Вторже́ніе четырёхъ взро́слыхъ мужчи́нъ, въ ихъ дово́льно, впро́чемъ, просто́рную гости́ную — нѣ́сколько, пра́вда, изуми́ло ихъ; — но Па́клинъ неме́дленно ихъ успоко́илъ, предста́вивъ имъ по́чередно, съ ра́зными прибау́точками — Неждано́ва, Соло́мина и Ма́ркелова — какъ люде́й сми́рныхъ и не „коро́нныхъ“.

Θо́мушка и Θи́мушка осо́бенно не жа́ловали коро́нныхъ, т.-е чино́вныхъ люде́й.

Появи́вшаяся на призы́въ бра́та, Снанду́лія гора́здо бо́льше волнова́лась и чини́лась, чѣ́мъ старички́ Су́бочевы. Они́ попроси́ли — о́ба вмѣ́стѣ — и въ одни́хъ и тѣ́хъ же выраже́ніяхъ гостей сѣ́сть и пожела́ли узна́ть, чѣ́мъ ихъ по́дчивать: ча́емъ, шокола́домъ или шипу́чей води́цей съ варе́ньемъ? Когда́ же узна́ли, что гостя́мъ ничего́ не тре́буется, такъ какъ они́ незадо́лго пе́редъ тѣ́мъ за́втракали у купца́ Голу́шкина и ско́ро бу́дутъ тамъ обѣ́дать — то переста́ли угоща́ть ихъ — и, сложи́въ одина́ковымъ о́бразомъ ру́чки на брюшкѣ́, приступи́ли къ бесѣ́дѣ.

Сперва́ она́ шла немно́го вя́ло — но ско́ро ожили́лась. — Па́клинъ чрезвыча́йно разсмѣши́лъ старичко́въ извѣ́стнымъ Го́голевскимъ анекдо́томъ о городни́чемъ, прони́кнувшемъ въ наби́тую битко́мъ це́рковь — и о пирогѣ́, кото́рый оказа́лся тѣ́мъ же городни́чимъ; хохота́ли они до слёзъ. Смѣя́лись они́ то́же одина́ковымъ о́бразомъ: о́чень визгли́во, конча́я ка́шлемъ и красното́й да испа́риной по всему́ лицу́. Па́клинъ вообще́ замѣ́тилъ, что на люде́й въ ро́дѣ Су́бочевыхъ цита́ты изъ Го́голя дѣ́йствуютъ весьма́ си́льно и какъ-то поры́висто; но такъ какъ ему́ не сто́лько хотѣ́лось ихъ потѣша́ть сами́хъ, ско́лько показа́ть ихъ свои́мъ знако́мымъ, то онъ перемѣни́лъ баттаре́и и повёлъ дѣ́ло такъ, что старички́ вско́рѣ совсѣ́мъ раскура́жились. Θо́мушка доста́лъ и показа́лъ гостя́мъ свою́ люби́мую деревя́нную рѣ́зну́ю табаке́рку, на кото́рой когда́-то мо́жно бы́ло счесть три́дцать-шесть челове́ческихъ фигу́ръ въ ра́зныхъ положе́ніяхъ: всѣ́ онѣ́ давно́ стёрлись — но Θо́мушка ихъ ви́дѣлъ, ви́дѣлъ до сихъ поръ и перече́сть ихъ могъ и ука́зывалъ на нихъ. — „Смотри́те — говори́лъ онъ — вонъ оди́нъ изъ око́шка глядитъ — смотри́те: онъ го́лову вы́сунулъ“... А то мѣ́сто, на кото́рое ука́зывалъ его́ пу́хленькій па́лецъ съ припо́дня-тымъ ноготко́мъ — та́кже бы́ло гла́дко, какъ и вся остальна́я кры́ша табаке́рки. Пото́мъ онъ обрати́лъ внима́ніе посѣти́телей на висѣ́вшую надъ его́ голово́й карти́ну, пи́санную ма́сляными кра́сками: она́ изобра-

жа́ла охо́тника въ про́филь, ска́чущаго во весь духъ на була́но̀й ло́шади — то́же въ про́филь — по сне́жной равни́нѐ. На охо́тникѐ была́ высо́кая бе́лая ба́ранья ша́пка съ голуби́мъ языко́мъ, черке́ска изъ верблю́жьей ше́рсти съ ба́рхатной оторо́чкой, перетя́нутая ко́ванымъ золо́ченымъ по́ясомъ; расши́тая шёлкомъ рукави́ца была́ заткну́та за тотъ по́ясъ; кинжа́лъ въ серебря́ной опра́вѐ съ че́рнью висе́лъ на нёмъ. Въ одно́й рукѐ охо́тникъ, на видъ о́чень моложа́вый и по́лный, держа́лъ огро́мный рогъ, укра́шенный кра́сными ки́стями — а въ друго́й — по́водья и нага́йку; всѣ четы́ре но́ги у ло́шади висе́ли на во́здухѣ; — и на ка́ждой изъ нихъ живопи́сецъ тща́тельно изобрази́лъ подко́ву, обозна́чивъ да́же гво́зди. „И заме́тьте“, — промо́лвилъ Ѳо́мушка, ука́зывая тѣмъ же пу́хленькимъ па́льцемъ на четы́ре полукру́глыхъ пя́тна, вы́веденныхъ на бе́ломъ фо́нѣ позади́ лошади́ныхъ ногъ — „слѣды́ на снѣгу́ — и тѣ предста́вилъ!“ — Почему́ э́тихъ слѣдо́въ бы́ло всего́ четы́ре — а да́льше позади́ не́ было ви́дно ни одного́ — объ э́томъ Ѳо́мушка ума́лчивалъ.

— А вѣдь э́то — я! — приба́вилъ онъ, погоди́в немно́го, съ стыдли́вой улы́бкой.

— Какъ? — воскли́кнулъ Неждано́въ. — Вы бы́ли охо́тникомъ?

— Былъ... да недо́лго. Разъ, на всёмъ скаку́, че́резъ го́лову ло́шади покати́лся, да курне́й себѣ зашибъ. Ну, Ѳи́мушка испуга́лась... ну, — и запрети́ла мнѣ. Я съ тѣхъ поръ и бро́силъ.

— Что̀ вы зашиби́ли? — спроси́лъ Неждано́въ.

— Курне́й, — повтори́лъ Ѳо́мушка, пони́зивъ го́лосъ.

Го́сти мо́лча переглянну́лись. Никто́ не зналъ, что̀ тако́е курне́й, — то́-есть Ма́ркеловъ зналъ, что курне́емъ зовётся мохна́тая кисть на каза́чьей или черке́сской ша́пкѣ; да не могъ же *э́то* зашиби́ть себѣ Ѳо́мушка! А спроси́ть его́, что̀ и́менно онъ понима́лъ подъ сло́вомъ курне́й — никто́ такъ и не рѣши́лся.

— Ну, ужъ коли́ ты такъ расхва́стался, — заговори́ла вдругъ Ѳи́мушка, — такъ похва́стаюсь и я.

Изъ кро́хотнаго „бонёрдюжура“, — такъ называ́лось стари́нное бюро́ на ма́ленькихъ кривы́хъ но́жкахъ съ подъёмной кру́глой кры́шей, кото́рая входи́ла въ спи́нку бюро́, — она́ доста́ла миніатю́рную аквале́ль въ бро́нзовой ова́льной ра́мкѣ, представля́вшую соверше́нно го́ленькаго, четырехле́тняго младе́нца съ колча́номъ за плеча́ми и голубо́й ле́нточкой че́резъ гру́дку, про́бующаго концо́мъ па́льчика остріё стрѣлы́. Младе́нецъ былъ о́чень курча́въ, немно́го косъ и улыба́лся. Ѳи́мушка показа́ла аквале́ль гостя́мъ.

— Это была́ — я... — промо́лвила она́.

— Вы?

— Да, я. Въ ю́ности. Къ моему́ ба́тюшкѣ поко́йному ходи́лъ живопи́сецъ-францу́зъ, отли́чный живопи́сецъ! — Такъ вотъ онъ меня́ написа́лъ ко дню ба́тюшкиныхъ имени́нъ. И како́й хоро́шій былъ францу́зъ!

Онъ и по́слѣ къ намъ ѣзжа́лъ. — Войдётъ быва́ло — ша́ркнетъ но́жкой, пото́мъ дры́гнетъ е́ю, дры́гнетъ, и ру́чку тебѣ́ поцѣлу́етъ, а уходя́ — свои́ со́бственные па́льчики поцѣлу́етъ, — ей-ей! — И напра́во-то онъ поклони́тся — и нале́во, и наза́дъ — и впередъ! О́чень хоро́шій былъ францу́зъ!

Го́сти похвали́ли его́ рабо́ту; Па́клинъ да́же нашёлъ, что есть ещё како́е-то схо́дство.

А тутъ Ѳо́мушка на́чалъ говори́ть о тепе́решнихъ францу́захъ и вы́разилъ мнѣ́ніе, что они́, должно́ быть, всѣ прёзлые ста́ли! — Почему́ же э́то такъ, Ѳома́ Лавре́нтьевичъ? — Да поми́луйте!... Каки́я у нихъ пошли́ имена́! — Напримѣ́ръ? — Да вотъ, напримѣ́ръ: Ножа́нъ-Центъ-Лорра́нъ! — прямо разбо́йникъ! — Ѳо́мушка ста́ти полюбопы́тствовалъ: кто, молъ, тепе́рь въ Пари́жѣ ца́рствуетъ? — Ему сказа́ли: что Наполео́нъ. — Э́то его́, ка́жется, и удиви́ло — и опеча́лило. — Какъ же такъ?... Старика́ тако́го... — на́чалъ-было онъ и умо́лкъ, огляну́вшись съ смуще́ньемъ. Ѳо́мушка пло́хо зналъ по-францу́зски и Вольте́ра чита́лъ въ перево́дѣ (подъ его изголо́вьемъ, въ завѣ́тномъ я́щичкѣ, сохраня́лся́ рукопи́сный Ка́ндидъ) — но у него́ иногда́ вырыва́лись выраже́нія въ ро́дѣ: „э́то, ба́тюшка, фоссъпаркэ́!“ — (въ смыслѣ: „это подозри́тельно“, „невѣ́рно“) — надъ кото́рыми мно́го смѣя́лись, пока́ оди́нъ учёный францу́зъ не объясни́лъ, что э́то есть ста́рое парла́ментское выраже́ніе, употребля́вшееся въ его́ ро́динѣ до 1789 года́.

Такъ какъ рѣчь зашла́ о Фра́нціи да о францу́захъ, то и Ѳи́мушка рѣши́лась спроси́ть о нѣ́которой ве́щи, кото́рая у ней оста́лась на душѣ́. — Сперва́ она́ поду́мала обрати́ться къ Ма́ркелову, но ужъ о́чень онъ смотрѣ́лъ серди́то; — Соло́мина бы она́ спроси́ла... то́лько нѣтъ! — поду́мала она́, — э́тотъ просто́й; должно́ быть, по-францу́зски не разумѣетъ. Вотъ она́ и обрати́лась къ Нежда́нову.

— Что̀, ба́тюшка, я отъ васъ узна́ть жела́ю, — на́чала она́: — извини́те вы меня́! Да вотъ мой ро́дственничекъ, Си́ла Самсо́нычъ, знать, тру́нитъ надо мно́й стару́хой, надъ мои́мъ невѣ́дѣньемъ ба́бьимъ.

— А что?

— А вотъ что́. Е́сли кто на францу́зскомъ діале́ктѣ хо́четъ вопро́съ тако́й поста́вить: „Что́, молъ, это такое?“ — должно̀нъ онъ ска-
за́ть: „Кесе кесе кесе ля?“

— То́чно такъ.

— А мо́жетъ онъ то́же сказа́ть такъ: кесе кесе ля?

— Мо́жетъ.

— И про́сто: кесе ля?

— И та́къ мо́жетъ.

— И всё э́то — еди́но бу́детъ?

— Да.

— Ѳи́мушка заду́малась и рука́ми развела́.

— Ну, Си́лушка, — промо́лвила она́, наконе́цъ, — винова́та я, а ты правъ. То́лько ужъ францу́зы!... Бѣдо́вые!

Па́клинъ на́чалъ проси́ть старичко́въ спѣть како́й-нибудь рома́нсикъ... Они́ о́ба посмѣя́лись и удиви́лись, кака́я э́то ему́ пришла́ мысль; одна́ко, ско́ро согласи́лись, но то́лько подъ тѣмъ усло́віемъ, что́бы Снандýлія сѣ́ла за клавеси́нъ и аккомпани́ровала имъ — она́ ужъ зна́етъ что̀. Въ одно́мъ углу́ гости́ной оказа́лось кро́шечное фортепья́но, кото́раго никто́ изъ гостéй снача́ла и не замѣ́тилъ. Снандýлія сѣ́ла за э́тотъ „клавеси́нъ“, взяла́ нѣсколько акко́рдовъ... Таки́хъ беззýбенькихъ, ки́сленькихъ, дря́хленькихъ, дря́бленькихъ звýковъ Неждáновъ не слы́хивалъ о́тъ роду; но старички́ неме́дленно запѣ́ли:

„На толь, что́бы печа́ли —

на́чалъ Θо́мушка —

„Въ любви́ намъ находи́ть,
„Намъ бо́ги се́рдце да́ли,
„Спосо́бное люби́ть?“

„Одно́ лишь чýвство стра́сти —

отвѣча́ла Θи́мушка —

„Безъ бѣдъ, безъ злой напа́сти
„На свѣтѣ есть ли гдѣ?“

„Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ“ —

подхвати́лъ Θо́мушка —

„Нигдѣ́, нигдѣ́, нигдѣ́“ —

повтори́ла Θи́мушка —

„Съ нимъ го́рести жесто́ки
„Вездѣ́, вездѣ́, вездѣ́“ —

пропѣ́ли они́ вдвоёмъ —

„Вездѣ́, вездѣ́, вездѣ́“ —

протянýлъ оди́нъ Θо́мушка.

— Бра́во! — закрича́лъ Па́клинъ: — э́то — пе́рвый купле́тъ; а второ́й?

— Изво́ль, — отвѣча́лъ Θо́мушка: — то́лько, Снандýлія Самсо́новна, что́ же трель? По́слѣ моего́ стишка́ нужна́ трель.

— Изво́льте, — отвѣча́ла Снандýлія, — бýдетъ вамъ трель.

Θо́мушка опя́ть на́чалъ:

„Люби́лъ ли кто въ вселённой
„И мукъ не испыта́лъ?
„Како́й, како́й влюблённый
„Не пла́калъ, не вздыха́лъ?“

А тутъ Ѳи́мушка:

„Такъ се́рдце стра́нно въ го́рѣ
„Какъ ло́дка ги́бнетъ въ мо́рѣ...
„На что-жъ оно́ дано́?“

„На зло, на зло, на зло!“ — воскли́кнулъ Ѳо́мушка — и подожда́лъ, что́бы дать вре́мя Снанду́ліи пусти́ть трель.

Снанду́лія пусти́ла её.

„На зло, на зло, на зло!“ повтори́ла Ѳи́мушка.

А тамъ о́ба вмѣстѣ:

„Возьми́те, бо́ги, се́рдце
„Наза́дъ, наза́дъ, наза́дъ!
„Наза́дъ, наза́дъ, наза́дъ!“

И всё опя́ть заключи́лось тре́лью.

— Бра́во! бра́во! — закрича́ли всѣ, за исключе́ніемъ Ма́ркелова, и да́же въ ладо́ши заби́ли.

„А что́ — поду́малъ Неждано́въ, какъ то́лько рукоплеска́нья уня́лись — чу́вствуютъ ли они́, что разы́грываютъ роль... какъ-бы шуто́въ? — Быть мо́жетъ, нѣтъ: — а, быть мо́жетъ, и чу́вствуютъ да ду́маютъ: „что за бѣда́? вѣдь зла мы никому́ не дѣлаемъ. Да́же потѣша́емъ други́хъ!“ И какъ поразмы́слишь хорошенько — пра́вы они́, сто разъ пра́вы!“

Подъ влія́ніемъ э́тихъ мы́слей, онъ на́чалъ вдругъ говори́ть имъ любе́зности, въ отвѣтъ на кото́рыя они́ то́лько слегка́ присѣда́ли, не покида́я свои́хъ кре́селъ... Но въ э́то мгнове́нье, изъ сосѣдней ко́мнаты, вѣроя́тно спа́льней и́ли дѣви́чьей, гдѣ уже́ давно́ слы́шался шо́потъ и ше́лестъ, внеза́пно появи́лась ка́рлица Пу́фка, въ сопровожде́ніи ня́нюшки Васи́льевны. — Пу́фка приня́лась пища́ть и кривля́ться — а ня́нюшка — то угова́ривала её, то пу́ще дразни́ла.

Ма́ркеловъ, кото́рый уже́ давно́ подава́лъ зна́ки нетерпѣ́нія — (Соло́минъ тотъ то́лько улыба́лся ши́ре обыкнове́ннаго) — Ма́ркеловъ вдругъ обрати́лся къ Ѳо́мушкѣ.

— А я отъ васъ не ожида́лъ, — на́чалъ онъ съ свое́й рѣ́зкой мане́рой, — что вы съ ва́шимъ просвѣщённымъ умо́мъ — вѣдь вы, я слы́шалъ, покло́нникъ Вольте́ра? — мо́жете забавля́ться тѣмъ, что́ должно́ составля́ть предме́тъ жа́лости — а и́менно: — увѣ́чьемъ... Тутъ онъ вспо́мнилъ сестру́ Па́клина — и прикуси́лъ язы́къ; — а Ѳо́мушка покраснѣ́лъ, попра́вилъ колпа́къ на головѣ́ и пробормота́лъ: „Да... да вѣдь не я... она́ сама́“... За то Пу́фка такъ и наки́нулась на Ма́ркелова.

— И съ чего́ ты э́то вы́думалъ, — затрещала она́ своимъ карта́вымъ го́лосомъ, — на́шихъ госпо́дъ обижа́ть? Меня́ убо́гую призрѣ́ли, при́няли, ко́рмятъ, по́ютъ — такъ тебѣ́ зави́дно! Знать у тебя́ на чужо́й хлѣ́бъ глазъ коро́битъ? — И отку́да взя́лся, чернома́зый, паску́дный, ну́дный, усы́ какъ у тарака́на... Тутъ Пу́фка показа́ла своими то́лстыми,

BIBLIOTECA REGIA MONACENSIS

коро́ткими па́льцами, какіе у него́ усы́. — Васи́льевна засмѣя́лась во весь свой беззу́бый ротъ — и въ сосѣ́дней ко́мнатѣ послы́шался отго-ло́сокъ.

— Я, коне́чно, вамъ не судья́, — обрати́лся Ма́ркеловъ къ Ѳо́мушкѣ, — убо́гихъ да увѣ́чныхъ призрѣва́ть — дѣ́ло хоро́шее. — Но позво́льте вамъ замѣ́тить: жить въ дово́льствѣ, какъ сыръ въ ма́слѣ ката́ться — да не заѣда́ть чужо́го вѣ́ка, да па́лецъ о па́лецъ не удари́ть для бла́га бли́жняго... э́то ещё не зна́читъ быть до́брымъ; я, по кра́йней мѣ́рѣ, тако́й добротѣ́, пра́вду говоря́, никако́й цѣны́ не придаю́!

Тутъ Пу́фка завизжа́ла оглуши́тельно; она́ ничего́ не по́няла изо всего́, что́ сказа́лъ Ма́ркеловъ; но „черноза́зый“ брани́лся... какъ онъ смѣ́лъ! — Васи́льевна то́же что-то забормота́ла — а Ѳо́мушка сложи́лъ ру́чки пе́редъ гру́дью — и повернувшись лицо́мъ къ свое́й женѣ́... „Ѳи́мушка, голу́бушка, — сказа́лъ онъ, чуть не всхли́пывая — слы́шишь, что́ господи́нъ гость говори́тъ? Мы съ тобо́й грѣ́шники, злодѣи, фарисе́и... какъ сыръ въ ма́слѣ ката́емся, ой! ой! ой!... На у́лицу насъ съ тобо́ю на́до, и́зъ дому вонъ — да по метлѣ́ въ ру́ки дать, что́бы мы жизнь свою́ зараба́тывали — о, хо-хо!“ Услы́шавъ такія печа́льныя слова́, Пу́фка завизжа́ла ну́ще пре́жняго, Ѳи́мушка съёжила глаза́, перекоси́ла гу́бы — и уже́ во́здуху въ грудь набра́ла, что́бы хорошёнько пріуда́рить — заголоси́ть...

Богъ зна́етъ, чѣ́мъ бы э́то всё ко́нчилось, е́слибъ Па́клинъ не вмѣ-ша́лся.

— Что́ э́то! помилуйте, — на́чалъ онъ, маха́я рука́ми и гро́мко смѣ́ясь — какъ не сты́дно? — Господи́нъ Ма́ркеловъ пошути́ть хотѣ́лъ: — но такъ какъ видъ у него́ о́чень серьёзный — оно́ и вы́шло немно́го стро́го... а вы и повѣ́рили? — По́лноте! — Евѳи́мія Па́вловна, ми́лочка, мы вотъ сейча́съ уйти́ должны́ — такъ зна́ете что? на проща́нье — погада́йте-ка намъ всѣ́мъ... вы на э́то мастери́ца. — Сестра́! доста́нь ка́рты!

Ѳи́мушка гляну́ла на своего́ му́жа; а ужъ тотъ сидѣ́лъ совсѣ́мъ успоко́енный; — и она́ успоко́илась.

— Ка́рты, ка́рты... — заговори́ла она́: — да разучи́лась я, оте́цъ; забы́ла — давно́ въ ру́ки ихъ не бра́ла...

А сама́ уже́ принима́ла изъ рукъ Снанду́ліи коло́ду каки́хъ-то дре́в-нихъ, необыкнове́нныхъ, ло́мберныхъ картъ.

— Кому́ погада́ть-то?

— Да всѣ́мъ, — подхвати́лъ Па́клинъ — а самъ поду́малъ: — „Ну, что-жъ э́та за подви́жная стару́шка! куда́ хо́чешь поверни́... Про́сто пре́лесть!“ — Всѣ́мъ, ба́бушка, всѣ́мъ, — приба́вилъ онъ гро́мко. — Скажи́те намъ на́шу судьбу́, хара́ктеръ нашъ, бу́дущее... всё скажи́те!

Ѳи́мушка ста́ла-бы́ло раскла́дывать ка́рты — да вдругъ бро́сила всю коло́ду.

— И не ну́жно мнѣ́ гада́ть! — воскли́кнула она́: — я и такъ ха-

ра́ктеръ ка́ждаго изъ васъ зна́ю. — А како́въ у кого́ хара́ктеръ, такова́ и судьба́. — Вотъ э́тотъ — (она́ указа́ла на Соло̀мина) — прохла́дный челове́къ, постоя́нный; — вотъ э́тотъ — (она́ погрози́лась Ма́ркелову) — горя́чій, погуби́тельный челове́къ... (Пу́фка вы́сунула ему́ язы́къ); — тебе́ (она глянула́ на Па́клина) — и говори́ть не́чего: самъ себя́ ты зна́ешь: вертопра́хъ! А э́тотъ...

Она́ указа́ла на Нежда́нова — и запну́лась.

— Чтожъ? — промо́лвилъ онъ — говори́те, сде́лайте одолже́ніе: како́й я челове́къ?

— Како́й ты челове́къ... — протяну́ла Ѳи́мушка: — жа́лкій ты — вотъ что!

Нежда́новъ встрепену́лся.

— Жа́лкій! Почему́ такъ?

— А такъ! Жа́локъ ты мне́ — вотъ что!

— Да почему́?

— А потому́! Глазъ у меня́ тако́й. — Ты ду́маешь, я ду́ра? Анъ я похитре́й тебя́ — да́ромъ что ты ры́жій. — Жа́локъ ты мне́... вотъ тебе́ и сказъ!

Всѣ помолча́ли... перегляну́лись — и опя́ть помолча́ли.

— Ну, проща́йте, дру́ги! — бря́кнулъ Па́клинъ. — Засиде́лись мы у васъ — и вамъ, чай, надое́ли. — Э́тимъ господа́мъ пора́ идти́... да и я отпра́влюсь. — Проща́йте, спаси́бо за ла́ски.

— Проща́йте, проща́йте, заходи́те, не бре́згуйте, — заговори́ли въ оди́нъ го́лосъ Ѳо́мушка и Оѝмушка... А Ѳо́мушка, какъ затя́нетъ вдругъ:

— Мно́гая, мно́гая, мно́гая ле́та, мно́гая...

— Мно́гая, мно́гая, — соверше́нно неожи́данно заба́силъ Калліо́пычъ, отворя́я дверь молоды́мъ лю́дямъ...

И всѣ че́тверо вдругъ очути́лись на у́лицѣ, пе́редъ пуза́тенькимъ до́момъ; — а за о́кнами раздава́лся писклѝвый го́лосъ Пу́фки.

— Дураки́... — крича́ла она́, — дураки́!...

Па́клинъ гро́мко засмѣя́лся; но никто́ не отвѣча́лъ ему́. — Ма́ркеловъ да́же оглядѣ́лъ по́очередно всѣхъ, какъ-бы ожида́я, что услы́шитъ сло́во негодова́нія...

Оди́нъ Соло́минъ улыба́лся по обыкнове́нію.

XX.

— Ну, что-жъ! — на́чалъ, пе́рвый, Па́клинъ. — Бы́ли въ XVIII-мъ ве́кѣ — валя́й тепе́рь пря́мо въ XX-ый. — Го́лушкинъ тако́й передово́й челове́къ, что его́ въ XIX-мъ счита́ть неприли́чно.

— Да онъ ра́звѣ тебѣ́ извѣ́стенъ? — спроси́лъ Нежда́новъ.

— Слу́хомъ земля́ по́лнится; — а сказа́лъ я: валя́й! потому́ что намѣ́ренъ отпра́виться вмѣстѣ съ ва́ми.

— Какъ же такъ? Вѣдь ты съ нимъ незнако́мъ?

— Во́на! А съ мои́ми перикли́тками вы ра́звѣ бы́ли знако́мы?

— Да ты насъ предста́вилъ!

— А ты меня́ предста́вь! — Тайнъ у васъ отъ меня́ быть не мо́жетъ — и Голу́шкинъ челове́къ широ́кій. — Онъ, посмотри́, ещё обра́дуется но́вому лицу́. — Да и у насъ, здѣсь въ С*... про́сто!

— Да, — проворча́лъ Ма́ркеловъ, — лю́ди у васъ здѣсь безцеремо́нные.

Па́клинъ покача́лъ голово́ю.

— Э́то вы, мо́жетъ быть, на мой счётъ... Что дѣ́лать! Я э́тотъ упрёкъ заслужи́лъ. — Но зна́ете ли что́, но́вый мой знако́мецъ, отложи́те- ка на́ время мра́чныя мы́сли, кото́рыя внуша́етъ вамъ вашъ жёлчный темпера́ментъ! — А гла́вное...

— Господи́инъ мой но́вый знако́мецъ, переби́лъ его́ съ запа́льчивостью Ма́ркеловъ — скажу́ вамъ въ свою́ о́чередь... въ ви́дѣ предостереже́нія: я никогда́ ни малѣ́йшаго расположе́нія къ шу́ткамъ не имѣ́лъ — а особли́во сего́дня! — И почему́ вамъ извѣ́стенъ мой темпера́ментъ? (онъ уда́рилъ на послѣ́дній слогъ). — Ка́жется, мы не такъ давно́ — въ пе́рвый разъ увида́ли другъ дру́га.

— Ну, посто́йте, посто́йте, не серди́тесь — и не божи́тесь — я и такъ вамъ вѣ́рю, — промо́лвилъ Па́клинъ — и, обрати́вшись къ Соло́мину: — О, вы, — воскли́кнулъ онъ, — вы, кото́раго сама́ прозо́рливая Ѳи́мушка назва́ла прохла́днымъ челове́комъ — и въ кото́ромъ то́чно есть нѣ́что успокои́тельное — скажи́те, имѣ́лъ ли я въ мы́сляхъ сдѣ́лать кому́-нибу́дь непрія́тность — и́ли пошути́ть некста́ти? — Я то́лько напроси́лся и́дти съ ва́ми къ Голу́шкину — а впро́чемъ — я существо́ безоби́дное. — Я не винова́тъ, что у г. Ма́ркелова жёлтый цвѣ́тъ лица́.

Соломинъ повёлъ сперва́ одни́мъ плечо́мъ — пото́мъ други́мъ; — у него́ была́ така́я пова́дка, когда́ онъ не то́тчасъ рѣша́лся отвѣча́ть.

— Безъ сомнѣ́нія, — промо́лвилъ онъ наконе́цъ, — вы, г-нъ Па́клинъ, оби́ды никому́ причини́ть не мо́жете — и не жела́ете; и къ г-ну Голу́шкину почему́ же вамъ не пойти́? Мы, я полага́ю, тамъ съ таки́мъ же удово́льствіемъ проведёмъ вре́мя, какъ и у ва́шихъ ро́дственниковъ; — да и съ тако́й же по́льзой.

Па́клинъ погрози́лъ ему́ па́льцемъ.

— О! да и вы, я ви́жу, злой! — Одна́ко же, вѣдь вы то́же пойдёте къ Голу́шкину?

— Коне́чно, пойду́. Сего́дняшній день у меня́ и безъ того́ пропа́лъ.

— Ну такъ — „en avant, marchons!“ — къ XX-му вѣ́ку! къ XX-му вѣ́ку! — Неждано́въ, передо́вой челове́къ, веди́!

— Хорошо́; — ступа́й; — да не повторя́й свои́хъ остро́тъ. Какъ бы кто не поду́малъ, что онѣ́ у тебя́ на исхо́дѣ.

— На ва́шего бра́та ещё за глаза́ хва́титъ, — ве́село возрази́лъ

Па́клинъ — и пусти́лся вперёдъ, какъ онъ говори́лъ — не въ припры́жку — а „въ прихро́мку“.

— Презаня́тный господи́нъ! — замѣ́тилъ, идя́ за нимъ, по́дъ руку съ Нежда́новымъ, Соло́минъ: — коли́ насъ, сохрани́ Богъ, сошлю́тъ всѣхъ въ Сиби́рь, бу́детъ кому́ развлека́ть насъ!

Ма́ркеловъ шёлъ, мо́лча, позади́ всѣхъ.

А ме́жду тѣ́мъ въ до́мѣ купца́ Голу́шкина бы́ли при́няты всѣ мѣ́ры, что́бы, зада́ть обѣ́дъ съ „фо́рсомъ“ — и́ли съ „ши́комъ“. Сва́рена была́ уха́, прежи́рная — и прескве́рная; загото́влены бы́ли ра́зные „патишо́“ и „фрыкасѣ́и“ — (Голу́шкинъ, какъ человѣ́къ стоя́щій на высотѣ́ европе́йскаго образова́нія, хоть и старовѣ́ръ, приде́рживался францу́зской ку́хни, и по́вара взялъ изъ клу́ба, отку́да его́ вы́гнали за нечистопло́тность) — а гла́вное: бы́ло припа́сено и заморо́жено нѣ́сколько буты́локъ шампа́нскаго.

Хозя́инъ встрѣ́тилъ на́шихъ молоды́хъ люде́й съ сво́йственными ему́ неуклю́жими ужи́мками, уторо́пленнымъ ви́домъ да похоха́тываньемъ; — о́чень обра́довался Па́клину, какъ тотъ и предска́зывалъ; спроси́лъ про него́: вѣдь нашъ? — и не дожида́ясь отвѣ́та, воскли́кнулъ: — Ну, коне́чно! Ещё бы! — Пото́мъ разсказа́лъ, что онъ сейча́съ былъ у э́того „чудака́“ губерна́тора, кото́рый всё пристаётъ къ нему́ изъ-за каки́хъ-то — чортъ его зна́етъ! — благотвори́тельныхъ заведе́ній... И рѣши́тельно нельзя́ было поня́ть, чѣмъ онъ, Голу́шкинъ, бо́льше дово́ленъ: тѣмъ ли, что его́ принима́ютъ у губерна́тора — и́ли же тѣмъ, что ему́ удало́сь ругну́ть его́ въ прису́тствіи молоды́хъ передовы́хъ люде́й? Пото́мъ онъ познако́милъ ихъ съ обѣ́щаннымъ прозели́томъ. И кто же оказа́лся эти́мъ прозели́томъ? Тотъ са́мый прили́занный, чахо́точный человѣ́чекъ съ кувши́ннымъ ры́льцемъ, кото́рый поутру́ вошёлъ съ докла́домъ, и кото́раго Голу́шкинъ звалъ Ва́сей: — его́ прика́зчикъ. — Не краснорѣчи́въ, увѣря́лъ Голу́шкинъ, ука́зывая на него́ всей пяте́рнею — но на́шему дѣлу все́й душо́ю пре́данъ. — А Ва́ся то́лько кла́нялся, да краснѣ́лъ, да морга́лъ, да ска́лилъ зу́бы съ таки́мъ ви́домъ, что опя́ть-таки́ нельзя́ было поня́ть — что́ онъ тако́е: по́шлый ли дурачо́къ — и́ли напро́тивъ — всесоверше́ннѣйшій вы́жига и плутъ?

— Ну, одна́ко, за столъ, господа́, за столъ, — залото́шилъ Голу́шкинъ. — Сѣ́ли за столъ, закуси́въ сперва́ вплотну́ю. То́тчасъ по́слѣ ухи́, Голу́шкинъ велѣ́лъ пода́ть шампа́нское. Мёрзлыми куска́ми льди́стаго са́ла выва́ливалось оно́ изъ го́рлышка буты́лки въ подста́вленные бока́лы. „За на́ше... на́ше предпрія́тіе!“ воскли́кнулъ Голу́шкинъ, ми́гая при э́томъ гла́зомъ и ука́зывая голово́ю на слугу́, какъ бы дава́я знать, что въ прису́тствіи чужо́го на́до быть осторо́жнымъ! Прозели́тъ Ва́ся продолжа́лъ молча́ть — и хотя́ сидѣ́лъ на кра̀юшкѣ стула́ и вообще́ держа́лся съ подобостра́стіемъ, уже́ во́все несво́йственнымъ тѣмъ убѣжде́ніямъ, кото́рымъ онъ, по слова́мъ его́ хозя́ина, былъ пре́данъ все́й душо́ю —

но хло́палъ вино́ отча́янно!... За то други́е всѣ говори́ли; то-есть со́бственно говори́лъ хозя́инъ — да Па́клинъ; Па́клинъ осо́бенно. Нежда́новъ вну́тренно доса́довалъ, Ма́ркеловъ зли́лся и негодова́лъ — ина́че, но такъ же си́льно, какъ у Су́бочевыхъ; Соло́минъ наблюда́лъ.

Па́клинъ потѣшался! — Свое́ю бо́йкой рѣ́чью онъ чрезвыча́йно понра́вился Голу́шкину, кото́рый и не подозрѣва́лъ того́, что э́тотъ са́мый „хро́мушка“ то-и-дѣ́ло ше́пчетъ на́ ухо сидѣ́вшему во́злѣ него́ Нежда́нову — са́мыя зло́стныя замѣча́нія на счётъ его́, Голу́шкина! — Онъ да́же полага́лъ, что э́то — ма́лый просто́й, и что его́ мо́жно „третирова́ть“ съ высока́... оттого́-то онъ ему́ и понра́вился, ме́жду про́чимъ. Сиди́ Па́клинъ во́злѣ него́ — онъ бы давно́ ткнулъ его́ па́льцемъ въ рёбра и́ли уда́рилъ по плечу́; онъ и то кива́лъ ему́ че́резъ столъ и мота́лъ голово́ю въ его́ направле́ніи... но ме́жду Нежда́новымъ и имъ возсѣда́лъ, во-пе́рвыхъ, Ма́ркеловъ — э́та „мра́чная ту́ча“; а тамъ Соло́минъ. — За то Голу́шкинъ зака́тисто смѣя́лся ка́ждому сло́ву Па́клина, смѣя́лся на вѣ́ру, наперёдъ, хло́пая себя́ по животу́, выка́зывая свои́ синева́тыя дёсны. Па́клинъ ско́ро по́нялъ, чего́ отъ него́ тре́бовалось, и на́чалъ всё брани́ть — (оно́ же для него́ бы́ло дѣ́ломъ подходя́щимъ) — всё и всѣхъ: и консерва́торовъ, и либера́ловъ, и чино́вниковъ, и адвока́товъ, и администра́торовъ, и помѣ́щиковъ, и зе́мцевъ, и ду́мцевъ, и Москву́, и Петербу́ргъ!

— Да, да, да, да, — подхва́тывалъ Голу́шкинъ; — такъ, такъ, такъ, такъ! — Вотъ, напримѣ́ръ, у насъ голова́ — соверше́нный осёлъ! Тупи́ца непроходи́мая! — Я ему́ говорю́ и то — и то... а онъ ничего́ не понима́етъ; не ху́же на́шего губерна́тора!

— А вашъ губерна́торъ — глупъ? — полюбопы́тствовалъ Па́клинъ.

— Я-жъ вамъ говорю́: осёлъ!

— Вы не замѣ́тили: онъ хрипи́тъ, или гнуси́тъ?

— Какъ? спроси́лъ Голу́шкинъ не безъ недоумѣ́нья.

— Да ра́звѣ вы не зна́ете? У насъ на Руси́ ва́жные шта́тскіе хрипя́тъ; ва́жные вое́нные гнуся́тъ въ носъ; — и то́лько са́мые высо́кіе сано́вники и хрипя́тъ и гнуся́тъ въ одно́ и то же вре́мя.

Голу́шкинъ захохота́лъ съ ре́вомъ, да́же прослези́лся.

— Да, да, — лепета́лъ онъ: — гнуси́тъ... гнуси́тъ... Онъ вое́нный!

„Ахъ, ты, о́лухъ!“ — ду́малъ про себя́ Па́клинъ.

— У насъ всё гни́ло, гдѣ ни тронь! — крича́лъ Голу́шкинъ, немно́го спустя́. — Всё, всё гни́ло!

Почте́ннѣйшій Капито́нъ Андре́ичъ — внуши́тельно замѣча́лъ Па́клинъ — а самъ тихо́нько говори́лъ Нежда́нову: „Что̀ э́то онъ всё рука́ми разво́дитъ, то́чно сюрту́къ ему́ подъ мы́шками рѣ́жетъ?“ — Почте́ннѣйшій Капито́нъ Андре́ичъ, повѣ́рьте мнѣ: тутъ полумѣ́ры ничего́ не помо́гутъ!

— Каки́я полумѣ́ры! — вскрича́лъ Голу́шкинъ, внеза́пно переставая

смѣя́ться и принима́я свире́пый видъ: — тутъ одно́: съ ко́рнемъ вонъ! — Ва́ська, пей, с...ъ с...ъ!

— И то́ пью-съ, Капито́нъ Андре́ичъ, — отвѣча́лъ прика́зчикъ, опроки́дывая себѣ́ въ го́рло стака́нъ.

Голушкинъ то́же „у́хнулъ“.

— И какъ то́лько онъ не ло́пнетъ! — шепта́лъ Па́клинъ Нежда́нову.

— Привы́чка! отвѣча́лъ тотъ.

Но не оди́нъ прика́зчикъ пилъ вино́. Понемно́гу оно́ разобра́ло всѣхъ. — Нежда́новъ, Ма́ркеловъ, да́же Соло́минъ вмѣша́лись понемно́гу въ разговоръ.

Сперва́, какъ-бы съ пренебреже́ніемъ, какъ-бы съ доса́дой про́тивъ самого́ себя́, что вотъ, молъ, и онъ не выде́рживаетъ хара́ктера и пуска́ется толо́чь во́ду, Нежда́новъ на́чалъ толкова́ть о томъ, что пора́ переста́ть забавля́ться одни́ми слова́ми, пора́ „дѣ́йствовать“; упомяну́лъ да́же объ оты́сканной по́чвѣ!! — И тутъ же, не замѣча́я, что онъ себѣ́ противорѣ́читъ, на́чалъ тре́бовать, что́бы ему́ указа́ли тѣ существу́ющіе, реа́льные элеме́нты, на кото́рые мо́жно опере́ться, что онъ ихъ не ви́дитъ. — „Въ о́бществѣ нѣтъ сочу́вствія, въ наро́дѣ нѣтъ созна́нія... вотъ тутъ и бе́йся!“ Ему́, коне́чно, не возража́ли; не потому́, что возража́ть бы́ло не́чего — но ка́ждый уже́ на́чалъ говори́ть то́же своё. — Ма́ркеловъ забараба́нилъ глухи́мъ и зло́бнымъ го́лосомъ, насто́йчиво, однообра́зно — („ни дать, ни взять — капу́сту руби́тъ“, — замѣ́тилъ Па́клинъ). О чёмъ со́бственно онъ говори́лъ, не совсѣ́мъ бы́ло поня́тно; сло́во: „артилле́рія“ послы́шалось изъ его́ устъ въ моме́нтъ зати́шья... онъ, вѣроя́тно, вспо́мнилъ тѣ недоста́тки, кото́рые откры́лъ въ ея́ устро́йствѣ. Доста́лось та́кже нѣ́мцамъ и адъюта́нтамъ. Соло́минъ — и тотъ замѣ́тилъ, что есть двѣ мане́ры выжида́ть: выжида́ть и ничего́ не дѣ́лать — и выжида́ть — да подвига́ть дѣ́ло впередъ.

— Намъ не ну́жно постепе́новцевъ, — су́мрачно проговори́лъ Ма́ркеловъ.

— Постепе́новцы до сихъ поръ шли сверху́, — замѣ́тилъ Соло́минъ, — а мы попро́буемъ сни́зу.

— Не ну́жно, къ чо́рту! не ну́жно, — рья́но подхва́тывалъ Голу́шкинъ: — на́до ра́зомъ, ра́зомъ!

— То-есть, вы хоти́те въ окно́ пры́гнуть?

— И пры́гну! — завопи́лъ Голу́шкинъ. — Пры́гну! — И Ва́ська пры́гнетъ! — Прикажу́ — пры́гнетъ! А? — Ва́ська? Вѣдь пры́гнешь?

Прика́зчикъ допи́лъ стака́нъ шампа́нскаго.

— Куда́ вы, Капито́нъ Андре́ичъ, туда́ и мы. — Ра́звѣ мы разсужда́ть смѣ́емъ?

— А! то-то! — Бъ бар-ра́ній р-рогъ согну́!

Въ ско́рости наступи́ло то, что̀ на языкѣ́ пья́ницъ но́ситъ назва́ніе столпотворе́нія вавило́нскаго. Подня́лся гамъ и шумъ „ве́лій“. — Какъ

пе́рвыя снѣжинки́ кружа́тся, бы́стро смѣня́ясь и пестря́ въ ещё тёпломъ осе́ннемъ во́здухѣ — такъ, въ разгоря́ченной атмосферѣ Голу́шкинской столово́й завертѣ́лись, толка́я и тѣсня́ другъ дру́жку, вся́ческія слова́: прогре́ссъ, прави́тельство, литерату́ра, пода́тной вопро́съ, церко́вный вопро́съ, же́нскій вопро́съ, суде́бный вопро́съ; классици́змъ, реали́змъ, нигили́змъ, коммуни́змъ; интернаціона́лъ, клерика́лъ, либера́лъ, капита́лъ, администра́ція, организа́ція, ассоціа́ція и да́же кристаллиза́ція! — Голу́шкинъ, каза́лось, приходи́лъ въ восто́ргъ и́менно отъ э́того га́ма; въ нёмъ-то, каза́лось, и заключа́лась для него́ настоя́щая суть... Онъ торжествова́лъ! — „Знаймолъ, на́шихъ! Разступи́сь — убью́!... Капито́нъ Голу́шкинъ ѣ́детъ!“ — Прика́зчикъ Ва́ся до того́, наконе́цъ, нали́зался, что на́чалъ фы́ркать и говори́ть въ таре́лку; — и вдругъ, какъ бѣ́шеный, закрича́лъ: — „Что за дья́волъ тако́й — *про*гимна́зія?!?“

Голу́шкинъ внеза́пно подня́лся, — и, заки́нувъ наза́дъ своё побагровѣ́вшее дицо́, на кото́ромъ къ выраже́нію груба́го самовла́стія и торжества́ стра́ннымъ о́бразомъ примѣ́шивалось выраже́ніе друго́го чу́вства, похо́жаго на та́йный у́жасъ и да́же на трепета́ніе — га́ркнулъ: „Же́ртвую ещё *ты́щу!* — Ва́ська, тащи́!“ на что̀ Ва́ська вполго́лоса отвѣ́тствовалъ: — „Ма́лина!“ А Па́клинъ, весь блѣ́дный и въ поту́ (онъ въ послѣ́днія че́тверть ча́са пилъ не ху́же прика́зчика), — Па́клинъ, вскочи́въ съ своего́ мѣ́ста и подня́въ о́бѣ ру́ки надъ голово́ю, проговори́лъ съ разстано́вкой: — Же́ртвую! Онъ произнёсъ: же́ртвую! — О! осквене́ніе свято́го сло́ва! — Же́ртва! Никто́ не дерза́етъ возвы́ситься до тебя́, никто́ не имѣ́етъ си́лы испо́лнить тѣ́ обя́занности, кото́рыя ты налага́ешь, по кра́йней мѣ́рѣ никто́ изъ насъ, здѣ́сь предстоя́щихъ — а э́тотъ самоду́ръ, э́тотъ дрянно́й мѣ́шо́къ тряхну́лъ свое́й разду́той утро́бой, вы́сыпалъ приго́ршню рубле́й и кричи́тъ: же́ртвую! И тре́буетъ благода́рности; ла́вроваго вѣ́нка́ ожида́етъ — на-дле́цъ!!“ Го́лушкинъ ли́бо не разслы́шалъ, ли́бо не по́нялъ того́, что́ сказа́лъ Па́клинъ, и́ли, быть мо́жетъ, при́нялъ его́ слова́ за шу́тку, потому́ что ещё разъ провозгласи́лъ: „Да! *ты́щу* рублёвъ! Что́ Капито́нъ Голу́шкинъ сказа́лъ — то свя́то!“ Онъ вдругъ запусти́лъ ру́ку въ боково́й карма́нъ. — „Вотъ они́, де́нежки-то! — На́-те, рви́те; да по́мните Капито́на!“ — Онъ, какъ то́лько приходи́лъ въ нѣ́который аза́ртъ, говори́лъ о себѣ́, какъ ма́ленькія ды́ти, въ тре́тьемъ лицѣ́. Ма́ркеловъ мо́лча подобра́лъ бро́шенныя на залиту́ю ска́терть бума́жки. Но по́слѣ э́того уже́ не́чего бы́ло остава́ться; да и по́здно станови́лось. Всѣ́ вста́ли, взя́ли ша́пки — и убра́лись.

На во́льномъ во́здухѣ у всѣ́хъ закружи́лись го́ловы — осо́бенно у Па́клина.

— Ну? — куда́-жъ мы тепе́рь? — не безъ труда́ проговори́лъ онъ.

— Не зна́ю, куда́ вы, — отвѣча́лъ Соло́минъ, — а я къ себѣ́ домо́й.

— На фа́брику?

— На фа́брику.

— Тепе́рь, но́чью, пѣшко́мъ?

— Что-жъ тако́е? — Здѣсь ни волко́въ, ни разбо́йниковъ нѣтъ — а ходи́ть я здоро́въ. — Но́чью-то ещё свѣжѣе.

— Да тутъ четы́ре версты́?

— А хоть бы и всѣ пять. — До свида́нья, господа́!

Соло́минъ застегну́лся, надви́нулъ карту́зъ на лобъ, закури́лъ сига́ру и зашага́лъ больши́ми шага́ми по у́лицѣ.

— А ты куда́? — обрати́лся Па́клинъ къ Неждано́ву.

— Я вотъ къ нему́. — Онъ указа́лъ на Ма́ркелова, кото́рый стоя́лъ неподви́жно, скрести́въ ру́ки на груди́. — У насъ здѣсь и ло́шади и экипа́жъ.

— Ну, прекра́сно... а я, братъ, въ оа́зисъ, къ Ѳо́мушкѣ да къ Ѳи́мушкѣ. И зна́ешь, что̀ я тебѣ́ скажу́, братъ? И тамъ чепуха́ — и здѣсь чепуха́... Только та чепуха́, — чепуха́ XVIII-го вѣ́ка, бли́же къ ру́сской су́ти, чѣмъ э́тотъ XX-й вѣкъ. — Проща́йте, господа́; я пьянъ... не взыщи́те. — Послу́шайте, что̀ я вамъ ещё скажу́ Добрѣ́й и лу́чше мое́й сестры́... Снанду́лiи... на свѣ́тѣ же́нщины нѣтъ; а вотъ она́ — и горба́тая, и Снанду́лiя. И всегда́ такъ на свѣ́тѣ быва́етъ! — А впро́чемъ, ей и слѣдъ такъ называ́ться. — Вы зна́ете ли, кто была́ свя́тая Снанду́лiя? — Добродѣ́тельная жена́, кото́рая ходи́ла по тюрьма́мъ и врачева́ла ра́ны у́зникамъ и больны́мъ. — Ну, одна́ко, проща́йте! Проща́й, Неждано́въ — жа́лкiй человѣкъ! И ты, офице́ръ... у! бу́ка! проща́й!

Онъ поплёлся, прихра́мывая и пошатываясь, въ „оа́зисъ“ — а Ма́ркеловъ, вмѣ́стѣ съ Неждано́вымъ, отыска́ли постоя́лый дворъ, въ кото́ромъ они́ оста́вили свой тарантасъ, веле́ли заложи́ть лошаде́й — и по́лчаса спустя́ уже́ кати́ли по большо́й доро́гѣ.

XXI.

Не́бо заволокло́ ни́зкими ту́чами — и хотя́ не́ было совсѣмъ темно́ и ната́танныя коле́и на доро́гѣ виднѣ́лись, бле́дно поблёскивая, впереди́, однако́, на-пра́во, на-лѣ́во, всё застила́лось и очерта́нiя отдѣ́льныхъ предме́товъ слива́лись въ му́тныя большiя пя́тна. Была́ ту́склая, невѣ́рная ночь; вѣтеръ набѣга́лъ поры́вистыми сы́рыми стру́йками, принося́ съ собо́ю за́пахъ дождя́ и широ́кихъ, хлѣ́бныхъ поле́й. Когда́, проѣ́хавъ дубо́вый кустъ, служи́вшiй приме́той, пришло́сь свернуть на просёлокъ, дѣ́ло ста́ло ещё нела́днѣе; у́зкая пути́на по временамъ совсѣ́мъ пропада́ла... Ку́черъ поѣхалъ тише.

— Какъ бы не сби́ться намъ! — заме́тилъ молча́вшiй до тѣ́хъ поръ Неждано́въ.

— Нѣтъ! не собьёмся! — промо́лвилъ Ма́ркеловъ. — Двухъ бѣдъ въ оди́нъ день не быва́етъ.

— Да какáя же былá пéрвая бѣдá?

— Какáя? А что мы день напрáсно потеряли — э́то вы ни за что́ считáете?

— Да... конéчно... Э́тотъ Голу́шкинъ!! — Не слѣдовало такъ мно́го винá пить. Головá тепéрь болúтъ... смертéльно.

— Я не о Голу́шкинѣ говорю́. Онъ по крáйней мѣрѣ дéнегъ далъ; — стáло быть, хоть какáя-нибудь отъ нáшего посѣщéнія пóльза былá!

— Такъ неужéли вы сожалѣете о томъ, что Пáклинъ свёлъ насъ къ своúмъ... какъ бишь онъ называ́лъ ихъ... периклúткамъ?

— Жалѣть объ э́томъ нéчего... да и рáдоваться нéчему. Я вѣдь не изъ тѣхъ, котóрые интересу́ются подóбными игру́шками... Я не на э́ту бѣду́ намекáлъ.

— Такъ на какýю же?

Мáркеловъ ничегó не отвѣчáлъ — и тóлько повозúлся немнóго въ своёмъ уголку́, слóвно кýтаясь. Неждáновъ не могъ хорошéнько разобрáть егó лицá; одни́ усы́ выдавáлись чёрной поперечной чертóй; но онъ съ сáмаго утрá чу́вствовалъ въ Мáркеловѣ прису́тствіе чегó-то такóго, до чегó бы́ло лу́чше не касáться — какóго-то глухóго и тáйнаго раздражéнія.

— Послу́шайте, Сергѣй Михáйловичъ, — нáчалъ онъ, погодя́ немнóго, — неужéли вы, не шутя́, восхищáетесь пúсьмами э́того г-на Кислякóва, котóрыя вы мнѣ дáли прочéсть сегóдня? Вѣдь э́то... извини́те рѣзкость выраженія, — э́то — дребеденъ!

Мáркеловъ вы́прямился.

— Во-пéрвыхъ, — заговори́лъ онъ гнѣвнымъ гóлосомъ, — я никóлько не раздѣля́ю вáшего мнѣнія насчётъ э́тихъ пúсемъ — и нахожу́ ихъ весьмá замѣчáтельными... и добросóвѣстными А во-вторы́хъ, Кисляко́въ тру́дится, рабóтаетъ — и глáвное: онъ *вúритъ*; вѣритъ въ нáше дѣло, вѣритъ въ ре-во-лю́цію! Я дóлженъ вамъ сказáть одно́, Алексѣй Дмúтричъ: — я замѣчáю, что *вы*, — вы охладѣвáете къ нáшему дѣлу; — вы не вѣрите въ негó!

— Изъ чегó вы э́то заключáете? — медлúтельно произнёсъ Неждáновъ.

— Изъ чегó? Да изо-всѣхъ вáшихъ словъ, изо-всегó вáшего поведéнія!! — Сегóдня у Голу́шкина, кто говори́лъ, что онъ не ви́дитъ, на какíе элемéнты мóжно опереться? — Вы! — Кто трéбовалъ, чтобъ ихъ ему́ указáли? — Опя́ть-таки́ вы! И когдá э́тотъ вашъ прія́тель, э́тотъ пустóй балагу́ръ и зубоскáлъ г. Пáклинъ, сталъ, поднимáя глазá къ нéбу, увѣря́ть, что никтó изъ насъ не въ сúлахъ принести́ жéртву, кто ему́ поддáкивалъ, кто одобри́тельно покáчивалъ головóю? Рáзвѣ не вы? — Говори́те о себѣ, какъ хоти́те, ду́мтйте о себѣ, какъ знáете... э́то вáше дѣло... но мнѣ извѣстны лю́ди, котóрые съумѣли оттолкну́ть отъ себя́ всё, чѣмъ жизнь прекрáсна — сáмое блаженство любви́ — для

того́, чтобъ служи́ть свои́мъ убѣжде́ніямъ, чтобъ не измѣни́ть имъ! — Ну, *вамъ* сего́дня... коне́чно, бы́ло не до того́!

— Сего́дня? Почему́ же и́менно сего́дня?

— Да не притворя́йтесь, ра́ди Бо́га, счастли́вый Донъ-Жуа́нъ, увѣ́нчанный ми́ртами любо́вникъ! — вскрича́лъ Ма́ркеловъ, соверше́нно забы́въ о ку́черѣ, кото́рый хоть и не обора́чивался съ ко́зелъ, но могъ одна́ко отли́чно всё слы́шать. Пра́вда ку́чера въ э́ту мину́ту гора́здо бо́лѣе озабо́чивала доро́га, чѣмъ всѣ пререка́нья сидѣ́вшихъ за его́ спино́ю госпо́дъ — и онъ осторо́жно и да́же нѣсколько ро́бко отпру́кивалъ коре́нника, кото́рый мота́лъ голово́ю и сади́лся на задъ, спуска́я тарантасъ съ како́й-то кру́чи, кото́рой и не слѣ́довало совсѣ́мъ тутъ быть.

— Позво́льте — я васъ что-то не понима́ю, — промо́лвилъ Неждановъ.

Ма́ркеловъ захохота́лъ принуждённо и зло́бно.

— Вы меня́ не понима́ете! Ха, ха, ха! — Я всё зна́ю, ми́лостивый госуда́рь! Зна́ю, съ кѣмъ вы объясня́лись вчера́ въ любви́; зна́ю, кого́ вы плѣни́ли ва́шей счастли́вой нару́жностью и краснорѣ́чіемъ; зна́ю, кто допуска́етъ васъ къ себѣ́ въ ко́мнату... по́слѣ десяти́ часо́въ ве́чера!

— Ба́ринъ! — обрати́лся вдругъ ку́черъ къ Ма́ркелову. — Подержи́те-ка во́зжи... Я слѣ́зу, посмотрю́... Мы, кажи́сь, съ доро́ги, сби́лись... Водомо́ина тутъ, что-ль, кака́я...

Тарантасъ, дѣйстви́тельно, стоя́лъ совсѣ́мъ на боку́.

Ма́ркеловъ ухвати́лъ во́зжи, пере́данныя ему́ ку́черомъ, — и продолжа́лъ всё та́кже гро́мко:

— Я васъ нисколько не виню́, Алексѣ́й Дми́тричъ! Вы воспо́льзовались... Вы бы́ли пра́вы. Я говорю́ то́лько о томъ, что не удивля́юсь ва́шему охлажде́нію къ о́бщему дѣ́лу: у васъ, я опя́ть-таки́ скажу́ — не то̀ на умѣ́. И приба́влю кста́ти отъ себя́: гдѣ тотъ человѣ́къ, кото́рый мо́жетъ зара́нѣе предугада́ть, что́ и́менно нра́вится дѣви́ческимъ сердца́мъ — и́ли пости́гнуть — чего́ онѣ жела́ютъ!!...

— Я тепе́рь понима́ю васъ, — на́чалъ-бы́ло Неждановъ: — понима́ю ва́ше огорче́ніе, дога́дываюсь, кто насъ подкарау́лилъ и поспѣши́лъ сообщи́ть вамъ...

— Тутъ не заслу́ги — продолжа́лъ Ма́ркеловъ, притворя́ясь, что не слы́шитъ Неждано́ва, и съ намѣ́реніемъ растя́гивая и какъ-бы распѣва́я ка́ждое сло́во — не каки́я-нибудь необыкнове́нныя душе́вныя и́ли физи́ческія ка́чества... Нѣтъ! Тутъ про́сто... трекля́тое сча́стье всѣхъ незаконнорождённыхъ дѣте́й... всѣхъ в.....ъ!

Послѣ́днюю фра́зу Ма́ркеловъ произнёсъ отры́висто и бы́стро — и вдругъ умо́лкъ, сло́вно за́меръ.

А Неждано́въ да́же въ темнотѣ́ почу́вствовалъ, что весь поблѣднѣ́лъ, и мура́шки забѣга́ли по его́ щека́мъ. Онъ едва́ удержа́лся, что́бы не бро́ситься на Ма́ркелова, не схвати́ть его́ за го́рло... „Кро́вью на́до смыть э́ту оби́ду, кро́вью...“

— Призна́лъ доро́гу! воскли́кнулъ ку́черъ, появи́вшись у пра́ваго пере́дняго колеса́ — мале́нько оши́бся, вле́во взялъ... тепе́рь ничего́! — ду́хомъ предста́вимъ, и версты́ до насъ не бу́детъ. Изво́льте сиде́ть!

Онъ взобра́лся на облучо́къ, взялъ у Ма́ркелова во́зжи, поверну́лъ коре́нника въ сто́рону... Тарантасъ си́льно тря́хнуло ра́за два — пото́мъ онъ покати́лся ровне́е и ши́бче — мгла какъ бу́дто разступи́лась и приподня́лась — потяну́ло дымко́мъ — впереди́ вы́росъ како́й-то бугоръ. Вотъ ми́гнулъ огонёкъ... онъ исче́зъ... Ми́гнулъ другой... Соба́ка зала́яла...

— На́ши вы́селки, — промо́лвилъ ку́черъ; — эхъ, вы, котя́та любе́зные!

Ча́ще и ча́ще несли́сь на встре́чу огоньки́.

— По́сле́ тако́го оскорбле́нія, — заговори́лъ наконе́цъ Неждановъ: — вы легко́ поймёте, Серге́й Миха́йловичъ, что мне́ невозмо́жно ночева́ть подъ ва́шимъ кро́вомъ; а потому́ мне́ остаётся проси́ть васъ, какъ э́то мне́ ни непрія́тно, что́бы вы, прие́хавши домо́й, да́ли мне́ вашъ тарантасъ, кото́рый довезётъ меня́ до города; за́втра я уже́ найду́ спо́собъ, какъ добра́ться до́ дому; — а тамъ вы полу́чите отъ меня́ увѣдомле́ніе, кото́раго, вѣроя́тно, ожида́ете.

Ма́ркеловъ не то́тчасъ отвѣча́лъ.

— Неждановъ, — сказа́лъ онъ вдругъ негро́мкимъ, но почти́ отча́яннымъ го́лосомъ: — Неждановъ! Ра́ди са́мого Бо́га, войди́те ко мне́ въ домъ — хоть бы то́лько для того́, что́бы я могъ на коле́няхъ проси́ть у васъ проще́нія! — Неждановъ! Забу́дьте... забу́дь, забу́дь моё безу́мное сло́во! Ахъ, е́слибъ кто́-нибудь могъ почу́вствовать, до како́й сте́пени я несча́стливъ! — Ма́ркеловъ уда́рилъ себя́ кулако́мъ въ грудь — и въ ней сло́вно что́ застона́ло. — Неждановъ! будь великоду́шенъ! Дай мне́ ру́ку... Не откажи́сь прости́ть меня́!

Неждановъ протяну́лъ ему́ ру́ку — нерѣши́тельно, но протяну́лъ. — Ма́ркеловъ сти́снулъ её такъ, что тотъ чуть не вскри́кнулъ.

Тарантасъ останови́лся у крыльца́ Ма́ркеловскаго до́ма.

— Слу́шай, Неждановъ, — говори́лъ ему́ Ма́ркеловъ, че́тверть ча́са спустя́ у себя́ въ кабине́тѣ... — Слу́шай! (Онъ уже́ не говори́лъ ему́ ина́че какъ: „ты“, и въ э́томъ неожи́данномъ: *ты* — обращённомъ къ челове́ку, въ кото́ромъ онъ откры́лъ счастли́ваго сопе́рника, кото́раго онъ то́лько-что оскорби́лъ кро́вно, кото́раго онъ гото́въ былъ уби́ть, разорва́ть на ча́сти — въ э́томъ „ты“ бы́ло и безповоро́тное отрече́ніе — и моле́ніе смире́нное, го́рькое — и како́е-то пра́во... Неждановъ э́то пра́во призна́лъ тѣмъ, что самъ на́чалъ говори́ть Ма́ркелову: *ты*).

— Слу́шай! Я тебе́ сейча́съ сказа́лъ, что я отъ сча́стья любви́ отказа́лся, оттолкну́лъ его́, что́бы то́лько служи́ть свои́мъ убѣжде́ніямъ... Э́то вздоръ, бахва́льство! Никогда́ мне́ ничего́ подо́бнаго не предлага́ли, не́чего мне́ бы́ло отта́лкивать! Я какъ роди́лся безтала́ннымъ, такъ и оста́лся имъ... И́ли, мо́жетъ быть, оно́ такъ и сле́довало. — Потому́

ру́ки у меня́ не туда́ поста́влены — мнѣ́ предстои́тъ дѣ́лать ино́е! Коли́ ты мо́жешь соедини́ть и то и друго́е... люби́ть и быть люби́мымъ... и въ то же вре́мя служи́ть дѣ́лу... ну, такъ ты молоде́цъ! — я тебѣ́ зави́дую... но самъ я — нѣтъ. — Я не могу́. Ны счатли́вецъ! Пы счастли́вецъ! — А я не могу́.

Ма́ркеловъ говори́лъ всё э́то ти́химъ го́лосомъ, си́дя на ни́зкомъ сту́лѣ, пону́ривъ го́лову и свѣ́сивъ о́бѣ ру́ки какъ плѣ́ти. Нежда́новъ стоя́лъ пе́редъ нимъ, погружённый въ како́е-то заду́мчивое внима́ніе; и хотя́ Ма́ркеловъ и велича́лъ его́ счастли́вцемъ — онъ не смотрѣ́лъ и не чу́вствовалъ себя́ таки́мъ.

— Меня́ въ мо́лодости обману́ла одна́... — продолжа́лъ Ма́ркеловъ: — была́ она́ дѣ́вушка чудѣ́сная — и всё-таки́ измѣни́ла мнѣ... для кого́ же? Для нѣ́мца! для адъюта́нта!! — А Маріа́нна...

Онъ пріостанови́лся... Онъ въ пе́рвой разъ произнёсъ ея́ и́мя, и оно́ какъ-бу́дто обожгло́ его́ гу́бы.

— Маріа́нна не обману́ла меня́: она́ пря́мо объяви́ла мнѣ, что я не нра́влюсь ей... Да и чему́ тутъ нра́виться? — Ну — отдала́сь она́ тебѣ́... Ну, что-жъ? Ра́звѣ она́ не была́ свобо́дна?

— Да посто́й, посто́й! — воскли́кнулъ Нежда́новъ. — Что ты тако́е говори́шь?! — Како́е: отдала́сь! — Я не зна́ю, что́ тебѣ́ написа́ла твоя́ сестра́; — но увѣря́ю тебя́...

— Я не говорю́: физи́чески; но нра́вственно отдала́сь — се́рдцемъ, душо́ю, — подхвати́лъ Ма́ркеловъ, кото́рому почему́-то ви́димо понра́вилось восклица́ніе Нежда́нова. — И прекра́сно сдѣ́лала. А моя́ сестра́... Коне́чно, она́ не имѣ́ла намѣ́ренія меня́ огорчи́ть... То-есть, въ су́щности э́то ей всё равно́; но она́, должно́ быть, тебя́ ненави́дитъ — и Маріа́нну то́же. — Она́ не солга́ла... а впро́чемъ, Госпо́дь съ ней!

„Да“, — поду́малъ про себя́ Нежда́новъ: — „она́ насъ ненави́дитъ“.

— Всё къ лу́чшему, — продолжа́лъ Ма́ркеловъ, не перемѣня́я положе́нія. — Тепе́рь съ меня́ послѣ́днія пу́ты сня́ты; тепе́рь — уже́ ничего́ мнѣ не мѣша́етъ! Ты не смотри́ на то, что Голу́шкинъ — самоду́ръ: э́то ничего́. И пи́сьма Кисляко́ва... они́, мо́жетъ быть, смѣ́шны́... По́чно; но на́до обраща́ть внима́ніе на гла́вное. По его́ слова́мъ... вездѣ́ всё гото́во. — Ты вотъ, пожа́луй, и э́тому не вѣ́ришь?

Нежда́новъ ничего́ не отвѣча́лъ.

— Ты, мо́жетъ быть, правъ; — но вѣ́дь е́сли ждать мину́ты, когда́ всё, рѣши́тельно всё бу́детъ гото́во — никогда́ не придётся начина́ть. — Вѣ́дь е́сли взвѣ́шивать наперёдъ *всѣ* послѣ́дствія — навѣ́рно́е ме́жду ни́ми бу́дутъ каки́я-либо дурны́я. Напримѣ́ръ: когда́ на́ши предше́ственники устро́или освобожде́ніе крестья́нъ — что-жъ? могли́ они́ предви́дѣть, что одни́мъ изъ послѣ́дствій э́того освобожде́нія бу́детъ появле́ніе цѣ́лаго кла́сса помѣ́щиковъ-ростовщико́въ, кото́рые продаю́тъ мужику́ че́тверть прѣ́лой ржи за шесть рубле́й — а получа́ютъ съ него́ (тутъ Ма́ркеловъ

пригну́лъ оди́нъ па́лецъ): во-пе́рвыхъ, рабо́ту на всѣ́ шесть рубле́й, да сверхъ того́ — (Ма́ркеловъ пригну́лъ друго́й па́лецъ) — цѣ́лую че́тверть хоро́шей ржи — да ещё (Ма́ркеловъ пригну́лъ тре́тій) съ приба́вкомъ! т.-е. высо́сываютъ послѣ́днюю кровь изъ мужика́! Вѣ́дь э́то эманципа́торы на́ши предви́дѣть не могли́ — согласи́сь! И всё-таки, е́сли да́же они́ э́то предви́дѣли, хорошо́ они́ сдѣ́лали, что освободи́ли крестья́нъ — и не взвѣ́шивали всѣ́хъ послѣ́дствій! А потому́ я... рѣши́лся!

Нежда́новъ вопроси́тельно, съ недоумѣ́ніемъ, посмотрѣ́лъ на Ма́ркелова; но тотъ отвёлъ свой взглядъ въ сто́рону, въ у́голъ. Его́ бро́ви сдви́нулись и закры́ли зрачки́; онъ куса́лъ гу́бы и жева́лъ усы́.

— Да, я рѣши́лся! — повтори́лъ онъ, съ разма́ху удари́въ по колѣ́ну свои́мъ волоса́тымъ, сму́глымъ кулако́мъ. — Я вѣ́дь упря́мый... Я не да́ромъ наполови́ну малоро́ссъ.

Пото́мъ онъ всталъ и, ша́ркая нога́ми, то́чно онѣ́ у него́ ослабѣ́ли, пошёлъ въ свою́ спа́льню и вы́несъ отту́да небольшо́й портре́тъ Маріа́нны подъ стекло́мъ.

— Возьми́, — промо́лвилъ онъ печа́льнымъ, но ро́внымъ го́лосомъ; — э́то *я* когда́-то сдѣ́лалъ. Рису́ю я пло́хо; но ты посмотри́, ка́жется, похо́жъ — (портре́тъ, сдѣ́ланный карандашо́мъ въ про́филь, былъ дѣ́йстви́тельно похо́жъ). — Возьми́, братъ; это моё завѣща́ніе. Вмѣ́стѣ съ э́тимъ портре́томъ я тебѣ́ переда́ю — не мои́ права́... у меня́ ихъ не́ было... а, зна́ешь — всё! Я тебѣ́ всё переда́ю — и её. Она́, братъ, хоро́шая...

Ма́ркеловъ помолча́лъ; грудь его замѣ́тно поднима́лась.

— Возьми́. Вѣ́дь ты на меня́ не се́рдишься? Ну, такъ возьми́. А мнѣ́ тепе́рь ужъ ничего́... э́такого... не ну́жно.

Нежда́новъ взялъ портре́тъ, но стра́нное чу́вство стѣсни́ло его́ грудь. Ему́ каза́лось, что онъ не имѣ́лъ пра́ва приня́ть э́тотъ пода́рокъ; что е́сли бы Ма́ркеловъ хорошо́ зналъ, что́ у него́, Нежда́нова, на́-сердцѣ, мо́жетъ быть, ему́ э́того портре́та не о́тдалъ. Нежда́новъ держа́лъ въ рукѣ́ э́тотъ ма́ленькій кру́глый кусо́чекъ карто́на, тща́тельно обведённый по чёрной ра́мкѣ у́зкой поло́ской золото́й бума́ги — и не зналъ, что́ дѣ́лать съ нимъ. — Вѣ́дь э́то тутъ цѣ́лая жизнь челове́ка въ моей́ рукѣ́, — ду́малось ему́. Онъ понима́лъ, каку́ю же́ртву прино́ситъ Ма́ркеловъ, но зачѣ́мъ, зачѣ́мъ и́менно ему́? — А отда́ть портре́тъ? Нѣтъ! Э́то бы́ло бы оскорбле́ніе ещё злѣ́йшее... И, наконе́цъ, вѣ́дь ему́ до́рого э́то лицо́, вѣ́дь онъ лю́битъ её?

Нежда́новъ не безъ нѣ́котораго вну́тренняго стра́ха возвёлъ глаза́ на Ма́ркелова... не гляди́тъ ли тотъ на него́ — не стара́ется ли уловѝть его́ мы́сли? — Но Ма́ркеловъ опя́ть уставѝлся на уголъ и жева́лъ у́сы.

Стари́къ слуга́ вошёлъ въ ко́мнату со свѣ́чкой въ рукѣ́.

Ма́ркеловъ встрепену́лся.

— Спать пора́, братъ Алексѣ́й! — воскли́кнулъ онъ. — У́тро ве́чера

мудренѣе. Дамъ тебѣ завтра лошадей — ты покатишь домой — и прощай!

— Прощай и ты, старина! — прибавилъ онъ вдругъ, обратившись къ слугѣ и ударивъ его по плечу. — Не поминай лихомъ!

Старикъ до того изумился, что чуть не выронилъ свѣчки, и взглядъ его, устремлённый на своего барина, выразилъ нѣчто другое — и большее, чѣмъ обычную его унылость.

Неждановъ ушёлъ къ себѣ въ комнату. Ему было нехорошо. Голова его всё ещё болѣла отъ выпитаго вина, въ ушахъ звенѣло — въ глазахъ мерещилось, хотя онъ и закрывалъ ихъ. Голушкинъ, Васька приказчикъ, Ѳомушка, Ѳимушка — вертѣлись передъ нимъ; вдали образъ Маріанны, какъ-бы не довѣряя, не рѣшался приблизиться. Всё, что онъ дѣлалъ и говорилъ самъ — казалось ему такою фальшью и ложью, такимъ неужнымъ и приторнымъ вздоромъ... а то, что надо дѣлать, къ чему надо стремиться, — неизвѣстно гдѣ, недоступно, за десятью замками, зарыто въ преисподнюю...

И безпрестанно ему хотѣлось встать, сойти къ Маркелову, сказать ему: возьми свои подарокъ — возьми его назадъ!

— Фу! Какая скверность — жизнь, — воскликнулъ онъ наконецъ.

На другое утро онъ уѣхалъ рано. Маркеловъ уже былъ на крыльцѣ, окружённый крестьянами. Созвалъ ли онъ ихъ, пришли ли они сами собою — Неждановъ такъ и не узналъ; Маркеловъ очень односложно и сухо простился съ нимъ... но, казалось, что онъ собирался сообщить имъ нѣчто важное. Старый слуга тутъ же торчалъ съ своимъ неизмѣннымъ взоромъ.

Тарантасъ скоро проскочилъ городъ — и, выбравшись въ поля, покатилъ лихо. Лошади были тѣ же самыя; но кучеръ — потому ли, что Неждановъ жилъ въ богатомъ домѣ, по другимъ ли соображеніямъ, разсчитывалъ на хорошую „на водку“... а извѣстно: когда кучеръ выпилъ водки или съ увѣренностью ждётъ ея — лошади бѣгутъ отлично. Погода была самая іюньская, хоть и свѣжая: высокія, рѣзвыя облака по синему небу, сильный, ровный вѣтеръ, дорога не пылитъ, убитая вчерашнимъ дождёмъ, ракиты шумятъ, блестятъ и струятся, всё движется, все летитъ, — перепёлиный крикъ приносится жидкимъ посвистомъ съ отдалённыхъ холмовъ, черезъ зелёные овраги, точно и у этого крика есть крылья, и онъ самъ прилетаетъ на нихъ, — грачи лоснятся на солнцѣ, — какія-то тёмныя блохи ходятъ по ровной чертѣ обнажённаго небосклона... это мужички двоятъ поднятый паръ.

Но Неждановъ пропускалъ всё это мимо... мимо... онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Сипягинскаго имѣнья, — до того имъ овладѣли думы...

Однако онъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ крышу дома, верхній этажъ,

окно́ Маріа́ннина ко́мнаты. — „Да, — сказа́лъ онъ себѣ́ — и тепло́ ему́ ста́ло на-сердцѣ́: — *онъ* правъ — она́ хоро́шая — и я люблю́ её“.

XXII.

Онъ на́скоро переодѣ́лся и пошёлъ дава́ть уро́къ Ко́лѣ. — Сипя́гинъ, кото́раго онъ встрѣ́тилъ въ столово́й, поклони́лся ему́ хо́лодно и учти́во — и, процѣди́въ сквозь зу́бы: „Хорошо́ ли съѣ́здили?“ — прослѣ́довалъ въ свой кабине́тъ. — Госуда́рственный челове́къ уже́ рѣши́лъ въ своёмъ мини́стерскомъ умѣ́, что, какъ то́лько ко́нчатся вака́ціи, онъ неме́дленно отпра́витъ въ Петербу́ргъ э́того — „положи́тельно сли́шкомъ кра́снаго“ учи́теля — а, пока́ бу́детъ наблюда́ть за нимъ. — „Je n'ai pas eu la main heureuse cette fois-ci“, поду́малъ онъ про себя́; а впро́чемъ... „j'aurais pu tomber pire“. — Чу́вства Валенти́ны Миха́йловны къ Нежда́нову бы́ли гора́здо энерги́чнѣе и опредѣлённѣе. Она́ его́ уже́ совсѣ́мъ терпѣ́ть не могла́... Онъ, э́тотъ мальчи́шка! — онъ оскорби́лъ её. — Маріа́нна не ошиблась: э́то она́, Валенти́на Миха́йловна, подслу́шивала её и Нежда́нова въ корридо́рѣ... Зна́тная ба́рыня э́тимъ не побре́згала. — Въ тече́ніи тѣ́хъ двухъ дней, въ кото́рые продолжа́лось его́ отсу́тствіе — она́, хотя́ ничего́ не сказа́ла своей „легкомы́сленной“ ро́дственницѣ — но безпреста́нно дава́ла ей поня́ть, что ей всё извѣ́стно; что она́ негодова́ла бы, е́слибъ не удивля́лась — и удиви́лась бы ещё бо́лѣе — е́слибъ ча́стью не презира́ла, ча́стью не сожалѣ́ла... Сде́ржанное, вну́треннее презрѣ́ніе наполня́ло ея ще́ки, что-то насмѣ́шливое и въ то же вре́мя сожали́тельное приподнима́ло ея́ бро́ви, когда́ она́ глядѣ́ла на Маріа́нну, говори́ла съ не́ю; ея́ чуде́сные глаза́ съ мя́гкимъ недоумѣ́ньемъ, съ гру́стной гадли́востью остана́вливались на самонадѣ́янной дѣ́вушкѣ, кото́рая, по́слѣ всѣ́хъ свои́хъ „фанта́зій и эксцентри́чностей“ — ко́нчила тѣ́мъ, что цѣ...лу́...ет...ся... въ тёмныхъ ко́мнатахъ съ каки́мъ-то недоучи́вшимся студе́нтомъ!

Бѣ́дная Маріа́нна! Ея́ стро́гія, го́рдыя гу́бы не вѣ́дали ещё ничьи́хъ лобза́ній.

Впро́чемъ, му́жу своему́ Валенти́на Миха́йловна не намекну́ла о сдѣ́ланномъ е́ю откры́тіи; она́ удово́льствовалась тѣ́мъ, что сопровожда́ла немно́гія слова́, обращённыя е́ю къ Маріа́ннѣ въ *его́* прису́тствіи — значи́тельной усмѣ́шкой, кото́рая ниско́лько не обусло́вливалась ихъ содержа́ніемъ. — Валенти́на Миха́йловна да́же нѣ́сколько раска́ялась въ томъ, что написа́ла письмо́ бра́ту... Но въ концѣ́-концо́въ она́ предпочла́: раска́яваться — и чтобъ э́то бы́ло сдѣ́лано — чѣ́мъ не раска́яваться — и чтобъ письмо́ оста́лось не напи́саннымъ.

Съ Маріа́нной Нежда́новъ уви́дѣлся мелько́мъ, въ столо́вой, за за́втракомъ. Онъ нашёлъ, что она́ похудѣ́ла и пожелтѣ́ла: она́ была́ нехороша́ собо́й въ тотъ день; но бы́стрый взглядъ, кото́рый она́ бро́сила

на него́, какъ то́лько онъ вошёлъ въ ко́мнату, прони́къ въ са́мое его́ се́рдце. — За то Валенти́на Миха́йловна посма́тривала на него́ такъ, какъ бу́дто постоя́нно вну́тренно тверди́ла: „Поздравля́ю! Прекра́сно! О́чень ло́вко!“ — и въ то же вре́мя ей хоте́лось вы́читать на его́ лице́: „показа́лъ ли ему́ Ма́ркеловъ ея́ письмо́ и́ли нѣтъ?“ — Она́ рѣши́ла наконе́цъ, что показа́лъ.

Сипя́гинъ, узна́въ, что Неждано́въ ѣздилъ на фа́брику, кото́рою завѣ́дывалъ Соло́минъ, на́чалъ разспра́шивать его́ объ э́томъ „во всѣхъ отноше́ніяхъ любопы́тномъ промы́шленномъ заведе́ніи“; — но, въ ско́рости убѣди́вшись изъ отвѣ́товъ молодо́го челове́ка, что онъ со́бственно тамъ ничего́ не ви́дѣлъ, умо́лкъ вели́чественно, какъ-бы упрека́я самого́ себя́ въ томъ, что могъ ожида́ть каки́хъ-либо дѣ́льныхъ свѣ́дѣній отъ тако́го ещё незрѣ́лаго субъе́кта! — Выходя́ изъ столо́вой, Маріа́нна успѣ́ла шепну́ть Неждано́ву: — „Жди меня́ въ ста́рой берёзовой ро́щѣ, на концѣ́ са́да; я приду́ туда́ — какъ то́лько бу́детъ возмо́жно“. — Неждано́въ поду́малъ: „и она́ говори́тъ мнѣ: „ты“ — такъ же какъ тотъ“. — И ка̀къ э́то бы́ло ему́ прія́тно, хоть и нѣ́сколько жу́тко!... и ка̀къ бы́ло бы стра́нно — да и невозмо́жно — е́слибъ она́ вдругъ сно́ва на́чала говори́ть ему́: „вы“ — е́слибъ она́ отодви́нулась отъ него́...

Онъ почу́вствовалъ, что э́то бы́ло бы для него́ несча́стьемъ. — Былъ ли онъ влюблёнъ въ неё — э́того онъ ещё не зналъ; но что она́ ста́ла ему́ дорого́ю — и бли́зкой — и ну́жной... гла́вное: ну́жной — э́то онъ чу́вствовалъ всѣмъ существо́мъ свои́мъ.

Ро́ща, куда́ посла́ла его́ Маріа́нна, состоя́ла изъ со́тни высо́кихъ, ста́рыхъ, бо́льшей ча́стью плаку́чихъ берёзъ. Вѣ́теръ не переста́валъ; дли́нныя па́чки вѣтве́й кача́лись, мета́лись какъ распу́щенныя косы́; облака́ по пре́жнему несли́сь бы́стро и высо́ко; — и когда́ одно́ изъ нихъ налета́ло на со́лнце, всё круго́мъ становѝлось — не темно́, но одноцвѣ́тно. — Но вотъ оно́ пролетѣ́ло — и всю́ду, внеза́пно, я́ркія пя́тна свѣ́та мяте́жно колыха́лись сно́ва: они́ пу́тались, пестрѣ́ли, мѣша́лись съ пя́тнами тѣ́ни... шумъ и движе́ніе бы́ли тѣ же; но кака́я-то пра́здничная ра́дость прибавля́лась къ нимъ. Съ таки́мъ же ра́достнымъ наси́ліемъ врыва́ется страсть въ потемнѣ́вшее, взволно́ванное се́рдце... И тако́е и́менно се́рдце принёсъ въ груди́ своей Неждано́въ.

Онъ прислони́лся къ ство́лу берёзы — и на́чалъ ждать. — Онъ со́бственно не зналъ, что́ онъ чу́вствовалъ — да и не жела́лъ э́то знать; ему́ бы́ло и страшне́е — и ле́гче, чѣ́мъ у Ма́ркелова. Онъ хотѣ́лъ пре́жде всего́ её ви́дѣть, говори́ть съ не́ю; тотъ у́зелъ, кото́рый внеза́пно свя́зываетъ два живы́хъ существа́, уже́ захвати́лъ его́. — Неждано́въ вспо́мнилъ верёвку, кото́рая лети́тъ на на́бережную съ парохо́да, когда́ тотъ собира́ется причали́ть... Вотъ ужъ она́ обвила́сь о́коло столба́ — и парохо́дъ остано́вится...

Въ при́стани! Сла́ва-Бо́гу!

Онъ вдругъ вздро́гнулъ. Же́нское пла́тье замелька́ло вдали́ по доро́жкѣ. Э́то она́. Но идётъ ли она́ къ нему́, ухо́дитъ ли отъ него́ — онъ не зналъ, пока́ не уви́дѣлъ, что пя́тна свѣта и тѣни скользи́ли по ея́ фигу́рѣ *сни́зу вверхъ*... зна́читъ, она́ приближа́ется. Они́ бы спуска́лись *све́рху внизъ*, е́слибъ она́ удаля́лась. Ещё нѣсколько мгнове́ній — и она́ стоя́ла во́злѣ него́, пе́редъ нимъ, съ привѣтнымъ, оживлённымъ лицо́мъ, съ ла́сковымъ бле́скомъ въ глаза́хъ, съ сла́бо, но ве́село улыба́вшимися губа́ми. — Онъ схвати́лъ ея́ протя́нутыя ру́ки — одна́ко то́тчасъ не могъ вы́молвить ни сло́ва; — и она́ ничего́ не сказа́ла. Она́ о́чень ско́ро шла и немно́го задыха́лась; но ви́дно бы́ло, что она́ о́чень обра́довалась тому́, что онъ обра́довался ей.

Она́ пе́рвая заговори́ла.

— Ну, что́, — на́чала она́ — ска́зывай скорѣй, чѣмъ вы рѣши́ли?

Неждано́въ удиви́лся.

— Рѣши́ли... да ра́звѣ на́до бы́ло тепе́рь же рѣши́ть?

Ну, ты понима́ешь меня́. — Разска́зывай, о чёмъ вы говори́ли? Кого́ ты ви́дѣлъ? Познако́мился ли ты съ Соло́минымъ? — Разска́зывай всё... всё! Посто́й, пойдёмъ туда́, пода́льше. Я зна́ю мѣсто... тамъ не такъ ви́дно.

Она́ повлекла́ его́ за собо́ю. Онъ послу́шно шёлъ за ней цѣлико́мъ по высо́кой, рѣдкой, сухо́й травѣ.

Она́ привела́ его́ куда́ хотѣла. Тамъ лежа́ла, пова́ленная бу́рей, больша́я берёза. Они́ усѣлись на ея́ стволѣ.

— Разска́зывай! — повтори́ла она́, но то́тчасъ же приба́вила! — Ахъ, какъ я ра́да тебя́ ви́дѣть! Мнѣ каза́лось, что э́ти два дня никогда́ не ко́нчатся. Ты зна́ешь, я тепе́рь убѣждена́ въ томъ, что Валенти́на Миха́йловна насъ подслу́шала.

— Она написа́ла объ э́томъ Ма́ркелову, — промо́лвилъ Неждано́въ.

— Ему́?!

Маріа́нна помолча́ла и понемно́гу покраснѣла вся, — не отъ стыда́, а отъ друго́го, бо́лѣе си́льнаго чу́вства.

— Зла́я, дурна́я же́нщина! — ме́дленно прошепта́ла она́: — она́ не впра́вѣ была́ э́то сдѣлать... Ну, всё равно́! Разска́зывай, разска́зывай!

Неждано́въ на́чалъ говори́ть... Маріа́нна слу́шала его́ съ каки́мъ-то окаменѣлымъ внима́ніемъ — и то́лько тогда́ прерыва́ла его́, когда́ она́ замѣча́ла, что онъ спѣши́тъ, не остана́вливается на подро́бностяхъ. — Впро́чемъ, не всѣ подро́бности его́ поѣздки бы́ли одина́ково интере́сны для нея́: надъ Ѳо́мушкой и Ѳи́мушкой она́ посмѣя́лась, но они́ ея́ не занима́ли. Ихъ бытъ былъ сли́шкомъ отъ нея́ далёкъ.

— Ты мнѣ то́чно о Навуходоносо́рѣ свѣдѣнія сообща́ешь, — замѣ́тила она́.

А вотъ, что́ говори́лъ Ма́ркеловъ, что́ ду́маетъ да́же Голу́шкинъ (хотя́ она́ то́тчасъ по́няла, что́ э́то за пти́ца) — а гла́вное: како́го мнѣнія

Соло́минъ — и что́ онъ самъ за челове́къ — вотъ что́ ей ну́жно бы́ло знать, вотъ, о чёмъ она́ сокруша́лась. „Когда́ же? когда́?“ — э́тотъ вопро́съ постоя́нно верте́лся у ней въ голове́, проси́лся на уста́ во всё вре́мя, пока́ говори́лъ Неждано́въ. А онъ какъ бу́дто избѣга́лъ всего́, что́ могло́ дать положи́тельный отве́тъ на э́тотъ вопро́съ. Онъ самъ сталъ замѣча́ть, что налега́етъ и́менно на тѣ подро́бности, кото́рыя ме́нѣе интересова́ли Маріа́нну... нѣтъ-нѣтъ — да и возврати́тся къ нимъ. Юмористи́ческія описа́нія возбужда́ли въ ней нетерпѣ́ніе; тонъ разочаро́ванный и́ли уны́лый её огорча́лъ... На́до бы́ло постоя́нно обраща́ться къ „де́лу“ къ „вопро́су“. Тутъ никако́е многосло́віе её не утомля́ло. Вспо́мнилось Неждано́ву вре́мя, когда́ онъ, ещё не бу́дучи студе́нтомъ, и живя́ ле́томъ на да́чѣ у одни́хъ хоро́шихъ знако́мыхъ, вду́малъ разска́зывать ихъ дѣтя́мъ ска́зки: — и они́ та́кже не цѣни́ли ни описа́ній, ни выраже́нія ли́чныхъ, со́бственныхъ ощуще́ній... они́ та́кже тре́бовали де́ла, фа́ктовъ! — Маріа́нна не́ была ребёнкомъ, но прямото́ю простото́ю чу́вства она́ походи́ла на ребёнка.

Неждано́въ и́скренно и горячо́ похвали́лъ Ма́ркелова — и съ осо́беннымъ сочу́вствіемъ отозва́лся о Соло́минѣ. Говоря́ о нёмъ чуть не въ восто́рженныхъ выраже́ніяхъ, онъ спра́шивалъ самого́ себя́: что́ со́бственно заставля́ло его́ быть тако́го высо́каго мнѣ́нія объ э́томъ челове́кѣ? Ничего́ осо́бенно-у́мнаго онъ не вы́казалъ; ины́я его́ слова́ да́же какъ-бу́дто шли въ разрѣ́зъ съ убѣжде́ніями его́, Неждано́ва... „Уравновѣ́шенный хара́ктеръ, — ду́малось ему́: — вотъ что́; обстоя́тельный, свѣ́жій, какъ говори́ла Ѳи́мушка; — кру́пный челове́къ; споко́йная, кре́пкая си́ла; зна́етъ, что́ ему́ ну́жно, и себѣ́ довѣря́етъ — и возбужда́етъ довѣ́ріе; трево́ги нѣтъ... и равновѣ́сіе! равновѣ́сіе!... Вотъ э́то гла́вное; и́менно, чего́ у меня́ нѣтъ“. Неждано́въ умо́лкъ, преда́вшись размышле́нію... Вдругъ онъ почу́вствовалъ прикоснове́ніе руки́ на своёмъ плечѣ́.

Онъ по́днялъ го́лову: Маріа́нна глядѣ́ла на него́ забо́тливымъ и нѣ́жнымъ взо́ромъ.

— Другъ! Что съ тобо́ю? — спроси́ла она́.

Онъ снялъ ея́ ру́ку съ плеча́ и въ пе́рвый разъ поцѣлова́лъ её. Она́ слегка́ засмѣя́лась, какъ-бы удиви́вшись: съ чего́ могла́ ему́ придти́ въ го́лову така́я любе́зность? — Пото́мъ она́ въ свою́ о́чередь заду́малась.

— Ма́ркеловъ показа́лъ тебѣ́ письмо́ Валенти́ны Миха́йловны? — спроси́ла она́ наконе́цъ.

— Да.

— Ну... и что же онъ?

— Онъ? — Онъ благоро́днѣйшее, самоотве́рженное существо́! Онъ... — Неждано́въ хотѣ́лъ-бы́ло сказа́ть Маріа́ннѣ о портре́тѣ — да удержа́лся и то́лько повтори́лъ: — благоро́днѣйшее существо́!

— О, да, да!

Маріáнна опя́ть заду́малась — и вдругъ, поверну́вшись къ Неждáнову на стволѣ́ берёзы, служи́вшей имъ обо́имъ сидѣ́ньемъ, съ жи́востью промо́лвила:

— Ну, такъ чѣ́мъ же вы рѣши́ли?

Неждáновъ пожáлъ плечáми.

— Да я тебѣ́ сказáлъ ужé, что — пока́ — ничѣ́мъ; нáдо бу́детъ ещё подождáть.

— Подождáть ещё... Чего́ же?

— Послѣ́днихъ инстру́кцій („А вѣдь я вру“ — ду́малось Неждáнову).

— Отъ кого́?

— Отъ того́... ты знáешь... отъ Васи́лья Николáевича. Да вотъ ещё нáдо подождáть, что́бы Остродýмовъ верну́лся.

Маріáнна вопроси́тельно посмотрѣ́ла на Неждáнова.

— Скажи́, ты когдá-нибудь ви́дѣлъ э́того Васи́лія Николáевича?

— Ви́дѣлъ рáза два... мелько́мъ.

— Что̀ онъ... замѣча́тельный человѣ́къ?

— Какъ тебѣ́ сказáть? Тепе́рь онъ головá — ну, и ору́дуетъ. А безъ дисципли́ны въ нáшемъ дѣ́лѣ нельзя́; повиновáться ну́жно. („И *э́то* всё вздоръ“ — ду́малось Неждáнову.)

— Како́й онъ изъ себя́?

— Како́й? — призёмистый, гру́зный, черня́вый... Лицо́ скулáстое, калмы́цкое... грубóе лицо́. То́лько глазá óчень живы́е.

— А говори́тъ онъ какъ?

— Онъ не сто́лько говори́тъ, сколько командуетъ.

— Отчего́ же онъ сдѣ́лался головóю?

— А съ характеромъ человѣ́къ. Ни предъ чѣ́мъ не отсту́питъ. Е́сли ну́жно — убьётъ. Ну — его́ и боя́тся.

— А Соло́минъ какóвъ изъ-себя́? — спроси́ла Маріáнна, погодя́ немно́го.

— Соло́минъ то́же не óчень краси́въ; то́лько у э́того слáвное лицо́, просто́е, че́стное. Ме́жду семинари́стами — хоро́шими — такія попадáются ли́ца.

Неждáновъ подро́бно описáлъ Соло́мина. Маріáнна посмотрѣ́ла на Неждáнова до́лго... до́лго... пото́мъ промо́лвила, сло́вно про себя́:

— У тебя́ то́же хоро́шее лицо́. Съ тобóю, ду́маю, мо́жно жить.

— Э́то сло́во тро́нуло Неждáнова; онъ сно́ва взялъ ея́ ру́ку — и поднёсъ-бы́ло её къ губáмъ...

— Погоди́ любе́зничать, — промо́лвила, съ́мясь, Маріáнна — онá всегдá смѣ́ялась, когдá у ней цѣловáли ру́ку; — ты не знáешь: я пе́редъ тобóй виновáта.

— Каки́мъ э́то óбразомъ?

— А вотъ какъ. — Я въ твоёмъ отсу́тствіи вошлá къ тебѣ́ въ ко́мнату — и тамъ, на твоёмъ столѣ́, увидáла тетрáдку съ стихáми... (Не-

жда́новъ дро́гнулъ: онъ вспо́мнилъ, что онъ то́чно забы́лъ э́ту тетра́дку на столѣ́ свое́й ко́мнаты) — и ка́юсь пе́редъ тобо́ю: не съумѣ́ла побѣди́ть своё любопы́тство — и прочла́. — Вѣдъ э́то твои́ стихи́?

— Мои́; и зна́ешь ли что́, Маріа́нна? Лу́чшимъ доказа́тельствомъ, до како́й сте́пени я къ тебѣ́ привя́занъ и ка̀къ я тебѣ́ довѣря́ю — мо́жетъ служи́ть то, что я почти́ не серж у́сь на тебя́.

— Почти́? Ста́ло-быть, хоть немно́го, да се́рдишься? — Кста́ти, ты меня́ зовёшь Маріа́нной; не могу́ же я тебя́ звать Нежда́новымъ! Буду звать тебя́ Алексѣемъ. А стихотворе́ніе, кото́рое начина́ется такъ: „Ми́лый другъ, когда́ я бу́ду умира́ть“... то́же твоё?

— Моё... моё. — То́лько, пожа́луйста, брось э́то... Не мучь меня́.

Маріа́нна покача́ла голово́ю.

— Оно́ о́чень печа́льно, — э́то стихотворе́ніе... Надѣ́юсь, что ты его́ написа́лъ до сближе́нія со мно́ю. Но стихи́ хороши́ — наско́лько я могу́ суди́ть. Мнѣ сдаётся, что ты могъ бы сдѣ́латься литера́торомъ; то́лько я *навѣрно́е* знаю, что у тебя́ есть призва́ніе лу́чше и вы́ше литературы. Э́тимъ хорошо́ бы́ло занима́ться — пре́жде, — когда́ друго́е бы́ло невозмо́жно.

Нежда́новъ ки́нулъ на неё бы́стрый взглядъ.

— Ты ду́маешь? Да, я съ тобо́й согласе́нъ. Лу́чше ги́бель тамъ — чѣ́мъ успѣ́хъ здѣсь.

Маріа́нна стреми́тельно вста́ла.

— Да, мой ми́лый, ты правъ! воскли́кнула она́ — и всё лицо́ ея́ просія́ло, вспы́хнуло огнёмъ и бле́скомъ восто́рга, умиле́ніемъ великоду́шныхъ чувствъ: — ты правъ! — Но, мо́жетъ быть, мы и не поги́бнемъ то́тчасъ; мы успѣ́емъ, ты уви́дишь, мы бу́демъ поле́зны, на́ша жизнь не пропадётъ да́ромъ, мы пойдёмъ въ наро́дъ... Ты зна́ешь како́е-нибудь ремесло́? Нѣтъ? Ну, всё равно́ — мы бу́демъ рабо́тать, мы принесёмъ имъ, на́шимъ бра́тьямъ, всё, что́ мы зна́емъ — я, е́сли ну́жно, въ кухарки пойду́, въ швеи́, въ пра́чки... Ты уви́дишь, ты уви́дишь... И никако́й тутъ заслу́ги не бу́детъ — а сча́стье, сча́стье...

Маріа́нна умо́лкла: но взоръ ея́, устремлённый въ даль, не въ ту, кото́рая разстила́лась пе́редъ не́ю — а въ другу́ю, невѣ́домую, ещё небыва́лую, но ви́димую ей, — взоръ ея́ горѣ́лъ...

Нежда́новъ склони́лся къ ея́ ста́ну...

— О, Маріа́нна, — шепну́лъ онъ, — я тебя́ не сто́ю!

Она́ вдругъ вся встрепену́лась.

— Пора́, домо́й пора́! — промо́лвила она́, — а то сейча́съ опя́ть насъ оты́скивать ста́нутъ. Впро́чемъ, Валенти́на Миха́йловна, ка́жется, махну́ла на меня́ руко́й. Я въ ея глаза́хъ — пропа́щая!

Маріа́нна произнесла́ э́то сло́во съ таки́мъ свѣ́тлымъ ра́достнымъ лицо́мъ, что и Нежда́новъ, гля́дя на неё, не могъ не улыбну́ться и не повтори́ть: пропа́щая!

— То́лько она́ о́чень оскорблена́ тѣмъ, — продолжа́ла Маріа́нна, — какъ же э́то ты не у ея́ ногъ? — Но э́то всё ничего́ — а вотъ что́... Вѣдь здѣсь остава́ться мнѣ нельзя́ бу́детъ... На́до бу́детъ бѣжа́ть.

— Бѣжа́ть? — повтори́лъ Нежда́новъ.

— Да, бѣжа́ть... Вѣдь и ты не оста́нешься? — Мы уйдёмъ вмѣ́стѣ. — Намъ на́до бу́детъ рабо́тать вмѣ́стѣ... Вѣдь ты пойдёшь со мно́ю?

— На край све́та! — воскли́кнулъ Нежда́новъ — и го́лосъ его́ внеза́пно зазвенѣ́лъ отъ волне́нія и како́й-то поры́вистой благода́рности. — На край све́та! — Въ э́ту мину́ту онъ то́чно ушёлъ бы съ не́ю, безъ огля́дки, куда́ бы она́ ни пожела́ла!

Маріа́нна по́няла его́ — и коротко́ и блаже́нно вздохну́ла.

— Такъ возьми́ же мою́ ру́ку... то́лько не цѣлу́й ея́ — а пожми́ её крѣ́пко, какъ това́рищу, какъ дру́гу... вотъ такъ!

Они́ пошли́ вмѣ́стѣ домо́й, заду́мчивые, счастли́вые, — молода́я трава́ ла́стилась подъ ихъ нога́ми, молода́я ли́ства шумѣ́ла круго́мъ; пя́тна све́та и тѣ́ни побѣжа́ли прово́рно, скользя́ по ихъ оде́ждѣ — и о́ба они́ улыба́лись и трево́жной ихъ игрѣ́, и весёлымъ уда́рамъ вѣ́тра, и свѣ́жему блиста́нью ли́стьевъ — и со́бственной мо́лодости, и другъ дру́гу.

XXIII.

Заря́ уже́ занима́лась на́ небѣ, когда́ въ ночь по́слѣ Голу́шкинскаго обѣ́да Соло́минъ, бо́дро прошага́въ о́коло пяти́ вёрстъ, постуча́лся въ кали́тку высо́каго забо́ра, окружа́вшаго фа́брику. Сто́рожъ то́тчасъ впусти́лъ его́ — и въ сопровожде́ніи трёхъ цѣпны́хъ овча́рокъ, широ́ко размаха́вшихъ мохна́тыми хвоста́ми, съ почти́тельной забо́тливостью довёлъ его́ до его́ фли́геля. — Онъ ви́димо ра́довался благополу́чному возвраще́нію нача́льника.

— Какъ же э́то вы но́чью, Васи́лій Ѳедо́тычъ? Мы васъ жда́ли то́лько за́втра.

— Ничего́, Гаври́ла, ещё лу́чше но́чью-то прогуля́ться.

Хоро́шія, хотя́ и не совсѣ́мъ обыкнове́нныя, отноше́нія существова́ли ме́жду Соло́минымъ и фабри́чными: они́ уважа́ли его́ какъ ста́ршаго — и обходи́лись съ нимъ какъ съ ро́внымъ, какъ со свои́мъ: то́лько ужъ о́чень онъ былъ зна́ющъ въ ихъ глаза́хъ! — „Что́ Васи́лій Ѳедо́товъ сказа́лъ“ — толкова́ли они́ — „ужъ э́то свя́то! потому́ онъ вся́ку му́дрость произошёлъ — и нѣтъ тако́го àгличана, кото́раго онъ бы за по́ясъ не заткну́лъ“! — Дѣйстви́тельно: како́й-то ва́жный англі́йскій мануфактури́стъ посѣти́лъ однажды фа́брику; и отъ того́ ли, что Соло́минъ съ нимъ по-англі́йски говори́лъ — и́ли онъ то́чно былъ поражёнъ его́ свѣ́дѣніями — то́лько онъ всё его́ по плечу́ хло́палъ, и смѣя́лся, и звалъ его́ съ собо́ю въ Ли́верпуль! — а фабри́чнымъ твердилъ на своёмъ ло́-

маномъ языкѣ: „Карашá оу васъ э́та! Оу! карашá!“ — чему́ фабри́чные въ свою́ о́чередь мно́го смѣя́лись, не безъ го́рдости: „Вотъ молъ нашъ-то како́въ! Нашъ-то!“

И онъ то́чно былъ ихъ — и и́хній.

На друго́е у́тро ра́но вошёлъ къ Соло́мину въ ко́мнату его́ люби́мецъ, Па́велъ; разбуди́лъ его́, по́далъ ему́ умы́ться, коё-что разсказа́лъ, коё-о-чёмъ разспроси́лъ. Пото́мъ они́ вмѣстѣ на̀скоро напи́лись ча́ю — и Соло́минъ, ната́щивъ на себя́ свой зама́сленный се́рый рабо́чій пиджа́къ, отпра́вился на фа́брику — и завертѣлась опя́ть его́ жизнь, какъ большо́е ма́ховое колесо́.

Но ей была́ суждена́ но́вая остано́вка.

Дней пять спустя́ по́слѣ возвраще́нія Соло́мина во-свояси, на дворъ фа́брики вкати́лся краси́вый фаэто́нчикъ, запряжённый четвернёй отли́чныхъ лошаде́й — и ливре́йный, бѣло-горохо́вый лаке́й, введённый Па́вломъ во фли́гель, торже́ственно вручи́лъ Соло́мину письмо́ съ гербово́ю печа́тью — отъ „Его́ превосходи́тельства Бори́са Андре́евича Сипя́гина“. — Въ э́томъ письмѣ, пропи́танномъ не духа́ми — фи! — а како́й-то необыча́йно-прили́чной англі́йской во́нью, и пи́санномъ — хоть и въ тре́тьемъ лицѣ, — но не секрета́рской, а со́бственной генера́льской руко́ю, просвѣщённый владѣлецъ села́ Аржана́го, извини́вшись сперва́, что обраща́ется къ человѣку, ли́чно ему́ незнако́мому — но о кото́ромъ онъ, Сипя́гинъ, наслы́шанъ съ са́мой ле́стной стороны́, — бралъ на себя́ „смѣлость“ пригласи́ть къ себѣ въ дере́вню г-на Соло́мина, совѣты кото́раго могли́ быть чрезвыча́йно поле́зны для него́, Сипя́гина, въ нѣкото-ромъ значи́тельномъ промы́шленномъ предпрія́тіи; и въ наде́ждѣ на любе́зное согла́сіе г-на Соло́мина — онъ, Сипя́гинъ, посыла́етъ ему́ экипа́жъ. — Въ слу́чаѣ же невозмо́жности со стороны́ г-на Соло́мина отлучи́ться въ тотъ день, онъ, Сипя́гинъ, поко́рнѣйше про́ситъ г-на Соло́мина назна́чить ему́ друго́й, како́й бу́детъ ему́ уго́дно — и тотъ же экипа́жъ бу́детъ съ ра́достью предоста́вленъ имъ, Сипя́гинымъ, въ распоряже́ніе г-на Соло́мина. За симъ слѣ́довали обы́чныя заявле́нія — а за ни́ми щегольско́й, и́стинно-мини́стерскій по́черкъ и́мени и фами́ліи, кото́рый, коне́чно, ни оди́нъ непосвящённый не могъ бы никогда́ разобра́ть. — Въ концѣ́ письма́ стоя́ло post-scriptum, уже́ въ пе́рвомъ лицѣ: „Наде́юсь что вы не отка́жетесь отку́шать у меня́ *за́просто*, въ сюртукѣ“. — (Сло́во „за́просто“ бы́ло подчёркнуто.) — Вмѣстѣ съ э́тимъ письмо́мъ бѣло-горо́ховый лаке́й съ нѣкоторымъ какъ бы смуще́ніемъ по́далъ Соле́мину просту́ю, да́же не запеча́танную, а заклѣенную запи́ску отъ Неждано́ва, въ кото́рой стоя́ло то́лько нѣсколько словъ: „Пріѣзжа́йте пожа́луйста, вы здѣсь о́чень ну́жны — и мо́жете быть о́чень поле́зны, — то́лько, коне́чно, не г-ну Сипя́гину“.

Прочтя́ письмо́ Сипя́гина, Соло́минъ поду́малъ: „А какъ же мнѣ ина́че ѣхать какъ не за́просто; фра́ка-то у меня́ въ заво́дѣ нѣту... Да

и на кой чортъ мнѣ туда́ таска́ться... то́лько вре́мя теря́ть!“ — но пробѣжа́въ запи́ску Нежда́нова, онъ почеса́лъ у себя́ въ затылкѣ́ и подошёлъ, въ нерѣши́тельности, къ окну́.

— Како́й же изво́лите отвѣ́тъ дать? — степе́нно вопроси́лъ бѣло-горо́ховый лаке́й.

Соло́минъ постоя́лъ ещё немно́го у окна́ — и наконе́цъ, встряну́въ волоса́ми и проведя́ руко́ю по лбу — промо́лвилъ:

— Ѣ́ду. — Да́йте мнѣ вре́мя одѣ́ться.

Лаке́й благоприли́чно вы́шелъ, а Соло́минъ велѣ́лъ позва́ть Па́вла, потолкова́лъ съ нимъ, сбѣга́лъ ещё разъ на фа́брику — и, надѣ́въ чёрный сюрту́къ съ о́ченъ дли́нной та́ліей, сши́тый ему́ губе́рнскимъ портны́мъ, и нѣ́сколько порыжѣ́лый цили́ндръ, неме́дленно прида́вшій его́ лицу́ деревя́нное выраже́ніе, сѣ́лъ въ фаэто́нчикъ — но вдругъ вспо́мнилъ, что не взялъ съ собо́й перча́токъ; кли́кнулъ „вездѣсу́щаго“ Па́вла — и тотъ принёсъ ему́ па́ру то́лько-что вы́мытыхъ за́мшевыхъ бѣ́лыхъ перча́токъ, ка́ждый па́лецъ кото́рыхъ, расширённый къ концу́, походи́лъ на бисквѝтъ. Соло́минъ су́нулъ перча́тки въ карма́нъ и сказа́лъ, что мо́жно ѣ́хать. Тогда́ лаке́й съ како́й-то внеза́пной, соверше́нно нену́жной отва́гой, вскочи́лъ на ко́зла — благовоспи́танный ку́черъ пи́скнулъ фа́льцетомъ — и ло́шади побѣжа́ли.

Пока́ онѣ́ постепе́нно ириближа́ли Соло́мина къ имѣ́нію Сипя́гина — э́тотъ госуда́рственный мужъ, си́дя у себя́ въ гости́ной, съ полуразрѣ́занной полити́ческой брошю́рой на колѣ́няхъ, бесѣ́довалъ о нёмъ съ свое́й жено́й. Онъ повѣря́лъ ей, что вы́писалъ его́ со́бственно за тѣ́мъ, что́бы попыта́ться, нельзя́ ли смани́ть его́ съ купече́ской фа́брики на свою́ со́бственную, такъ какъ она́ идётъ изъ рукъ вонъ пло́хо и ну́жны коренны́я преобразова́нія! — На мы́сли, что Соло́минъ отка́жется пріѣ́хать и́ли да́же назна́читъ друго́й день, Сипя́гинъ и остана́вливаться не хотѣ́лъ; хоть самъ же въ своёмъ письмѣ́ къ Соло́мину предлага́лъ ему́ вы́боръ дня.

— Да вѣ́дь фа́брика у насъ писчебума́жная, не прядѝльная, — замѣ́тила Валенти́на Миха́йловна.

— Всё равно́, душа́ моя́: и тамъ маши́ны — и здѣ́сь маши́ны... а онъ — меха́никъ!

— Да вѣ́дь онъ, быть мо́жетъ, спеціали́стъ!

— Душа́ моя́, во-пе́рвыхъ — на Руси́ нѣ́тъ спеціали́стовъ; а во-вторы́хъ — я повторя́ю тебѣ́: — онъ меха́никъ!

Валенти́на Миха́йловна улыбну́лась.

— Смотри́, мой другъ: тебѣ́ уже разъ не посчастли́вилось съ молоды́ми людьми́; какъ бы тебѣ́ во второ́й разъ не ошиби́ться!

— Э́то ты на счётъ Нежда́нова? — Но, мнѣ ка́жется, цѣ́ли свое́й я всё-таки́ дости́гъ: репети́торъ для Ко́ли онъ хоро́шій. А пото́мъ, —

ты зна́ешь: non bis in idem! Извини́, пожа́луйста, мой педанти́змъ... Э́то зна́читъ, что двѣ ве́щи сря́ду не повторя́ются.

— Ты полага́ешь? — А *я* такъ ду́маю, что всё на свѣ́тѣ повторя́ется... осо́бенно то, что́ въ нату́рѣ вещей... и осо́бенно ме́жду молоды́ми людьми́.

— Que voulez vous dire? — спроси́лъ Сипя́гинъ, округлённымъ же́стомъ, броса́я брошю́ру на столъ.

— Ouvrez les yeux — et vous verrez! отвѣ́тила ему́ Сипя́гина; по-францу́зски они́, коне́чно, говори́ли другъ дру́гу: вы.

— Гмъ! — произнёсъ Сипя́гинъ. — Э́то ты про студе́нтика?

Про г-на студе́нта.

Гмъ! — ра́звѣ у него́ тутъ... (онъ повертѣ́лъ руко́ю о́коло лба)... что́-нибудь завело́сь? А?

— Откро́й глаза́!

— Маріа́нна? А? — (Второ́е: А? — бы́ло произнесено́ бо́лѣе въ носъ, чѣ́мъ пе́рвое).

— Откро́й глаза́, говоря́тъ тебѣ́!

Сипя́гинъ нахму́рилъ бро́ви.

— Ну, э́то мы всё разберёмъ впослѣ́дствіи. — А тепе́рь я хотѣ́лъ то́лько одно́ сказа́ть... Э́тотъ Соло́минъ, вѣроя́тно, бу́детъ нѣ́сколько конфу́зиться... ну, поня́тное дѣ́ло, не привы́къ. — Такъ на́до бу́детъ э́такъ съ нимъ пола́сковѣе... что́бы не запуга́ть. Я э́то не для тебя́ говорю́; ты у меня́ — зо́лото; и кого́ захо́чешь — ми́гомъ очарова́ть мо́жешь. — J'en sais quelque chose, madame! — Я э́то говорю́ для други́хъ; вотъ хоть бы для э́того...

Онъ указа́лъ на мо́дную сѣ́рую шля́пу, стоя́вшую на этаже́ркѣ: э́та шля́па принадлежа́ла г. Калломѣ́йцеву, кото́рый съ утра́ находи́лся въ Аржано́мъ.

— Il est très-cassant, ты зна́ешь; о́чень ужъ онъ презира́етъ наро́дъ, что́ я весьма́... весьма́ осуждаю! Къ тому́ же, я съ нѣ́которыхъ поръ замѣ́ча́ю въ нёмъ каку́ю-то раздражи́тельность, придирчивость... И́ли его́ дѣла́ — *тамъ* — (Сипя́гинъ качну́лъ куда́-то — неопредѣ́лённо — голово́ю... но жена́ по́няла его́) — не подвига́ются? А?

— Откро́й глаза́... опя́ть скажу́ я тебѣ́.

Сипя́гинъ приподня́лся.

— А? — (Это: „А?“ было уже́ совсѣ́мъ друго́го сво́йства и въ друго́мъ то́нѣ... гора́здо ни́же). — Вотъ какъ?! — Какъ бы я ужъ ихъ тогда́ сли́шкомъ не откры́лъ!

— Э́то твоё дѣ́ло; — а на счётъ твоего́ но́ваго молодо́го — е́сли онъ то́лько пріѣ́детъ сего́дня — ты не безпоко́йся! бу́дутъ при́няты всѣ мѣ́ры предосторо́жности.

И что же? Оказа́лось, что никаки́хъ мѣ́ръ предосторо́жности во́все не тре́бовалось. — Соло́минъ нисколько не сконфу́зился и не испуга́лся.

— Когда́ слуга́ доложи́лъ о нёмъ, Сипя́гинъ то́тчасъ всталъ, про-мо́лвилъ гро́мко, такъ чтобъ въ пере́дней бы́ло слы́шно: „Проси́! разумѣ́ется, проси́!“ напра́вился къ две́ри гости́ной и останови́лся вплоть пе́редъ не́ю. Лишь то́лько Соло́минъ переступи́лъ поро́гъ, Сипя́гинъ, на кото́раго онъ едва́ не наткну́лся, протяну́лъ ему́ о́бѣ ру́ки и любе́зно осклабя́сь и поша́тывая голово́ю, раду́шно приговаривая — „вотъ какъ ми́ло... съ ва́шей стороны́... какъ я вамъ благода́ренъ“ — подвёлъ его́ къ Валенти́нѣ Миха́йловнѣ.

— Вотъ э́то жёнка моя́, — проговори́лъ онъ, мя́гко нажима́я свое́й ладо́нью спину́ Соло́мина — и какъ-бы надвига́я его́ на Валенти́ну Миха́йловну, — а вотъ, моя́ ми́лая, нашъ пе́рвый здѣ́шній меха́никъ и фабрика́нтъ, Васи́лій... Ѳедосѣевичъ Соло́минъ. — Сипя́гина приподня́лась и краси́во взмахну́въ сни́зу вверхъ свои́ми чуде́сными рѣсни́цами, сперва́ улыбну́лась ему́ — доброду́шно — какъ знако́мому; пото́мъ протяну́ла ему́ свою́ ру́чку ладо́нью вверхъ, прижима́я локото́къ къ ста́ну и наклони́въ голо́вку въ сто́рону ру́чки... сло́вно проси́тельница. Соло́минъ далъ и му́жу и женѣ́ продѣ́лать надъ нимъ всѣ и́хнія шту́чки, пожа́лъ ру́ку и ему́ и ей — и сѣ́лъ по пе́рвому приглаше́нію. Сипя́гинъ сталъ безпоко́иться — не ну́жно ли ему́ чего́? Но Соло́минъ отвѣча́лъ, что ничего́ ему́ не ну́жно, что онъ нисколько не уста́лъ съ доро́ги — и нахо́дится въ по́лномъ его́ распоряже́ніи.

— Та́къ, что мо́жно васъ попроси́ть пожа́ловать на фа́брику? — воскли́кнулъ Сипя́гинъ, какъ-бы совѣстя́сь и не смѣ́я вѣ́рить тако́й большо́й снисходи́тельности со стороны́ го́стя.

— Хоть сейча́съ, — отвѣча́лъ Соло́минъ.

— Ахъ, како́й же вы обяза́тельный! Прика́жете дро́жки заложи́ть? — и́ли, мо́жетъ быть, вы жела́ете пѣшко́мъ...

— Да вѣ́дь она́, чай, недалеко́ отсю́да, ва́ша фа́брика?

— Съ полъ-версты́, не бо́льше!

— Такъ на что же экипа́жъ закла́дывать?

— Ну, такъ прекра́сно. Челове́къ, — шля́пу мнѣ́, па́лку, поскоре́е! — А ты, хозя́юшка, хлопочи́, обѣ́дъ намъ припаса́й! — Шля́пу!

Сипя́гинъ волнова́лся гора́здо бо́лѣе, чѣмъ его́ гость. Повтори́въ ещё разъ: „да что-жъ э́то мнѣ́ шля́пу!“ онъ — сано́вникъ! — вы́скочилъ вонъ — совсѣ́мъ какъ ре́звый шко́льникъ. Пока́ онъ разгова́ривалъ съ Соло́минымъ, Валенти́на Миха́йловна посма́тривала укра́дкой, но внима́тельно, на э́того „но́ваго молодо́го“. — Онъ споко́йно сидѣ́лъ на кре́слѣ, положи́въ о́бѣ обнажённыя ру́ки себѣ́ на колѣ́ни (онъ та́къ-таки и не надѣ́лъ перча́токъ) — и споко́йно, хотя́ съ любопы́тствомъ, огля́дывалъ ме́бель, карти́ны. — Э́то что тако́е? ду́мала она́. — Плебе́й... я́вный плебе́й... а какъ про́сто себя́ де́ржитъ! — Соло́минъ дѣ́йстви́тельно держа́лъ себя́ о́чень про́сто; не такъ, какъ ино́й, кото́рый простъ-то простъ — но съ фо́рсомъ: „Смотри́-молъ на меня́ и понима́й, како́въ я

есть!“ — а какъ человѣкъ, у котóраго и чýвства, и мы́сли несло́жныя, хоть и крѣпкія. Сипя́гина хотѣла-бы́ло заговори́ть съ нимъ — и, къ изумле́нію своемý, не тóтчасъ нашла́сь.

„Го́споди!“ подýмала она́: „неужéли же э́тотъ фабри́чный мнѣ импони́руетъ?“

— Бори́съ Андре́ичъ до́лженъ быть вамъ о́чень благода́ренъ, — промо́лвила она́ наконе́цъ — что вы согласи́лись пожéртвовать для него́ ча́стью ва́шего драгоцѣннаго вре́мени...

— Не такъ ужъ оно́ драгоцѣнно, суда́рыня, — отвѣча́лъ Соло́минъ; — да вѣдь я и не надо́лго къ вамъ.

„Voilà où l'ours a montré sa patte“, подýмала она́ по-францýзски; но въ э́ту минýту ея́ мужъ появи́лся на поро́гѣ раскры́той две́ри, съ шля́пой на головѣ и „сти́комъ“ въ рукѣ. Стоя́ въ полуборо́тъ, онъ развя́зно воскли́кнулъ:

— Васи́лій Ѳедосѣичъ! Уго́дно пожа́ловать?

Соло́минъ всталъ, поклони́лся Валенти́нѣ Миха́йловнѣ — и пошёлъ вслѣдъ за Сипя́гинымъ.

За мной, сюда́, сюда́, Васи́лій Ѳедосѣичъ! — твердúлъ Сипя́гинъ, то́чно онъ пробира́лся по каки́мъ-то де́брямъ — и Соло́мину нýженъ былъ проводнúкъ. — Сюда́! здѣсь ступе́ньки, Васи́лій Ѳедосѣичъ!

— Коли́ ужъ вамъ уго́дно меня́ величáть по о́тчеству, — промо́лвилъ, не спѣша́ Соло́минъ... — я не Ѳедосѣичъ, — а Ѳедо́тычъ.

Сипя́гинъ оглянýлся на него́ наза́дъ, че́резъ плечó, почти́ съ испýгомъ.

— Ахъ, извини́те, пожа́лийста, Васи́лій Ѳедо́тычъ!

— Ничего́-съ; не сто́итъ.

Они́ вы́шли на дворъ. — Имъ на встрѣчу попа́лся Калломѣйцевъ.

— Куда́ э́то вы? — спроси́лъ онъ, покоси́вшись на Соло́мина. — На фа́брику? C'est là l'individu en question?

Сипя́гинъ вытаращилъ глаза́ и лего́нько потря́съ головóю, въ знакъ предостереже́нія.

— Да, на фа́брику... пока́зывать мои́ грѣхи да прорѣхи — вотъ г-ну меха́нику. Позво́льте васъ познако́мить! Г-нъ Калломѣйцевъ, здѣшній помѣщикъ; г-нъ Соло́минъ...

Калломѣйцевъ ки́внулъ ра́за два головóю — едва́ замѣтно — совсѣмъ не въ сто́рону Соло́мина — и не гля́дя на него́. — А тотъ возрѣлся въ Калломѣйцева — и въ его́ полу́-закры́тыхъ глаза́хъ мелькнýло нѣчто́...

— Мóжно присоедини́ться къ вамъ? — спроси́лъ Калломѣйцевъ. — Вы зна́ете, я люблю́ поучи́ться.

— Коне́чно, мóжно.

Они́ вы́шли со двора́ на доро́гу — и не успѣли пройти́ и двадцати́ шаго́въ, какъ уви́дѣли приходска́го свяще́нника, въ подо́ткнутой ря́сѣ, пробира́вшагося во-свояси, въ такъ называ́емую „попóвскую слобóдку“. Калломѣйцевъ неме́дленно отдѣли́лся отъ свои́хъ двухъ това́рищей — и

твёрдыми, большими шагами подойдя къ священнику, который никакъ этого не ожидалъ и нѣсколько оробѣлъ — попросилъ его благословенія, звучно поцѣловалъ его потную, красную руку, — и, обернувшись къ Соломину, бросилъ ему вызывающій взглядъ. Онъ очевидно зналъ про него „коё-что“ — и хотѣлъ показать себя и „носъ наклеить“ учёному проходимцу.

— C'est une manifestation, mon cher? — процѣдилъ сквозь зубы Сипягинъ.

Калломѣйцевъ фыркнулъ.

— Oui, mon cher, une manifestation necéssaire par le temps qui court!

Они пришли на фабрику. Ихъ встрѣтилъ малоруссъ съ громаднѣйшей бородой и фальшивыми зубами, замѣнившій прежняго управляющаго, нѣмца, котораго Сипягинъ окончательно прогналъ. Этотъ малоруссъ былъ временной: онъ явно ничего не смыслилъ и только безпрестанно говорилъ: „ото“... да: „байдуже“ — и все вздыхалъ.

Начался осмотръ заведенія. Нѣкоторые фабричные знали Соломина въ лицо и кланялись, ему. — Одному онъ даже сказалъ: „А, здравствуй, Григорій! Ты здѣсь?“ — Онъ скоро убѣдился, что дѣло велось плохо. Денегъ было потрачено пропасть, да безъ толку. Машины оказались дурного качества; много было лишняго и ненужнаго, много нужнаго недоставало. Сипягинъ постоянно заглядывалъ въ глаза Соломину, чтобы угадать его мнѣніе, дѣлалъ робкіе запросы, желалъ узнать, довоженъ ли онъ по крайней мѣрѣ порядкомъ?

— Порядокъ-то-есть, — отвѣчалъ Соломинъ, — но можетъ ли быть доходъ? — сомнѣваюсь.

Не только Сипягинъ, даже Калломѣйцевъ чувствовалъ, что Соломинъ на фабрикѣ какъ дома, что ему тутъ всё извѣстно и знакомо, до послѣдней мелочи; что онъ тутъ хозяинъ. Онъ клалъ руку на машину, какъ ѣздокъ на шею лошади; тыкалъ пальцемъ колесо — и оно останавливалось или начинало вертѣться; бралъ на ладонь изъ чана немного того мѣсива, изъ котораго выдѣлывается бумага — и оно тотчасъ показывало всѣ свои недостатки. Соломинъ говорилъ мало, — а на бородатаго малоруссa даже не глядѣлъ вовсе; молча вышелъ онъ также изъ фабрики. Сипягинъ и Калломѣйцевъ отправились вслѣдъ за нимъ.

Сипягинъ не велѣлъ никому провожать себя... даже ногою топнулъ и зубомъ скрипнулъ! Очень онъ былъ разстроенъ.

— Я по вашей физіономіи вижу, обратился онъ къ Соломину, что вы моей фабрикой недовольны — и я самъ знаю, что она у меня въ неудовлетворительномъ состояніи и недохода; однако собственно... вы, пожалуйста, не церемоньтесь... какія ея важнѣйшія погрѣшности? И что бы сдѣлать такое, дабы улучшить её?

— Писчебумажное производство не по моей части, — отвѣчалъ

Соло́минъ; но одно́ могу́ сказа́тъ вамъ: — промы́шленныя заведе́нія — не дворя́нское де́ло.

— Вы счита́ете э́ти заня́тія унизи́тельными для дворя́нства? — вмѣша́лся Калломѣ́йцевъ.

Соло́минъ улыбну́лся свое́й широ́кой улы́бкой.

— О, нѣтъ! Поми́луйте! Что́ тутъ унизи́тельнаго? Да е́слибъ и бы́ло что́ подо́бное — дворя́нство вѣдь э́тимъ не бре́згаетъ.

— Какъ-съ? Что тако́е-съ?

— Я хочу́ то́лько сказа́ть, — споко́йно продолжа́лъ Соло́минъ, — что дворя́не не привы́кли къ э́того ро́да дѣятельности. — Тутъ ну́женъ комме́рческій разсчётъ; тутъ всё на́до поста́вить на другу́ю ногу́; вы́держка нужна́. Дворя́не э́того не сообража́ютъ. Мы и ви́димъ сплошь да ря́домъ, что они́ затѣва́ютъ суко́нныя, бума́жныя и другія фа́брики, — а въ конце́-концо́въ — кому́ всѣ э́ти фа́брики попада́ютъ въ ру́ки? Купца́мъ. Жаль; потому́ купе́цъ — та же пія́вка; а то́лько дѣ́лать не́чего.

— Послу́шать васъ, — вскрича́лъ Калломѣ́йцевъ, дворя́намъ на́шимъ недосту́пны фина́нсовые вопро́сы!

— О, напро́тивъ! Дворя́не на э́то мастера́. Концессію на желѣ́зную доро́гу получи́ть, банкъ завести́, льго́ту каку́ю себѣ́ вы́просить — и́ли тамъ что́-нибудь въ тако́мъ ро́дѣ — никто́ на э́то какъ дворя́не! Большіе капита́лы составля́ютъ. Я и́мменно на э́то намека́лъ — вотъ когда́ вы изво́лили разсерди́ться. Но я имѣ́лъ въ виду́ пра́вильныя промы́шленныя предпрія́тія; говорю́: пра́вильныя — потому́ что заводи́ть со́бственные кабаки́, да промѣ́нныя мелочны́я ла́вочки, да ссужа́ть мужичко́въ хлѣ́бомъ и де́ньгами за сто и за полтора́ста проце́нтовъ — ка́къ э́то тепе́рь дѣ́лаютъ многіе изъ дворя́нъ- владѣ́льцевъ — я подо́бныя опера́ціи не могу́ счита́ть настоя́щимъ фина́нсовымъ дѣ́ломъ.

Калломѣ́йцевъ ничего́ не отвѣ́тилъ. Онъ принадлежа́лъ и́менно къ э́той но́вой поро́дѣ помѣщиковъ-ростовщико́въ, о кото́рой упомяну́лъ Ма́ркеловъ въ послѣ́днемъ своёмъ разгово́рѣ съ Неждано́вымъ, и онъ былъ тѣ́мъ безчеловѣ́чнѣе въ свои́хъ тре́бованіяхъ, что ли́чно съ крестья́нами дѣла́ никогда́ не имѣ́лъ — не допуска́ть же ихъ въ свой раздушённый европе́йскій кабине́тъ! — а вѣ́дался съ ни́ми че́резъ прика́зчика. Слу́шая неторопли́вую, какъ-бы безуча́стную рѣ́чь Соло́мина, онъ весь вну́тренно закипа́лъ... но промолча́лъ на э́тотъ разъ; и то́лько одна́ игра́ му́скуловъ на щека́хъ, произведённая стисну́тіемъ че́люстей, изоблича́ла то, что́ въ нёмъ происходи́ло.

— Одна́ко, позво́льте, позво́льте, Васи́лій Оедо́тычъ, — заговори́лъ Сипя́гинъ: — всё, что̀ вы намъ излага́ете, бы́ло соверше́нно справедли́во въ пре́жнія времена́, когда́ дворя́не по́льзовались... совсѣ́мъ други́ми права́ми и вообще́ находи́лись въ друго́мъ положе́ніи. Но тепе́рь, по́слѣ всѣхъ благодѣ́тельныхъ рефо́рмъ, въ нашъ промы́шленный вѣкъ, почему́

же дворя́не не мо́гутъ обрати́ть своё внима́ніе, свои́ спосо́бности наконе́цъ, на подо́бныя предпрія́тія? Почему́ же они́ не мо́гутъ поня́ть того́, что́ понима́етъ просто́й, ча́сто да́же безгра́мотный купе́цъ? Не страда́ютъ же они́ недоста́ткомъ образо́ванности — и да́же мо́жно съ удостовѣри́тельностью утвержда́ть, что они́ въ нѣкоторомъ ро́дѣ представи́тели просвѣще́нія и прогре́сса!

О́чень хорошо́ говори́лъ Бори́съ Андре́евичъ; его́ краснорѣ́чіе имѣ́ло бы большо́й успѣ́хъ гдѣ́-нибудь въ Петербу́ргѣ — въ департа́ментѣ — и́ли даже повы́ше; но на Соло́мина оно́ не произвело́ никако́го впечатлѣ́нія.

— Не мо́гутъ дворя́не э́тими дѣла́ми ору́довать, — повтори́лъ онъ.

— Да почему́ же? почему́? — чуть не закрича́лъ Калломѣ́йцевъ.

— А потому́, что они́ тѣ́ же чино́вники.

— Чино́вники? — Калломѣ́йцевъ захохота́лъ язви́тельно. — Вы, вѣроя́тно, г. Соло́минъ, не отдаёте себѣ́ отчёта въ томъ, что́ вы изво́лите говори́ть?

Соло́минъ не переста́валъ улыба́ться.

— Отчего́ вы такъ полага́ете, г. Коло́менцовъ? (Калломѣ́йцевъ да́же дро́гнулъ, услы́шавъ подо́бное „искаже́ніе“ своей фами́ліи). — Нѣтъ; я себѣ́ въ свои́хъ слова́хъ отчётъ всегда́ отдаю́.

— Такъ объясни́те то, что́ вы хотѣ́ли сказа́ть ва́шей фра́зой!

— Изво́льте: по-мо́ему, вся́кій чино́вникъ — чужа́къ, и былъ всегда́ таки́мъ; а дворяни́нъ тепе́рь *сталъ* чужако́мъ.

Калломѣ́йцевъ захохота́лъ ещё пу́ще.

— Ну, ужъ извини́те, ми́лостивый госуда́рь; э́того я совсѣ́мъ не понима́ю!

— Тѣ́мъ ху́же для васъ. Понату́жьтесь... мо́жетъ быть, и поймёте.

— Ми́лостивый госуда́рь!

— Господа́, господа́, — поспѣ́шно заговори́лъ Синя́гинъ, какъ-бы ища́ кого́-то сверху́ глаза́ми. — Пожа́луйста, пожа́луйста... Kallomeïtzeff, je vous prie de vous calmer. Да и обѣ́дъ, должно́ быть, ско́ро бу́детъ гото́въ. Прошу́, господа́, за мно́ю!

— Валенти́на Миха́йловна! — вопи́лъ Калломѣ́йцевъ, пять мину́тъ спустя́, вбѣга́я въ ея́ кабине́тъ. Э́то ни на что не похо́же, что́ вашъ мужъ дѣ́лаетъ! Оди́нъ у васъ нигили́стъ завёлся; тепе́рь онъ привёлъ другого́! И э́тотъ ещё ху́же!

— Почему́ такъ?

— Поми́луйте, онъ чо́ртъ-знаетъ что́ проповѣ́дуетъ; и притомъ — замѣ́тьте одно́: цѣ́лый часъ говори́лъ съ ва́шимъ му́жемъ и ни ра́зу, *ни ра́зу* не сказа́лъ ему́: ва́ше превосходи́тельство! — Le vagabond!

XXIV.

Пе́редъ обѣ́домъ Сипя́гинъ отозва́лъ жену́ свою́ въ библіо́теку. Ему́ ну́жно бы́ло переговори́ть съ не́ю наединѣ́. Онъ каза́лся озабо́ченнымъ. Онъ сообщи́лъ ей, что фа́брика положи́тельно плоха́, что э́тотъ Соло́минъ ка́жется ему́ челове́комъ о́чень толко́вымъ, хоть и немно́го... рѣ́зкимъ, и что на́до продолжа́ть быть съ нимъ aux petits soins. — „Ахъ, какъ бы хорошо́ бы́ло его́ смани́ть!“ повтори́лъ онъ ра́за два. Сипя́гинъ о́чень доса́довалъ на прису́тствіе Калломѣ́йцева... Чортъ его́ принёсъ! Всю́ду ви́дитъ нигили́стовъ — и то́лько о томъ и ду́маетъ, ка̀къ бы ихъ уничто́жить! Ну, уничтожа́й ихъ у себя́ до́ма! Не мо́жетъ ника́къ язы́къ за зуба́ми подержа́ть:

Валенти́на Миха́йловна замѣ́тила, что она́ ра́да быть „aux petits soins“ съ э́тимъ но́вымъ го́стемъ; то́лько онъ, ка́жется, въ э́тихъ „petits soins“ не нужда́ется и не обраща́етъ на нихъ внима́нія; не грубъ, а какъ-то ужъ о́чень равноду́шенъ, что́ весьма́ удиви́тельно въ челове́кѣ — du commun.

— Всё равно́... постара́йся! — взмоли́лся — Сипя́гинъ.

Валенти́на Миха́йловна обѣща́ла постара́ться — и постара́лась. Она́ на́чала съ того, что поговори́ла — en tête à tête — съ Калломѣ́йцевымъ. Неизвѣ́стно, что́ она́ ему́ сказа́ла, но онъ пришёлъ къ столу́ съ ви́домъ челове́ка, кото́рый „взялъ на себя́“ быть сми́рнымъ и скро́мнымъ, что́ бы онъ ни услыха́лъ. Э́та заблаговре́менная „резинья́ція“ придава́ла всему́ его́ существу́ оттѣ́нокъ лёгкой гру́сти; за то ско́лько досто́инства... о! ско́лько досто́инства бы́ло въ ка́ждомъ его́ движе́ніи! Валенти́на Миха́йловна познако́мила Соло́мина со всѣ́ми свои́ми домоча́дцами... (приста́льнѣе, чѣ́мъ на други́хъ, посмотрѣ́лъ онъ на Маріа́нну) — и за столо́мъ посади́ла его́ во́злѣ себя́ о пра́вую ру́ку. Калломѣ́йцевъ сидѣ́лъ о лѣ́вую. Развёртывая салфе́тку, онъ прищу́рился и улыбну́лся такъ, какъ бы жела́лъ сказа́ть: „Ну-съ, бу́демте игра́ть коме́дію!“ Сипя́гинъ сидѣ́лъ напро́тивъ и съ нѣ́которой трево́гой слѣди́лъ за нимъ взо́ромъ. По но́вому распоряже́нію хозя́йки, Неждано́въ очути́лся не во́злѣ Маріа́нны, а ме́жду А́нной Заха́ровной и Сипя́гинымъ. Маріа́нна нашла́ свой биле́тикъ (такъ какъ обѣ́дъ былъ пара́дный) на салфе́ткѣ ме́жду мѣста́ми Калломѣ́йцева и Ко́ли. — Обѣ́дъ былъ сервиро́ванъ отли́чно; бы́ло да́же „мэню́“; разрисо́ванный ли́стикъ лежа́лъ пе́редъ ка́ждымъ прибо́ромъ. То́тчасъ по́слѣ су́па, Сипя́гинъ навёлъ опя́ть рѣ́чь на свою́ фа́брику — вообще́ на фабри́чное произво́дство въ Россіи; Соло́минъ отвѣча́лъ, по своему́ обыкнове́нію, о́чень кра́тко. Какъ то́лько онъ заговори́лъ, Маріа́нна устреми́ла на него́ глаза́. Сидѣ́вшій во́злѣ нея́ Калломѣ́йцевъ на́чалъ-было обраща́ться къ ней съ ра́зными любе́зностями (такъ какъ его́ попроси́ли „не возбужда́ть поле́мики“); но она́ не слу́шала его́; да и онъ произноси́лъ э́ти любе́зности вя́ло, для очи́стки со́вѣсти: онъ со-

зна́лъ, что ме́жду молодо́ю дѣ́вушкой и имъ существова́ло нѣ́что недосту́пное.

Что же каса́ется до Нежда́нова — то нѣ́что ещё ху́дшее установи́лось внеза́пно ме́жду имъ и хозя́иномъ до́ма... Для Сипя́гина Нежда́новъ сталъ про́сто ме́белью — и́ли возду́шнымъ простра́нствомъ, кото́раго онъ совсѣ́мъ — та́къ-таки совсѣ́мъ — не замѣча́лъ! Э́ти но́выя отноше́нія такъ бы́стро и такъ несомнѣ́нно опредѣли́лись, что, когда́ Нежда́новъ въ тече́ніи обѣ́да произнёсъ нѣ́сколько словъ въ отвѣ́тъ на замѣча́ніе своей сосѣ́дки, А́нны Заха́ровны — Сипя́гинъ съ удивле́ніемъ огляну́лся, какъ-бы спра́шивая себя́: „Отку́да идётъ сей звукъ?“

Очеви́дно, Сипя́гинъ облада́лъ нѣ́которыми изъ ка́чествъ, отлича́ющихъ ру́сскихъ крупносано́вныхъ люде́й.

По́слѣ ры́бы, Валенти́на Миха́йловна, кото́рая съ свое́й стороны́ расточа́ла всѣ свои́ обая́нія и прима́нки напра́во, т.-е. пе́редъ Соло́минымъ, замѣ́тила по-англі́йски че́резъ столъ своему́ супру́гу, что „нашъ гость не пьётъ вина́, мо́жетъ быть онъ жела́етъ пи́ва“... Сипя́гинъ гро́мко потре́бовалъ „э́лю“, а Соло́минъ, споко́йно обрати́вшись къ Валенти́нѣ Миха́йловнѣ, сказа́лъ ей, что вы-молъ, вѣроя́тно, суда́рыня, не зна́ете, что я сли́шкомъ два го́да проби́лъ въ А́нгліи — и понима́ю и говорю́ по-англі́йски; и что я васъ объ э́томъ предупрежда́ю въ слу́чаѣ, е́слибъ вамъ уго́дно бы́ло что́-нибудь сказа́ть по секре́ту въ моёмъ прису́тствіи. Валенти́на Миха́йловна засмѣя́лась и на́чала увѣря́ть его́, что предостереже́ніе э́то безполе́зно, такъ какъ онъ не услы́шалъ бы о себѣ́ ничего́ кро́мѣ вы́годнаго; сама́ же она́ нашла́ посту́покъ Соло́мина нѣ́сколько стра́ннымъ, но, по-сво́ему, деликатнымъ.

Калломѣ́йцевъ тутъ наконе́цъ не вы́держалъ.

— Вотъ вы бы́ли въ А́нгліи, — на́чалъ онъ — и вѣроя́тно наблюда́ли та́мошніе нра́вы. Позво́льте спроси́ть, признаёте ли вы ихъ досто́йными подража́нія?

— Ино́е да; ино́е — нѣтъ.

— Коротко́ — и нея́сно, — замѣ́тилъ Калломѣ́йцевъ, стара́ясь не обраща́ть внима́нія на зна́ки, кото́рые дѣ́лалъ ему́ Сипя́гинъ. — Но вотъ вы сего́дня говори́ли о дворя́нахъ... Вы, коне́чно, имѣ́ли слу́чай изуча́ть на мѣ́стѣ то, что́ въ А́нгліи называ́ется landed gentry?

— Нѣтъ, я э́того слу́чая не имѣ́лъ; я враща́лся совсѣ́мъ въ друго́й сфе́рѣ; — но поня́тіе объ э́тихъ господа́хъ себѣ́ соста́вилъ.

— И что-жъ? Вы полага́ете, что тако́е landed gentry у насъ невозмо́жно? И что, во вся́комъ слу́чаѣ, не слѣ́дуетъ э́того жела́ть?

— Во-пе́рвыхъ, я, то́чно, полага́ю, что оно́ невозмо́жно; а во вторы́хъ — и жела́ть-то э́того не сто̀итъ.

— Почему́ же-съ такъ-съ? — проговори́лъ Калломѣ́йцевъ. — Э́ти два „сло́во-еръ“ должны́ бы́ли служи́ть къ тому, что́бы успоко́ить Сипя́гина, кото́рый о́чень волнова́лся и да́же ёрзалъ на своёмъ сту́лѣ.

— А потому́, что лѣтъ че́резъ два́дцать-три́дцать ва́шей landed gentry и безъ того́ не бу́детъ.

— Но позво́льте-съ; почему́ же-съ такъ-съ?

— Потому́ что въ то вре́мя земля́ бу́детъ принадлежа́ть владѣ́льцамъ — безъ разбо́ра происхожде́нія.

— Купца́мъ-съ?

— Вѣроя́тно, бо́льшею ча́стью купца́мъ.

— Каки́мъ э́то мане́ромъ?

— А такимъ, что ку́пятъ они́ её — э́ту са́мую зе́млю.

— У дворя́нъ?

— У госпо́дъ дворя́нъ.

Калломѣ́йцевъ снисходи́тельно осклаби́лся. — Вы, по́мнится, говори́ли пре́жде то же са́мое о фа́брикахъ и заво́дахъ. А тепе́рь обо все́й землѣ́?

— А тепе́рь говорю́ обо все́й землѣ́.

— И вы вѣроя́тно бу́дете э́тому о́чень ра́ды?

— Ниско́лько, какъ я уже вамъ докла́дывалъ; наро́ду отъ э́того ле́гче не бу́детъ.

Калломѣ́йцевъ чуть-чуть по́днялъ одну́ ру́ку. — Кака́я забо́тливость о наро́дѣ, поду́маешь!

— Васи́лій Ѳедо́тычъ! — закрича́лъ во всю го́лову Сипя́гинъ. — Вамъ пи́ва принесли́! — Voyons, Siméon, — приба́вилъ онъ въ полъго́лоса.

Но Калломѣ́йцевъ не унима́лся.

— Вы, я ви́жу, заговори́лъ онъ опя́ть, обраща́ясь къ Соло́мину — не сли́шкомъ ле́стнаго мнѣ́нія о купца́хъ; но вѣдь они́ принадлежа́тъ, по происхожде́нію, наро́ду?

— Такъ что же-съ?

— Я полага́лъ, что всё наро́дное и́ли относя́щееся къ наро́ду — вы нахо́дите прекра́снымъ.

— О, нѣтъ-съ! Напра́сно вы э́то полага́ли. Наро́дъ нашъ во мно́гомъ мо́жно упрекну́ть, хоть онъ и не всегда́ винова́тъ быва́етъ. Купе́цъ у насъ до сихъ поръ хи́щникъ; онъ и своимъ-то, со́бственнымъ добро́мъ владѣ́етъ какъ хи́щникъ... Что бу́дешь дѣ́лать! Тебя́ гра́бятъ... и ты гра́бишь. А наро́дъ...

— Наро́дъ? переспроси́лъ фи́стулой Калломѣ́йцевъ.

— Наро́дъ со́ня.

— И вы жела́ете его́ разбуди́ть?

— Э́то бы́ло бы не ху́до.

— Ага́! ага́! вотъ какъ-съ...

— Позво́льте, позво́льте, — промо́лвилъ повели́тельно Сипя́гинъ. Онъ по́нялъ, что наступи́ла мину́та положи́ть, такъ сказа́ть, предѣ́лъ... останови́ть! И онъ положи́лъ предѣ́лъ. Онъ останови́лъ. Пома́хивая

ки́стью пра́вой руки́, ло́коть кото́рой остава́лся опёртымъ о столъ, онъ произнёсъ дли́нную, обстоя́тельную рѣчь. Съ одно́й стороны́, онъ похвали́лъ консерва́торовъ, — а съ друго́й, одо́брилъ либера́ловъ, отдава́я симъ послѣднимъ нѣкоторый префера́нсъ и причисля́я себя́ къ ихъ разря́ду; превознёсъ наро́дъ — но указа́лъ на нѣкоторыя его́ сла́быя сто́роны; вы́разилъ по́лное довѣріе къ прави́тельству — но спроси́лъ себя́: исполня́ютъ ли *всѣ* подчинённые его благія предначерта́нія? Призна́лъ по́льзу и ва́жность литерату́ры, но объяви́лъ, что безъ кра́йней осторо́жности она́ немы́слима! Взглану́лъ на За́падъ: сперва́ пора́довался — пото́мъ усомни́лся; взглану́лъ на Восто́къ: сперва́ отдохну́лъ — пото́мъ воспря́нулъ! И наконе́цъ предложи́лъ вы́пить тостъ за процвѣта́ніе тро́йственнаго сою́за:

Рели́гіи, земледѣ́лія и промы́шленности!

— Подъ эги́дой власти! — стро́го приба́вилъ Калломѣ́йцевъ.

Подъ эги́дой му́дрой и снисходи́тельной вла́сти, — попра́вилъ его́ Сипя́гинъ.

Тостъ былъ вы́питъ въ молча́ніи. — Возду́шное простра́нство, нале́во отъ Сипя́гина, называ́емое Нежда́новымъ, произнесло́, пра́вда, нѣкоторый неодобри́тельный звукъ — но, не возбуди́въ ничьего́ внима́нія, зати́хло сно́ва; — и, не возмущённый уже никаки́мъ но́вымъ пре́ніемъ, обѣдъ благополу́чно дости́гнулъ конца́.

Валенти́на Миха́йловна съ са́мой прелѣ́стной улы́бкой подала́ ча́шку ко́фе Соло́мину; онъ её вы́пилъ — и уже́ искалъ глаза́ми своей шля́пы... но мя́гко подхва́ченный по́дъ руку Сипя́гинымъ, былъ неме́дленно увлечёнъ въ его́ кабине́тъ — и получи́лъ: сперва́ отли́чнѣйшую сига́ру, а пото́мъ предложе́ніе перейти́ къ нему́, Сипя́гину, на фа́брику на вы́годнѣйшихъ усло́віяхъ! — „По́лнымъ властели́номъ вы бу́дете, Васи́лій Ѳедо́тычъ, по́лнымъ властели́номъ!“ — Сига́ру Соло́минъ при́нялъ; отъ предложе́нія отказа́лся. — Онъ такъ и оста́лся при своёмъ отка́зѣ, какъ Сипя́гинъ ни наста́ивалъ!

— Не говори́те пря́мо: „нѣтъ!“ — любе́знѣйшій Васи́лій Ѳедо́тычъ! — Скажи́те по кра́йней мѣрѣ, что вы поду́маете до за́втра!

— Да вѣдь всё равно́ — я приня́ть ва́ше предложе́ніе не могу́!

— До за́втра! Васи́лій Ѳедо́тычъ! — Что́ вамъ сто́итъ?

Соло́минъ согласи́лся, что сто́ить э́то ему́ ничего́ не бу́детъ... одна́ко вы́шелъ изъ кабине́та и сно́ва сталъ иска́ть свою́ шля́пу. Но Нежда́новъ, которо́му, до того́ мгнове́нія, не удало́сь помѣня́ться съ нимъ еди́нымъ сло́вомъ, прибли́зился къ нему́ и торопли́во шепну́лъ:

— Ра́ди Бо́га, не уѣзжа́йте, а то намъ невозмо́жно бу́детъ переговори́ть!

Соло́минъ оста́вилъ свою́ шля́пу въ поко́ѣ, тѣмъ бо́лѣе, что Сипя́гинъ замѣ́тивъ его́ нерѣши́тельныя движе́нія взадъ и впередъ по гости́ной, воскли́кнулъ:

— Вѣдь вы, конéчно, ночýете у насъ?

— Какъ прикáжете, — отозвáлся Солóминъ.

Благодáрный взглядъ, брóшенный емý Маріáнной — онá стоялá у окнá гостúной — застáвилъ егó призадýматься.

XXV.

До пріѣзда Солóмина, Маріáнна воображáла егó себѣ совсѣмъ инúмъ. На пéрвый взглядъ онъ ей показáлся какúмъ-то неопредѣлённымъ, безлúчнымъ... Рѣшúтельно: онá на своёмъ вѣкý видáла мнóго такúхъ бѣлокýрыхъ, жилúстыхъ, сухопáрыхъ людéй! Но чѣмъ бóльше онá въ егó всмáтривалась, чѣмъ бóльше вслýшивалась въ егó рѣчи, тѣмъ сильнѣе становúлось въ ней чýвство довѣрія къ немý, — úменно довѣрія. Этотъ спокóйный, не тó чтóбы неуклюжій, а тяжеловáтый человѣкъ, не тóлько не могъ солгáть úли прихвáстнуть: на негó мóжно бúло положúться, какъ на кáменную стѣну... Онъ не вúдастъ; мáло тогó: онъ поймётъ и поддéржитъ. — Маріáннѣ казáлось дáже, что не въ ней однóй, что во всѣхъ присýтствовавшихъ лúцахъ Солóминъ возбуждáлъ подóбное чýвство. Томý, чтó онъ говорúлъ, онá осóбеннаго значéнія не придавáла; всѣ э́ти тóлки о купцáхъ, о фáбрикахъ, мáло интересовáли её; но кàкъ онъ говорúлъ, кàкъ онъ при э́томъ глядѣлъ и улыбáлся — э́то нрáвилось ей чрезвычáйно...

Правдúвый человѣкъ... вотъ глáвное! вотъ что её трóгало. — Извѣстное, хоть не совсѣмъ понятное, дѣло: рýсскіе лю́ди — сáмые изолгáвшіеся лю́ди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничегó такъ не уважáютъ, какъ прáвду — ничемý такъ не сочýвствуютъ, какъ úменно ей. — Къ томý жъ, на Солóминѣ, въ глазáхъ Маріáнны — лежáла осóбая печáть; на нёмъ почúлъ орeóлъ человѣка, котóраго самъ Васúлій Николáевичъ рекомендовáлъ своúмъ послѣдователямъ. Въ течéніи обѣда Маріáнна нѣсколько разъ переглянýлась „на егó счётъ“ съ Неждáновымъ; а подъ конéцъ вдругъ самá себя́ поймáла на томъ, что невóльно срáвниваетъ ихъ обóихъ — и не въ пóльзу Неждáнова. Черты́ лицá у Неждáнова бы́ли, прáвда, гораздо красúвѣе и прія́тнѣе, чѣмъ у Солóмина; — но сáмое лицó выражáло смѣсь разлúчныхъ тревóжныхъ ощущéній: досáды, смущéнія, нетерпѣнія... дáже уны́нія; онъ сидѣлъ какъ на иглóлкахъ, пытáлся говорúть — и умолкáлъ, усмѣхáлся нервúчески... Солóминъ, напрóтивъ, производúлъ такóе впечатлѣніе, что онъ, пожáлуй, скучáетъ немнóго, — но что, впрóчемъ, онъ какъ дóма; — и что: „тó, кáкъ онъ“, никогдá и ни въ чёмъ не завúситъ отъ „того, кáкъ другіе“. — Рѣшúтельно — нáдо попросúть совѣта у э́того человѣка — дýмалось Маріáннѣ: онъ непремѣнно скáжетъ чтó-нибудь полéзное. — Неждáнова пóслѣ обѣда подослáла къ немý *онá*.

Ве́черъ прошёлъ дово́льно вя́ло: къ сча́стью, обѣ́дъ ко́нчился по́здно — и до́ ночи остава́лось недо́лго. Калломѣ́йцевъ учти́во ду́лся и безмо́лвствовалъ.

— Что́ съ ва́ми? — полунасмѣ́шливо спроси́ла его́ Сипя́гина. — И́ли вы что́ потеря́ли?

— И́менно-съ, — отвѣча́лъ Калломѣ́йцевъ. — Объ одно́мъ изъ на́шихъ нача́льниковъ гва́рдіи разска́зываютъ, бу́дто онъ горева́лъ о томъ, что его солда́ты потеря́ли „носо̀къ"... „Отыщи́те мнѣ носо̀къ"! А я говорю́: отыщи́те мнѣ „слово-ерикъ-съ"! — „Слово-ерикъ-съ" пропа́ло — и вмѣ́стѣ съ нимъ вся́кое уваже́ніе и чинопочита́ніе!

Сипя́гина объяви́ла Калломѣ́йцеву, что не ста́нетъ помога́ть ему́ въ его́ по́искахъ.

Ободрённый успѣ́хомъ своего́ обѣ́деннаго „спи́ча", Сипя́гинъ произнёсъ па́рочку други́хъ, причёмъ пусти́лъ въ ходъ нѣ́сколько госуда́рственныхъ соображе́ній о необходи́мыхъ мѣропрія́тіяхъ; — пусти́лъ та́кже нѣ́сколько словъ — des mots — не сто́лько о́стрыхъ, ско́лько вѣ́скихъ — пригото́вленныхъ имъ со́бственно для Петербу́рга. — Одно́ изъ э́тихъ словъ онъ да́же повтори́лъ, предпосла́въ фра́зу: „е́сли позво́лительно такъ вы́разиться". — А и́менно: объ одно́мъ изъ тогда́шнихъ мини́стровъ онъ сказа́лъ, что у него́ непостоя́нный и пра́здный умъ, напра́вленный къ мечта́тельнымъ цѣ́лямъ. — Съ друго́й стороны́, Сипя́гинъ, не забыва́я, что онъ имѣ́етъ дѣ́ло съ ру́сскимъ человѣ́комъ — изъ наро́да — не премину́лъ щегольну́ть нѣ́которыми изрече́ніями, до́лженствовавшими доказа́ть, что и онъ самъ — не то́лько ру́сскій человѣ́къ — но „руса́къ", — и бли́зко знако́мъ съ са́мой су́тью наро́дной жи́зни! — Такъ, напр., на замѣча́ніе Калломѣ́йцева, что дождь мо́жетъ помѣша́ть убо́ркѣ сѣ́на, онъ неме́дленно отвѣча́лъ, что: „пусть бу́детъ сѣ́но черно́ — за то греча́ бѣла́"; — употреби́лъ та́кже погово́рки въ ро́дѣ: „това́ръ безъ хозя́ина сирота́"; „де́сять разъ примѣ́рь, оди́нъ разъ отрѣ́жь"; — „когда́ хлѣбъ — тогда́ и мѣ́ра"; — „коли́ къ Его́рью на берёзѣ листъ въ полу́шку — на Каза́нской клади́ хлѣбъ къ каду́шку". — Пра́вда, иногда́ съ нимъ случа́лось, что онъ вдругъ промахнётся и ска́жетъ, напр., — „знай кули́къ свой шесто́къ!" — и́ли: „красна́ изба́ угла́ми!" — Но о́бщество, въ средѣ́ кото́раго э́ти бѣды́ съ нимъ случа́лись, бо́льшею ча́стью и не подозрѣва́ло, что тутъ „notre bon Руса́къ" далъ про́махъ; да и, благодаря́ кня́зю Коври́жкину, оно́ уже́ привы́кло къ подо́бнымъ россі́йскимъ „натакэ́самъ". — И всѣ э́ти погово́рки и изрече́нія Сипя́гинъ произноси́лъ каки́мъ-то осо́беннымъ, здорове́ннымъ, да́же сипова́тымъ го́лосомъ — d'une voix rustique. — Подо́бныя изрече́нія, во̀ время и у мѣ́ста пу́щенныя имъ въ Петербу́ргѣ, заставля́ли высокопоста́вленныхъ, влія́тельныхъ дамъ восклица́ть: „Comme il connait bien les moeurs de notre peuple!" — А высокопоста́вленные, влія́тельные сано́вники прибавля́ли: „les moeurs et les besoins!"

Валенти́на Миха́йловна о́чень стара́лась о́коло Соло́мина; но ви́димый неуспѣ́хъ ея́ стара́ній её обезкура́живалъ; — и, проходя́ ми́мо Калломѣ́йцева, она нево́льно проговори́ла въ полъ-го́лоса: Mon Dieu, que je me sens fatiguée!

На что́ тотъ отвѣча́лъ съ ирони́ческимъ покло́номъ:

— Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Наконе́цъ, по́слѣ той обы́чной вспы́шки любе́зности и привѣ́та, кото́рыя явля́ются на всѣхъ ли́цахъ поскуча́вшаго о́бщества въ са́мый мо́ментъ разстава́нія; послѣ внеза́пныхъ рукопожа́тій, улы́бокъ и дру́жескихъ хмы́каній въ носъ — уста́лые го́сти, уста́лые хозяева́ разошли́сь.

Соло́минъ, кото́рому отвели́ едва́ ли не лу́чшую ко́мнату во второ́мъ этажѣ́, съ а́нгліи́скими туале́тными принадле́жностями и купа́льнымъ шка́фомъ — отпра́вился къ Неждано́ву.

Тотъ на́чалъ съ того́, что горячо́ поблагодари́лъ его́ за согла́сіе оста́ться.

— Я зна́ю... э́то для васъ же́ртва...

— Э! по́лноте! — отвѣча́лъ неторопли́во Соло́минъ. — Кака́я тутъ же́ртва! — Да притомъ, *вамъ* я не могу́ отказа́ть.

— Почему́ же?

— Да потому́, что я полюби́лъ васъ.

Неждано́въ обра́довался и удиви́лся; а Соло́минъ пожа́лъ ему́ ру́ку. Пото́мъ онъ сѣ́лъ верхо́мъ на стулъ, закури́лъ сига́ру, и, опёршись обо́ими ло́ктями о спи́нку, промо́лвилъ:

— Ну, говори́те, въ чёмъ дѣ́ло?

Неждано́въ то́же сѣ́лъ верхо́мъ на стулъ про́тивъ Соло́мина — но сига́ры не закури́лъ.

— Въ чёмъ дѣ́ло — спра́шиваете вы?... А въ томъ, что я хочу́ бѣжа́ть отсю́да.

— То-есть — вы хоти́те оста́вить э́тотъ домъ? Ну, чтожъ? съ Бо́гомъ!

— Не оста́вить... а бѣжа́ть.

— Ра́звѣ васъ удержива́ютъ? Вы, мо́жетъ быть... забра́ли де́негъ впередъ? Такъ вамъ сто́итъ то́лько сло́во сказа́ть... Я съ удово́льствіемъ...

— Вы меня́ не понима́ете, любе́зный Соло́минъ.., Я сказа́лъ: бѣжа́ть — а не: оста́вить — потому́ что я отсю́да удаля́юсь — не оди́нъ.

Соло́минъ припо́днялъ го́лову.

— Съ кѣ́мъ же э́то?

— А съ той дѣ́вушкой, кото́рую вы ви́дѣли здѣсь сего́дня...

— Съ э́той! — У ней хоро́шее лицо́. Что-жъ? Вы полюби́ли другъ дру́га?... И́ли то́лько такъ — рѣша́етесь вмѣ́стѣ оста́вить домъ, гдѣ вамъ обо́имъ нехорошо́?

— Мы лю́бимъ другъ дру́га.

— А! — Соло́минъ помолча́лъ. — Она́ ро́дственница здѣшнимъ господа́мъ?

— Да. — Но она́ вполнѣ́ раздѣля́етъ на́ши убѣжде́нія — и гото́ва идти́ на всё.

Соло́минъ улыбну́лся.

— А вы, Неждановъ, гото́вы?

Неждановъ нахму́рился слегка́.

— Къ чему́ э́тотъ вопро́съ? Я вамъ докажу́ мою́ гото́вность на дѣ́лѣ.

— Я не сомнѣва́юсь въ васъ, Неждановъ; я то́лько потому́ спроси́лъ васъ, что, кро́мѣ васъ, я полага́ю, никто́ не гото́въ.

— А Ма́ркеловъ?

— Да! вотъ ра́звѣ Ма́ркеловъ. — Да тотъ, чай, роди́лся гото́вымъ.

Въ э́то мгнове́нье кто-то ти́хо и бы́стро постуча́лъ въ дверь — и, не дожида́ясь отзы́ва, отвори́лъ её. — То была́ Маріа́нна. Она́ то́тчасъ подошла́ къ Соло́мину.

— Я увѣ́рена — на́чала она́, — вы не удиви́тесь, уви́дѣвши меня́ здѣ́сь, въ э́ту по́ру. — Онъ (Маріа́нна указа́ла на Неждано́ва) — вамъ, коне́чно, всё сказа́лъ. — Да́йте мнѣ ва́шу ру́ку — и зна́йте, что пе́редъ ва́ми че́стная дѣ́вушка.

— Да, я э́то зна́ю, — серьёзно промо́лвилъ Соло́минъ. — Онъ подня́лся со сту́ла, какъ то́лько Маріа́нна появи́лась. — Я уже́ за столо́мъ смотрѣ́лъ на васъ и ду́малъ; вотъ каки́е у э́той ба́рышни че́стные глаза́. — Мнѣ Неждано́въ то́чно — ска́зывалъ о ва́шемъ намѣ́реніи. Но со́бственно — зачѣ́мъ вы хоти́те бѣжа́ть?

— Какъ зачѣ́мъ? — Дѣ́ло, кото́рому я сочу́вствую... не удивля́йтесь: Неждано́въ ничего́ не скрылъ отъ меня́... э́то дѣ́ло должно́ нача́ться на-дняхъ... а я оста́нусь въ э́томъ помѣ́щичьемъ до́мѣ, гдѣ всё ложь и обма́нъ? — Лю́ди, кото́рыхъ я люблю́, бу́дутъ подверга́ться опа́сности, а я...

Соло́минъ останови́лъ её движе́ніемъ руки́.

— Не волну́йтесь. — Ся́дьте, и я ся́ду. Ся́дьте и вы, Неждано́въ. — Послу́шайте: е́сли у васъ нѣ́тъ друго́й причи́ны — то бѣжа́тъ ещё вамъ отсю́да не́ для чего́. Дѣ́ло э́то ещё не такъ ско́ро начнётся, какъ вы ду́маете. — Тутъ ну́жно ещё нѣ́которое благоразу́міе. Не́чего сова́ться впередъ, зря. Повѣ́рьте мнѣ.

Маріа́нна сѣ́ла и запахну́лась большо́имъ плэ́домъ, кото́рый она́ наки́нула себѣ́ на пле́чи.

— Но я не могу́ оста́ться здѣсь бо́льше! Меня́ здѣсь всѣ оскорбля́ютъ. Сего́дня ещё, э́та глупа́я, А́нна Заха́ровна, при Колѣ, сказа́ла мнѣ, намека́я на моего́ отца́, что я́блоко отъ ябло́ни не далеко́ па́даетъ! Ко́ля да́же удиви́лся и спроси́лъ, что́ э́то зна́читъ? — Я уже́ не говорю́ о Валенти́нѣ Миха́йловнѣ!

Соло́минъ опя́ть останови́лъ её — и на э́тотъ разъ улыбну́лся. —

Маріа́нна по́няла, что онъ немно́жко посмѣ́ивается надъ не́ю — но его́ улы́бка никогда́ никого́ оскорби́ть не могла́.

— Что-жъ э́то вы, ми́лая ба́рышня? Я не зна́ю, кто така́я А́нна Заха́ровна — ни о како́й ябло́нѣ вы говори́те... но поми́луйте: вамъ глу́пая же́нщина ска́жетъ что́-нибудь глу́пое — а вы э́то снести́ не мо́жете? Какъ же вы жить-то бу́дете? Весь свѣтъ на глу́пыхъ лю́дяхъ стои́тъ. Нѣтъ; э́то не резо́нъ. Ра́звѣ что друго́е?

— Я убѣ́ждёнъ, — вмѣша́лся глухи́мъ го́лосомъ Неждано́въ, — что не ны́ньче, за́втра, г-нъ Сипя́гинъ мнѣ самъ отка́жетъ отъ до́му. Ему́ навѣ́рно́е донесли́; онъ обраща́ется со мно́ю... са́мымъ презри́тельнымъ о́бразомъ.

Соло́минъ оберну́лся къ Неждано́ву.

— Такъ для чего́ же вамъ бѣ́жа́ть, коли́ вамъ безъ того́ отка́жутъ?

Неждано́въ не то́тчасъ нашёлся что́ отвѣ́тить.

— Я уже́ говори́лъ вамъ, — на́чалъ онъ...

— Онъ такъ вы́разился, — подхвати́ла Маріа́нна, — потому́ что *я* ухожу́ съ нимъ.

Соло́минъ посмотрѣ́лъ на неё и доброду́шно покача́лъ голово́ю.

— Такъ, такъ, ми́лая ба́рышня; но опя́ть-таки́ скажу́ вамъ: е́сли вы то́чно хоти́те оста́вить э́тотъ домъ, потому́ что полага́ете, что револю́ція сейча́съ вспы́хнетъ...

— Мы и́менно для э́того и вы́писали васъ, — переби́ла Маріа́нна, чтобъ узна́ть достовѣ́рно, въ како́мъ положе́ніи нахо́дятся дѣла́?

— Въ тако́мъ слу́чаѣ, — продолжа́лъ Соло́минъ — повторя́ю: вы мо́жете ещё сидѣ́ть до́ма — дово́льно до́лго. — Е́сли же вы хоти́те бѣжа́ть, потому́ что лю́бите другъ дру́га и ина́че вамъ соедини́ться нельзя́ — тогда́...

— Ну, что́ тогда́?

— Тогда́ мнѣ остаётся то́лько пожела́ть вамъ, какъ гова́ривалось въ старину́ — любо́вь да совѣ́тъ; да е́сли ну́жно и мо́жно — оказа́ть вамъ поси́льную по́мощь. Потому́ что и васъ, ми́лая ба́рышня — и его́ — я съ пе́рваго ра́зу полюби́лъ какъ родны́хъ.

И Маріа́нна, и Неждано́въ, о́ба подошли́ къ нему́, спра́ва и слѣ́ва, — и ка́ждый изъ нихъ взялъ одну́ его́ ру́ку.

— Скажи́те намъ то́лько, что́ намъ дѣ́лать? — промо́лвила Маріа́нна. — Поло́жимъ, револю́ція ещё далека́... но подготови́тельныя рабо́ты, труды́, кото́рые въ э́томъ до́мѣ при э́той обстано́вкѣ, невозмо́жны — и на кото́рые мы такъ охо́тно пойдёмъ — вдвоёмъ — вы намъ ука́жете ихъ; — вы то́лько скажи́те намъ, куда́ намъ идти́... Пошли́те насъ! — Вѣдь вы пошлёте насъ?

— Куда́?

— Въ наро́дъ... куда́ же идти́, какъ не въ наро́дъ?

„До ля́су“, поду́малъ Неждано́въ... Ему́ вспо́мнилось сло́во Па́клина.

Соло́минъ погля́дѣлъ при́стально на Маріа́нну.

— Вы хоти́те узна́ть наро́дъ?

— Да; то-есть — не узна́ть наро́дъ хоти́мъ мы то́лько; — но и дѣ́йствовать... труди́ться для него́.

— Хорошо́; я вамъ обѣща́ю, что вы его́ узна́ете. Я доста́влю вамъ возмо́жность дѣ́йствовать — и труди́ться для него́. — И вы, Неждано́въ, гото́вы идти́... за не́ю... и за него́?

— Коне́чно, гото́въ! — произнёсъ онъ поспѣ́шно. — „Джаггернау́тъ“ — вспо́мнилось ему́ друго́е сло́во Па́клина. — „Вотъ она́ кати́тся, гро-ма́дная колесни́ца... и я слы́шу трескъ и гро́хотъ ея́ колёсъ“.

— Хорошо́, повтори́лъ заду́мчиво Соло́минъ. — Но когда́ же вы намѣ́рены бѣжа́ть?

— Хоть за́втра, воскли́кнула Маріа́нна.

— Хорошо́. Но куда́?

— Тсссъ... ти́ше... — шепну́лъ Неждано́въ. — Кто-то хо́дитъ по корридо́ру.

Всѣ помолча́ли.

— Куда́ же вы намѣ́рены бѣжа́ть? — спроси́лъ опя́ть Соло́минъ, пони́зивъ го́лосъ.

— Мы не зна́емъ, — отвѣча́ла Маріа́нна.

Соло́минъ перевёлъ глаза́ на Неждано́ва. Тотъ то́лько потря́съ отри-ца́тельно голово́ю.

Соло́минъ протяну́лъ ру́ку и осторо́жно снялъ со свѣ́чки.

— Вотъ что́, дѣ́ти мои́, — проговори́лъ онъ наконе́цъ. — Ступа́йте ко мнѣ́ на фа́брику. — Некраси́во тамъ... да неопа́сно. Я васъ спря́чу. У меня́ тамъ есть ко́мнатка. Никто́ васъ не оты́щетъ. Попади́те то́лько туда́... а мы васъ не вы́дадимъ. Вы ска́жете: на фа́брикѣ лю́дно. Э́то-то и хорошо́. Гдѣ лю́дно — тамъ-то и мо́жно спря́таться. — Идётъ, что-ль?

— Намъ остаётся то́лько благодари́ть васъ, — промо́лвилъ Неждано́въ; а Маріа́нна, кото́рую мысль о фа́брикѣ снача́ла смути́ла, съ жи́востью приба́вила: — Коне́чно! коне́чно! Како́й вы до́брый! Но, вѣдь, вы насъ недо́лго тамъ оста́вите? Вы пошлёте насъ?

— Э́то бу́детъ отъ васъ зави́сѣть... А въ слу́чаѣ, е́сли бы вамъ вздума́лось сочета́ться бра́комъ, и на э́тотъ счётъ у меня́ на фа́брикѣ удо́бно. Тамъ у меня́, близёхонько, есть сосѣ́дъ — двою́роднымъ бра́-томъ мнѣ́ прихо́дится — попъ, по и́мени Зоси́ма, препода́тливый. Онъ васъ ду́хомъ обвѣнча́етъ.

Маріа́нна улыбну́лась про себя́; а Неждано́въ ещё разъ сти́снулъ ру́ку Соло́мину, да погодя́ немно́го, полюбопы́тствовалъ:

— А что́, скажи́те, хозя́инъ, владѣ́лецъ ва́шей фа́брики, не бу́детъ претендова́ть? Никаки́хъ непрія́тностей вамъ не сдѣ́лаетъ?

Соло́минъ покоси́лся на Неждано́ва.

— Обо мнѣ́ вы не забо́тьтесь. — Э́то вы совсѣ́мъ напра́сно. Лишь

бы фа́брика шла какъ слѣ́дуетъ, а въ про́чемъ моему́ хозя́ину — всё еди́но. И вамъ, и ва́шей ми́лой ба́рышнѣ отъ него́ никаки́хъ непрія́тностей не бу́детъ. И рабо́чихъ вамъ опаса́ться не́чего. То́лько предувѣдо́мьте меня́: о́коло како́го вре́мени васъ ждать?

Нежда́новъ и Маріа́нна переглянулись.

— По́слѣ за́втра, у́тромъ ра́но, и́ли день спустя́, — проговори́лъ, наконе́цъ, Нежда́новъ. — Мѣ́шкать бо́лѣе нельзя́. Того́ и гляди́, мнѣ за́втра отъ до́му отка́жутъ.

— Ну... — промо́лвилъ Соло́минъ — и подня́лся со сту́ла. Я бу́ду васъ ждать ка́ждое у́тро. Да и всю недѣ́лю я и́зъ дому не отлучу́сь. Всѣ мѣ́ры бу́дутъ при́няты — какъ слѣ́дуетъ.

Маріа́нна прибли́зилась къ нему́... (Она́ подошла́-было къ две́ри). — Проща́йте, ми́лый, до́брый Васи́лій Ѳедо́тычъ... Вѣдь васъ такъ зову́тъ?

— Такъ.

— Проща́йте... и́ли нѣтъ: до свида́нія! И спаси́бо, спаси́бо вамъ!

— Проща́йте... До́брой ночи, моя́ голу́бушка!

— Проща́йте и вы, Нежда́новъ! До за́втра... — приба́вила она́.

Маріа́нна бы́стро вы́шла.

О́ба молоды́хъ человѣ́ка оста́лись нѣ́которое вре́мя неподви́жны — и о́ба молча́ли.

— Нежда́новъ... — на́чалъ, наконе́цъ, Соло́минъ — и умо́лкъ. — Нежда́новъ... — на́чалъ онъ опя́ть: — разскажи́те мнѣ объ э́той дѣ́вушкѣ... что́ вы мо́жете разсказа́ть. Кака́я была́ ея́ жизнь до сихъ поръ?... Кто она́?... почему́ она́ нахо́дится здѣсь?...

Нежда́новъ въ коро́ткихъ слова́хъ сообщи́лъ Соло́мину что́ зналъ.

Соло́минъ вы́слушалъ его́ внима́тельно.

— Нежда́новъ... — заговори́лъ онъ, наконе́цъ... — Вы должны́ бере́чь э́ту дѣ́вушку. Потому́... что е́сли... что́-нибудь... Вамъ бу́детъ о́чень грѣ́шно́. Проща́йте.

Онъ удали́лся, а Нежда́новъ постоя́лъ немно́го посреди́ ко́мнаты, и прошепта́въ: „ахъ! лу́чше не ду́мать!“ — бро́сился лицо́мъ на посте́ль.

А Маріа́нна, верну́вшись къ себѣ́ въ ко́мнату, нашла́ на сто́ликѣ небольшу́ю запи́ску слѣ́дующаго содержа́нія:

„Мнѣ жаль васъ. Вы гу́бите себя́. Опо́мнитесь. Въ каку́ю бе́здну „броса́етесь вы съ закры́тыми глаза́ми? Для кого́ и для чего́? В.“

Въ ко́мнатѣ па́хло осо́бенно то́нкимъ и свѣ́жимъ за́пахомъ: очеви́дно, Валенти́на Миха́йловна то́лько-что вы́шла отту́да. — Маріа́нна взяла́ перо́ и, приписа́въ внизу́: „Не жалѣ́йте меня́. „Богъ вѣ́даетъ, кто изъ „насъ двухъ бо́лѣе досто́йна сожалѣ́нія; зна́ю то́лько, что не хотѣ́ла бы „быть на ва́шемъ мѣ́стѣ. М.“, — оста́вила запи́ску на столѣ́. Она́ не сомнѣва́лась въ томъ, что отвѣ́тъ ея́ попадётъ въ ру́ки Валенти́ны Миха́йловны.

А на другóе у́тро Соло́минъ, повида́вшись съ Нежда́новымъ и оконча́тельно отказа́вшись отъ управле́нія Сипя́гинской фа́брикой, уѣ́халъ къ себѣ́ домо́й. — Онъ размышля́лъ во всё вре́мя доро́ги, что́ съ нимъ случа́лось рѣ́дко: ка́чка экипа́жа обыкнове́нно погружа́ла его́ въ лёгкую дремо́ту. Онъ размышля́лъ о Маріа́ннѣ, а та́кже о Нежда́новѣ; ему́ каза́лось, что будь *онъ* влюблёнъ, онъ, Соло́минъ, — онъ имѣ́лъ бы друго́й видъ, говори́лъ и глядѣ́лъ бы и́наче. — Но, поду́малъ онъ, такъ какъ э́того со мной никогда́ не случа́лось, то я и не зна́ю, како́й бы я имѣ́лъ при э́томъ видъ. — Онъ вспо́мнилъ одну́ ирла́ндку, кото́рую онъ вида́лъ разъ въ одно́мъ мага́зинѣ, за прила́вкомъ; вспо́мнилъ, какіе у ней бы́ли чуде́сные, почти́ чёрные во́лосы и си́ніе глаза́ и густы́я рѣсни́цы, — и какъ она́ вопроси́тельно и печа́льно посмотрѣ́ла на него́, и какъ онъ до́лго ходи́лъ пото́мъ по у́лицѣ пе́редъ ея́ окна́ми, и какъ волнова́лся и спра́шивалъ самого́ себя́: познако́миться ли ему́ съ не́ю и́ли нѣтъ? — Онъ былъ тогда́ проѣ́здомъ въ Ло́ндонѣ; патро́нъ присла́лъ его́ туда́ за поку́пками и далъ ему́ де́негъ. — Соло́минъ чуть-бы́ло не оста́лся въ Ло́ндонѣ, чуть-бы́ло не посла́лъ э́тихъ де́негъ наза́дъ патро́ну; такъ си́льно бы́ло впечатлѣ́ніе, произведённое на него́ прекра́сной По́лли... (Онъ узна́лъ ея́ и́мя: одна́ изъ ея́ това́рокъ въ мага́зинѣ назва́ла её). — Одна́кожъ преодолѣ́лъ себя́ — и верну́лся къ своему́ патро́ну. По́лли была́ краси́вѣе Маріа́нны; но у э́той былъ тако́й же вопроси́тельный и печа́льный взглядъ;... и она́ ру́сская...

— Одна́ко, что-жъ э́то я? — проговори́лъ Соло́минъ вполго́лоса: — о чужи́хъ невѣ́стахъ забо́чусь! — и встряхну́лъ воротнико́мъ шине́ли, какъ-бы жела́я отбро́сить отъ себя́ всѣ нену́жныя мы́сли. Кста́ти-жъ, онъ подъѣ́зжа́лъ къ своей фа́брикѣ, и на поро́гѣ его́ флигелька́ мелькну́ла фигу́ра вѣ́рнаго Па́вла.

XXVI.

Отка́зъ Соло́мина о́чень оскорби́лъ Сипя́гина; онъ да́же вдругъ нашёлъ, что э́тотъ доморо́щенный Сти́фенсонъ ужъ не тако́й замѣча́тельный меха́никъ, и что онъ, пожа́луй, не пози́руетъ, но лома́ется, какъ и́стый плэбе́й. — „Всѣ э́ти ру́сскіе, когда́ вообрази́тъ, что зна́ютъ что́-нибудь — изъ рукъ вонъ! — Au fond, Калломѣ́йцевъ правъ!“ Подъ влія́ніемъ подо́бныхъ непрія́зненныхъ и раздражи́тельныхъ ощуще́ній, госуда́рственный мужъ — en herbe — ещё безуча́стнѣе и отдалённѣе взгляну́лъ на Нежда́нова; сообщи́лъ Ко́лѣ, что онъ мо́жетъ не занима́ться сего́дня съ свои́мъ учи́телемъ, что ему́ на́до привыка́ть къ самостоя́тельности... Одна́ко, самому́ учи́телю э́тому не отказа́лъ, какъ тотъ ожида́лъ. Онъ продолжа́лъ его́ игнори́ровать! За то Валенти́на Миха́йловна не игнори́ровала Маріа́нны. — Ме́жду ни́ми произошла́ стра́шная сце́на.

Часа́ за два до обѣ́да онѣ́ какъ-то вдругъ очути́лись однѣ́ въ

гости́ной. Ка́ждая изъ нихъ неме́дленно почу́вствовала, что мину́та неизбѣ́жнаго столкнове́нія наста́ла, и потому́, по́слѣ мгнове́ннаго колеба́нія, о́бѣ тихо́нько подошли́ другъ ко дру́жкѣ. Валенти́на Миха́йловна слегка́ улыба́лась; Маріа́нна сти́снула гу́бы: о́бѣ бы́ли блѣ́дны. Переходя́ че́резъ ко́мнату, Валенти́на Миха́йловна посма́тривала напра́во, нале́во, сорвала́ листо́къ гера́ніума... Глаз Маріа́нны бы́ли пря́мо устремлены́ на приближа́вшееся къ ней, улыба́вшееся лицо́.

Сипя́гина пе́рвая останови́лась; и похло́пывая конца́ми па́льцевъ по спи́нкѣ сту́ла:

— Маріа́нна Вике́нтьевна, — заговори́ла она́ небре́жнымъ го́лосомъ, — мы, ка́жется, нахо́димся въ корреспонде́нціи другъ съ дру́гомъ... Живя́ подъ одно́й кры́шей, э́то дово́льно стра́нно; а вы зна́ете, я неохо́тница до стра́нностей.

— Не я на́чала эту корреспонде́нцію, Валенти́на Миха́йловна.

— Да... Вы пра́вы. Въ стра́нности на э́тотъ разъ винова́та я. То́лько я не нашла́ друго́го сре́дства, что́бы возбуди́ть въ васъ чу́вство... какъ бы это сказа́ть? — чу́вство...

— Говори́те пря́мо, Валенти́на Миха́йловна, не стѣсня́йтесь, не бо́йтесь оскорби́ть меня́.

— Чу́вство... прили́чія.

Валенти́на Миха́йловна умо́лкла; оди́нъ лёгкій стукъ ея́ па́льцевъ по спи́нкѣ сту́ла слы́шался въ ко́мнатѣ.

— Въ чёмъ же вы нахо́дите, что я не соблю́ла приличія? — спроси́ла Маріа́нна.

— Валенти́на Миха́йловна пожа́ла плеча́ми.

— Ma chère, vous n'êtes plus un enfant — и вы о́чень хорошо́ меня́ понима́ете. Неуже́ли вы полага́ете, что ва́ши посту́пки могли́ оста́ться та́йной для меня́, для А́нны Заха́ровны, для всего́ до́ма наконе́цъ? Впро́чемъ, вы и не сли́шкомъ забо́тились о томъ, чтобъ они́ оста́лись та́йной. Вы, про́сто, брави́ровали. — Оди́нъ Бори́съ Андре́ичъ, мо́жетъ быть, не обрати́лъ на нихъ внима́нія... Онъ за́нятъ други́ми, бо́лѣе интере́сными и ва́жными дѣла́ми. Но, кро́мѣ его́, всѣмъ изве́стно ва́ше поведе́ніе, всѣмъ!

Маріа́нна всё бо́лѣе и бо́лѣе блѣднѣ́ла.

— Я бы попроси́ла васъ, Валенти́на Миха́йловна, вы́разиться опредѣли́тельнѣе. — Чѣмъ вы со́бственно недово́льны?

„L'insolente!“ — поду́мала Сипя́гина — одна́ко ещё удержа́лась.

— Вы жела́ете знать, чѣмъ я недово́льна, Маріа́нна? — Изво́льте! — Я недово́льна ва́шими продолжи́тельными свида́ніями съ молоды́мъ челове́комъ, кото́рый и по рожде́нію, и по воспита́нію, и по обще́ственному положе́нію стои́тъ сли́шкомъ ни́зко для васъ; я недово́льна... нѣтъ! это сло́во не дово́льно си́льно — я возмущена́ ва́шими по́здними... ва́шими ночны́ми визи́тами у э́того са́маго челове́ка. — И гдѣ же? подъ мои́мъ кро́вомъ! И́ли вы нахо́дите, что э́то такъ и слѣ́дуетъ, и что я

должна́ молча́ть — и какъ-бы ока́зывать покрови́тельство ва́шему лёгкоми́слію? — Какъ че́стная же́нщина... Oui, mademoiselle, je l'ai été, je le suis et le serai toujours! — я не могу́ не чу́вствовать негодова́нія!

Валенти́на Миха́йловна бро́силась въ кре́сло, какъ бу́дто пода́вленная тя́жестью э́того са́маго негодова́нія.

Маріа́нна усмѣхну́лась въ пе́рвый разъ.

— Я не сомнѣва́юсь въ ва́шей че́стности, проше́дшей, настоя́щей и бу́дущей, — на́чала она́; — и говорю́ э́то соверше́нно и́скренне. — Но вы напра́сно негоду́ете. Я не нанесла́ никако́го позо́ра ва́шему кро́ву. Молодо́й челове́къ, на кото́раго вы намека́ете... да, я дѣ́йствительно... полюби́ла его́...

— Вы полюби́ли мсьё Неждáнова?

— Я люблю́ его́.

Валенти́на Миха́йловна вы́прямилась на кре́слѣ.

— Да поми́луйте, Маріа́нна! вѣдь онъ студе́нтъ, безъ ро́ду, безъ пле́мени; — вѣдь онъ моло́же васъ! — (Не безъ злора́дства бы́ли произнесены́ э́ти после́днія слова́). — Что же изъ э́того мо́жетъ вы́дти? — И что́ вы, съ ва́шимъ умо́мъ, нашли́ въ нёмъ? Онъ, про́сто, пусто́й ма́льчикъ.

— Вы не всегда́ о нёмъ такъ ду́мали, Валенти́на Миха́йловна.

— О, Бо́же мой! моя́ ми́лая, оста́вьте меня́ въ сторонѣ́... Pas tant d'esprit que ça, je vous prie. Тутъ дѣ́ло идётъ о васъ, о ва́шей бу́дущности. Поду́майте! кака́я же э́то па́ртія для васъ?

Признаю́сь вамъ, Валенти́на Миха́йловна, я не ду́мала о па́ртіи.

— Какъ? Что? Какъ мнѣ васъ поня́ть? Вы слѣ́довали влече́нію ва́шего се́рдца, поло́жимъ... Но вѣдь всё э́то должно́ же ко́нчиться бра́комъ?

— Не зна́ю... я объ э́томъ не ду́мала.

— Вы объ э́томъ не ду́мали?! — Да вы съ ума́ сошли́!

Маріа́нна немно́го отверну́лась.

— Прекрати́мъ э́тотъ разгово́ръ, Валенти́на Миха́йловна. Онъ ни къ чему́ не мо́жетъ повести́. Мы всё-таки не поймёмъ другъ дру́га.

Валенти́на Миха́йловна поры́висто вста́ла.

— Я не могу́, я не должна́ прекрати́ть э́тотъ разгово́ръ! Э́то сли́шкомъ ва́жно... я отвѣча́ю за васъ пе́редъ... Валенти́на Миха́йловна хогѣ́ла бы́ло сказа́ть: пе́редъ Бо́гомъ! но запну́лась — и сказа́ла: пе́редъ цѣ́лымъ свѣ́томъ! — Я не могу́ молча́ть, когда́ я слы́шу подо́бныя безу́мія! И почему́ э́то я не могу́ поня́ть васъ? Что́ за несно́сная го́рдость у всѣхъ э́тихъ молоды́хъ люде́й! Нѣтъ... я васъ о́чень хорошо́ понима́ю; я понима́ю, что вы пропита́лись э́тими но́выми иде́ями, кото́рыя васъ непремѣ́нно поведу́тъ къ поги́бели! Но тогда́ уже́ бу́детъ по́здно.

— Мо́жетъ быть: но повѣ́рьте мнѣ: мы, и погиба́я, не протя́немъ вамъ — па́льца, что́бы вы спасли́ насъ!

Валенти́на Миха́йловна всплеснула рука́ми.

— Опя́ть э́та го́рдость, э́та ужа́сная го́рдость! Ну! послу́шайте, Маріа́нна, послу́шайте меня́, — приба́вила она́, внеза́пно перемѣни́въ тонъ... Она́ хотѣ́ла-было притяну́ть Маріа́нну къ себѣ́ — но та отшатну́лась наза́дъ. Ecoutez moi, je vous en conjure! — Вѣдь я наконе́цъ не такъ же ужъ стара́ — и не такъ глупа́, что́бы нельзя́ бы́ло сойти́сь со мно́ю! — Je ne suis pas une encroutée. Меня́ въ мо́лодости да́же счита́ли республика́нкой... не ху́же васъ. — Послу́шайте: я не ста́ну притворя́ться; материнской нѣ́жности я къ вамъ никогда́ не пита́ла; — да и не въ ва́шемъ хара́ктерѣ объ э́томъ сожалѣ́ть... Но я зна́ла, и зна́ю, что у меня́ есть обя́занности въ отноше́ніи къ вамъ — и я всегда́ стара́лась ихъ испо́лнить. Быть мо́жетъ, та па́ртія, о кото́рой я мечта́ла для васъ — и для кото́рой и Бори́съ Андре́ичъ и я — мы бы не отступи́ли ни пе́редъ каки́ми же́ртвами... э́та па́ртія не вполнѣ́ отвѣча́ла ва́шимъ иде́ямъ... но въ глубинѣ́ моего́ се́рдца...

Маріа́нна глядѣ́ла на Валенти́ну Миха́йловну, на э́ти чу́дные глаза́, на э́ти ро́зовыя, чуть-чуть подкра́шенныя гу́бы, на э́ти бѣ́лыя ру́ки, на слегка́ растопы́ренные па́льцы, укра́шенные пе́рстнями, кото́рые прекра́сная да́ма такъ вырази́тельно прижима́ла къ ко́рса́жу своего́ шёлковаго пла́тья... и вдругъ переби́ла её:

— Па́ртія, говори́те вы, Валенти́на Миха́йловна? Вы называ́ете „па́ртіей“ — э́того ва́шего безду́шнаго, по́шлаго дру́га, г-на Калломѣ́йцева?

Валенти́на Миха́йловна отня́ла па́льцы отъ корса́жа.

— Да, Маріа́нна Викѣ́нтьевна! я говорю́ о г-нѣ Калломѣ́йцевѣ — объ э́томъ образо́ванномъ, отли́чномъ молодо́мъ человѣ́кѣ, кото́рый навѣрно́е соста́витъ сча́стье своей́ жены́ — и отъ кото́раго мо́жетъ отказа́ться одна́ то́лько сумасше́дшая! Одна́ сумасше́дшая!

— Что́ дѣ́лать, ma tante! Ви́дно, я така́я!

— Да въ чёмъ мо́жешь ты — серьёзно — упрекну́ть его́?

— О, ни въ чёмъ! — Я презира́ю его́... вотъ и всё.

Валенти́на Миха́йловна нетерпѣли́во покача́ла голово́ю съ бо́ку на бокъ — и сно́ва опусти́лась на кре́сло.

— Оста́вимъ его́. Retournons à nos moutons. — Ита́къ, ты лю́бишь г-на Неждано́ва?

— Да.

— И намѣ́рена продолжа́ть... свои́ свида́нья съ нимъ?

— Да; намѣ́рена.

— Ну... а е́сли я тебѣ́ это запрещу́?

— Я васъ не послу́шаюсь.

Валенти́на Миха́йловна подпры́гнула на кре́слѣ.

— А! Вы не послу́шаетесь! Вотъ какъ!... И э́то мнѣ́ говори́тъ облагодѣ́тельствованная мно́ю дѣ́вушка, кото́рую я призрѣ́ла у себя́ въ до́мѣ, э́то мнѣ́ говори́тъ... говори́тъ мнѣ́...

— Дочь обезчéщеннаго отцá, сýмрачно подхватúла Маріáнна — продолжáйте, не церемóньтесь!

— Ce n'est pas moi qui vous le fait dire, mademoiselle! — Но во всякомъ слýчаѣ *э́тимъ* гордúться нéчего! Дѣвушка, котóрая ѣстъ мой хлѣбъ...

— Не попрекáйте меня́ вáшимъ хлѣбомъ, Валентúна Михáйловна! — Вамъ бы дорóже стóило наня́ть францýженку Кóлѣ... Вѣдь *я* емý даю́ урóки францýзскаго языкá!

Валентúна Михáйловна приподня́ла рýку, въ котóрой онá держáла раздýшенный иланг-иланговъ батúстовый платóкъ съ огрóмнымъ бѣлымъ вéнзелемъ въ однóмъ изъ углóвъ — и хотѣ́ла что-то вымолвить; — но Маріáнна стремúтельно продолжáла:

— Вы бы́ли бы прáвы, тысячу разъ прáвы, éсли вмѣ́сто всегó того́, что́ вы тпéрь насчитáли, вмѣ́сто всѣхъ э́тихъ мни́мыхъ благодѣя́ній и жертвъ, вы бы въ состоя́ніи бы́ли сказáть: „та дѣ́вушка, котóрую я любúла“... Но вы настóлько чéстны, что *такъ* солгáть не мóжете! — Маріáнна дрожáла какъ въ лихорáдкѣ. — Вы всегдá меня́ ненавúдѣли. — Вы дáже тепéрь, въ сáмой глубинѣ́ вáшего сéрдца, о котóрой въ сію минýту упомянýли, рáды — да, рáды томý, что вотъ я оправдываю вáша всегдáшнія предсказáнія, покрывáю себя́ скандáломъ, позóромъ, — и вамъ непрія́тно тóлько тó, что часть э́того позóра должнá пасть на вашъ аристократúческій, *чéстный* домъ...

— Вы меня́ оскорбля́ете, — шеннýла Валентúна Михáйловна: — извóльте вы́дти вонъ!

Но ужé Маріáнна не моглá совладáть съ собóю.

— Вашъ домъ, сказáли вы, весь вашъ домъ, и Áнна Захáровна, и всѣ знáютъ о моёмъ поведéніи! — И всѣ приходя́тъ въ ýжасъ и негодовáніе... Но рáзвѣ я что́-нибудь прошý у васъ, у нихъ, у всѣхъ э́тихъ людéй? Рáзвѣ я могý дорожúть ихъ мнѣ́ніемъ? Рáзвѣ э́тотъ вашъ хлѣбъ не гóрекъ? Какýю бѣ́дность не предпочтý я э́тому богáтству? Рáзвѣ мéжду вáшимъ дóмомъ и мнóю не цѣ́лая бéздна, бéздна, котóрую ничтó, ничтó закры́ть не мóжетъ? Неужéли вы — вы тóже ýмная жéнщина — вы э́того не сознаёте? И éсли *вы* питáете ко мнѣ чýвство нéнависти, то неужéли вы не понимáете того́ чýвства, котóрое *я* питáю къ вамъ и котóраго я не называ́ю по и́мени тóлько потомý, что онó слúшкомъ я́вно?

— Sortez, sortez, vous dis-je... — повторúла Валентúна Михáйловна и тóпнула при э́томъ своéй хорóшенькой, ýзенькой нóжкой.

Маріáнна шагнýла въ направлéніи двéри.

— Я сейчáсъ избáвлю васъ отъ моегó присýтствія; но знáете ли что, Валентúна Михáйловна; Говоря́тъ, дáже Рашéли въ „Баязéтѣ“ Расúна не удавáлось э́то: Sortez! — а ужъ вамъ подáвно! Да ещё вотъ что̀: какъ, бишь, это вы сказáли... Je suis une honnête femme, je l'ai

été et le serai toujours? Предста́вьте: я увѣ́рена въ томъ, что я гора́здо честнѣе васъ! Проща́йте!

Маріа́нна поспѣ́шно вы́шла, а Валентѝна Миха́йлова вскочи́ла съ кре́сла, хотѣ́ла-было закрича́ть, хотѣ́ла запла́кать... Но что́ закрича́ть — она́ не зна́ла; и слёзы не повинова́лись ей.

Она́ ограни́чилась тѣмъ, что помаха́ла на себя́ платко́мъ, но распространя́емое имъ благово́ніе ещё сильнѣе подѣ́йствовало на ея́ не́рвы... Она́ почу́вствовяла себя́ несча́стной, оби́женной... Она́ сознава́ла нѣ́которую до́лю пра́вды въ томъ, что́ она́ сейча́съ слы́шала. Но какъ же мо́жно бы́ло такъ жесто́ко, такъ несправедли́во суди́ть о ней? „Неуже́ли же я така́я зла́я“, поду́мала она́ — и поглядѣ́ла на себя́ въ зе́ркало, находи́вшееся пря́мо про́тивъ нея́ ме́жду двумя́ окна́ми. Зе́ркало э́то отрази́ло преле́стное, нѣ́сколько иска́женное, съ вы́ступившими кра́сными пя́тнами, но всё-таки́ очарова́тельное лицо́, чуде́сные мя́гкіе, ба́рхатные глаза́... „Я? Я зла́я? — поду́мала она́ опя́ть... „Съ таки́ми глаза́ми?“

Но въ э́то мгнове́ніе вошёлъ ея́ супру́гъ — и она́ сно́ва закры́ла платко́мъ лицо́.

— Что́ съ тобо́ю? — забо́тливо спроси́лъ онъ. — Что́ съ тобо́ю, Ва́ля? (Онъ приду́малъ для нея́ э́то уменьши́тельное и́мя, кото́рое однако́ позволя́лъ себѣ́ употребля́ть лишь въ соверше́нномъ tête à tête, преиму́щественно въ дере́внѣ.)

Она́ сперва́ отнѣ́кивалась, увѣря́ла, что съ ней ничего́... но ко́нчила тѣмъ, что какъ-то о́чень краси́во и тро́гательно поверну́лась на кре́слѣ, бро́сила ему́ ру́ки на плеча́ — (онъ стоя́лъ, наклони́вшись къ ней) — — спря́тала своё лицо́ въ разрѣ́зѣ его жиле́та — и разсказа́ла всё; бе́зо вся́кой хи́трости и безъ за́дней мы́сли постара́лась — е́сли не извини́ть, то до нѣ́которой сте́пени оправда́ть Маріа́нну; сва́ливала всю вину́ на ея́ мо́лодость, стра́стный темпераме́нтъ, на недоста́тки пе́рваго воспита́нія; та́кже — до нѣ́которой сте́пени — и та́кже безъ за́дней мы́сли упрека́ла самоё себя́. „Съ мо́ей до́черью э́того бы не случи́лось! — Я бы не такъ за ней присма́тривала!“ Сипя́гинъ вы́слушалъ её до конца́ снисходи́тельно, сочу́вственно — и стро́го; держа́лъ свой станъ согбённымъ, пока́ она́ не сня́ла свои́хъ рукъ съ его́ плечъ и не отодви́нула своей голо́вки; — назва́лъ её а́нгеломъ, поцѣлова́лъ её въ лобъ, объяви́лъ, что зна́етъ тепе́рь, како́й о́бразъ дѣ́йствія предпи́сываетъ ему́ его́ роль — роль хозя́ина до́ма — и удали́лся такъ, какъ удаля́ется человѣ́къ гума́нный, но энерги́ческій, кото́рый собира́ется испо́лнить непрія́тный, но необходи́мый долгъ...

Часу́ въ восьмо́мъ по́слѣ обѣ́да, Неждано́въ, си́дя въ своей ко́мнатѣ писа́лъ своему́ дру́гу, Си́лину.

— „Другъ Влади́миръ, я пишу́ тебѣ́ въ мину́ту рѣши́тельнаго перево́рота въ моёмъ существова́ніи. — Мнѣ отказа́ли отъ здѣ́шняго до́ма, я ухожу́ отсю́да. Но э́то бы ничего́... Я отхожу́ отсю́да не оди́нъ. Меня́

сопровождáетъ та дѣ́вушка, о котóрой я тебѣ́ писáлъ. Насъ всё соединя́етъ: схóдство жи́зненныхъ судéбъ, одинáковость убѣжде́нiй, стремле́нiй — взаи́мность чу́вства, наконе́цъ. Мы лю́бимъ другъ дру́га; по кра́йней мѣ́рѣ я убѣ́жденъ, что не въ состоя́нiи испыта́ть чу́вство любви́ подъ другóю фóрмой, чѣ́мъ та, подъ котóрой онá мнѣ́ представля́ется тепе́рь. — Но я бы солгáлъ пе́редъ тобóю, е́слибъ сказáлъ, что не ощущáю ни та́йнаго стрáха, ни дáже какóго-то стрáннаго сердéчнаго замира́нiя... Всё темнó впереди́ — и мы вдвоёмъ устремля́емся въ э́ту темноту́. Мнѣ́ не ну́жно тебѣ́ объясня́ть, на что́ мы идёмъ и каку́ю дѣ́ятельность избрáли. Мы съ Маріáнной не и́щемъ счáстья; не наслажда́ться мы хоти́мъ, — а боро́ться вдвоёмъ, ря́домъ, поддéрживая другъ дру́га. На́ша цѣ́ль намъ ясна́; но какíе пу́ти веду́тъ къ ней — мы не зна́емъ. — Найдёмъ ли мы, е́сли не сочу́вствiе, не по́мощь, то хоть возмóжность дѣ́йствовать? — Маріáнна — прекрáсная, чéстная дѣ́вушка; е́сли намъ сужденó погúбнуть, я не бу́ду упрека́тъ себя́ въ томъ, что я её увлёкъ, потому́ что для нея́ другóй жи́зни уже́ не́ было. — Но, Влади́миръ, Влади́миръ! мнѣ́ тяжелó... Сомнѣ́нiе меня́ му́читъ, не въ моёмъ чу́вствѣ́ къ ней, коне́чно, а... я не зна́ю! — То́лько тепе́рь верну́ться уже́ по́здно. Протяни́ намъ обóимъ и́здалека ру́ки — и пожела́й намъ терпѣ́нья, си́лы самопоже́ртвованья и люби́... бóльше любви́. А ты, невѣ́домый намъ, но люби́мый на́ми всѣ́мъ на́шимъ существóмъ, всéю крóвью на́шего се́рдца, ру́сскiй наро́дъ, прими́ насъ — не сли́шкомъ безуча́стно — и научи́ насъ, чего́ мы должны́ ждать отъ тебя́?

„Проща́й, Влади́миръ, проща́й!“

Написáвши э́ти немнóгiя строки, Неждáновъ отпрáвился на дере́вню. — Въ слѣ́дующую ночь, заря́ чуть-чуть брезжи́ла — а онъ уже стоя́лъ на опу́шкѣ берёзовой рóщи, не въ дáльнемъ разстоя́нiи отъ Сипя́гинскаго сáда. Немнóго позади́ егó, изъ-за спу́танной зе́лени широ́каго орѣ́ховаго кустá, едвá виднѣ́лась крестья́нская телѣ́жка, запряжённая пáрой разну́зданныхъ лошáдокъ; въ телѣ́гѣ, подъ верёвочнымъ переплётомъ, спалъ, лёжа на клочкѣ сѣ́на и натяну́въ на гóлову запла́танную сви́тку, ста́ренькiй, сѣдóй мужичóкъ. Неждáновъ неотступно глядѣ́лъ на дорóгу, на ку́пы раки́тъ вдоль сáда: сѣ́рая, ти́хая ночь ещё лежáла кругóмъ, звѣ́здочки слáбо, въ перебúвку мигáли, затéрянныя въ небéсной пустóй глубинѣ́. По кру́глымъ ни́жнимъ краямъ протя́нутыхъ ту́чекъ шла съ востóка блѣ́дная áлость, и отту́да же тяну́ло пе́рвымъ холодкóмъ у́тренней рáни. Вдругъ Неждáновъ вздрогну́лъ и насторожи́лся: гдѣ́-то блúзко сперва́ взви́згнула, потóмъ сту́кнула калúтка; мáленькое жéнское существó, оку́танное платкóмъ, съ узелкóмъ на гóлой рукѣ́, вы́ступило, не спѣ́шá, изъ неподви́жной тѣ́ни раки́тъ на мя́гкую пыль дорóги — и, перейдя́ её вкось, слóвно на цы́почкахъ, напрáвилось къ рóщѣ. Неждáновъ брóсился къ нему́.

— Маріа́нна? — шепну́лъ онъ.

— Я! — послы́шался ти́хій о́тзывъ изъ-подъ нави́сшаго платка́.

— Сюда́, за мной, — отвѣча́лъ Неждано́въ, нело́вко хвата́я её за го́лую ру́ку съ узелко́мъ.

Она́ пожима́лась, какъ-бы чу́вствуя озно́бъ. — Онъ подвёлъ её къ телѣгѣ, разбуди́лъ мужичка́. — Тотъ прово́рно вскочи́лъ, то́тчасъ перебра́лся на облучо́къ, вдѣлъ сви́тку въ рукава́, подхвати́лъ верёвочныя во́зжи... Ло́шади зашевели́лись; онъ ихъ осторо́жно отпру́кнулъ охри́плымъ отъ крѣпкаго сна го́лосомъ. Неждано́въ посади́лъ Маріа́нну на телѣжный переплётъ, подостла́въ сперва́ свой плащъ; оку́талъ ей но́ги одѣя́ломъ — сѣно на днѣ бы́ло во́лжко — умѣсти́лся во́злѣ нея́ — и, нагну́вшись къ мужичку́, ти́хо сказа́лъ: „Пошёлъ, куда́ зна́ешь“. — Мужичо́къ задёргалъ возжа́ми, ло́шади вы́брались изъ опу́шки, фы́ркая и ёжась; — и, подпры́гивая и посту́кивая у́зкими ста́рыми колёсами, покати́лась телѣга по доро́гѣ. Неждано́въ приде́рживалъ одно́й руко́й станъ Маріа́нны: она́ приподня́ла плато́къ свои́ми холо́дными па́льцами — и, оберну́вшись къ нему́ лицо́мъ и улыба́ясь, промо́лвила:

— Какъ сла́вно свѣжо́, Алёша!

— Да — отвѣча́лъ мужичо́къ, — роса́ бу́детъ си́льная!

Такъ была́ уже́ сильна́ роса́, что втулки телѣжныхъ колёсъ, цѣпля́ясь за верху́шки высо́кихъ придоро́жныхъ были́нокъ, сбива́ли съ нихъ цѣлыя гро́здья тончайшихъ водяны́хъ брызгъ — и зе́лень травы́ каза́лась си́зо-сѣрой.

Маріа́нна опя́ть пожа́лась отъ хо́лода.

— Свѣжо́, свѣжо́, — повтори́ла она́ весёлымъ го́лосомъ. — И во́ля, Алёша, во́ля!

XXVII.

Соло́минъ вы́скочилъ къ воро́тамъ фа́брики, какъ то́лько прибѣжа́ли ему́ сказа́ть, что како́й-то господи́нъ съ госпожо́й прі́ѣхали въ телѣжкѣ и спра́шиваютъ его́. — Не поздоро́вавшись съ свои́ми гостя́ми, а то́лько ки́внувъ имъ нѣсколько разъ голово́ю, онъ то́тчасъ приказа́лъ мужику́-ку́черу въѣзжа́ть на дворъ — и, напра́вивъ его́ пря́мо къ своему́ флигельку́, ссади́лъ съ телѣги Маріа́нну. Неждано́въ спры́гнулъ вслѣдъ за не́ю. Соло́минъ повёлъ обо́ихъ че́резъ дли́нный и тёмный корридо́рчикъ — да по у́зенькой криво́й лѣсенкѣ — въ за́днюю часть флигелька́ — во второ́й эта́жъ. Тамъ онъ отвори́лъ ни́зенькую дверь — и всѣ тро́е вошли́ въ небольшу́ю, дово́льно опря́тную ко́мнатку съ двумя́ окна́ми.

— Добро́ пожа́ловать! — проговори́лъ Соло́минъ съ своей завсегда́шней улы́бкой, кото́рая на э́тотъ разъ каза́лась и ши́ре и свѣтлѣе обыкнове́ннаго.

— Вотъ вамъ кварти́ра. — *Э́та* ко́мната — да вотъ ря́домъ ещё

другáя. — Некази́сто, да ничегó: жить мóжно. И глазѣ́ть здѣсь на васъ бу́детъ нéкому. Тутъ подъ окнáми у васъ — по увѣрéнію хозя́ина — цвѣтни́къ — а по мóему огорóдъ; упирáется онъ въ стѣ́ну — а напрáво да налѣ́во забóры. — Ти́хое мѣстéчко! — Ну, здрáвствуйте втори́чно, ми́лая бáрышня, — и вы, Неждáновъ, здрáвствуйте!

Онъ пожáлъ имъ обóимъ ру́ки. — Они́ стоя́ли неподви́жно, не раздѣвáясь — и съ молчали́вымъ, полу́-изумлённымъ, полу́-рáдостнымъ волнéніемъ глядѣ́ли óба прямо пéредъ собóю.

— Ну, что-жъ вы? — нáчалъ опя́ть Солóминъ. — Разоблачáйтесь!

— Какíя съ вáми есть вéщи?

Маріáнна показáла узелóкъ, котóрый онá всё ещё держáла въ рукѣ́.

— У меня́ вотъ тóлько э́то.

— А у меня́ сакъ-воя́жъ и мѣшóкъ въ телѣ́гѣ остáлись. — Да вотъ я сейчáсъ...

— Оставáйтесь, оставáйтесь. — Солóминъ отвори́лъ дверь. Пáвелъ! — кри́кнулъ онъ въ темноту́ лѣ́сенки — сбѣгáй, братъ... Тамъ вéщи въ телѣ́гѣ... принеси́.

— Сейчáсъ! — послы́шался гóлосъ вездѣсу́щаго.

Солóминъ обрати́лся къ Маріáннѣ, котóрая сбросила съ себя́ платóкъ и нáчала разстёгивать мантúлью.

— И всё удалóсь благонолу́чно? — спроси́лъ онъ.

— Всё... никтó насъ не увúдѣлъ. — Я остáвила письмó г-ну Синя́гину. — Я, Васúлiй Θедóтычъ, отъ того́ не взялá съ собóю ни плáтьевъ, ни бѣлья́, что такъ какъ вы насъ посылáть бу́дете... (Маріáнна почему́-то не рѣши́лась прибáвить: въ народъ) — вѣдь всё равнó: тó бы не годúлось. А дéньги у меня́ есть, чтóбы купúть что́ бу́детъ ну́жно.

— Всё это мы устрóимъ впослѣ́дствiи... а вотъ, промóлвилъ Солóминъ, указывая на входи́вшаго съ Неждáновскими вещáми Пáвла — рекомендýю вамъ моего́ лу́чшаго здѣ́шняго дру́га: на него́ вы мóжете положúться вполнѣ́... какъ на самого́ меня́. — Ты Татья́нѣ на счётъ самовáра сказáлъ? — прибáвилъ онъ вполгóлоса.

— Сейчáсъ бу́детъ, отвѣ́тилъ Пáвелъ; и слúвки — и всё.

— Татья́на — э́то его́ женá, продолжáлъ Солóминъ — и такáя же неизмѣ́нная, какъ онъ. — Покá вы сáми... ну, тамъ привы́кнете, что ли — онá вамъ, моя́ бáрышня, прислу́живать бу́детъ.

Маріáнна брóсила свою́ мантúлью на стоя́вшiй въ уголку́ кóжанный дивáнчикъ. — Зовúте меня́ Маріáнной, Васúлiй Θедóтычъ — я не хочу́ быть бáрышней! И прислу́жницы мнѣ не нáдо... Я не для того́ ушлá — оттýда, чтóбы имѣ́ть прислу́жницъ. Не глядúте на моё плáтье; у меня́ — тамъ — другóго нé было. Э́то всё нáдо бу́детъ перемѣни́ть.

Плáтье э́то, изъ кори́чневаго драдедáму, бы́ло óчень прóсто; но, сши́тое петербу́ргской портни́хой, онó краси́во прилегáло къ стáну и къ плечáмъ Маріáнны — и вообще́ имѣ́ло видъ мóдный.

— Ну, не прислу́жница — такъ помо́щница, по-америка́нски. — А ча́ю вы всё-таки́ напе́йтесь. Тепе́рь ещё ра́но — да и вы о́ба, должно́ быть, уста́ли. Я тепе́рь отправля́юсь по-фабри́чнымъ дѣла́мъ; — позднѣе мы опя́ть увидимся. — Что ну́жно бу́детъ — скажи́те Па́влу и́ли Татья́нѣ.

Маріа́нна бы́стро протяну́ла ему́ о́бѣ ру́ки.

— Чѣмъ намъ отблагодари́ть васъ, Васи́лій Ѳедо́тычъ? — Она́ съ умиле́ніемъ гляде́ла на него́.

Соло́минъ тихо́нько погла́дилъ ей одну́ ру́ку. — Я бы сказа́лъ вамъ: не сто́итъ благода́рности... да э́то бу́детъ непра́вда. Лу́чше же я скажу́ вамъ, что ва́ша благода́рность мнѣ доставля́етъ вели́кое удово́льствіе. — Вотъ мы и кви́ты. До свида́нья! Па́велъ, пойдёмъ.

Маріа́нна и Неждановъ оста́лись одни́.

Она́ бро́силась къ нему́, — и, гля́дя на него́ тѣмъ же извля́домъ, какъ на Соло́мина — то́лько ещё ра́достнѣе, ещё умилённѣй: — О, мой другъ! проговори́ла она́... Мы начина́емъ но́вую жизнь... Наконе́цъ! наконе́цъ! — Ты не пове́ришь, какъ э́та бѣ́дная кварти́рка, въ кото́рой намъ сужде́но прожить всего́ нѣсколько дней, мнѣ ка́жется любе́зна и мила́ въ сравне́ніи съ тѣми нена́вистными пала́тами! Скажи́ — ты радъ?

Неждановъ взялъ ея́ ру́ки и прижа́лъ ихъ къ свое́й груди́.

— Я сча́стливъ, Маріа́нна, тѣмъ, что я начина́ю э́ту но́вую жизнь съ тобо́ю вмѣстѣ: — Ты бу́дешь мое́й путево́дной звѣзло́й, мое́й подде́ржкой, мои́мъ му́жествомъ...

— Ми́лый Алёша! Но посто́й — на́до немно́жко почи́ститься и туале́тъ свой привести́ въ поря́докъ. Я пойду́ въ свою́ ко́мнату... а а ты — оста́нься здѣсь. — Я сію́ мину́ту...

Маріа́нна вы́шла въ другу́ю ко́мнату, заперла́сь — и, мину́ту спустя́, отвори́въ до полови́ны дверь, вы́сунула го́лову и проговори́ла: А како́й Соло́минъ сла́вный! — Пото́мъ она́ опя́ть заперла́сь — и послы́шался щолкъ ключа́.

Неждановъ подошёлъ къ окну́, посмотрѣлъ на са́дикъ... одна́ ста́рая, престарая яблоня почему́-то привлекла́ его́ осо́бое внима́ніе. — Онъ встряхну́лся, потяну́лся — раскры́лъ свой сакъ-вояжъ — и ничего́ отту́да не вы́нулъ; онъ заду́мался...

Че́резъ че́тверть-ча́са верну́лась и Маріа́нна съ оживлённымъ, свѣже-вы́мытымъ лицо́мъ, вся весёлая и подви́жная; а нѣсколько мгновені́й спустя́, появилась Па́влова жена́, Татья́на, съ самова́ромъ, ча́йнымъ прибо́ромъ, бу́лками, сли́вками.

Въ противополо́жность своему́ цыга́нообразному му́жу — э́то была́ настоя́щая ру́сская же́нщина, доро́дная, ру́сая, простоволо́сая, съ широ́кой косо́й, ту́го завёрнутой о́коло рогово́го гре́бня, съ кру́пными, но прія́тными черта́ми лица́, съ о́чень до́брыми се́рыми глаза́ми. Одѣта она́ была́ въ опря́тное, хоть и полиня́лое си́тцевое пла́тье; — ру́ки у ней бы́ли чи́стыя и краси́выя, хоть и больши́я. Она́ споко́йно поклони́-

лась, произнесла́ твёрдымъ отчётливымъ вы́говоромъ, бе́зо вся́кой пѣ́ву-чести: „Здра́вы бу́дете“ — и приняла́сь устана́вливать самова́ръ, ча́шки и т. д.

Маріа́нна подошла́ къ ней.

— Позво́льте, Татья́на, я помогу́ вамъ. — Да́йте мнѣ хоть салфе́тку.

— Ничего́, ба́рышня, мы къ э́тому пріобы́кли. — Мнѣ Васи́лій Ѳедо́тычъ ска́зывалъ. Коли́ что́ потре́буется, изво́льте приказа́ть, мы со всѣмъ на́шимъ удово́льствіемъ.

— Татья́на, не зови́те меня́, пожа́луйста, ба́рышней... Одѣ́та я по-ба́рски, — а впро́чемъ я... я совсѣмъ...

При́стальный взглядъ Татья́ниныхъ зо́ркихъ глазъ смути́лъ Маріа́нну; — она́ умо́лкла.

— А кто же вы така́я бу́дете? — спроси́ла Татья́на свои́мъ ро́внымъ го́лосомъ.

— Коли́ вы хоти́те... я, то́чно... я изъ дворя́нокъ; то́лько я хочу́ всё э́то бро́сить — и сдѣ́латься какъ всѣ... какъ всѣ просты́я же́нщины.

— А, вотъ что́! Ну, тепе́рь зна́ю. Вы, ста́ло, изъ тѣхъ, что́ опро́ститься хотя́тъ. — Ихъ тепе́рь дово́льно быва́етъ.

— Ка́къ вы сказа́ли, Татья́на? Опро́ститься?

— Да... тако́е у насъ тепе́рь сло́во пошло́. Съ просты́мъ, наро́домъ, зна́читъ, за́-одно быть. Опро́ститься. — Что-жъ? Это дѣ́ло хоро́шее — наро́дъ поу́чить уму́-ра́зуму. — То́лько тру́дное э́то дѣ́ло! Ой, тру-удное!

— Дай Богъ часъ!

— Опро́ститься! — повторя́ла Маріа́нна. — Слы́шишь, Алёша, мы съ тобо́й тепе́рь опростѣ́лые!

Неждано́въ засмѣя́лся и то́же повтори́лъ:

— Опро́ститься! Опростѣ́лые!

— А что́ э́то у васъ, муженёкъ бу́детъ — а́ли братъ? спроси́ла Татья́на, осторо́жно перемыва́я ча́шки свои́ми больши́ми, ло́вкими рука́ми и съ ла́сковой усмѣ́шкой погля́дывая то на Неждано́ва, то на Маріа́нну.

— Нѣтъ, — отвѣча́ла Маріа́нна, онъ мнѣ не мужъ — и не братъ.

Татья́на приподня́ла го́лову.

— Ста́ло, такъ, по во́льной ми́лости живёте? — Тепе́рь и э́то — тоже ча́сто быва́етъ. — Допре́жь бо́льше у раско́льниковъ води́лось, — а но́нѣ и у про́чихъ люде́й. — Лишь бы Богъ благослови́лъ — да жи́лось бы ла́дно! — А то попъ и не ну́женъ. На фа́брикѣ у насъ то́же таки́е есть. Не изъ ху́дшихъ ребя́тъ.

— Каки́я у васъ хоро́шія слова́, Татья́на!... „По во́льной ми́лости“... О́чень э́то мнѣ нра́вится. — Вотъ что, Татья́на, я о чёмъ васъ проси́ть бу́ду. — Мнѣ ну́жно себѣ́ пла́тье сшить и́ли купи́ть, тако́е вотъ, какъ ва́ше, и́ли ещё попро́ще. — И башмаки́, и чулки́, и косы́нка — всё, что́бы бы́ло какъ у васъ. — Де́ньги у меня́ на э́то есть.

— Что же, ба́рышня, э́то всё мо́жно... Ну, не бу́ду, не изво́льте

гнѣваться. — Не бу́ду васъ ба́рышней называ́ть. То́лько какъ мнѣ васъ звать-то?

— Маріа́нной.

— А по о́тчеству какъ васъ величаю́тъ?

— Да на что́ вамъ моё о́тчество? Зови́те меня́ про́сто Маріа́нной. Зову́ же я васъ Татья́ной.

— И то́ — да не то́. Вы ужъ лу́чше скажи́те.

— Ну, хорошо́. Моего отца́ звали Вике́нтьемъ. — А ва́шего какъ?

— А моего́ — Осипомъ.

— Ну, такъ я буду васъ звать Татья́ной О́сиповной.

— А я васъ Маріа́нной Вике́нтьевной. Вотъ оно́ какъ сла́вно бу́детъ!

— Что́ бы намъ съ ва́ми чайку́ вы́пить, Татья́на О́сиповна?

— На пе́рвый слу́чай мо́жно, Маріа́нна Вике́нтьевна. Ча́шечкой себя́ поба́лую. А то́ Его́рычъ забро́нитъ.

— Кто э́то: Его́рычъ?

— А Па́велъ, мужъ мой.

— Сади́тесь, Татья́на О́сиповна.

— И то́ ся́ду, Маріа́нна Вике́нтьевна.

Татья́на присѣ́ла на стулъ и на́чала пить чай въ прику́ску, безпреста́нно повора́чивая въ па́льцахъ кусо́чекъ са́хару и щу́рясь гла́зомъ съ той стороны́, съ како́й она́ прику́сывала са́харъ. Маріа́нна вступи́ла съ не́ю въ разгово́ръ. — Татья́на отвѣча́ла не чиня́сь и сама́ разспра́шивала и разска́зывала. На Соло́мина она́ чуть не моли́лась, а му́жа своего́ ста́вила то́тчасъ по́слѣ Васи́лія Ѳедо́тыча. Фабри́чнымъ житьёмъ она́ одна́ко тяготи́лась.

— Ни тебѣ́ го́родъ здѣсь, ни дере́вня... безъ Васи́лія Ѳедо́тыча и ча́су бы я не оста́лась!

Маріа́нна слу́шала ея́ разска́зы внима́тельно. Усѣ́вшійся въ сторо́нкѣ, Нежда́новъ наблюда́лъ за свое́й подру́гой, и не удивля́лся ея́ внима́нію: для Маріа́нны э́то всё бы́ло вно́вѣ — а ему́ каза́лось, что онъ подо́бныхъ Татья́нъ ви́дѣлъ цѣ́лыя со́тни — и говори́лъ съ ни́ми со́тни разъ.

— Вотъ что, Татья́на О́сиповна, — сказа́ла наконе́цъ Маріа́нна: — вы ду́маете, что мы хоти́мъ учи́ть наро́дъ; нѣ́тъ — мы служи́ть ему́ хоти́мъ.

— Какъ такъ служи́ть? Учи́те его́; вотъ вамъ и слу́жба. Я хоть съ себя́ приме́ръ возьму́. Я какъ за Его́рыча вы́шла — ни чита́ть, ни писа́ть не умѣ́ла; а тепе́рь вотъ зна́ю, спаси́бо Васи́лію Ѳедо́тычу. Не самъ онъ учи́лъ меня́ — а заплати́лъ одному́ старичку́. Тотъ и вы́училъ. — Вѣ́дь я ещё молода́я, да́ромъ что ро́слая.

Маріа́нна помолча́ла.

— Мнѣ́ Татья́на О́сиповна, — на́чала она́ опя́ть, — хотѣ́лось бы

вы́учиться како́му-нибудь ремеслу́... да мы ещё поговори́мъ объ э́томъ съ ва́ми. — Шью я пло́хо: е́слибъ я вы́училась стря́пать — мо́жно бы въ кухáрки пойти́.

Татья́на заду́малась.

— Какъ же такъ въ кухáрки? — Кухáрки у бога́тыхъ быва́ютъ, у купцо́въ: а бѣ́дные са́ми стря́паютъ. — А на арте́ль гото́вить, на рабо́чихъ... Ну, ужъ э́то совсѣ́мъ послѣ́днее дѣ́ло!

— Да мнѣ́ бы хоть у бога́таго жить, а съ бѣ́дными зна́ться. А то какъ я съ ни́ми сойду́сь? Не всё же тако́й слу́чай вы́детъ, какъ съ ва́ми.

Татья́на опроки́нула пусту́ю ча́шку на блю́дечко.

— Э́то дѣ́ло мудрёное, — промо́лвила она́ наконе́цъ со вздо́хомъ; — о́коло па́льца не обвёртишь. Что́ умѣ́ю покажу́ — а мно́гому я сама́ не учена̀. Съ Его́рычемъ потолкова́ть на́до. Вѣдь онъ како́й? Кни́жки вся́кія чита́етъ! — и всё мо́жетъ сейча́съ какъ рука́ми развести́. — Тутъ она́ взгляну́ла на Маріа́нну, кото́рая свёртывала папиро́ску... И вотъ ещё что́, Маріа́нна Вике́нтьевна: извини́те меня́; но коли́ вы то́чно опро́ститься жела́ете — такъ э́то ужъ вамъ придётся бро́сить. — Она́ указа́ла на папиро́ску. — Потому́ въ тѣ́хъ зва́ніяхъ, хоть бы вотъ въ кухáркахъ — э́того не полага́ется; — и васъ сейча́съ вся́кій призна̀етъ, что вы есть ба́рышня. — Да.

Маріа́нна вы́бросила папиро́ску за окно́.

— Я кури́ть не бу́ду... отъ э́того легко́ отвы́кнуть. — Просты́я же́нщины не ку́рятъ: ста́ло быть и мнѣ́ не слѣ́дъ кури́ть.

— Это вы вѣ́рно сказа́ли, Маріа́нна Вике́нтьевна. Мужско́й полъ э́тимъ ба́луетъ и у насъ; — а же́нскій — нѣтъ. Та́къ-то!... Э! да вотъ и самъ Васи́лій Ѳедо́тычъ сюда́ жа́луетъ. Его́ э́то шаги́. Вы его́ спроси́те: онъ вамъ сейча́съ всё опредѣли́тъ — лу́чшимъ мане́ромъ.

— И то́чно: за две́рью разда́лся го́лосъ Соло́мина.

— Мо́жно войти́?

— Войди́те, войди́те, — закрича́ла Маріа́нна.

— Э́то у меня́ англі́йская привы́чка, — сказа́лъ, входя́, Соло́минъ. Ну, каково́ вы себя́ чу́вствуете? Не заскуча́ли ещё пока́? — Я ви́жу, вы здѣ́сь ча́йничаете съ Татья́ной. — Вы слу́шайте её: она́ разу́мница... А ко мнѣ сего́дня мой хозя́инъ пріѣзжа́етъ... вотъ не кста́ти! И обѣ́дать остаётся. — Что дѣ́лать! На то́ онъ хозя́инъ.

— Что́ за человѣ́къ? — спроси́лъ Неждано́въ, выходя́ изъ своего́ уголка́.

— Ничего́... Тря́пки не сосётъ. Изъ но́выхъ. Вѣ́жливъ о́чень — и рука́вчики но́ситъ — а глазъ всю́ду запуска́етъ, не ху́же ста́раго. Самъ шку́рку дерётъ — а самъ приговáриваетъ; „Поверни́тесь-ка на э́тотъ бочо́къ, сдѣ́лайте одолже́ніе; — тутъ есть ещё живо́е мѣсте́чко... На́до его́ пообчи́стить!“ — Ну, да со мной онъ шёлковый; я ему́ ну́женъ! То́лько я пришёлъ вамъ сказа́ть, что ужъ сего́дня врядъ ли уда́стся

намъ свидѣться. — Обѣдъ вамъ принесутъ. А на дворъ не показывайтесь. Какъ вы думаете, Маріанна, Сипягины будутъ васъ отыскивать, за вами гнаться?

— Я думаю, что нѣтъ, — отвѣтила Маріанна.

— А я такъ увѣренъ, что да — сказалъ Неждановъ.

— Ну, всё равно — продолжалъ Соломинъ: — надо быть осторожнымъ — на первыхъ порахъ. Потомъ обойдётся.

— Да; только вотъ что, — замѣтилъ Неждановъ: — о моёмъ мѣстопребываніи долженъ знать Маркеловъ; — надо его извѣстить.

— Зачѣмъ?

— Нельзя иначе; для нашего дѣла. — Онъ долженъ всегда знать, гдѣ я. Слово дано. Да онъ не проболтается!

— Ну, хорошо. Пошлёмъ Павла.

— А платье мнѣ будетъ готово? — спросилъ Неждановъ.

— То-есть, костюмъ? — какъ-же... какъ-же. — Тотъ же маскарадъ. Спасибо — не дорого. Прощайте, отдохните. — Татьяна, пойдёмъ.

Маріанна и Неждановъ опять остались одни.

XXVIII.

Сперва они опять крѣпко пожали другъ другу руки; — потомъ Маріанна воскликнула: „Постой! я помогу тебѣ убрать твою комнату“ — и начала выкладывать его вещи изъ сакъ-вояжа и мѣшка. Неждановъ хотѣлъ-было помочь ей; но она объявила, что сдѣлаетъ всё одна. — „Потому что надо привыкать служить“. И дѣйствительно: сама развѣсила платье на гвоздики, которые нашла въ ящикѣ стола и вбила собственноручно въ стѣну оборотной стороною щётки, за неимѣньемъ молотка; уложила бѣлье въ старенькій комодецъ, находившійся между оконъ.

— Что это? — спросила она вдругъ: — револьверъ? Онъ заряженъ? На что онъ тебѣ?

— Онъ не заряженъ... а впрочемъ, дай его сюда. Ты спрашиваешь: на что? Какъ же безъ револьвера въ нашемъ-то званіи?

Она засмѣялась и продолжала свою работу, встряхивая каждую отдѣльную вещь, и хлопая по ней ладонью; поставила даже двѣ пары сапогъ подъ диванъ; — а нѣсколько книгъ, пачку бумагъ и знаменитую тетрадку со стихами расположила торжественно на трехногомъ, угловомъ столѣ, назвавъ его письменнымъ и рабочимъ въ противность другому, круглому, который назвала обѣденнымъ и чайнымъ. Потомъ взявъ стихотворную тетрадь въ обѣ руки, приподнявъ её въ уровень своего лица — и глядя черезъ ея край на Нежданова, она съ улыбкой промолвила:

— Вѣдь мы всё это перечтёмъ вмѣстѣ, въ свободное отъ занятій время! — А?

— Дай мнѣ э́ту тетра́дь! я её сожгу́! — воскли́кнулъ Неждано́въ — Она́ друго́го не сто́итъ!

— Зачѣ́мъ же ты её взялъ съ собо́ю, коли́ такъ? — Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ́ ея́ не дамъ на сожже́ніе. А впро́чемъ, говоря́тъ, сочини́тели то́лько грозя́тся — и никогда́ свои́хъ вещей не жгутъ. Но я всё-таки́ лу́чше унесу́ её къ себѣ́!

Неждано́въ хотѣ́лъ протестова́ть — но Маріа́нна вы́скочила въ сосѣ́днюю ко́мнату съ тетра́дью — и верну́лась безъ нея́.

Она́ подсѣ́ла къ Неждано́ву — и то́тчасъ же вста́ла. — Ты у меня́ ещё не былъ... въ моей ко́мнатѣ. Хо́чешь посмотрѣ́ть? — Она́ не ху́же твое́й. Пойдёмъ — я тебѣ́ покажу́.

Неждано́въ то́же всталъ — и послѣ́довалъ за Маріа́нной. — Ко́мнатка *ея́*, какъ она́ выража́лась, была́ немно́го ме́ньше *его́* ко́мнаты; но ме́бель въ ней была́ какъ бу́дто почи́ще и поновѣ́й; на окнѣ́ стоя́ла хруста́льная ва́зочка съ цвѣта́ми — а въ углу́ желѣ́зная крова́тка.

— Ви́дишь, како́й онъ ми́лый, Соло́минъ, — воскли́кнула Маріа́нна; — то́лько не на́до себя́ сли́шкомъ нѣ́жить: такія кварти́ры намъ не ча́сто попада́ться бу́дутъ. — А вотъ, что́ я ду́маю; вотъ бы́ло бы хорошо́: такъ устро́иться, что́бы намъ обо́имъ, не разстава́ясь, на како́е-нибудь мѣ́сто поступи́ть! — Тру́дно э́то бу́детъ, — приба́вила она́, погоди́ немно́го; — ну, тамъ поду́маемъ. Вѣдъ всё равно́: въ Петербу́ргъ ты не вернёшься?

— Что мнѣ въ Петербу́ргѣ дѣ́лать? — Въ университе́тъ ходи́ть — да уро́ки дава́ть? Э́то ужъ никуда́ не годи́тся.

— Вотъ что́ Соло́минъ ска́жетъ, — промо́лвила Маріа́нна: — онъ лу́чше рѣши́тъ, ка́къ и что́.

Они́ верну́лись въ пе́рвую ко́мнату и опя́ть сѣ́ли другъ по́длѣ дру́га. Похвали́ли Соло́мина, Татья́ну, Па́вла; упомяну́ли о Сипя́гинѣ, о томъ, какъ пре́жняя жизнь вдругъ такъ далеко́ отъ нихъ ушла́, сло́вно тума́номъ покры́лась; пото́мъ опя́ть пожа́ли другъ дру́гу ру́ки — обмѣня́лись ра́достными взгля́дами; пото́мъ поговори́ли о томъ, въ какіе слои́ должно́ стара́ться проника́ть и какъ имъ на́до бу́детъ держа́ться, что́бы ихъ не подозрѣва́ли.

Неждано́въ увѣря́лъ, что чѣ́мъ ме́ньше объ э́томъ ду́мать, чѣ́мъ про́ще себя́ держа́ть — тѣ́мъ лу́чше.

— Коне́чно! — воскли́кнула Маріа́нна. — Вѣдь мы хоти́мъ опро́ститься, какъ говори́тъ Татья́на.

— Я не въ э́томъ смы́слѣ, — на́чалъ-было Неждано́въ. — Я хотѣ́лъ сказа́ть, что не на́до принужда́ть себя́.

— Маріа́нна вдругъ засмѣя́лась.

— Я вспо́мнила, Алёша, какъ э́то я насъ обо́ихъ назва́ла: опростѣ́лые!

Неждáновъ тóже посмѣ́ялся, повторúлъ: „опростѣ́лые“... а потóмъ задýмался.

И Маріáнна задýмалась.

— Алёша! — промóлвила онá.

— Чтó?

— Мнѣ́ кáжется, намъ обóимъ немнóго нелóвко. — Молоды́е — des nouveaux mariés — поясни́ла онá — въ пéрвый день своегó брáчнаго путешéствія должны́ чýвствовать нѣ́что подóбное. — Они́ счастливы... имъ óчень хорошо — и немнóжко нéловко.

Неждáновъ улыбнýлся — принуждённой улы́бкой.

— Ты óчень хорошó знáешь, Маріáнна, что мы не молоды́е — въ твоёмъ смы́слѣ.

Маріáнна поднялась съ своегó мѣ́ста и стáла прямо пéредъ Неждáновымъ.

— Э́то отъ тебя́ зави́ситъ.

— Какъ?

— Алёша, ты знáешь, что когдá ты мнѣ скáжешь, какъ чéстный человѣ́къ — а я тебѣ́ вѣ́рю, потомý что ты тóчно чéстный человѣ́къ; — когдá ты мнѣ скáжешь, что ты меня́ лю́бишь той любóвью... ну, той любóвью, котóрая даётъ прáво на жизнь другóго — когдá ты мнѣ э́то скáжешь — я твоя́.

Неждáновъ покраснѣ́лъ и отвернýлся немнóго.

Когдá я тебѣ́ э́то скажý...

— Да, тогдá! Но вѣдь ты самъ ви́дишь, ты мнѣ тепéрь э́того не говори́шь... О, да, Алёша, ты, тóчно, чéстный человѣ́къ. Ну, и давáй толковáть о вещáхъ бóлѣе серьёзныхъ.

— Но вѣдь я люблю́ тебя́, Маріáнна!

— Я въ э́томъ не сомнѣвáюсь... и бýду ждать. Постóй, я ещё не совсѣ́мъ привелá въ поря́докъ твой пи́сьменный столъ. Вотъ тутъ что-то завёрнуто, что-то жёсткое...

Неждáновъ рвáнулся со стýла...

— Остáвь это, Маріáнна... Э́то... пожáлуйста, остáвь.

Маріáнна повернýла къ немý гóлову чéрезъ плечó — и съ изумлéніемъ приподня́ла бровú.

— Э́то — тáйна? Секрéтъ? У тебя́ есть секрéтъ?

— Да... да, — промóлвилъ Неждáновъ, и, весь смущённый, прибáвилъ — въ ви́дѣ объяснéнія: — э́то... портрéтъ.

Слóво э́то вы́рвалось у негó невóльно. Въ бумáжкѣ, котóрую Маріáнна держáла въ рукáхъ, былъ, дѣйстви́тельно, завёрнутъ ея́ портрéтъ, дáнный Неждáнову Мáркеловымъ.

— Портрéтъ? — произнеслá онá протя́жнымъ гóлосомъ... — Жéнскій?

Она́ по́дала ему́ паке́тецъ; но онъ нело́вко его́ взялъ; онъ чуть не вы́скользнулъ у него́ изъ рукъ, и раскры́лся.

— Да э́то... мой портре́тъ! — воскли́кнула Маріа́нна съ жи́востью... — Ну — свой-то портре́тъ я име́ю пра́во взять. — Она́ вы́хватила его́ у Неждано́ва.

— Э́то — ты нарисова́лъ?

— Не́тъ... не я.

— Кто же? Ма́ркеловъ?

— Ты угада́ла... Онъ.

— Каки́мъ же о́бразомъ онъ у тебя́?

— Онъ мнѣ подари́лъ его́.

— Когда́?

Неждано́въ разсказа́лъ, когда́ и ка́къ. Пока́ онъ говори́лъ, Маріа́нна взгля́дывала то на него́, то на портре́тъ... и у обо́ихъ, у Неждано́ва и у ней, мелькну́ла одна́ и та же мысль въ голове́. „Е́сли бы *онъ* былъ въ э́той ко́мнатѣ, *онъ* бы име́лъ пра́во потре́бовать“... Но ни Маріа́нна, ни Неждано́въ не вы́сказали гро́мко своей мы́сли... быть мо́жетъ потому́, что ка́ждый изъ нихъ почу́вствовалъ её въ друго́мъ.

Маріа́нна тихо́нько заверну́ла портре́тъ въ бума́жку — и положи́ла её на столъ.

— До́брый челове́къ! — прошепта́ла она́... Гдѣ-то онъ тепе́рь?

— Какъ гдѣ?... — До́ма; у себя́. Я за́втра и́ли по́слѣ-за́втра пойду́ къ нему́ за кни́жками, за брошю́рами. Онъ хоте́лъ мнѣ дать — да ви́дно забы́лъ при отъѣ́здѣ.

И ты, Алёша, того́ мнѣ́нія, что, отдава́я тебѣ́ э́тотъ портре́тъ, онъ уже́ ото всего́ отка́зывался... рѣши́тельно ото всего́?

— Мнѣ такъ показа́лось.

— И ты надѣ́ешься его́ найти́ до́ма?

— Коне́чно.

— А! Маріа́нна опусти́ла глаза́ — урони́ла ру́ки. — А вотъ, намъ обѣ́дъ Татья́на несётъ, — вскри́кнула она́ вдругъ. — Кака́я она́ сла́вная же́нщина!

Татья́на яви́лась съ прибо́рами, салфе́тками, судка́ми. — Пока́ она́ накрыва́ла на столъ, она́ разска́зывала о томъ, что́ происходи́ло на фа́брикѣ.

— Хозя́инъ прі́ѣхалъ изъ Москвы́ по чугу́нкѣ — и пошёлъ бѣ́гать по всѣ́мъ этажа́мъ, какъ оглаше́нный; да вѣдь онъ ничего́, какъ есть, не смы́слитъ; а то́лько такъ для ви́ду дѣ́йствуетъ, для приме́ру. — А Васи́лій Ѳедо́тычъ съ нимъ какъ съ ма́лымъ младе́нцемъ; — а хозя́инъ хоте́лъ каку́ю-то проти́вность учини́ть: — такъ его́ Васи́лій Ѳедо́тычъ сейча́съ отчека́нилъ; бро́шу, говори́тъ, сейча́съ всё: тотъ сейча́съ хвостъ и поджа́лъ. — Тепе́рь вмѣ́стѣ ку́шаютъ; а хозя́инъ съ собо́й кумпаньо́на привёзъ... Такъ тотъ то́лько всему́ удивля́ется. А де́нежный, должно́

быть, человѣкъ, э́тотъ кумпаньо́нъ, потому́ всё бо́льше молчи́тъ да голово́й потря́хиваетъ. А самъ то́лстый, прето́лстый! — Тузъ моско́вскій! Неда́ромъ послó́вица така́я слывётъ, что — Москва́ у всей Россіи подъ горо́ю: всё въ неё кати́тся.

— Какъ вы всё примѣча́ете! — воскли́кнула Маріа́нна.

— Я и то замѣ́тливая, — возрази́ла Татья́на. — Вотъ, гото́въ вамъ обѣ́дъ. Ку́шайте на здоро́вье. А я тутъ ма́лость посижу́, на васъ погляжу́.

— Маріа́нна и Неждано́въ при́нялись ѣсть; Татья́на прико́рнула на подоко́нникъ и подпёрла щеку́ руко́ю.

— Погляжу́ я на васъ, — повтори́ла она́... — и каки́е же вы о́ба моло́денькіе да кво́ленькіе... Такъ прія́тно на васъ глядѣ́ть, что да́же печа́льно! Эхъ, голу́бчики мои́! Берёте вы на себя́ тяготу́ не въ могогу́! Таки́хъ-то, какъ васъ, приста́ва ца́рскіе — охочи́ въ куролёску сажа́ть!

— Ничего́, тётушка, не пуга́йте насъ, — замѣ́тилъ Неждано́въ. — Вы зна́ете поговóрку: „Назва́лся груздёмъ — полѣза́й въ кузо́въ“.

— Зна́ю... зна́ю; да кузовья́-то пошли́ но́нѣ тѣ́сные да невыла́зные!...

— Есть у васъ дѣ́ти? — спроси́ла Маріа́нна, что́бы перемѣни́ть разгово́ръ.

— Есть; сыно́къ. Въ шко́лу ходи́ть на́чалъ. Была́ и до́чка; да не ста́ло ея́, серде́шной! Несча́стье съ ней приключи́лось: попа́ла подъ колесо́. И хоть бы ра́зомъ её уби́ло! А то — му́чилась до́лго. Съ тѣ́хъ поръ я жалостли́вая ста́ла; а пре́жде — что́ жи́молость — что́ я. — Какъ есть де́рево!

— Ну, а какъ же вы Па́вла Его́рыча-то ва́шего — ра́звѣ не люби́ли?

— Э! То́ осо́бь-статья́; то́ — дѣ́ло дѣви́чье. Вѣдь вотъ и вы — ва́шего-то лю́бите? Аль нѣтъ?

— Люблю́.

— О́ченно лю́бите?

— О́чень.

— Чтой-то... — Татья́на посмотрѣ́ла на Неждано́ва, на Маріа́нну — и ничего́ не приба́вила.

Маріа́ннѣ опя́ть пришло́сь перемѣни́ть разгово́ръ. Она́ объяви́ла Татья́нѣ, что бро́сила таба́къ кури́ть; та её похвали́ла. — Пото́мъ Маріа́нна втори́чно попроси́ла её на счётъ пла́тья; напо́мнила ей, что она́ обѣща́лась показа́ть, ка́къ стря́паютъ...

— Да вотъ ещё что́! Нельзя́ ли мнѣ доста́ть то́лстыхъ суро́выхъ ни́токъ? Я бу́ду чу́лки вя́зать... просты́е.

Татья́на отвѣча́ла, что всё бу́детъ испо́лнено, какъ слѣ́дуетъ — и, убра́въ со стола́, вы́шла изъ ко́мнаты своей твёрдой, споко́йной похо́дкой.

— Ну, а мы что́ бу́демъ дѣ́лать? — обрати́лась Маріа́нна къ Неждано́ву; — и не да́вши ему́ отвѣ́тить: — Хо́чешь? такъ какъ то́лько за́втра

начнётся настоя́щее де́ло, посвяти́мъ ны́нѣшній ве́черъ литерату́рѣ. — Перечтёмъ тво́и стихи́! Я судья́ бу́ду стро́гій.

Неждано́въ до́лго не соглаша́лся... Одна́ко ко́нчилъ тѣмъ, что уступи́лъ — и сталъ чита́ть изъ тетра́дки. Маріа́нна се́ла бли́зко во́злѣ него́ — и глядѣ́ла ему́ въ лицо́, пока́ онъ чита́лъ. — Она́ сказа́ла пра́вду: судьёй она́ оказа́лась стро́гимъ. Немно́гія стихотворе́нія ей понра́вились: она́ предпочита́ла чи́сто-лири́ческія, коро́ткія, и, какъ она́ выража́лась — не нравоучи́тельныя. Чита́лъ Неждано́въ не совсѣ́мъ хорошо́: не рѣша́лся деклами́ровать — и не хотѣ́лъ впада́ть въ сухо́й тонъ; выходи́ло: — ни ры́ба, ни мя́со. Маріа́нна вдругъ перерва́ла его́ вопро́сомъ: зна́етъ ли онъ удиви́тельное стихотворе́ніе Добролю́бова, кото́рое начина́ется такъ: „Пуска́й умру́ — печа́ли ма́ло“*) и тутъ же прочла́ его́ — то́же не совсѣ́мъ хорошо́ — какъ-то немно́жко подѣ́тски.

Неждано́въ замѣ́тилъ, что оно́ го́рько и го́рестно до-не́льзя — и пото́мъ приба́вилъ, что онъ, Неждано́въ, не могъ бы написа́ть э́то стихотворе́ніе уже́ потому́, что ему́ не́чего боя́ться слёзъ надъ свое́й моги́лой... ихъ не бу́детъ.

— Бу́детъ, е́сли я тебя́ переживу́ — произнесла́ медли́тельно Маріа́нна — и, поднявши глаза́ къ потолку́ да помолча́въ немно́го, вполго́лоса, какъ-бы говоря́ съ само́й собо́ю, спроси́ла:

— Какъ же э́то онъ съ меня́ портре́тъ нарисова́лъ? По па́мяти?

Неждано́въ бы́стро оберну́лся къ ней...

— Да; по па́мяти.

Маріа́нна удиви́лась, что онъ отвѣча́лъ ей. Ей каза́лось, что она́ э́тотъ вопро́съ то́лько поду́мала.

---

*) Пуска́й умру́ — печа́ли ма́ло;
Одно́ страши́тъ мой умъ больно́й:
Чтобы́ и смерть не разыгра́ла
Оби́дной шу́тки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холо́днымъ тру́помъ
Не пролило́сь горя́чихъ слёзъ,
Чтобъ кто́-нибудь въ усе́рдьи глу́помъ
На гробъ цвѣто́въ мнѣ не принёсъ.

Чтобъ безкоры́стною толпо́ю
За нимъ не шли мои друзья́,
Чтобъ подъ моги́льною землёю
Не сталъ любви́ предме́томъ я.

Чтобъ всё, чего́ жела́лъ такъ жа́дно
И такъ напра́сно я живо́й,
Не улыбну́лось мнѣ отра́дно
Надъ гробово́й мое́й доско́й.

Соч. Д-ва Т. IV, стр. 615.

— Это удиви́тельно... — продолжа́ла она́ тѣмъ же го́лосомъ. Вѣдь у него́ и тала́нта къ жи́вописи нѣтъ. — Что́ я хотѣ́ла сказа́ть... приба́вила она́ гро́мко; — да! на счётъ стихо́въ Добролю́бова. — На́до такіе стихи́ писа́ть, какъ Пу́шкинъ — и́ли вотъ такіе, какъ э́ти Добролю́бовскіе: это не поэ́зія... но что-то не ху́же ея́.

— А такіе, какъ мой, — спроси́лъ Неждано́въ, — во́все не слѣ́дуетъ писа́ть? — Не пра́вда ли?

— Такіе стихи́, какъ твой, — нра́вятся друзья́мъ, не потому́, что они́ о́чень хороши́ — но потому́, что *ты* хоро́шій челове́къ — и они́ на тебя́ похо́жи.

Неждано́въ усмѣхну́лся.

— Похорони́ла же ты ихъ — да и меня́ кста́ти!

Маріа́нна уда́рила его́ по рукѣ́ и назва́ла злымъ... Ско́ро пото́мъ она́ объяви́ла, что она́ уста́ла — и пойдётъ спать.

— Кста́ти, ты зна́ешь, — приба́вила она́, встря́хнувъ свои́ми коро́ткими, но густы́ми ку́дрями, — у меня́ 137 рубле́й — а у тебя́?

— 98.

О! да мы бога́ты... для опростѣ́лыхъ. — Ну — до за́втра!

Она́ ушла́; но че́резъ нѣ́сколько мгнове́ній ея́ дверь чуть-чуть отвори́лась — и изъ-за у́зкой ще́ли послы́шалось сперва́: Проща́й? — пото́мъ, бо́лѣе ти́хо: Проща́й! — И ключъ щёлкнулъ въ замкѣ́.

Неждано́въ опусти́лся на дива́нъ и закры́лъ глаза́ руко́ю... Пото́мъ онъ бы́стро всталъ, подошёлъ къ две́ри — и постуча́лся.

— Чего́ тебѣ́? — разда́лось отту́да.

— Не *до* за́втра — Маріа́нна... а — за́втра!

— За́втра, — отозва́лся ти́хій го́лосъ.

XXIX.

На друго́й день по-утру́ ра́но Неждано́въ постуча́лся опя́ть въ дверь къ Маріа́ннѣ.

— Э́то я, — отвѣча́лъ онъ на ея́ вопро́съ: кто тамъ? — Мо́жешь ты ко мнѣ вы́дти?

— Погоди́... сейча́съ.

Она вы́шла — и ахнула. Въ пе́рвую мину́ту она́ его́ не узна́ла. На нёмъ былъ ста́сканный, желтова́тый на́нковый кафта́нъ съ кро́шечными пу́говками и высо́кой та́льей; во́лосы онъ причеса́лъ по-ру́сски — съ прямы́мъ проборомъ; ше́ю повяза́лъ си́нимъ платочко́мъ; въ рукѣ́ держа́лъ карту́зъ съ изло́маннымъ козырько́мъ; на нога́хъ у него́ бы́ли нечи́щенные, вы́ростковые сапоги́.

— Го́споди! — воскли́кнула Маріа́нна; — како́й ты... некраси́вый! и тутъ же бы́стро обняла́ его́ — и ещё быстрѣ́й поцѣлова́ла. — Да зачѣ́мъ же ты *такъ* одѣ́лся? Ты смо́тришь каки́мъ-то плохи́мъ город-

ски́мъ мѣщани́номъ... и́ли разно́счикомъ... и́ли отставны́мъ дворовы́мъ. Отчего́ э́тотъ кафта́нъ — а не поддёвка и́ли про́сто крестья́нскій арма́къ.

— То-то и есть, на́чалъ Неждано́въ, кото́рый въ своёмъ костю́мѣ дѣйстви́тельно сма́хивалъ на ме́лкаго нра́сола изъ мѣща́нъ — и самъ э́то чу́вствовалъ и въ душѣ́ доса́довалъ и смуща́лся; — онъ до того смуща́лся, что всё потро́гивалъ себя́ по груди́ растопы́ренными па́льцами обѣ́ихъ рукъ, сло́вно обчища́лся... — Въ поддёвкѣ и́ли въ армя́кѣ меня́ бы сейча́съ узна́ли, по увѣре́нію Па́вла; — а э́та одёжа — по его́ сло-ва́мъ... сло́вно я друго́й о́тъ роду и не на̀шивалъ! Что́ не о́чень ле́стно для моего́ самолю́бія, замѣ́чу въ ско́бкахъ.

— Ра́звѣ ты хо́чешь сейча́съ идти́... начина́ть? — съ жи́востью спроси́ла Маріа́нна.

— Да; я попыта́юсь, хотя́... по настоя́щему...

— Счастли́вецъ! — переби́ла Маріа́нна.

— Э́тотъ Па́велъ како́й-то удиви́тельный, — продолжа́лъ Неждано́въ: — всё-то онъ зна́етъ, такъ тебя́ глаза́ми насквозь и ни́жетъ; а то́ вдругъ тако́е ско́рчитъ лицо́, сло́вно онъ ото всего́ въ сторонѣ́ — и ни во что́ не мѣша́ется! — Самъ услу́живаетъ — а самъ всё подсмѣ́ивается. — Кни́жки мнѣ принёсъ отъ Ма́ркелова; онъ и его́ зна́етъ, и Сергѣемъ Миха́йловичемъ велича́етъ. А за Соло́мина и въ ого́нь и въ во́ду гото́въ.

— И Татья́на то́же — промо́лвила Маріа́нна. — Отчего́-э́то ему́ лю́ди такъ пре́даны?

Неждано́въ не отвѣча́лъ.

— Каки́я кни́жки принёсъ тебѣ́ Па́велъ? — спроси́ла Маріа́нна.

— Да... обыкнове́нныя. — „Ска́зка о четырёхъ бра́тьяхъ“... Ну, ещё тамъ... обыкнове́нныя, извѣ́стныя. — Впро́чемъ — э́ти лу́чше.

Маріа́нна тоскли́во оглянула́сь.

— Но что-жъ э́то Татья́на? Обѣща́ла, что придётъ ранёхонько...

— А вотъ она́ и я, — проговори́ла Татьяна, входя́ въ ко́мнату съ узелко́мъ въ рукѣ́. — Она́ стоя́ла за две́рью — и слы́шала восклица́ніе Маріа́нны.

— Успѣ́ете ещё... вотъ не́видаль!

Маріа́нна такъ и бро́силась ей на встрѣ́чу.

— Принесли́?

Татья́на уда́рила руко́й по узелку́.

— Всё тутъ... въ по́лномъ суста́вѣ... Сто́итъ то́лько примѣ́рить... да и ступа́й щеголя́ть — наро́дъ удивля́ть!

— Ахъ, пойдёмте, пойдёмте, Татья́на О́сиповна, ми́лая...

Маріа́нна увлекла́ её въ свою́ ко́мнату.

Оста́вшись оди́нъ, Неждано́въ прошёлся ра́за два взадъ и впередъ како́й-то осо́бенной, шмы́гающей похо́дкой... (Онъ почему́-то вообража́лъ, что мѣща́не и́менно такъ хо́дятъ) — понюха́лъ осторо́жно свой

со́бственный рука́въ, вну́тренность фура́жки — и помо́рщился; посмотрѣ́лъ на себя́ въ ма́ленькое зе́ркальце, прикрѣплённое на стѣнѣ́ во́злѣ окна́ и помота́лъ голово́ю: о́чень ужъ онъ былъ некази́стъ! — („А впро́чемъ, тѣмъ лу́чше“, поду́малъ онъ). Пото́мъ онъ доста́лъ нѣ́сколько брошю́ръ, запи́хнулъ ихъ себѣ́ въ за́дній карма́нъ — и произнёсъ вполго́лоса: „штошъ... робя́та... іе́фто... ничаво́... потому́шта“ — „Ка́жется, похо́же“, поду́малъ онъ опя́ть; „да и что за актёрство! за меня́ мой наря́дъ отвѣча́етъ“. И вспо́мнилъ тутъ Неждано́въ одного́ ссы́льнаго нѣ́мца, кото́рому ну́жно было бѣжа́ть че́резъ всю Россію — а онъ и пору́сски пло́хо говори́лъ; но благодаря́ купе́ческой ша́пкѣ съ коша́чьимъ око́лышемъ, кото́рую онъ купи́лъ себѣ́ въ одно́мъ уѣ́здномъ го́родѣ — его́ всю́ду принима́ли за купца́ — и онъ благополу́чно добра́лся за грани́цу.

Въ э́то мгнове́нье вошёлъ Соло́минъ.

— Ага́! — воскли́кнулъ онъ; — экипи́ровался! — Извини́, братъ: въ э́томъ наря́дѣ нельзя́ же тебѣ́: „вы“ говори́ть.

— Да сдѣ́лайте... сдѣ́лай одолже́ніе... я и то́ хотѣ́лъ тебя́ проси́ть.

— То́лько ра́но ужъ бо́льно; а то ра́звѣ вотъ что: пріобы́кнуть жела́ешь. — Ну, тогда́ — ничего́. Всё-таки́ подожда́ть ну́жно: хозя́инъ ещё не уѣ́халъ. Спитъ.

— Я попо́зже вы́ду, — отвѣча́лъ Неждано́въ, похожу́ по окре́стностямъ — пока́ полу́чится како́е распоряже́ніе.

— Резо́нъ: То́лько вотъ что́: братъ Алексѣ́й... вѣдь та́къ я говорю́: Алексѣ́й?

— Алексѣ́й. — Е́сли хо́чешь: Ликсѣ́й, — приба́вилъ, смѣ́ясь, Неждано́въ.

— Нѣ́тъ! зачѣ́мъ переса́ливать. — Слу́шай: уговоръ лу́чше де́негъ. — Кни́жки, я ви́жу — у тебя́ есть; раздава́й ихъ кому́ хо́чешь, — то́лько въ фа́брикѣ — ни-ни́!

— Отчего́ же?

— Оттого́, во-пе́рвыхъ, что оно́ для тебя́ же опа́сно; — вовторы́хъ, я хозя́ину поручи́лся, что э́того здѣсь не бу́детъ: вѣдь фа́брика всё-таки́ — — его́; въ-тре́тьихъ: у насъ коё-что начало́сь — шко́лы тамъ и про́чее... Ну — ты испо́ртить мо́жешь. Дѣ́йствуй на свой страхъ, какъ зна́ешь — я не препя́тствую; а фабри́чныхъ мои́хъ не тро́гай.

— Осторо́жность никогда́ не мѣша́етъ... ась? — съ язви́тельной полуусмѣ́шкой замѣ́тилъ Неждано́въ.

Соло́минъ широко́ улыбну́лся, по-сво́ему.

— И́менно, братъ Алексѣ́й; не мѣша́етъ никогда́. — Но кого́ э́то я ви́жу? Гдѣ мы?

Э́ти послѣ́днія восклица́нія относи́лись къ Маріа́ннѣ, кото́рая въ си́тцевомъ, пёстренькомъ, мно́го разъ мы́томъ пла́тьецѣ, съ жёлтымъ платочко́мъ на плеча́хъ, съ кра́снымъ на голове́, появи́лась на поро́гѣ

своéй кóмнаты. — Татья́на выгля́дывала изъ-за ея́ спины́ и добродýшно любова́лась éю. Маріáнна каза́лась и свѣжѣ́й и молóже въ своёмъ прóстенькомъ наря́дѣ: онъ приста́лъ ей гора́здо бóльше, чѣмъ долгопóлый кафта́нъ Неждáнову.

— Васи́лій Θедóтычъ, пожа́луйста, не смѣ́йтесь, — взмоли́лась Маріáнна — и покраснѣ́ла какъ мáковъ цвѣтъ.

— Ай-да пáрочка! — воскли́кнула межъ тѣмъ Татья́на — и въ ладóши удáрила. — Тóлько ты, мой голýбчикъ, паренёкъ, не прогнѣви́сь: хорóшъ ты хорóшъ; а прóтивъ моéй молодýхи — фигýрой не вы́шелъ.

„И въ сáмомъ дѣ́лѣ онá прéлесть“, — подýмалъ Неждáновъ; — „о! какъ я её люблю́!“

— И глянь-ка, — продолжáла Татья́на: — колéчками со мной помѣня́лась. — Мнѣ далá своё золотóе, — а самá взялá моё серéбряное.

— Дѣ́вушки просты́я золоты́хъ кóлецъ не нóсятъ, — промóлвила Маріáнна.

Татья́на вздохнýла.

— Я вамъ егó сохраню́, голýбушка; не бóйтесь.

— Ну, ся́дьте, ся́дьте óба, — нáчалъ Солóминъ, котóрый всё врéмя, наклони́въ нѣ́сколько гóлову, глядѣ́лъ на Маріáнну; — въ прéжнія временá, вы пóмните, лю́ди всегдá сáживались, когдá въ путь-дорóгу отправля́лись. — А вамъ обóимъ дорóга предстои́тъ дли́нная и трýдная.

Маріáнна, всё ещё крáсная, сѣ́ла; сѣлъ и Неждáновъ; сѣлъ Солóминъ... сѣ́ла наконéцъ и Татья́на на „ты́чкѣ“, т.-е. на стоя́вшее стоймя́ тóлстое полѣ́но. — Солóминъ посмотрѣ́лъ побóчереди на всѣхъ:

— Отойдёмъ — да поглядúмъ,
Какъ мы хорошó сидúмъ...

— промóлвилъ онъ, слегкá прищýрясь — и вдругъ захохотáлъ, да такъ слáвно, что не только никтó не обúдѣлся, а, напрóтивъ, всѣмъ óчень стáло прія́тно.

Но Неждáновъ внезáпно подня́лся.

— Я пойдý, — сказáлъ онъ, — тепéрь же; а тó э́то всё óчень любéзно — тóлько слегкá на водевúль съ переодѣва́ньемъ смáхиваетъ.

— Не безпокóйся, — обратúлся онъ къ Солóмину: — я твои́хъ фабри́чныхъ не трóну. Поболтáюсь по окрéстностямъ, вернýсь, — и тебѣ́, Маріáнна, разскажý мои́ похожде́нія, éсли тóлько бýдетъ чтó разскáзывать. Дай рýку на счáстье!

Чайкý бы сперва́, — замѣ́тила Татья́на.

— Нѣтъ, чтó за чáйничанье! — Éсли нýжно — я въ трактúръ зайдý, и́ли прóсто въ кабáкъ.

Татья́на кáчнула головóй.

— У насъ тепéрь по большúмъ-то по дорóгамъ трактúровъ э́тихъ

развело́сь, что́ блохъ въ ове́чьей шу́бѣ. Сёла все простра́нныя — вотъ хоть бы Балма́сово...

— Проща́йте, до свида́нья... счастли́во остава́ться! — попра́вилъ себя́ Неждановъ, входя́ въ свою́ мѣща́нскую роль. — Но не успѣлъ онъ прибли́зиться къ две́ри, какъ изъ корридо́ра, пе́редъ са́мымъ его́ но́сомъ, вы́нырнулъ На́велъ — и вруча́я ему́ высо́кій, то́нкій по́сохъ съ вы́рѣзанной въ ви́дѣ ви́нта, во всю его́ длину́, полосо́й коры́, — промо́лвилъ:

— Извольте получи́ть, Алексѣ́й Дми́тричъ, — подпира́йтесь на ходу́, — и чѣмъ вы э́ту са́мую па́лочку да́льше отъ себя́ отставля́ть бу́дете, тѣмъ прія́тнѣе бу́детъ.

Неждановъ взялъ по́сохъ мо́лча и удали́лся; за нимъ и Па́велъ. — Татья́на хотѣ́ла-было уйти́ та́кже; Маріа́нна приподня́лась и останови́ла её:

— Погоди́те, Татья́на О́сиповна; мнѣ вы ну́жны.

— А я сейча́съ верну́сь, да съ самова́ромъ. Вашъ това́рищъ ушёлъ безъ ча́ю; вишь — ужъ о́чень ему́ приспи́чило... А вамъ-то съ чего́ себя́ казни́ть? — Да́льше — виднѣ́е бу́детъ.

Татья́на вы́шла, Соло́минъ то́же всталъ. Маріа́нна стоя́ла къ нему́ спино́й; — и когда́ она́ наконе́цъ обернулась къ нему́, такъ какъ онъ о́чень до́лго не промо́лвилъ ни еди́наго сло́ва, — то уви́дѣла на его́ лицѣ́, въ его́ глаза́хъ, на неё устремлённыхъ, выраже́ніе, како́го она́ пре́жде у него́ не замѣча́ла: выраже́ніе вопроси́тельное, безпоко́йное, почти́ любопы́тствующее. — Она́ смути́лась и опя́ть покраснѣ́ла. — А Соло́мину сло́вно ста́ло со́вѣстно того́, что́ она́ уловила на его́ лицѣ́ — и онъ заговори́лъ гро́мче обыкнове́ннаго:

— Такъ, та́къ-то, Маріа́нна... Вотъ вы и на́чали.

— Како́е начала́, Васи́лій Ѳедо́тычъ! — Что э́то за нача́ло? Мнѣ что-то вдругъ о́чень нело́вко стано́вится. Алексѣ́й пра́вду сказа́лъ: мы то́чно каку́ю-то коме́дію игра́емъ,

Соло́минъ сѣ́лъ опя́ть на стулъ.

— Да, позво́льте, Маріа́нна... Ка́къ же вы себѣ́ э́то представля́ете: *нача́ть?* — Не баррика́ды же стро́ить со зна́менемъ на верху́ — да: ура́! за респу́блику! — Э́то же и не же́нское дѣ́ло. — А вотъ вы сего́дня каку́ю-нибудь Луке́рью чему́-нибудь до́брому нау́чите; — и тру́дно вамъ э́то бу́детъ, потому́ что не легко́ понима́етъ Луке́рья, и васъ чужда́ется, — да ещё вообража́етъ, что ей совсѣ́мъ не ну́жно то̀, чему́ вы её учи́ть собира́етесь; — а недѣ́ли че́резъ двѣ́ и́ли три вы съ другой Луке́рьей помучитесь; а пока́ — ребёночка вы помо́ете, и́ли а́збуку ему́ пока́жете, — и́ли больно́му лека́рство дади́те... вотъ вамъ и нача́ло.

— Да вѣдь э́то сёстры милосе́рдія дѣ́лаютъ, Васи́лій Ѳедо́тычъ! — Для чего́-жъ мнѣ тогда́... всё э́то? — Маріа́нна указа́ла на себя́ и вокру́гъ себя́ неопредѣ́лённымъ движе́ніемъ руки́. — Я о друго́мъ мечта́ла.

— Вамъ хотѣ́лось собо́й пожертвовать?

Глаза́ у Маріа́нны заблиста́ли.

— Да... да... да!

— А Неждано́въ?

Маріа́нна пожа́ла плечо́мъ.

— Что́ Неждано́въ! Мы пойдёмъ вмѣстѣ... и́ли я пойду́ одна́.

Соло́минъ при́стально посмотрѣ́лъ на Маріа́нну.

— Зна́ете что́, Маріа́нна... Вы извини́те не-прили́чность выраже́нія... но по-мо́ему: шелуди́вому ма́льчику во́лосы расчеса́ть — же́ртва; и больша́я же́ртва, на кото́рую не мно́гіе спосо́бны.

— Да я и отъ э́того не отка́зываюсь, Васи́лій Ѳедо́тычъ.

— Я зна́ю, что не отка́зываетесь! Да, *вы* на э́то спосо́бны. — И вы бу́дете — пока́ — дѣ́лать э́то; а пото́мъ, пожа́луй — и друго́е.

— Но для э́того на́до поучи́ться у Татья́ны!

— И прекра́сно... учи́тесь. — Вы бу́дете чуми́чкой горшки́ мыть, щи́пать куръ... А тамъ, кто зна́етъ, мо́жетъ быть, спасёте оте́чество!

— Вы смѣётесь надо мно́ю, Васи́лій Ѳедо́тычъ.

Соло́минъ ме́дленно потря́съ голово́ю.

— О, моя́ ми́лая Маріа́нна, повѣ́рьте: не смѣю́сь я надъ ва́ми; и въ мои́хъ слова́хъ — проста́я пра́вда. Вы уже́ тепе́рь, всѣ вы ру́сскія же́нщины, дѣльне́е и вы́ше насъ, мужчи́нъ.

Маріа́нна подня́ла опусти́вшіеся глаза́.

— Я бы хотѣ́ла оправда́ть ва́ши ожида́нія, Соло́минъ... а тамъ — хоть умере́ть!

Соло́минъ всталъ.

— Нѣтъ, живи́те... живи́те! Это гла́вное. — Кста́ти, не хоти́те ли вы узна́ть, что́ происхо́дитъ тепе́рь въ ва́шемъ до́мѣ по по́воду ва́шего бѣ́гства? — Не принима́ютъ ли мѣ́ръ каки́хъ? Сто́итъ то́лько сло́во шепну́ть Па́влу: всё развѣ́даетъ ми́гомъ.

Маріа́нна изуми́лась.

— Како́й онъ у васъ необыкнове́нный человѣ́къ!

— Да... дово́льно удиви́тельный. — Вотъ, когда́ васъ ну́жно бу́детъ бра́комъ сочета́ть съ Алексѣ́емъ — онъ то́же э́то устро́итъ съ Зоси́мой... По́мните, я вамъ говори́лъ, есть тако́й попъ... Да вѣ́дь — пока́ — ещё не ну́жно? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А нѣтъ — такъ нѣтъ. — Соло́минъ подошёлъ къ две́ри, раздѣля́вшей о́бѣ ко́мнатки — Неждано́ва и Маріа́нны — и нагну́лся къ замку́.

— Что́ вы тамъ смо́трите? — спроси́ла Маріа́нна.

— А запира́етъ ли ключъ.

— Запира́етъ, — шепну́ла Маріа́нна.

Соло́минъ оберну́лся къ ней. — Она́ не поднима́ла глазъ.

— Такъ не ну́жно развѣ́дывать, какія намѣ́ренія Сипя́гиныхъ? ве́село промо́лвилъ онъ: — не ну́жно?

Соло́минъ хотѣ́лъ удали́ться.

— Васи́лій Ѳедо́тычъ...

— Что́ прика́жете?

— Скажи́те пожа́луйста, отчего́ вы, всегда́ тако́й молчали́вый, такъ разгово́рчивы со мной? Вы не пове́рите, какъ э́то меня́ ра́дуетъ.

— Отчего́? — Соло́минъ взялъ о́бѣ ея́ ма́ленькія, мя́гкія ру́ки въ свои́ больши́я, жо́сткія. — Отчего́? — Ну, да, должно́ быть, оттого́, что я васъ о́чень люблю́. Проща́йте.

Онъ вы́шелъ... Маріа́нна постоя́ла, погляде́ла ему́ въ слѣ́дъ, поду́мала — и отпра́вилась къ Татья́нѣ, кото́рая ещё не успѣ́ла принести́ ей самова́ръ — и у кото́рой она́ — пра́вда — напи́лась ча́ю — но такъ же мы́ла чуми́чкой горшки́ и куръ щи́пала — и да́же расчеса́ла како́му-то ма́льчику его́ вихря́стую го́лову.

Къ обѣ́денному вре́мени она́ верну́лась на свою́ кварти́рку... Ей не пришло́сь до́лго дожида́ться Неждано́ва.

Онъ возврати́лся, уста́лый, запы́ленный — и такъ и упа́лъ на дива́нъ. Она то́тчасъ подсѣ́ла къ нему́. — Ну, что? Ну, что́? Разска́зывай!

— Ты по́мнишь э́ти два стиха́, отвѣча́лъ онъ ей сла́бымъ го́лосо́мъ:

„Всё э́то бы́ло бы смѣшно́ —
„Когда́ бы не́ было такъ гру́стно“...

— По́мнишь?

— Коне́чно, по́мню.

— Ну, вотъ э́ти са́мые стихи́ отли́чно примѣня́ются къ моему́ пе́рвому вы́ходу. — Но, нѣтъ! Рѣши́тельно, смѣшно́го въ нёмъ бы́ло бо́льше. Во-пе́рвыхъ, я убѣди́лся, что ничего́ нѣтъ ле́гче, какъ разы́грывать роль: никто́ и не ду́малъ подозрѣва́ть меня́. — То́лько вотъ чего́ я не сообрази́лъ: на́до сочини́ть наперёдъ каку́ю-нибудь исто́рію... а то спра́шиваютъ: отку́да? почему́? — а у тебя́ ничего́ не гото́во. Впро́чемъ, и э́то почти́ не ну́жно. Предложи́ то́лько шка́ликъ во́дки въ кабакѣ́ — и ври, что́ уго́дно.

— И ты... вралъ? спроси́ла Маріа́нна.

— Вралъ... какъ умѣ́лъ. — Во-вторы́хъ: всѣ, рѣши́тельно всѣ лю́ди, съ кото́рыми я разгова́ривалъ — недово́льны; и никому́ не хо́чется да́же знать, какъ пособи́ть э́тому недово́льству! — Но въ пропага́ндѣ я оказа́лся — швахъ; двѣ брошю́рки про́сто тайко́мъ оста́вилъ въ го́рницахъ — одну́ засу́нулъ въ телѣ́гу... Что́ изъ нихъ вы́детъ — Ты еди́нъ, Го́споди, вѣ́си! — Четырёмъ человѣ́камъ предлага́лъ брошю́ры. Оди́нъ спроси́лъ — боже́ственная ли э́та кни́га? — и не взялъ; друго́й сказа́лъ, что не зна́етъ гра́моты — и взялъ для дѣте́й — потому́ на обло́жкѣ есть рису́нокъ; тре́тій сперва́ всё мнѣ поддра́кивалъ — „тэ-акъ, тэ-акъ“... пото́мъ вдругъ вы́ругалъ меня́ са́мымъ неожи́данымъ о́бразомъ, и то́же

не взялъ; четвёртый, наконе́цъ, взялъ — — и мно́го благодари́лъ меня́; — но, ка́жется, ни бельме́са не по́нялъ изо всего́ того́, что́ я ему́ говори́лъ. Кро́мѣ того́, одна́ соба́ка укуси́ла мнѣ но́гу; одна́ ба́ба съ поро́гу свое́й избы́ погрози́лась мнѣ ухва́томъ, приба́вивъ: „у́! посты́лый! — Шалопу́ты вы моско́вскіе! — Погиби́ли на васъ нѣ́тути!“ — Да ещё оди́нъ солда́тъ безсро́чный всё мнѣ въ слѣдъ крича́лъ: „Погоди́, посто́й! мы тебя́, братъ, распатро́нимъ!“ — А на мои́ же де́ньги напи́лся!

— А ещё что?

— Ещё что? — Я натёръ себѣ́ мозо́ль: оди́нъ сапо́гъ ужа́сно вели́къ. А тепе́рь я голо́денъ, — и голова́ трещи́тъ отъ во́дки.

— Да ра́звѣ ты мно́го пилъ?

— Нѣтъ, не мно́го — для приме́ру; но былъ въ пяти́ кабака́хъ, — То́лько я совсѣмъ э́той ме́рзости — во́дки — не переношу́. И какъ э́то нашъ наро́дъ её пьётъ — непостижи́мо! Е́сли ну́жно пить во́дку, чтобы́ опро̀ститься — слуга́ поко́рный!

— И та́къ-таки никто́ тебя́ не заподо́зрилъ?

— Никто́. — Оди́нъ цѣлова́льникъ, то́лстый тако́й, бле́дный челове́къ съ бѣ́лыми глаза́ми, былъ еди́нственный челове́къ, взгляну́вшій на меня́ подо́зри́тельно. Я слы́шалъ, какъ онъ говори́лъ свое́й женѣ́: „Ты наблюда́й э́того ры́жаго... косо́го“ (А я и не зналъ до тѣ́хъ поръ, что я косъ). „Э́то — жу́ликъ. Вишь ты, какъ пьётъ валья́жно“. — Что́ въ подо́бномъ слу́чаѣ зна́читъ: „валья́жно“ — я не по́нялъ; но едва́ ли э́то похва́ла. — Въ ро́дѣ Го́голевскаго „моветона“, — по́мнишь, въ „Ревизо́рѣ“. Ра́звѣ то̀, что я старался потихо́ньку расплёскивать во́дку подъ столъ. Охъ, тру́дно, тру́дно эсте́тику соприкаса́ться съ дѣ́йстви́тельной жи́знью!

— Въ друго́й разъ бу́детъ удачнѣе, — утѣша́ла Нежда́нова Мари́анна: — но я ра́да, что ты взгляну́лъ на пе́рвую свою́ попы́тку съ юмористи́ческой то́чки зрѣ́нія... Вѣдь, въ су́щности, ты не скуча́лъ?

— Нѣтъ, не скуча́лъ, да́же забавля́лся. — Но я зна́ю навѣрно́е, что бу́ду тепе́рь обо всёмъ э́томъ ду́мать — и мнѣ́ бу́детъ га́дко и гру́стно.

— Нѣтъ! нѣтъ! я не дамъ тебѣ́ ду́мать — я бу́ду разска́зывать тебѣ́, что̀ я дѣ́лала. Сейча́съ намъ принесу́тъ обѣ́дъ; кста́ти, знай, что я отли́чно... вы́мыла горшо́къ, въ кото́ромъ Татья́на намъ свари́ла щи. — И я бу́ду тебѣ́ разска́зывать... всё, всё, за ка́ждымъ кускомъ.

Такъ она́ и сдѣ́лала. Нежда́новъ слу́шалъ ея́ разска́зы — и глядѣ́лъ, глядѣ́лъ на неё... такъ, что она́ нѣ́сколько разъ остана́вливалась, чтобы́ дать ему́ сказа́ть, зачѣ́мъ онъ такъ на неё глядитъ... Но онъ молча́лъ.

По́слѣ обѣ́да она́ предложи́ла ему́ чита́ть вслухъ изъ Шпильга́гена. Но не успѣ́ла она́ ко́нчить пе́рвую страни́цу, какъ онъ стреми́тельно всталъ — и, подойдя́ къ ней, упа́лъ къ ея́ нога́мъ. Она́ приподня́лась, онъ обхвати́лъ ея́ колѣ́ни обѣ́ими рука́ми — и на́чалъ говори́ть стра́стныя, безсвя́зныя, отча́янныя слова́! „Онъ хотѣ́лъ умере́ть, онъ зналъ, что

умрётъ ско́ро“... — Она́ не шевели́лась, не сопротивля́лась; споко́йно покоря́лась его́ поры́вистому объя́тію, споко́йно, да́же ла́сково глядѣ́ла на него́ сверху́ внизъ. Она́ возложи́ла о́бѣ ру́ки на его́ го́лову, би́вшуюся въ скла́дкахъ ея́ оде́жды. — Но са́мое э́то споко́йствіе сильне́е подѣ́йствовало на него́, чѣмъ е́сли бы она́ его оттолкну́ла. Онъ всталъ, промо́лвилъ: „Прости́ меня́, Маріа́нна, за сего́дняшнее и вчера́шнее; повтори́ мнѣ, что ты гото́ва ждать, пока́ я ста́ну досто́йнымъ твое́й любви́ — и прости́ меня́“.

— Я дала́ тебѣ́ сло́во... и не умѣ́ю мѣня́ться.

— Ну, спаси́бо; проща́й.

Нежда́новъ вы́шелъ; — Маріа́нна заперла́сь въ свое́й ко́мнатѣ.

XXX.

Двѣ недѣ́ли спустя́, на той же са́мой кварти́рѣ, вотъ что́ писа́лъ Нежда́новъ дру́гу Си́лину, нагну́вшись надъ свои́мъ трёхно́жнымъ сто́ликомъ, на кото́ромъ ску́по и ту́скло горѣ́ла са́льная свѣча́. — (Бы́ло уже́ далеко́ за по́лночь. На дива́нѣ, на полу́ валя́лась въ-торопя́хъ сбро́шенная, загря́зненная оде́жда; въ стекло́ око́нъ посту́кивалъ ме́лкій непреры́вный дождь — и широ́кій тёплый вѣ́теръ пробѣга́лъ больши́ми вздо́хами по кры́шѣ).

„Ми́лый Влади́миръ, пишу́ тебѣ́ не выставля́я а́дресса — и да́же э́то письмо́ бу́детъ по́слано съ наро́чнымъ до отдалённой почто́вой ста́нціи; потому́ что моё пребыва́ніе здѣсь — та́йна; и вы́дать её — зна́читъ, погуби́ть не одного́ меня́. — Съ тебя́ дово́льно бу́детъ знать, что я живу́ на большо́й фа́брикѣ, вдвоёмъ съ Маріа́нной, вотъ уже́ двѣ недѣ́ли. Мы бѣжа́ли отъ Сипя́гиныхъ въ тотъ са́мый день, когда́ я писа́лъ тебѣ́. Насъ здѣсь прію́тилъ оди́нъ прія́тель: бу́ду звать его́ Васи́ліемъ. Онъ здѣсь гла́вное лицо́ — отли́чнѣйшій человѣкъ. Пребыва́ніе на́ше въ э́той фа́брикѣ — вре́менное. Мы нахо́димся здѣсь, пока́ насту́питъ вре́мя дѣ́йствовать; — хотя́, е́сли суди́ть по тому́, что́ произошло́ до сихъ поръ — вре́мя э́то едва́ ли когда́ насту́питъ! Влади́миръ, мнѣ о́чень, о́чень тяжело́. Пре́жде всего́ я до́лженъ тебѣ́ сказа́ть, что хотя́ мы съ Маріа́нной бѣжа́ли вмѣ́стѣ — но мы до сихъ поръ — какъ братъ съ сестро́ю. Она́ меня́ лю́битъ... и сказа́ла мнѣ, что бу́детъ мое́ю, е́сли... е́сли я почу́вствую себя́ въ пра́вѣ потре́бовать э́того отъ нея́.

„Влади́миръ, я э́того пра́ва за собо́й не чу́вствую! Она́ вѣ́ритъ мнѣ, мое́й че́стности — я ея́ обма́нывать не ста́ну. Я зна́ю, что я никого́ не люби́лъ и не полюблю́ — (э́то-то ужъ навѣ́рно!) бо́льше чѣмъ её. Но всё-таки! Ка́къ могу́ я присоедини́ть на-всегда́ ея́ судьбу́ къ мое́й? Живо́е существо́ — къ тру́пу? — Ну, не къ тру́пу — къ существу́ полумёртвому? — Гдѣ же бу́детъ со́вѣсть? — Ты ска́жешь: была́ бы си́льная страсть — со́вѣсть замолча́ла бы. — Въ томъ-то и дѣ́ло, что я трупъ; че́стный, благонамѣ́ренный трупъ, коли́ хо́чешь. — Пожа́луйста,

не кричи́, что я всегда́ преувели́чиваю... Всё, что̀ я тебѣ́ говорю́ — пра́вда! пра́вда! — Маріа́нна — нату́ра о́чень сде́ржанная — и тепе́рь вся поглощена́ свое́й дѣ́ятельностью, въ кото́рую вѣ́ритъ... А я!

„Ну — бро́симъ любо́вь и ли́чное сча́стье — и всё тако́е. — Вотъ уже́ двѣ́ недѣ́ли, какъ я хожу́ „въ наро́дъ“ — и, ей-же-ей, ничего́ глупѣ́й и предста́вить себѣ́ нельзя́. Коне́чно, вина́ тутъ моя́ — а не самаго́ дѣ́ла. Поло́жимъ, я не славянофи́лъ; я не изъ тѣ́хъ, кото́рые *ле́чатся* наро́домъ, соприкоснове́ніемъ съ нимъ; — я не прикла́дываю его́ къ свое́й больно́й утро́бѣ, какъ флане́левый набрю́шникъ... я хочу́ самъ дѣ́йствовать на него́; — но ка́къ?? — Ка̀къ э́то соверши́ть? Ока́зывается, что когда́ я съ наро́домъ, я всё то́лько приника́ю — да прислу́шиваюсь — а коли́ придётся самому́ что̀ сказа́ть — изъ рукъ вонъ! Самъ чу́вствую, что не гожу́сь. Точно́ скве́рный актёръ въ чужо́й ро́ли. Тутъ и добросо́вѣстность некста́ти, и скептици́змъ — и да́же како́й-то мизе́рный, на самого́ себя́ обращённый ю́моръ... Грош а́ мѣ́днаго всё э́то не сто́итъ! — Да́же га́дко вспомина́ть; — га́дко гляде́ть на э́ту ве́тошь, кото́рую я таска́ю, — на э́тотъ маскара́дъ, какъ выража́ется Васи́лій! — Увѣря́ютъ, что ну́жно сперва́ вы́учиться языку́ наро́да, узна́ть его обы́чаи и нра́вы... Вздоръ! вздоръ! вздоръ! Ну́жно *ѣ́рить* въ то, что́ говори́шь — а говори́, какъ хо́чешь! Мнѣ́ разъ пришло́сь слы́шать нѣ́что въ ро́дѣ про́повѣди одного́ раско́льничьяго проро́ка. Чортъ зна́етъ, что̀ онъ моло́лъ, кака́я э́то была́ смѣ́сь церко́внаго языка́, кни́жнаго, простонаро́роднаго — да ещё не ру́сскаго — а бѣлору́сскаго како́го-то... „Цобѣ́ вмѣ́сто „тебѣ́“, — „исть“ вмѣ́сто „ѣсть“ — „ы“ вмѣ́сто „и“ — и вѣ́дь всё одно́ и то́же долби́лъ, какъ те́теревъ како́й! „Накаты́лъ духъ... накаты́лъ духъ...“ — За то глаза́ горя́тъ, го́лосъ глухо́й и трёрдый, кулаки́ сжа́ты — и весь онъ какъ желѣ́зный! Слу́шатели не понима́ютъ — а благоговѣ́ютъ! И иду́тъ за нимъ. — А я начну́ говори́ть, то́чно винова́тый, всё прощ ені́я прошу́. — Хоть въ раско́льники бы пошёлъ — пра́во; му́дрость ихъ не велика́... да гдѣ́ вѣ́ры-то взять, вѣ́ры!! — Вонъ, Маріа́нна вѣ́ритъ. Съ утра́ рабо́таетъ, во́зится съ Татья́ной — тутъ есть одна́ така́я ба́ба, до́брая и неглу́пая; кста́ти, она́ про насъ говори́тъ, что мы опро́ститься жела́емъ и зовётъ насъ опростѣ́лыми; — такъ вотъ, съ э́той-то ба́бой Маріа́нна во́зится, мину́ты не посиди́тъ — настоя́щій муравѣ́й! — Ра́дуется, что ру́ки покраснѣ́ли да заскору́зли; и ждётъ, что, вотъ-вотъ, и она́, сейча́съ, коли́ ну́жно, на пла́ху. — А я, какъ ста́ну съ ней говори́ть о мои́хъ чу́вствахъ — такъ, во-пе́рвыхъ, мнѣ́ какъ-то сты́дно ста́нетъ, то́чно я на чужо́е ру́ку заношу́; а во-вторы́хъ, э́тотъ взглядъ... о, э́тотъ ужа́сный, пре́данный, непроти́вящійся взглядъ... „Возьми́, молъ, меня́... но *по́мни!*... Да и къ чему́ всё э́то? Ра́звѣ нѣ́тъ лу́чшаго, вы́сшаго на землѣ́?“ — То-есть, други́ми слова́ми: надѣва́й вонючій кафта́нъ, и́ди въ наро́дъ... И вотъ я иду́ въ э́тотъ наро́дъ...

„О, какъ я проклина́ю тогда́ э́ту не́рвность, чу́ткость, впечатли-

тельность, брезгли́вость, всё э́то наслѣ́діе моего́ аристократи́ческаго отца́! Како́е пра́во имѣ́лъ онъ втолкну́ть меня́ въ жизнь, снабди́въ меня́ о́рганами, кото́рые несво́йственны средѣ́, въ кото́рой я до́лженъ враща́ться? Созда́лъ пти́цу — да и пихну́лъ её въ во́ду? — Эсте́тика — да въ грязь! демокра́та, народолю́бца, въ кото́ромъ оди́нъ за́пахъ э́той пога́ной во́дки — „зелена́ вина́“ — возбужда́етъ тошноту́, чуть не рво́ту?...

„Вотъ до чего́ я договори́лся: сталъ брани́ть моего́ отца́! — И демокра́томъ сдѣ́лался я самъ: тутъ онъ ни причёмъ.

„Да, Влади́миръ, ху́до мнѣ. Ста́ли посѣща́ть меня́ каки́я-то сѣ́рыя, скве́рныя мы́сли! — Такъ неу́жто же, спро́сишь ты меня́, я да́же въ тече́ніи э́тихъ двухъ недѣ́ль не наткну́лся на како́е-нибудь отра́дное явле́ніе, на како́го-нибудь хоро́шаго, живо́го, хоть и тёмнаго челове́ка? — Какъ тебѣ́ сказа́ть! Встрѣча́лъ я нѣ́что подо́бное... Оди́нъ да́же о́чень хоро́шій попа́лся — сла́вный, бо́йкій ма́лый. — Да ка̀къ я ни вертѣ́лся — не ну́женъ я ему́ съ мои́ми брошю́рами — и всё тутъ! У здѣ́шняго фабри́чнаго Па́вла — (онъ пра́вая рука́ Васи́лія, преу́мный и прехи́трый, бу́дущая „голова́“ ... Я тебѣ́, ка́жется, о нёмъ писа́лъ) — у него́ есть прія́тель изъ мужико́въ. Елиза́ромъ его́ зову́тъ... то́же свѣ́тлый умъ — и душа́ свобо́дная, безо вся́кихъ путъ; но какъ то́лько онъ со мно́ю — то́чно стѣна́ ме́жду на́ми! — такъ и смо́ритъ „нѣ́томъ“! А то ещё вотъ на како́го я наскочи́лъ... впро́чемъ, э́тотъ былъ изъ серди́тыхъ. — „Ужъ ты“, говори́тъ, „ба́ринъ, не разма́зывай — а пря́мо скажи́: отда́шь ли ты всю свою́ зе́млю, какъ есть — аль нѣ́тъ?“ — „Что̀ ты“, отвѣча́ю я ему́, — „како́й я ба́ринъ!“ (И ещё, по́мнится, приба́вилъ: Христо́съ съ тобо́ю!) — „А коли́ ты изъ просты́хъ“, говори́тъ — „такъ како́й въ тебѣ́ толкъ? И оста́вь ты меня́, сдѣ́лай ми́лость!“

„И вотъ ещё что. — Я замѣ́тилъ: коли́ кто ужъ о́чень охо́тно тебя́ слу́шаетъ и кни́жки сейча́съ берётъ — знай: э́тотъ изъ пло́хенькихъ, вѣ́теркомъ подби́тъ. — И́ли на како́го краснобая́ наткнёшься — изъ образо́ванныхъ, кото́рый то́лько и зна́етъ, что одно́ облю́бленное сло́во твердитъ. — Оди́нъ, напримѣ́ръ, про́сто замучилъ меня́: всё у него́ „прызво́дство!“ — Что̀ ему́ ни говори́, а онъ: „тако́е — зна́читъ — прызво́дство!“ — А! чортъ тебя́ побери́! — Ешё одно́ замѣча́ніе... По́мнишь, была́ когда́-то — давно́ тому́ наза́дъ — рѣ́чь о „ли́шнихъ“ лю́дяхъ, о Га́млетахъ? — Предста́вь: таки́е „ли́шніе“ лю́ди попада́ются тепе́рь ме́жду крестья́нами! — Коне́чно, съ осо́бымъ оттѣ́нкомъ... притомъ они́, бо́льшей ча́стью, чахо́точнаго сложе́нія. — Интере́сные субъе́кты — и иду́тъ къ намъ охо́тно; но со́бственно для дѣ́ла — непригодные; такъ же какъ и пре́жніе Га́млеты. Ну, что́ тутъ бу́дешь дѣ́лать? — Типогра́фію завести́ секре́тную? Да вѣ́дь кни́жекъ и безъ того́ уже дово́льно. И таки́хъ, что́ говоря́тъ: „перекрести́сь, да возьми́ топо́ръ“ — и таки́хъ, что́ говоря́тъ: „возьми́ топо́ръ про́сто“. По́вѣсти изъ наро́днаго бы́та, съ начи́нкой, сочиня́ть? Не напеча́таютъ, пожа́луй. — И́ли ужъ

то́чон взять топо́ръ?... А на кого́ идти́, съ кѣмъ, зачѣмъ? — Что́бы казённый солда́тъ тебя́ убубу́халъ изъ казе́ннаго ружья́? Да вѣдь э́то како́е-то сло́жное самоубі́йство! Ужъ лу́чше же я самъ съ собо́й покончу. По кра́йней мѣрѣ бу́ду знать, когда́ и ка̀къ, — и самъ вы́беру, въ како́е мѣсто вы́палить.

„Пра́во, мнѣ ка́жется, что е́сли бы гдѣ-нибудь тепе́рь происходи́ла наро́дная война́ — я бы отпра́вился туда́ не для того́, что́бы освобожда́ть кого́ бы то ни́ было (освобожда́ть други́хъ, когда́ свои́ не свобо́дны!!) — но что́бы поко́нчить съ собо́ю...

„Нашъ прія́тель Васи́лій, тотъ, что́ здѣсь насъ прію́тилъ, сча́стливый челове́къ: онъ изъ на́шего ла́геря — да споко́йный како́й-то. — Ему́ не къ спѣху. Другого́ я бы вы́бранилъ... а его́ не могу́. И ока́зывается, что вся суть не въ убѣжде́ніяхъ — а въ хара́ктерѣ. У Васи́лія хара́ктеръ тако́й, что иго́лки не подпу́стишь. — Ну, вотъ онъ и правъ. — Онъ мно́го съ на́ми сиди́тъ, съ Маріа́нной. — И вотъ, что̀ удиви́тельно. Я её люблю́ и она́ меня́ лю́битъ (я ви́жу, какъ ты улыба́ешься при э́той фра́зѣ — но ей-Бо́гу же э́то — такъ!); — а говори́ть мнѣ съ не́ю почти́ не́ о чёмъ. — А съ нимъ она́ и спо́ритъ, и толку́етъ, и слу́шаетъ его́. — Не ревну́ю я её къ нему́; онъ же собира́ется её куда́-то помѣсти́ть — по кра́йней мѣрѣ она́ его́ объ э́томъ про́ситъ; — то́лько го́рько мнѣ, гля́дя на нихъ. — И вѣдь предста́вь: заикни́сь я сло́вомъ о жени́тьбѣ — она́ бы сейча́съ согласи́лась — и попъ Зоси́ма вы́ступилъ бы на сце́ну — „Иса́ія, лику́й!“ — и всё какъ слѣдуетъ. То́лько отъ э́того мнѣ бы не́ было ле́гче — и *ничего́ бы не измѣни́лось*... Куда́ ни кинь — всё клинъ! — Окургу́зила меня́ жизнь, мой Влади́миръ, какъ по́мнишь, гова́ривалъ нашъ знако́мый, пьянчу́жка портно́й, жа́луясь на свою́ жену́.

„Впро́чемъ я чу́вствую, что э́то до́лго не продли́тся. Чу́вствую я, что гото́вится что-то...

„Не самъ ли я тре́бовалъ и дока́зывалъ, что на́до „приступи́ть?“ — Ну, вотъ мы и присту́пимъ.

„Я не по́мню, писа́лъ ли я тебѣ́ о друго́мъ моёмъ знако́момъ, чернома́зомъ — ро́дственникѣ Сипя́гиныхъ? Тотъ мо́жетъ, пожа́луй, свари́ть таку́ю ка́шу, что и не расхлеба́ешь.

„Совсѣмъ уже́ хотѣ́лъ ко́нчить э́то письмо́ — да что́! — Вѣдь я всё нѣтъ, нѣтъ — да настро́чу стихи́. Маріа́ннѣ я ихъ не чита́ю — она́ ихъ не о́чень жа́луетъ — а ты... иногда́ и похвали́шь; а гла́вное: никому́ не разболта́ешь. Поражёнъ я былъ одни́мъ всеобщимъ явле́ніемъ на Руси́... А впро́чемъ, вотъ они́, э́ти стихи́:

Сонъ.

„Давне́нько не быва́лъ я въ сторонѣ́ родно́й...
Но не нашёлъ я въ ней замѣ́тной перемѣ́ны.

Всё тотъ же мёртвенный, безсмы́сленный засто́й,
Строе́нія безъ крышъ, разру́шенныя сте́ны,
И та же грязь и вонь, и бѣ́дность, и тоска́!
И тотъ же ра́бскій взглядъ, то де́рзкій, то уны́лый..
Наро́дъ нашъ во́льнымъ сталъ; и во́льная рука́
Вися́тъ, по пре́жнему, како́й-то пле́ткой хи́лой.
Всё, всё по пре́жнему... И то́лько лишь въ одно́мъ
Евро́пу, Азію, весь свѣтъ мы перегна́ли...
Нѣтъ! никогда́ ещё таки́мъ ужа́снымъ сномъ
Мои́ любе́зные сото́чичи не спа́ли!

Всё спитъ круго́мъ: вездѣ́, въ деревня́хъ, въ города́хъ,
Въ телѣгахъ, на са́няхъ, днёмъ, но́чью, си́дя, сто́я...
Купе́цъ, чино́вникъ спитъ; спитъ сто́рожъ на часа́хъ,
Подъ сне́жнымъ хо́лодомъ — и на припёкѣ зно́я!
И подсуди́мый спитъ — и дры́хнетъ суді́я;
Мертво́ спятъ мужики́: жнутъ, па́шутъ — спятъ; моло́тятъ —
Спятъ то́же; спитъ оте́цъ, спитъ мать, спитъ вся семья́...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьётъ, и тотъ, кого коло́тятъ!
Оди́нъ каба́къ не спитъ и не смыка́етъ глазъ,
И штофъ съ очи́щенной всей пяте́рней сжима́я,
Лбомъ въ по́люсъ упе́ршись, а пя́тками въ Кавка́зъ,
Спитъ непробу́днымъ сномъ отчи́зна, Русь свята́я!

„Пожа́луйста, извини́ меня́; я не хотѣль посла́ть тебѣ́ тако́е гру́стное письмо́, не насмѣшивъ тебя́ хоть подъ коне́цъ (ты навѣрно́е замѣтишь нѣсколько натя́нутыхъ риѳмъ: „моло́тятъ — коло́тятъ“... да ма́ло ли чего́!) — Когда́ я напишу́ тебѣ́ слѣ́дующее письмо́? И напишу́ ли? Что́ бы со мно́ю ни́ было, я увѣ́ренъ, ты не забу́дешь —

Твоего́ вѣ́рнаго дру́га
А. Н.

„P. S. — Да, нашъ наро́дъ спитъ... Но, мнѣ́ сдаётся, е́сли что́ его́ разбу́дитъ — э́то бу́детъ не то, что *мы* ду́маемъ...“

Дописа́въ послѣ́днюю строку́, Нежда́новъ бро́силъ перо́ — и, сказа́въ самому́ себѣ́: „Ну — тепе́рь постара́йся засну́ть и забы́ть всю э́ту чушь, стихотво́ръ!“ — лёгъ на посте́ль... но сонъ до́лго бѣжа́лъ его́ глазъ.

На друго́е у́тро Маріа́нна разбуди́ла его́, проходя́ че́резъ его́ ко́мнату къ Татья́нѣ; но онъ то́лько-что успѣ́лъ одѣ́ться, какъ она́ уже́ верну́лась сно́ва. Ея́ лицо́ выража́ло ра́дость и трево́гу: она́ каза́лась взволно́ванной.

— Зна́ешь что́, Алёша; говоря́тъ въ Т... мъ у́ѣздѣ — бли́зко отсю́да — уже́ началось!

— Какъ? Что́ началось? Кто э́то говори́тъ?

— Па́велъ. — Говоря́тъ, крестья́не поднима́ются — не хотя́тъ плати́ть подате́й, собира́ются толпа́ми.

— Ты сама́ э́то слы́шала?

— Мнѣ Татья́на ска́зывала. — Да вотъ и самъ Па́велъ. Спроси́ у него́.

Па́велъ вошёлъ и подтверди́лъ ска́занное Маріа́нной.

— Въ Т...мъ у́ѣздѣ безпоко́йно — э́то вѣ́рно! — промо́лвилъ онъ, потря́хивая боро́дкой и прищу́ривая свои́ блестя́щіе чёрные глаза́. — Серге́я Миха́йловича, должно́ полага́ть, рабо́та. Вотъ уже пя́тый день, какъ ихъ нѣ́ту до́ма.

Неждановъ взя́лся за ша́пку.

— Куда́ ты? — спроси́ла Маріа́нна.

— Да... туда́, — отвѣча́лъ онъ, не поднима́я глазъ и сдви́нувъ бро́ви. — Въ Т...ій у́ѣздъ.

— Такъ и *я* съ тобо́й. Вѣдь ты меня́ возьмёшь? Дай мнѣ то́лько большо́й плато́къ надѣ́ть.

— Э́то не же́нское дѣ́ло, — су́мрачно промо́лвилъ Неждановъ, по пре́жнему гля́дя внизъ, то́чно озлоблённый.

— Нѣтъ... нѣтъ!... Ты хорошо́ дѣ́лаешь, что идёшь; а то Ма́ркеловъ счёлъ бы тебя́ за тру́са... И я иду́ съ тобо́й.

— Я не трусъ, — такъ же су́мрачно промо́лвилъ Неждановъ.

— Я хотѣ́ла сказа́ть, что онъ насъ обо́ихъ за тру́совъ бы при́нялъ. Я иду́ съ тобо́й.

Маріа́нна отпра́вилась за платко́мъ въ свою́ ко́мнату — а Па́велъ произнёсъ изподтишка́ и какъ-бы втя́гивая въ себя́ во́здухъ: „Эге-ге!“ и неме́дленно исче́зъ. — Онъ побѣжа́лъ предупреди́ть Соло́мина.

Маріа́нна ещё не появи́лась, какъ уже́ Соло́минъ вошёлъ въ ко́мнату Нежда́нова. — Онъ стоя́лъ лицо́мъ къ окну́, опёршись лбомъ о ру́ку, а руко́й о стекло́. Соло́минъ тро́нулъ его́ за плечо́. Онъ бы́стро обернну́лся. — Взъеро́шенный, немы́тый, Неждановъ имѣ́лъ видъ ди́кій и стра́нный. Впро́чемъ и Соло́минъ измѣни́лся въ послѣ́днее вре́мя. Онъ пожелтѣ́лъ, лицо́ его́ вы́тянулось, ве́рхніе зу́бы обнажи́лись слегка́... Онъ то́же каза́лся встрево́женнымъ, наско́лько могла́ трево́житься его́ „уравновѣ́шенная“ душа́.

— Ма́ркеловъ таки́ не вы́держалъ, — на́чалъ онъ. — Это мо́жетъ ко́нчиться ху́до; для него́ — во-пе́рвыхъ... ну, и для други́хъ.

— Я хочу́ пойти́ посмотрѣ́ть, что́ тамъ тако́е... — промо́лвилъ Неждановъ.

— И я, — приба́вила Маріа́нна, показа́вшись на поро́гѣ две́ри.

Соло́минъ ме́дленно обрати́лся къ ней.

— Я бы вамъ не совѣ́товалъ, Маріа́нна. — Вы мо́жете вы́дать себя́ — и насъ; невро́льно — и безо вся́кой ну́жды. — Пуска́й Неждановъ идётъ да понюхаетъ немно́жко во́здухъ, коли́ онъ хо́четъ... и то немно́жко! — а вы-то зачѣ́мъ?

— Я не хочу́ отста́ть отъ него́.

— Вы его́ свя́жете.

Маріа́нна гляну́ла на Неждано́ва. Онъ стоя́лъ неподви́жно, съ неподви́жнымъ, угрю́мымъ лицо́мъ.

— Но е́сли бу́детъ опа́сность? спроси́ла она́.

Соло́минъ улыбну́лся.

— Не бо́йтесь;... когда́ бу́детъ опа́сность — я васъ пущу́.

Маріа́нна мо́лча сня́ла плато́къ съ головы́ — и се́ла.

Тогда́ Соло́минъ обрати́лся къ Неждано́ву.

— А ты, братъ, въ са́момъ де́лѣ, посмотри́-ка немно́жко. Мо́жетъ быть, э́то всё преувели́чено. — То́лько, пожа́луйста, осторо́жнѣе. — Впро́чемъ, тебя́ подвезу́тъ. И верни́сь поскоре́е. Ты обѣща́ешь? Неждано́въ? обѣща́ешь?

— Да.

— Да — навѣрно́е?

— Коли́ тебе́ здѣсь всѣ покоря́ются, начина́я съ Маріа́нны!

Неждано́въ вы́шелъ въ корридо́ръ — не прости́вшись. Па́велъ вы́нырнулъ изъ темноты́ и побѣжа́лъ впередъ по ле́стницѣ, стуча́ ко́ванными подко́вами сапого́въ. — *Онъ* до́лженъ былъ подвезти́ Неждано́ва.

Соло́минъ подсе́лъ къ Маріа́ннѣ.

— Вы слы́шали после́днія слова́ Неждано́ва?

— Да; онъ доса́дуетъ, что я слу́шаюсь васъ бо́льше, чѣмъ его́. И вѣдь э́то пра́вда. — Я люблю́, *его́*, а слу́шаюсь *васъ*. Онъ мнѣ доро́же... а вы ко мнѣ бли́же.

— Соло́минъ осторо́жно поласка́лъ свое́й руко́й ея ру́ку.

— Э́та исто́рія... о́чень непрія́тная, — промо́лвилъ онъ наконе́цъ. — Е́сли Ма́ркеловъ въ ней замѣша́нъ — онъ поги́бъ.

Маріа́нна вздро́гнула.

— Поги́бъ?

— Да. — Онъ ничего́ не де́лаетъ въ полови́ну — и не пря́чется за други́хъ.

— Поги́бъ! — шепну́ла Маріа́нна сно́ва — и слёзы побѣжа́ли по ея́ лицу́. — Ахъ, Васи́лій Ѳедо́тычъ! мнѣ о́чень жаль его́. Но почему́ же онъ не мо́жетъ восторжествова́ть? Почему́ онъ до́лженъ непремѣнно поги́бнуть?

— Потому́, Маріа́нна, что въ подо́бныхъ предпрія́тіяхъ пе́рвые всегда́ погиба́ютъ, да́же е́сли онѣ удаю́тся... А въ э́томъ де́лѣ, что́ *онъ* затѣялъ, не то́лько пе́рвые и второ́е поги́бнутъ — но и деся́тые... и двадца́тые...

— Такъ мы и не дождёмся?

— Того́, что́ вы ду́маете? — Никогда́. Глаза́ми мы э́того не уви́димъ; вотъ э́тими, живы́ми глаза́ми. — Ну — духо́вными... э́то друго́е де́ло. Люблю́йся хоть тепе́рь, сейча́съ. — Тутъ контро́ля нѣтъ.

— Такъ заче́мъ же вы, Соло́минъ...

— Что?

— Зачѣ́мъ вы идёте по э́той доро́гѣ?

Потому́, что нѣтъ другóй. — То-есть, со́бственно цѣль у насъ съ Ма́ркеловымъ одна́; — а доро́га друга́я.

— Бѣ́дный Серге́й Миха́йловичъ! — уны́ло промо́лвила Маріа́нна. Соло́минъ опя́ть осторо́жно поласка́лъ её.

— Ну — по́лноте; ещё нѣтъ ничего́ вѣ́рнаго. Посмо́тримъ, каки́я извѣ́стія привезётъ Па́велъ. — Въ на́шемъ... зва́ніи на́до быть твёрдымъ. Англича́не говоря́тъ: „Never say die“. — Хоро́шая поговóрка. Лу́чше ру́сской: „Пришла́ бѣда́, растворя́й воротá!“ — Зара́нѣе горева́ть не́чего.

Соло́минъ подня́лся со сту́ла.

— А мѣ́сто, кото́рое вы хотѣ́ли мнѣ доста́ть? — спроси́ла вдругъ Маріа́нна. — Слёзы блестѣ́ли ещё у ней на щека́хъ — но въ глаза́хъ уже́ не́ было печа́ли.

Соло́минъ сѣ́лъ опя́ть.

— Ра́звѣ вамъ такъ хо́чется поскорѣ́й уѣ́хать отсю́да?

— О, нѣтъ! но я жела́ла бы быть поле́зной.

— Маріа́нна, вы о́чень поле́зны и здѣсь. Не покида́йте насъ, подожди́те. — Чего́ вамъ? — спроси́лъ Соло́минъ вошéдшую Татья́ну. — (Онъ говори́лъ: „ты“ одному́ Па́влу — и то потому́, что тотъ былъ бы сли́шкомъ несча́стливъ, е́слибъ Соло́минъ вздýмалъ говори́ть ему́: „вы“).

— Да тутъ како́й-то же́нскій полъ спра́шиваетъ Алексѣ́я Дми́трича, — отвѣча́ла Татья́на, посмѣ́иваясь и разводя́ рука́ми; — я-бы́ло сказа́ла, что его́ нѣтъ у насъ, совсѣ́мъ нѣ́ту. — Мы, молъ, и не зна́емъ, что за человѣ́къ тако́й? — Но тутъ онъ...

— Да кто: онъ?

— Да са́мый э́тотъ же́нскій полъ. — Взялъ да написа́лъ своё и́мя на э́той вотъ бума́гѣ — и говори́тъ, что́бы я показа́ла — и что его́ пу́стятъ; и что е́сли то́чно Алексѣ́я Дми́трича до́ма нѣтъ, такъ онъ и подожда́ть мо́жетъ.

На бума́гѣ стоя́ло кру́пными бу́квами: Машу́рина.

— Впусти́те, — сказа́лъ Соло́минъ. — Васъ, Маріа́нна, не стѣсни́тъ, е́сли она́ сюда́ войдётъ? — Она́ то́же — изъ на́шихъ.

— Нисколько, помúлуйте.

Че́резъ нѣ́сколько мгновéній на поро́гѣ показа́лась Машу́рина — въ томъ же са́момъ пла́тьѣ, въ како́мъ мы её ви́дѣли въ нача́лѣ пе́рвой главы́.

XXXI.

— Неждáнова нѣтъ до́ма? спроси́ла она́; пото́мъ, уви́дѣвъ Соло́мина, подошла́ къ нему́ и подала́ ему́ ру́ку. — Здра́вствуйте, Соло́минъ! — На Маріа́нну она́ то́лько ки́нула ко́свенный взглядъ.

— Онъ ско́ро вернётся, — отвѣча́лъ Соло́минъ. — Но позво́льте спроси́ть, отъ кого́ вы узна́ли...

— Отъ Ма́ркелова. — Впро́чемъ, оно́ и въ го́родѣ... двумъ-трёмъ ли́цамъ уже́ извѣ́стно.

— Въ са́момъ дѣ́лѣ?

— Да. Кто́-нибудь проболта́лъ. — Да и Неждáнова, говоря́тъ, самого́ узна́ли.

— Вотъ-те и переодѣва́нія; — проворча́лъ Соло́минъ. — Позво́льте васъ познако́мить, — приба́вилъ онъ гро́мко. — Г-жа́ Сине́цкая, г-жа́ Машу́рина! — Прися́дьте.

Машу́рина слегка́ ки́внула голово́ю и сѣ́ла.

— У меня́ къ Неждáнову есть письмо́; а къ вамъ, Соло́минъ, словéсный запро́съ.

— Како́й? И отъ кого́?

— Отъ извѣ́стнаго вамъ лица́... Что́, у васъ... всё гото́во?

— Ничего́ у меня́ не гото́во.

Машу́рина раскры́ла, наско́лько могла́, свои́ кро́хотные гла́зки.

— Ничего́?

— Ничего́.

— Та́къ-таки рѣши́тельно ничего́?

— Рѣши́тельно ничего́.

— Та̀къ и сказа́ть?

— Та̀къ и скажи́те.

Машу́рина поду́мала и вы́нула папиро́ску изъ карма́на.

— Огня́ — мо́жно?

— Вотъ вамъ спи́чка.

Машу́рина закури́ла свою́ папиро́ску.

— „Они́“ друго́го жда́ли, — на́чала она́. — Да и круго́мъ — не такъ какъ у васъ. Впро́чемъ, э́то ва́ше дѣ́ло. А я къ вамъ не надо́лго. То́лько вотъ съ Неждáновымъ повида́ться, да письмо́ переда́ть.

— Куда́ же вы ѣ́дете?

— А далеко́ отсю́да. (Она́ отпра́влялась со́бственно въ Женéву, но не хотѣ́ла сказа́ть э́то Соло́мину. Она́ его́ находи́ла не совсѣ́мъ надёжнымъ, да и „чужа́я“ сидѣ́ла тутъ. Машу́рину, кото́рая едва́ зна́ла понѣ́мéцки, посыла́ли въ Женéву для того́, что́бы вручи́ть тамъ неизвѣ́стному ей лицу́ полови́ну куска́ карто́на съ нарисо́ванной виногра́дной вѣ́ткой и 279 руб. сер.).

— А Остроду́мовъ гдѣ́? Съ ва́ми?

— Нѣ́тъ. Онъ тутъ бли́зко... застря́лъ. Да э́тотъ отзовётся. Пи́менъ — не пропадётъ. Безпоко́иться не́чего.

— Вы какъ сюда́ пріѣ́хали?

— На телѣ́гѣ... А то какъ? Да́йте-жа ещё спи́чку...

Соло́минъ пода́лъ ей зажжённую спи́чку...

— Васи́лій Θедо́тычъ! прошепта́лъ вдругъ чей-то го́лосъ изъ-за две́ри. — Пожа́луйте!

— Кто тамъ? Чего́ ну́жно?

— Пожа́луйте, — повтори́лъ го́лосъ внуши́тельно и насто́йчиво; — тутъ пришли́ чужіе рабо́тники, что-й-то толку́ютъ, а Па́вла Его́рыча не́ту.

Соло́минъ извини́лся, всталъ и вы́шелъ.

Машу́рина приняла́сь глядѣть на Маріа́нну и глядѣ́ла до́лго, такъ что той нело́вко ста́ло.

— Прости́те меня́, — промо́лвила она́ вдругъ своимъ гру́бымъ, отры́вистымъ го́лосомъ, — я проста́я, не умѣ́ю... э́такъ. — Не серди́тесь; коли́ хоти́те — не отвѣча́йте. *Вы* та дѣви́ца, что́ ушла́ отъ Сипя́гиныхъ?

Маріа́нна нѣ́сколько изуми́лась, одна́ко промо́лвила:

— Я.

— Съ Неждановымъ?

— Ну да.

— Позво́льте... да́йте мнѣ ру́ку. Прости́те меня́, пожа́луйста. Вы, ста́ло-быть, хоро́шая, коли́ онъ полюби́лъ васъ.

Маріа́нна пожа́ла ру́ку Машу́риной.

— А вы коротко́ знаете Неждано́ва?

— Я его́ зна́ю. Я въ Петербу́ргѣ его́ вида́ла. Оттого́-то я и говорю́. Серге́й Миха́йлычъ то́же мнѣ ска́зывалъ...

— Ахъ, Ма́ркеловъ! Вы его́ неда́вно ви́дѣли?

— Неда́вно. Тепе́рь онъ ушёлъ.

— Куда́?

— Куда приказано.

Маріа́нна вздохну́ла.

— Ахъ, г-жа́ Машу́рина, я бою́сь за него́.

— Во пе́рвыхъ, что́ я за госпожа́? Э́ти мане́ры бро́сить на́до. А во-вторы́хъ... вы говори́те: „я бою́сь“. И э́то то́же не годи́тся. За себя́ не бу́дешь боя́ться — и за други́хъ переста́нешь. Ни ду́мать о себѣ́, ни боя́ться за себя́ — не на́до во́все. Вотъ что̀ ра́звѣ... вотъ что̀ мнѣ́ прихо́дитъ въ го́лову: мнѣ, Θе́клѣ Машу́риной, легко́ э́такъ говори́ть. Я дурна́я собо́ю. А вѣдь вы... вы краса́вица. — Ста́ло-быть, э́то вамъ всё труднѣе. (Машу́рина потупи́лась и отверну́лась). Мнѣ Серге́й Миха́йлычъ говори́лъ... Онъ зналъ, что у меня́ есть письмо́ къ Неждано́ву... „Не ходи́ ты на фа́брику, — говори́лъ онъ мнѣ, — не носи́ письма́; оно́ тамъ всё взбудора́житъ. Оста́вь! Они́ тамъ о́ба сча́стливы... Такъ пусть ихъ! Не мѣша́й!“ Я бы ра́да не мѣша́ть... да какъ быть съ письмо́мъ?

— На́до отда́ть его́ непремѣ́нно, — подхвати́ла Маріа́нна, — но то́лько како́й же онъ до́брый, Серге́й Миха́йловичъ! Неуже́ли онъ погиб-нетъ, Машу́рина... и́ли въ Сиби́рь пойдётъ?

— Что-жъ? Изъ Сибири-то развѣ не уходятъ? А жизнь потерять?! Кому она сладка, кому горька. — Его-то жизнь — тоже — не рафинадъ.

Машурина снова взглянула на Маріанну пристально и пытливо.

— А точно, красавица вы, — воскликнула она наконецъ, — настоящая птичка! Я ужъ думаю: Алексѣй не идетъ... Не отдать ли вамъ письмо? Чего ждать?

— Я ему передамъ, будьте увѣрены.

Машурина подпёрла щеку одной рукой и долго-долго молчала.

— Скажите, — начала она... — извините меня... вы очень его любите?

— Да.

Машурина встряхнула своей тяжёлой головой.

— Ну, а объ томъ и спрашивать нечего — любитъ ли онъ васъ! Я, однако, уѣду, а то запоздаю, пожалуй. Вы ему скажите, что я была здѣсь... кланялась ему. Скажите: была Машурина. Вы моего имени не забудете? Нѣтъ? Машурина. А письмо... Постой, куда же это я его сунула?...

Машурина встала, отвернулась, дѣлая видъ, что шаритъ у себя въ карманахъ, а между тѣмъ быстро поднесла ко рту маленькую свёрнутую бумажку и проглотила её. — Ай батюшки! Вотъ глупость-то! Неужтожъ я его оборонила? Оборонила и есть. Ай, бѣда! Не нашёлъ бы кто... Нѣту; нигдѣ нѣту. Вотъ и вышло такъ, какъ желалъ Сергѣй Михайлычъ!

— Поищите ещё, — шепнула Маріанна.

Машурина махнула рукой.

— Нѣтъ! Что искать! Потеряла!

Маріанна пододвинулась къ ней.

— Ну, такъ поцѣлуйте меня!

Машурина вдругъ обняла Маріанну съ нежёнской силой, прижала её къ своей груди.

— Ни для кого бы я этого не сдѣлала, — проговорила она глухо — противъ совѣсти... въ первый разъ! Скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе... И вы тоже. Смотрите! Здѣсь скоро всѣмъ худо будетъ, очень худо. Уходите-ка оба, пока... — Прощайте! — прибавила она громко и рѣзко. — Да вотъ ещё что... скажите ему... Нѣтъ, ничего не надо. Ничего.

Машурина ушла, стукнувъ дверью, а Маріанна осталась въ раздумьи посреди комнаты.

— Что это такое? — промолвила она наконецъ: — вѣдь эта женщина больше его любитъ, чѣмъ я его люблю! И что значатъ ея намёки? И отчего Соломинъ вдругъ ушёлъ и не возвращается?

Она начала ходить взадъ и впередъ. — Странное чувство — смѣсь испуга и досады — и изумленія — овладѣвало ею. — Зачѣмъ она не пошла съ Неждановымъ? — Соломинъ её отговорилъ... но гдѣ же онъ

самъ? И что̀ тако́е происхо́дитъ круго́мъ? — Машу́риша, коне́чно, изъ уча́стія къ Неждано́ву, не передала́ ей того́ опа́снаго письма́... Но какъ могла́ она́ рѣши́ться на тако́е непослу́шаніе? — Хотѣ́ла показа́ть своё великоду́шіе? Съ како́го пра́ва? И почему́ *она́*, Маріа́нна, была́ такъ тро́нута э́тимъ посту́пкомъ? Да и была́ ли она́ тро́нута? — Некраси́вая же́нщина интересу́ется молоды́мъ челове́комъ... Въ су́щности — что́ же въ э́томъ необыкнове́ннаго? И почему́ Машу́рина предполага́етъ, что привя́занность Маріа́нны къ Неждано́ву сильне́е чу́вства до́лга? Мо́жетъ быть, Маріа́нна во́все не тре́бовала э́той же́ртвы? И что́ могло́ заключа́ться въ томъ письме́? — Призы́въ къ неме́дленной дѣ́ятельности? Такъ что-жъ!!

А Ма́ркеловъ? — Онъ въ опа́сности... а мы-то что дѣ́лаемъ? — Ма́ркеловъ щади́тъ насъ обои́хъ, даётъ намъ возмо́жность быть счастли́выми, не разлуча́етъ насъ... что́ э́то? То́же великоду́шіе... и́ли презре́ніе?

И ра́звѣ мы для э́того бѣжа́ли изъ того́ нена́вистнаго до́ма, что́бы остава́ться вме́стѣ и воркова́ть голу́бками?

Такъ размышля́ла Маріа́нна... И всё сильне́е и сильне́е разы́грывалась въ ней та взволно́ванная доса́да. Къ тому́ же, ея́ самолю́біе бы́ло заде́то. Почему́ всѣ её оста́вили — *всѣ?* — Э́та „то́лстая“ же́нщина назва́ла её пти́чкой, краcóткой... почему́ не пря́мо ку́колкой? И отчего́ э́то Неждано́въ отпра́вился не оди́нъ, а съ Па́вломъ? То́чно ему́ ну́женъ опеку́нъ! Да и каки́я со́бственно убѣжде́нія Свло́мина? Онъ во́все не революціоне́ръ! И неуже́ли же кто́-нибудь мо́жетъ ду́мать, что она́ отно́сится ко всему́ э́тому ие серьёзно?

Вотъ каки́я мы́сли кружи́лись, перегоня́я одна́ другу́ю и пу́таясь, въ разгоря́ченной голове́ Маріа́нны. Сти́снувъ гу́бы и скрести́въ по-му́жски ру́ки, — се́ла она́ наконе́цъ во́злѣ окна́ и оста́лась опя́ть неподви́жной, не прислоня́ясь къ спи́нкѣ сту́ла, — вся настроже́нная, напряжённая, гото́вая то́тчасъ вскочи́ть. Къ Татья́нѣ идти́, рабо́тать — она́ не хоте́ла; она́ хоте́ла одного́: ждать! — И она́ жда́ла, упо́рно, почти́ зло́бно. — Отъ вре́мени до вре́мени ей само́й каза́лось стра́ннымъ и непоня́тнымъ ея́ со́бственное настро́еніе... Но всё равно́! Разъ ей да́же пришло́ въ го́лову: ужъ не отъ ре́вности ли э́то всё въ ней? Но вспо́мнивъ фигу́ру бѣ́дной Машу́риной, она́ то́лько пожа́ла плечо́мъ и махну́ла руко́ю... не въ дѣйстви́тельности — а соотвѣ́тственнымъ э́тому же́сту вну́треннимъ движе́ніемъ.

Маріа́ннѣ до́лго пришло́сь ждать: наконе́цъ она́ услы́шала стукъ отъ двухъ люде́й, взбира́вшихся по лѣ́стницѣ. Она́ устреми́ла глаза́ на дверь... шаги́ приближа́лись. — Дверь отвори́лась — и Неждано́въ, подде́рживаемый по́дъ руку Па́вломъ, появи́лся на поро́гѣ. Онъ былъ смерте́льно блѣ́денъ, безъ карту́за; растрёпанные во́лосы па́дали мо́крыми кло́чьями на́ лобъ; глаза́ гляде́ли пря́мо, ничего́ не ви́дя. — Па́велъ

перевёлъ его́ че́резъ ко́мнату (но́ги Неждано́ва дви́гались невѣ́рно и сла́бо) и посади́лъ его́ на дива́нъ.

Маріа́нна вскочи́ла съ мѣ́ста.

— Что́ э́то зна́читъ? Что́ съ нимъ? Онъ бо́ленъ?

Но усажи́вавшій Неждано́ва Па́велъ отвѣ́чалъ ей съ улы́бкой, въ полуборо́тъ че́резъ плечо́:

— Не извольте безпоко́иться; э́то сейча́съ пройдётъ... Э́то то́лько съ непривы́чки.

— Да что́ тако́е? — насто́йчиво переспроси́ла Маріа́нна.

— Охмѣлѣ́ли мале́нько. — Вы́пили на тощако́ъ; ну, оно́ и того́!

Маріа́нна нагну́лась къ Неждано́ву. Онъ полулежа́лъ поперёкъ дива́на; голова́ его́ спусти́лась на грудь, глаза́ застила́лись... Отъ него́ па́хло во́дкой: онъ былъ пьянъ.

— Алексѣ́й! — сорвало́сь у нея́ съ языка́.

Онъ съ уси́ліемъ припо́днялъ отяжелѣ́вшія вѣ́ки и попыта́лся усмѣхну́ться.

— А! Маріа́нна! — пролепета́лъ онъ; — ты всё говори́ла: о... опрос... опростѣ́лые; — вотъ тепе́рь я настоя́щій опростѣ́лый. — Потому́ весь наро́дъ нашъ всегда́ пьянъ... зна́читъ...

Онъ умо́лкъ; — пото́мъ пробурча́лъ ещё что-то невня́тное, закры́лъ глаза́ — и засну́лъ. — Па́велъ забо́тливо уложи́лъ его́ на дива́нъ.

— Вы не безпоко́йтесь, Маріа́нна Вике́нтьевна, — повтори́лъ онъ: — ча́сика два соснётъ — и вста́нетъ какъ встрёпанный.

Маріа́нна намѣ́ревалась бы́ло спроси́ть, ка́къ э́то случи́лось; но ея́ разспро́сы удержа́ли бы Па́вла; а ей хотѣ́лось быть одно́й... то-есть, ей не хотѣ́лось, что́бы Па́велъ до́льше ви́дѣлъ его́ въ тако́мъ безобра́зіи пе́редъ не́ю. Она́ отошла́ къ окну́ — а Па́велъ, кото́рый то́тчасъ всё пости́гъ, бере́жно закры́лъ но́ги Неждано́ва пола́ми его́ кафта́на, подложи́лъ ему́ подъ го́лову поду́шечку, ещё разъ промо́лвилъ: ничего́! — и вы́шелъ на цы́почкахъ.

Маріа́нна огляну́лась. — Голова́ Неждано́ва тяжело́ ушла́ въ поду́шку; на блѣ́дномъ лицѣ́ замѣча́лось недви́жное напряже́ніе, какъ у трудно-больно́го.

„Ка́къ же э́то случи́лось?“ — ду́мала она́.

XXXII.

А случи́лось э́то дѣ́ло вотъ ка́къ:

Садя́сь на телѣ́гу къ Па́влу, Неждано́въ вдругъ пришёлъ въ весьма́ возбуждённое состоя́ніе; а какъ то́лько они́ вы́ѣхали съ фабри́чнаго двора́ и покати́ли по доро́гѣ въ направле́ніи къ Т...у уѣ́зду, — онъ на́чалъ окликать, остана́вливать проходи́вшихъ мужико́въ, держа́ть имъ кра́ткія, но несообра́зныя рѣ́чи. — „Что́, молъ, вы спи́те? Поднима́йтесь! Пора́!

— Долóй налóги! Долóй землевладѣльцевъ!“ — Иные мужики́ глядѣ́ли на негó съ изумлéніемъ; другіе шли дáльше, мúмо, не обращáя внимáнія на егó вóзгласы: — они́ принимáли егó за пьянаго; одúнъ — такъ дáже, придя́ домóй, разскáзывалъ, что емý навстрѣ́чу францýзъ попáлся, котóрый кричáлъ — „непонятно таковó, картáво.“ — У Неждáнова бы́ло довóльно умá, чтóбы понять, какъ нескáзанно-глýпо и дáже безсмы́сленно бы́ло то, что̀ онъ дѣ́лалъ; но онъ постепéнно до того́ „взвинтúлъ“ себя́, что уже́ перестáлъ понимáть, что̀ умнó и что́ глýпо. Пáвелъ старáлся успокóить егó, говорúлъ что э́такъ, помúлуйте, нельзя́; что вотъ скóро бýдетъ большóе селó, пéрвое на границѣ Т...го уѣ́зда — „Бáбьи-Ключи“; что тамъ мóжно бýдетъ поразвѣ́дать... Но Неждáновъ не унимáлся... и въ то же врéмя лицó у негó бы́ло какъ-то печáльное, почти́ отчáянное. — Лошáдка у нихъ былá пребóйкая, крýгленькая, съ остриженной гри́вой на зарѣ́зистой шéѣ; онá óчень хлопотли́во перебирáла своими крѣ́пкими нóжками — и всё проси́ла повóдьевъ, тóчно на дѣ́ло спѣши́ла и нýжныхъ людéй везлá. — Не доѣзжáя „Бáбьихъ Ключéй“, Неждáновъ замѣ́тилъ — въ сторонѣ́ отъ дорóги пéредъ раскры́тымъ хлѣ́бнымъ амбáромъ — человѣ́къ вóсемь мужикóвъ; онъ тóтчасъ соскóчилъ съ телѣ́ги, подбѣжáлъ къ нимъ и минýтъ съ пять говорúлъ поспѣ́шно, съ внезапными крúками, на-òтмашъ двúгая рукáми. — Словá; „За свободу! Впередъ! Двúнемся грýдью!“ вырывáлись хрúпло и звóнко изъ мнóжества другúхъ, мéнѣе понятныхъ словъ. Мужики́, котóрые собрáлись пéредъ амбáромъ, чтóбы потолковáть о томъ, кàкъ бы егó опя́ть насы́пать — хоть для примѣ́ра — (онъ былъ мірскóй, слѣ́довательно пустóй) — устáвились на Неждáнова — и, казáлось, съ большúмъ вниманіемъ слýшали егó рѣчь; — но едвá ли что́-нибудь въ толкъ взя́ли — потомý что когдá онъ, наконéцъ, брóсился отъ нихъ прочь, крúкнувъ въ послѣ́дній разъ: Свободá! одúнъ изъ нихъ, сáмый прозóрливый, глубокомы́сленно покачáвъ головóю, промóлвилъ: „Какóй строгій!“ — а другóй замѣ́тилъ: „Знать начáльникъ какóй!“ — на что́ прозóрливецъ возрази́лъ: „Извѣ́стное дѣ́ло — дáромъ глóтку драть не стáнетъ. — Заплàчутъ теперича нáши дéнежки!“ — Самъ Неждáновъ, взлѣзáя на телѣ́гу и садя́сь вóзлѣ Пáвла, подýмалъ про себя́: „Гóсподи! какáя чепухá! — Но вѣдь никто́ изъ насъ не знáетъ, кáкъ и́менно слѣ́дуетъ бунтовáть народъ — мóжетъ быть онó и такъ? — Разбирáть тутъ нéкогда! Валя́й! На душѣ́ скребётъ? Пускáй!“

Въѣ́хали они́ на ýлицу. По сáмой середúнѣ ея́, пéредъ кабакóмъ, толпúлось довóльно мнóго народу. Пáвелъ хотѣ́лъ-было удержáть Неждáнова; но ужъ онъ кувыркóмъ слетѣ́лъ съ телѣ́ги — да съ вóплемъ: „брáтцы!“ въ толпý... — Онá разступúлась немнóго; и Неждáновъ пустúлся опя́ть проповѣ́дывать, не гля́дя ни на кого́ — и какъ-бы сердя́сь и плáча. — Но результáтъ тутъ вы́шелъ другóй, чѣмъ пéредъ амбáромъ. — Какóй-то громáдный пáрень, съ безбородымъ, но свирѣ́пымъ лицóмъ, въ коро̀ткомъ, засáленномъ полушýбкѣ, высóкихъ сапогáхъ и барáньей

ша́пкѣ, подошёлъ къ Нежда́нову — и съ разма́ху тресну́въ его́ по плечу́: — „Ла́дно! Мо́лодца!“ — га́ркнулъ онъ зы́чнымъ го́лосомъ; — „то́лько стой! аль не зна́ешь, суха́я ло́жка ротъ дерётъ? Подь сюда́! Тутъ разгова́ривать мно́го ловчѣ́й“. — Онъ потащи́лъ Нежда́нова въ кабакъ; — остальна́я толпа́ повали́ла за ни́ми гурьбо́й. — „Михе́ичъ! — кри́кнулъ па́рень: — ну-тка — десятикопѣ́чную! Мою́ люби́мую сто́пку! Прія́теля угоща́ю! Кто онъ тако́й, чьего́ ро́ду и пле́мени — бѣсъ его́ вѣ́даетъ — да боя́ръ че́ститъ ли́хо. — Пей!“ — обрати́лся онъ къ Нежда́нову, подава́я ему́ тяжёлый, по́лный, мо́крый снару́жи, сло́вно по́тный, стака́нъ; — „пей, коли́ ты то́чно о на́шемъ бра́тѣ печа́луешься!“ — „Пей!“ — зашумѣ́ли голоса́. Нежда́новъ схвати́лъ сто́пку (онъ былъ какъ въ чаду́) — — закрича́лъ: „за васъ, ребя́та!“ и вы́пилъ её ра́зомъ. — Ухъ! — Онъ вы́пилъ её съ той же отча́янной отва́лой, съ какой онъ бро́сился бы на штурмъ батаре́и и́ли на строй штыко́въ... Но что́ съ нимъ сдѣ́лалось! — Что-то уда́рило его́ вдоль спины́ да по нога́мъ, обожгло́ ему́ го́рло, грудь, желу́докъ, выда́вило слёзы на глаза... Су́дорога отвраще́нія пробѣжа́ла по всему́ его́ тѣ́лу, — и онъ едва́ сла́дилъ съ не́ю... Онъ закрича́лъ во всю го́лову, что́бы то́лько чѣ́мъ-нибудь утиши́ть её. — Въ тёмной ко́мнатѣ кабака́ ста́ло вдругъ жа́рко, и ли́пко, и у́душно; что́ наро́ду набра́лось! — Нежда́новъ на́чалъ говори́ть, говори́ть до́лго, крича́ть, крича́ть съ ожесточе́ньемъ, съ я́ростью, хло́пать по каки́мъ-то широ́кимъ деревя́нным ладо́нямъ, цѣлова́ть какія-то осклизлыя бо́роды... Грома́дный па́рень въ полушу́бкѣ то́же цѣлова́лся съ нимъ — чуть рёбра ему́ не прода́вилъ. Но э́тотъ оказа́лся каки́мъ-то и́звергомъ, — „Перерву́ гло́тку!“ — рыча́лъ онъ: — „перерву́ гло́тку вся́кому, кто на́шего бра́та забижда́етъ! — А не то́ — мякну́ его́ по маку́шкѣ... Онъ у меня́ запищи́тъ! Вѣдь мнѣ что: я мясника́мъ былъ; — дѣла́-то э́ти зна́ю хорошо́!“ — И при э́томъ онъ пока́зывалъ свой грома́дный, кра́сный, покры́тый весну́шками кула́къ... И во́тъ — Го́споди! — опя́ть кто-то заревѣ́лъ: „Пе́й“! — и Нежда́новъ опять вы́пилъ этотъ га́дкій ядъ. — Но э́тотъ второ́й разъ былъ ужа́сенъ! Его́ то́чно рвану́ло по вну́тренностямъ тупы́ми крючья́ми. — Голова́ попли́ла — пошли́ зелёные круги́. — Гамъ подня́лся, зво́нъ... О, у́жасъ!... Тре́тья сто́пка... Неу́жто онъ и её проглоти́лъ? Багро́вые носы́ полѣ́зли къ нему́, пы́льные во́лосы, загорѣ́лыя ше́и, затылки́ изсѣ́ченные сѣ́тками морщи́нъ. — Жо́сткія ру́ки хвата́ли его́. — „Усе́рдствуй!“ ора́ли неи́стовые голоса́. — „Бесѣ́дуй! Позавчера́ тако́й же чужа́къ расписывалъ ва́жно. — Валя́й, тако́й-сяко́й!“... Земля́ заколыха́лась подъ нога́ми Нежда́нова. — Со́бственный го́лосъ каза́лся ему́ чужи́мъ, какъ-бы извнѣ́ приходя́щимъ... Смертъ э́то, что ли?

И вдругъ... впечатлѣ́ніе свѣ́жаго во́здуха на лицѣ́ — и нѣтъ уже́ ни толкотни́, ни кра́сныхъ рожъ, ни смра́да отъ вина́, отъ овчи́нъ, отъ дёгтя, отъ ко́жи... И онъ опя́ть уже́ сиди́тъ на телѣ́гѣ съ Па́вломъ, сперва́ порыва́ется и кричи́тъ: „Куда́? Стой! Я ещё ничего́ не успѣ́лъ

сказа́ть имъ — на́до растолкова́ть“... а пото́мъ прибавля́етъ: „Да ты самъ, чортъ, лука́вый челове́къ, каки́я твои́ мне́нія?“ — А Па́велъ ему́ отве́ча́етъ: „Хорошо́ бы, ка́бы не́ было господъ и зе́мли всѣ бы́ли бы на́ши — чего́ бы лу́чше? — да прика́за тако́го ещё не вы́шло“; — а самъ тихо́нько завора́чиваетъ ло́шадь наза́дъ — да вдругъ бьётъ её вожа́ми по спинѣ — да прочь во всю прыть отъ того́ гва́лта и гу́ла... да на фа́брику...

Дре́млетъ Неждано́въ — и пока́чивается онъ — а вѣтеръ ему́ прия́тно ду́етъ въ лицо́ — и не даётъ возника́ть дурны́мъ мы́слямъ...

То́лько доса́дно ему́, что какъ же э́то ему́ не да́ли вы́сказаться... И опя́ть вѣтеръ ласка́етъ его́ воспалённое лицо́.

А тамъ мгнове́нное явле́ніе Маріа́нны — мгнове́нное, жгу́чее чу́вство позо́ра — и сонъ, глубо́кій, мёртвый сонъ...

Всё э́то разсказа́лъ Па́велъ пото́мъ Соло́мину. Не скрылъ онъ та́кже и того́, что самъ не помѣша́лъ Неждано́ву вы́пить... а то такъ-таки́ не вы́велъ бы его́ изъ кружа́ла. — Други́е бы его́ не пусти́ли.

— „Ну, а какъ заслабѣ́лъ-то онъ о́чень, я и попроси́лъ съ покло́нами: „Госпо́да, молъ, че́стные, отпусти́те па́ренька; ви́дите, младъ бо́льно“... Ну, и отпусти́ли; то́лько полти́нникъ магары́ча, говоря́тъ, подава́й! — Я такъ и далъ“.

— И хорошо́ сдѣ́лалъ, похвали́лъ его́ Соло́минъ.

Неждано́въ спалъ; а Маріа́нна сидѣ́ла подъ окно́мъ и глядѣ́ла въ палиса́дникъ. — И, стра́нное дѣ́ло! — Нехоро́шія, почти́ зли́я чу́вства и мы́сли, волнова́вшія её до прибы́тія Неждано́ва съ Па́вломъ — поки́нули её ра́зомъ; самъ Неждано́въ ниско́лько не былъ ни проти́венъ ей, ни га́докъ: она́ жалѣ́ла его́. — Она́ зна́ла о́чень хорошо́, что онъ не развра́тникъ и не пья́ница — и уже́ ду́мала о томъ, что́ сказа́ть ему́, когда́ онъ проснётся, что́-нибудь дружелю́бное, что́бы онъ не сли́шкомъ совѣ́стился и огорча́лся. „На́до такъ сдѣ́лать; на́до — что́бы онъ самъ разска́залъ, какъ э́та бѣда́ стряслась надъ нимъ“.

Она́ не волнова́лась; но ей бы́ло гру́стно... безотра́дно-гру́стно. На неё какъ-бу́дто повѣ́яло настоя́щимъ за́пахомъ того́ ми́ра, куда́ она́ стреми́лась... и содрогну́лась она́ отъ э́той гру́бости и темноты́. — Како́му Мо́лоху собира́лась она́ принести́ себя́ въ же́ртву?

Одна́ко — нѣтъ! Быть не мо́жетъ! — Э́то — такъ; э́то случа́йно, и сейча́съ пройдётъ. — Мгнове́нное впечатлѣ́ніе, кото́рое потому́ то́лько её порази́ло, что бы́ло сли́шкомъ неожи́данно. — Она́ вста́ла, подошла́ къ дива́ну, на кото́ромъ лежа́лъ Неждано́въ, утёрла платко́мъ его́ блѣ́дный, да́же во снѣ мучи́тельно стя́нутый лобъ, отки́нула наза́дъ его́ во́лосы...

Ей сно́ва ста́ло жа́лко его́; такъ мать жалѣ́етъ своего́ больно́го

ребёнка. — Но глядѣ́ть на него́ ей бы́ло немно́го жу́тко — и она́ тихо́нько ушла́ въ свою́ ко́мнату, оста́вивъ дверь неза́пертою.

Никако́й рабо́ты не взяла́ она́ въ ру́ки; — и сѣ́ла опя́ть — и опя́ть нашли́ на неё ду́мы. — Она́ чу́вствовала, какъ вре́мя та́яло, какъ мину́та исчеза́ла за мину́той, и ей бы́ло да́же прія́тно э́то чу́вствовать — и се́рдце у ней би́лось — и она́ опя́ть приняла́сь ждать чего́-то.

Куда́ э́то Соло́минъ дѣ́лся?

Дверь тихо́нько скри́пнула — и Татья́на вошла́ въ ко́мнату.

— Что́ вамъ? — спроси́ла Маріа́нна почти́ съ доса́дой.

— Маріа́нна Вике́нтьевна, — на́чала Татья́на вполго́лоса. — Вотъ что̀. Вы не огорча́йтесь! потому́, дѣ́ло житѣ́йское; — и ещё сла́ва Бо́гу...

— Я нисколько не огорча́юсь, Татья́на О́сиповна, — переби́ла её Маріа́нна. — Алексѣ́й Дми́тричъ не совсѣ́мъ здоро́въ. Ва́жность не велика́!...

— Ну, и чудѣ́сно! — А то, я ду́маю: не идётъ моя́ Маріа́нна Вике́нтьевна; ду́маю: что́ съ ней? — Но я всё-таки не пошла́ бы къ вамъ, потому́ въ э́томъ ра́зѣ пе́рвое пра́вило: не трошь, не воро́шь! — То́лько тутъ яви́лся къ намъ на фа́брику како́й-то — кто его́ зна́етъ? Ма́ленькій тако́й да хро́менькій: вынь да поло́жь ему́ Алексѣ́я Дми́трича! — И что за чудеса́: сего́дня у́тромъ э́та жёнка его́ спра́шивала... а тепе́рь вотъ э́тотъ хромо́й. — А коли́, говори́тъ, Алексѣ́я Дми́трича нѣ́тъ — подава́й ему́ Васи́лья Ѳедо́тыча! — Не пойду́ безъ того́, говори́тъ; потому́, говори́тъ, дѣ́ло о́ченно ва́жное. Мы его́ гнать, какъ ту жёнку. — Васи́лія-то Ѳедо́тыча, то́чно, нѣ́тъ... отлучи́лся; а тотъ-то хромо́й: — не пойду́, говори́тъ, бу́ду ждать хоть до́ ночи... Такъ по двору́ и хо́дитъ. — Вотъ поди́те сюда́, въ корридо́рчикъ; уви́дѣть его́ изъ око́шка мо́жете... не узна́ете ли, что за кавале́ръ тако́й?

Маріа́нна послѣ́довала за Татья́ной — ей пришло́сь пройти́ ми́мо Нежда́нова — и она́ опя́ть замѣ́тила болѣ́зненно-нахму́ренный лобъ, и опя́ть провела́ по нёмъ платко́мъ. Сквозь пы́льное стекло́ око́шка она́ уви́дѣла посѣти́теля, о кото́ромъ говори́ла Татья́на. Онъ былъ ей незнако́мъ. — Но въ ту же мину́ту изъ-за угла́ до́ма показа́лся Соло́минъ.

Ма́ленькій хромо́й человѣ́чекъ бы́стро подошёлъ къ нему́, протяну́лъ ему́ ру́ку. — Соло́минъ взялъ её. Онъ, очеви́дно, зналъ э́того человѣ́ка. Оба скры́лись...

Но вотъ уже́ слы́шатся ихъ шаги́ по лѣ́стницѣ... Они́ иду́тъ сюда́...

Маріа́нна прово́рно верну́лась въ свою́ ко́мнату — и останови́лась посереди́нѣ, съ трудо́мъ переводя́ дыха́ніе. — Ей бы́ло стра́шно... чего́? Она́ сама́ не зна́ла.

Голова́ Соло́мина показа́лась въ дверя́хъ.

— Маріа́нна Вике́нтьевна, позво́льте войти́ къ вамъ. Я привёлъ человѣ́ка, кото́раго вамъ непремѣ́нно ну́жно ви́дѣть.

Маріáнна тóлько головóй кúвнула въ отвѣ́тъ, и вслѣ́дъ за Солóминымя явúлся — Пáклинъ.

XXXIII.

— Я другъ вáшего супрýга, — промóлвилъ онъ, нúзко склоня́ясь пе́редъ Маріáнной и какъ-бы стараясь скрыть отъ нея́ своё перетревóженное, перепýганное лицó; — я тáкже другъ Васúлія Ѳедóтыча. Алексѣ́й Дмúтричъ спитъ — онъ, я слы́шу, нездорóвъ; а я, къ сожалѣ́нью, привёзъ дурны́я вѣ́сти, котóрыя я ужé успѣ́лъ чáстью сообщúть Васúлію Ѳедóтычу — и вслѣ́дствіе котóрыхъ нýжно приня́тъ нѣ́которыя рѣ́шúтельныя мѣ́ры.

Гóлосъ Пáклина безпрестáнно обрывáлся какъ у человѣ́ка, котóраго сýшитъ и мýчитъ жáжда. — Вѣ́сти, котóрыя онъ привёзъ, бы́ли дѣ́йствúтельно óчень дýрны. — Мáркелова схватúли крестья́не и препроводúли въ гóродъ. Дурковáтый прикáзчикъ вы́далъ Голýшкина: егó арестовáли. — Онъ, въ свою́ óчередь, всё и всѣ́хъ выдаётъ, желáетъ перейтú въ православ́іе, жéртвуетъ въ гимнáзію портрéтъ митрополúта Филарéта и препроводúлъ ужé пять ты́сячъ рублéй для раздáчи „увѣ́чнымъ вóинамъ“. — Нѣ́тъ никакóго сомнѣ́нія, что онъ вы́далъ Неждáнова; полúція мóжетъ ежеминýтно нагря́нуть на фáбрику. Васúлію Ѳедóтычу тóже грозúтъ опáсность. — Что касáется до меня́, — прибáвилъ Пáклинъ, — то я удивля́юсь, какъ я ещё расхáживаю на свобóдѣ́; хотя́ вѣ́дь сóбственно полúтикой я никогдá не занимáлся и ни въ какúхъ плáнахъ не учáствовалъ! — Я воспóльзовался забы́вчивостью и́ли оплóшностью полúціи, чтóбы предувѣ́домить васъ и сообразúть, какія мóжно употребúть срéдства... къ удалéнію вся́кихъ непрія́тностей.

Маріáнна вы́слушала Пáклина до концá. — — Онá не испугáлась — онá дáже остáлась споко́йною... Но вѣ́дь тóчно: нáдобно же бы́ло чтó-нибудь предприня́ть! — Пéрвымъ ея́ движéніемъ бы́ло обратúть глазá на Солóмина.

Онъ тóже казáлся споко́йнымъ; тóлько вокрýгъ губъ чуть-чуть шевели́лись мýскулы — и э́то былá не егó обы́чная улы́бка.

Солóминъ пóнялъ значéніе Маріáннина взгля́да: онá ждалá, что̀ онъ скáжетъ, чтóбы такъ и поступúть.

— Дѣ́ло, дѣ́йствúтельно, довóльно щекотлúвое, — нáчалъ онъ: — Неждáнову, я полáгаю, не хýдо нá время скры́ться. — Кстáти, какúмъ манéромъ узнáли вы, что онъ здѣ́сь, г. Пáклинъ?

Пáклинъ махнýлъ рукóю.

— Одúнъ индивúдуй сказáлъ. Вúдѣлъ егó, когдá онъ расхáживалъ по окрéстностямъ и проповѣ́дывалъ. — Ну, и вы́слѣдилъ егó, хоть и не съ дурнóй цѣ́лью. — Онъ изъ сочýвствующихъ. Извинúте, прибáвилъ

онъ, обрати́вшись къ Маріа́ннѣ; — но, пра́во же, другъ нашъ Нежда́новъ былъ о́чень... о́чень неосторо́женъ.

— Упрека́ть его́ тепе́рь не́ къ чему́, — заговори́лъ опя́ть Соло́минъ. — Жаль, что съ нимъ посовѣ́товаться нельзя́; но до за́втра болѣ́знь его́ пройдётъ — а поли́ція не такъ быстра́, какъ вы предполага́ете. Вѣдь и вамъ, Маріа́нна Вике́нтьевна, придётся съ нимъ удали́ться.

— Непремѣ́нно, — глу́хо, но твёрдо отвѣча́ла Маріа́нна.

— Да! — сказа́лъ Соло́минъ. — На́до бу́детъ поду́мать; — на́до бу́детъ поиска́ть: гдѣ и ка́къ?

— Позво́льте изложи́ть вамъ одну́ мысль, — на́чалъ Па́клинъ; — мысль э́та пришла́ мнѣ въ го́лову, когда́ я сюда́ ѣ́халъ. Спѣшу́ замѣ́тить, что извозчика изъ го́рода я отпусти́лъ за версту́ отсю́да.

— Кака́я э́та мысль? — спроси́лъ Соло́минъ.

Вотъ что́. — Да́йте мнѣ сейча́съ лошаде́й... и я поскачу́ къ Сипя́гинымъ.

— Къ Сипя́гинымъ! повтори́ла Маріа́нна... — Зачѣ́мъ?

— А вотъ уви́дите.

— Да ра́звѣ вы ихъ зна́ете?

— Ни малѣ́йше! Но послу́шайте. — Обсуди́те мою́ мысль хорошо́нько. Она́ мнѣ ка́жется про́сто геніа́льной. — Вѣдь Ма́ркеловъ — зять Сипя́гина, братъ его́ жены́. Не такъ ли? Неуже́ли же э́тотъ ба́ринъ ничего́ не сдѣ́лаетъ, что́бы спасти́ его́? И къ тому́ же — самъ Нежда́новъ! — Поло́жимъ, что г. Сипя́гинъ серди́тъ на него́... Но вѣдь всё же Нежда́новъ сталъ его́ ро́дственникомъ, жени́вшись на васъ. И опа́сность, кото́рая виси́тъ надъ голово́ю на́шего дру́га...

— Я не за́мужемъ, — замѣ́тила Маріа́нна.

Па́клинъ да́же вздрогну́лъ.

— Какъ?! Не успѣ́ли въ тече́ніи всего́ э́того вре́мени! — Ну, ничего́, — приба́вилъ онъ: — совра́ть мо́жно. Всё равно́: вы тепе́рь вступи́те же въ бракъ. — Пра́во, другого́ ничего́ не приду́маешь! — Обрати́те внима́ніе на то, что до сихъ поръ Сипя́гинъ не рѣши́лся васъ преслѣ́довать. Слѣ́довательно, въ нёмъ есть нѣ́которое... великоду́шіе. — Я ви́жу, вамъ э́то выраже́ніе не нра́вится — ска́жемъ: нѣкото́рая чванли́вость. Отчего́ же намъ е́ю не воспо́льзоваться и въ да́нномъ слу́чаѣ? Посуди́те!

Маріа́нна подня́ла го́лову и провела́ руко́й по волоса́мъ.

— Вы мо́жете по́льзоваться чѣ́мъ вамъ уго́дно для Ма́ркелова, г. Па́клинъ... и́ли для васъ сами́хъ; но мы съ Алексѣ́емъ не жела́емъ ни заступничества, ни покрови́тельства г-на Сипя́гина. Мы поки́нули его́ домъ не для того́, что́бы стуча́ться въ его́ дверь проси́телями. Ни до великоду́шія, ни до чванли́вости г-на Сипя́гина и́ли его́ жены́ намъ нѣтъ никако́го дѣ́ла!

— Э́то — чу́вства весьма́ похва́льныя, — отвѣча́лъ Па́клинъ — (а

самъ подýмалъ: „вишь ты! какъ водóй меня́ окати́ла“) — хотя́ съ другóй стороны́, éсли сообрази́ть... Впрóчемъ, я готóвъ повинова́ться. Бýду хлопота́ть о Ма́ркеловѣ, объ однóмъ на́шемъ дóбромъ Ма́ркеловѣ! — Замѣ́чу тóлько, что онъ емý рóдственникъ не по крóви — а по женѣ́ — мéжду тѣмъ какъ вы...

— Г-нъ Па́клинъ, прошý васъ!

— Слýшаю... слýшаю! Тóлько не могý не вы́разить своегó сожалѣ́нія, потомý что Сипя́гинъ человѣ́къ óчень си́льный!...

— А за себя́ вы не бойтесь? спроси́лъ Солóминъ.

Па́клинъ вы́ставилъ грудь.

— Въ подóбныя минýты о себѣ́ не слѣ́дуетъ дýмать! — промóлвилъ онъ гóрдо. — А мéжду тѣмъ онъ и́менно дýмалъ о себѣ́. — Онъ хотѣ́лъ (бѣ́дненькій, слáбенькій!) забѣжáть, какъ говори́тся, зáйцемъ. Въ си́лу окáзанной услýги, Сипя́гинъ могъ, éсли бы предстáла въ томъ нуждá, замóлвить о нёмъ слóво. — Вѣдь и онъ, — какъ тамъ ни толкýй! былъ замѣ́шанъ, — слы́шалъ... и дáже самъ болтáлъ!

— Я нахожý, что вáша мысль — недурнá, промóлвилъ наконéцъ Солóминъ, хоть сóбственно на успѣ́хъ надѣ́юсь мáло. Во вся́комъ слýчаѣ, попытáться мóжно. Испóртить — вы ничегó не испóртите.

— Конéчно, ничегó. — Ну — полóжимъ сáмое хýдшее: прогóнятъ меня́ въ зáшеи... Что̀ за бѣдá.

— Бѣды́ въ томъ тóчно нѣтъ никакóй... („Mercі!“ подýмалъ Пáклинъ — а Солóминъ продолжáлъ): — Котóрый-то часъ? — Пя́тый. Врéмени теря́ть нéчего. Лóшади вамъ сейчáсъ бýдутъ. Пáвелъ!

Но на мѣ́сто Пáвла, на порóгѣ кóмнаты показáлся Неждáновъ. — Онъ пошáтывался на ногáхъ, придéрживаясь однóй рукóй за при́толку — и, безси́льно раскры́въ гýбы, глядѣ́лъ помути́вшимся взóромъ. Онъ ничегó не понимáлъ.

Пáклинъ пéрвый подошёлъ къ немý.

— Алёша! воскли́кнулъ онъ: — вѣдь ты меня́ признаёшь?

Неждáновъ посмотрѣ́лъ на негó, мéдленно мигáя:

— Пáклинъ? проговори́лъ онъ наконéцъ.

— Да, да: это я. Ты нездорóвъ?

— Да... Я нездорóвъ. Но... зачѣ́мъ ты здѣсь?

— Зачѣ́мъ я... — Но въ э́ту минýту Маріáнна тихóнько трóнула Пáклина за лóкоть. Онъ оглянýлся — и уви́дѣлъ, что онá емý дѣ́лаетъ знáки... — Ахъ, да! — пробормотáлъ онъ. — Да... тóчно! Вотъ ви́дишь ли, Алёша, — прибáвилъ онъ грóмко, — я прiѣ́халъ сюдá по одномý вáжному дѣ́лу — и сейчáсъ отпрáвляюсь дáльше.. Тебѣ́ Солóминъ всё разскáжетъ — а тáкже Маріáнна... Маріáнна Викéнтьевна. — Они́ óба вполнѣ́ одобря́ютъ моё намѣ́реніе. — Дѣ́ло идётъ óбо всѣхъ насъ: — то-естъ нѣтъ, нѣтъ, — подхвати́лъ онъ въ отвѣ́тъ на взглядъ и движéніе Маріáнны... — Дѣ́ло идётъ о Ма́ркеловѣ; о нáшемъ óбщемъ

прія́телѣ Ма́ркеловѣ; — о нёмъ одно́мъ. Но тепе́рь проща́й! Мину́та ка́ждая дорога́, — проща́й, другъ... Мы ещё уви́димся. — Васи́лій Ѳедо́тычъ, уго́дно вамъ пойти́ со мно́ю распоряди́ться на счётъ лошаде́й?

— Извóльте. — Маріáнна, я хотѣ́лъ-было сказáть вамъ: бу́дьте твёрды! Да э́то не ну́жно. — Вы — настоя́щая!

— О, да! О, да! — поддáкнулъ Пáклинъ. — Вы римля́нка времёнъ Като́на! Ути́ческаго Като́на! Однáко пойдёмте, Васи́лій Ѳедо́тычъ — пойдёмте!

— Успѣ́ете, — съ лѣни́вой усмѣшкой промóлвилъ Соло́минъ. Неждáновъ посторони́лся немно́го, что́бы пропусти́ть ихъ обо́ихъ... Но въ глазáхъ его́ бы́ло всё то́же непониманіе. Пото́мъ онъ шагну́лъ рáза два — и́ ти́хо сѣ́лъ на стулъ, лицóмъ къ Маріáннѣ.

— Алексѣ́й — сказáла онá ему́: — всё откры́лось; Мáркелова схвати́ли крестья́не, кото́рыхъ онъ пытáлся подня́ть; онъ сиди́тъ аресто́ваннымъ въ го́родѣ, такъ же, какъ и тотъ купе́цъ, съ кото́рымъ ты обѣ́далъ; вѣроя́тно и за на́ми ско́ро пріѣ́детъ поли́ція. — А Пáклинъ отпрáвился къ Сипя́гину.

— Зачѣ́мъ? прошептáлъ едвá слы́шно Неждáновъ. Но глазá его́ просвѣтлѣ́ли — лицó прия́ло обы́чное выраже́ніе. Хмѣль мгновéнно соскочи́лъ съ него́.

— А за тѣмъ, что́бы попытáться, не заступи́тся ли онъ.

Неждáновъ вы́прямился. — ...За насъ?

— Нѣтъ; за Мáркелова. Онъ хотѣ́лъ-было проси́ть и за насъ... да я не позво́лила. — Хорошó я сдѣ́лала, Алексѣ́й?

— Хорошó ли? — промóлвилъ Неждáновъ, и, не поднимáясь со сту́ла, протяну́лъ къ ней ру́ки. — Хорошó ли? — повтори́лъ онъ — и, прибли́зивъ её къ себѣ́ и прижáвшись лицóмъ къ ея стáну, внезáпно зали́лся слезáми.

— Что́ съ тобо́й? Что́ съ тобо́й? — воскли́кнула Маріáнна. — Какъ тотъ разъ, когдá онъ палъ пе́редъ ней на колѣ́ни, замирáя и задыхáясь отъ внезáпно нахлы́нувшей стрáсти, онá и тепе́рь положи́ла óбѣ свои́ ру́ки на его́ трепетáвшую гóлову. — Но что́ *онá* тепе́рь чу́вствовала — бы́ло ужé совсѣ́мъ не то̀, что тогдá. — Тогдá онá отдавáлась ему́ — онá покоря́лась — и то́лько ждалá, что́ онъ ей скáжетъ. — Тепе́рь онá жалѣ́ла его́ — и то́лько ду́мала о томъ, какъ бы его́ успоко́ить.

— Что съ тобо́й? — повтори́ла онá. Зачѣ́мъ ты плáчешь? Неужéли оттого́, что ты пришёлъ домóй въ немно́го стрáнномъ ви́дѣ? Быть не мóжетъ! — И́ли тебѣ́ жаль Мáркелова — и стрáшно за меня́, за себя́? И́ли на́шихъ надéждъ тебѣ́ жаль? Не ожидáлъ же ты, что всё пойдётъ какъ по мáслу!

Неждáновъ вдругъ приподня́лъ гóлову.

Нѣтъ, Маріáнна, — проговори́лъ онъ, какъ-бы оборвáвъ свои́ ры-

да́нья: — не стра́шно мнѣ ни за тебя́, ни за себя́... А то́чно... мнѣ жаль...

— Кого́?

— Тебя́, Маріа́нна! Мнѣ жаль, что ты соедини́ла свою́ судьбу́ съ челов'ѣ́комъ, кото́рый э́того не сто́итъ.

— Почему́ такъ?

— А хоть бы потому́, что э́тотъ челов'ѣ́къ, въ таку́ю мину́ту, мо́жетъ пла́кать!

— Это не ты пла́чешь; пла́чутъ твои́ не́рвы.

— Мои́ не́рвы и я — всё еди́но! — Ну, послу́шай, Маріа́нна, посмотри́ мнѣ въ глаза́: неуже́ли ты мо́жешь мнѣ тепе́рь сказа́ть, что не раска́яваешься...

— Въ чёмъ?

— Въ томъ, что ты ушла́ со мно́ю?

— Нѣтъ!

— И ты пойдёшь со мно́ю да́льше? Всю́ду?

— Да!

— Да? Маріа́нна... да?

— Да. Я дала́ тебѣ́ ру́ку, и пока́ ты бу́дешь тѣмъ, кого́ я полюби́ла — я ея́ не отни́му.

Неждано́въ продолжа́лъ сид'ѣ́ть на сту́лѣ; Маріа́нна стоя́ла пе́редъ нимъ. Его́ ру́ки лежа́ли вокру́гъ ея́ ста́на; ея́ ру́ки опира́лись объ его́ пле́чи. — „Да“; „нѣтъ“ — ду́малъ Неждано́въ... „а ме́жду тѣмъ быва́ло пре́жде — когда́ мнѣ случа́лось держа́ть её въ свои́хъ объя́тіяхъ — вотъ такъ, какъ тепе́рь — ея́ т'ѣ́ло остава́лось по кра́йней м'ѣ́рѣ неподви́жнымъ; а тепе́рь, я чу́вствую: оно ти́хо, и быть мо́жетъ про́тивъ ея́ во́ли — б'ѣжи́тъ отъ меня́ прочь!“

Онъ разжа́лъ свои́ ру́ки... И то́чно: Маріа́нна чуть зам'ѣ́тно отодви́нулась наза́дъ.

— Вотъ что! — промо́лвилъ онъ гро́мко. — В'ѣдь е́сли мы должны́ б'ѣжа́ть... пре́жде ч'ѣмъ поли́ція насъ накры́ла... я ду́маю, не ху́до бы намъ сперва́ обвѣнча́ться. Въ друго́мъ м'ѣ́стѣ, пожа́луй, тако́го пода́тливаго попа́ Зоси́му не найдёшь!

— Я гото́ва, — промо́лвила Маріа́нна.

Неждано́въ внима́тельно посмотр'ѣ́лъ на неё.

— Римля́нка! проговори́лъ онъ съ нехоро́шей полуулы́бкой. — Чу́вство до́лга!

Маріа́нна пожа́ла плечо́мъ.

— На́до бу́детъ сказа́ть Соло́мину.

— Да... Соло́мину... — протяну́лъ Неждано́въ. — Но вѣдь и ему́, чай, угрожа́етъ опа́ссностоь. Поли́ція и его́ возьмётъ. — Мнѣ, ка́жется, онъ уча́ствовалъ и зналъ ещё бо́льше моего́.

— Это мнѣ неизвѣ́стно, — отвѣча́ла Маріа́нна. — Онъ никогда́ не говори́тъ о са́момъ себѣ́.

— „Не то́, что я!“ поду́малъ Неждано́въ. — „Вотъ что́ она́ хотѣ́ла сказа́ть“. — Соло́минъ... Соло́минъ! — приба́вилъ онъ, по́слѣ до́лгаго молча́нія. — Вотъ, Маріа́нна, я бы не жалѣ́лъ тебя́, е́слибъ человѣ́къ, съ кото́рымъ ты связа́ла навсегда́ свою́ жизнь, — былъ тако́й же, какъ Соло́минъ... и́ли былъ самъ Соло́минъ.

Маріа́нна въ свою́ о́чередь внима́тельно посмотрѣ́ла на Неждано́ва.

— Ты не имѣ́лъ пра́ва э́то сказа́ть, — промо́лвила она́ наконе́цъ.

— Не имѣ́лъ пра́ва! — Въ како́мъ смы́слѣ мнѣ поня́ть э́ти слова́? Въ томъ ли, что ты *меня́* лю́бишь — и́ли въ томъ, что я не до́лженъ былъ вообще́ каса́ться э́того вопро́са?

— Ты не имѣ́лъ пра́ва, — повтори́ла Маріа́нна.

Неждано́въ пону́рилъ го́лову.

— Маріа́нна! — произнёсъ онъ нѣ́сколько измѣни́вшимся го́лосомъ.

— Что́?

— Е́слибъ я тепе́рь... е́слибъ я сдѣ́лалъ тебѣ́ тотъ вопро́съ, ты зна́ешь!... Нѣтъ, я ничего́ у тебя́ не спрошу́... проща́й.

Онъ всталъ и вы́шелъ; Маріа́нна его́ не удержива́ла. Неждано́въ сѣ́лъ на дива́нъ и закры́лъ лицо́ рука́ми. Онъ пуга́лся свои́хъ со́бственныхъ мы́слей и старался не размышля́ть. — Онъ чу́вствовалъ одно́: кака́я-то тёмная подзе́мная рука́ ухвати́лась за са́мый ко́рень его́ существова́нія — и уже́ не вы́пуститъ его́. Онъ зналъ, что то̀ хоро́шее дорого́е существо́, кото́рое оста́лось въ сосѣ́дней ко́мнатѣ, къ нему́ не вы́йдетъ; — а войти́ къ нему́ онъ не посмѣетъ. Да и къ чему́? Что̀ сказа́ть?

Бы́стрые, твёрдые шаги́ заста́вили его́ раскры́ть глаза́. — Сосо́минъ переходи́лъ че́резъ его́ ко́мнату и, постуча́вшись въ дверь Маріа́нны, вошёлъ къ ней.

— Честь и мѣ́сто! шепну́лъ го́рькимъ шо́потомъ Неждано́въ.

XXXIV.

Бы́ло уже́ де́сять часо́въ ве́чера и въ гости́ной села́ Аржа́наго — Сипя́гинъ, его́ жена́ и Калломѣ́йцевъ игра́ли въ ка́рты, когда́ вошедшій лаке́й доложи́лъ о пріѣ́здѣ како́го-то незнако́мца, г. Па́клина, кото́рый жела́лъ ви́дѣть Бори́са Андре́ича по самонужнѣ́йшему и важнѣ́йшему дѣ́лу. —

— Такъ по́здно! — удиви́лась Валенти́на Ми́ха́йловна.

— Ка̀къ? — спроси́лъ Бори́съ Андре́ичъ — и намо́рщилъ свой краси́вый носъ. — Какъ ты сказа́лъ фами́лію э́того господи́на?

Они́ сказа́ли: Па́клинъ-съ.

— Па́клинъ! — воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ. Пря́мо деревѐнское и́мя. — Па́клинъ... Соло́минъ... De vrais noms ruraux, hein?

— И ты говори́шь, — продолжа́лъ Бори́съ Андре́ичъ, обраща́ясь къ лаке́ю всё съ тѣ́мъ же наморщённымъ но́сомъ, — что дѣ́ло его́ ва́жное, ну́жное?

— Они́ говоря́тъ-съ.

— Гмъ... Како́й-нибудь ни́щій и́ли интрига́нъ. — („И́ли то и друго́е вмѣ́стѣ", ввернýлъ Калломѣ́йцевъ.) — О́чень мо́жетъ быть. Попроси́ его́ въ кабине́тъ. — Бори́съ Андре́ичъ всталъ. — Pardon, ma bonne. — Сыгра́йте, пока́, въ экарте́. — И́ли подожди́те меня́... я ско́ро вернýсь.

— Nous causerons... allez! промóлвилъ Калгомѣ́йцевъ.

Когда́ Сипя́гинъ вошёлъ къ себѣ́ въ кабине́тъ и увида́лъ мизе́рную, тщедýшную фигýрку Па́клина, смире́нно прижа́вшуюся въ простѣ́нокъ ме́жду ками́номъ и две́рью — имъ овладѣ́ло то и́стинно-мини́стерское чýвство высокомѣ́рной жа́лости и гадли́ваго снисхожде́нія, кото́рое столь сво́йственно петербýргскому сано́вному лю́ду. — „Го́споди! Кака́я несча́стная ли́голица!" подýмалъ онъ; „да ещё, ка́жется, хрома́етъ!"

— Сади́тесь, — промóлвилъ онъ гро́мко, пуска́я въ ходъ свой благосклóннѣйшія баритóнныя но́ты, прія́тно подёргивая наза́дъ заки́нутой голóвкой — и садя́сь пре́жде го́стя. — Вы, я полага́ю, уста́ли съ доро́ги; сади́тесь и объясни́тесь: како́е тако́е ва́жное дѣ́ло привело́ васъ ко мнѣ́ столь по́здно?

— Я, ва́ше превосходи́тельство, — на́чалъ Па́клинъ, осторóжно опуска́ясь на кре́сло, — позволи́лъ себѣ́ яви́ться къ вамъ...

— Погоди́те, погоди́те, — переби́лъ его́ Сипя́гинъ. — Я васъ ви́жу не въ пе́рвый разъ. Я никогда́ не забыва́ю ни одного́ лица́, съ кото́рымъ мнѣ́ случи́лось встрѣ́титься; я по́мню всё. — А... а... а... Со́бственно... гдѣ́ я васъ встрѣ́тилъ?

— Вы, ваше превосходи́тельство, не ошиба́етесь. — Я имѣ́лъ честь встрѣ́титься съ ва́ми въ Петербýргѣ, у одного́ человѣ́ка, кото́рый... кото́рый съ тѣ́хъ поръ... къ сожалѣ́нію... возбуди́лъ ва́ше негодова́ніе...

Сипя́гинъ бы́стро подня́лся съ кре́сла.

— У г-на Неждáнова! Я вспомина́ю тепе́рь. — Ужъ не отъ него́ ли вы пріѣ́хали?

— Ника́къ нѣтъ, ва́ше превосходи́тельство; напро́тивъ... я...

Сипя́гинъ сно́ва сѣ́лъ.

— И хорошó сдѣ́лали. Потомý что я, въ тако́мъ слýчаѣ, попроси́лъ бы васъ неме́дленно удали́ться. — Никако́го посре́дника ме́жду мно́ю и г-мъ Неждáновымъ я допусти́ть не могý. Г-нъ Неждáновъ нанёсъ мнѣ́ одно́ изъ тѣ́хъ оскорбле́ній, кото́рыя не забыва́ются... Я вы́ше ме́сти; — но ни о нёмъ я не хочý ничего́ знать, ни о той дѣ́вицѣ́, — впро́чемъ бóлѣе развращённой умóмъ, не́жели се́рдцемъ (эту фра́зу Сипя́-

гинъ повторя́лъ чуть не въ тридца́тый разъ по́слѣ бѣ́гства Маріа́нны) — кото́рая рѣши́лась поки́нуть кровъ до́ма, её пріютя́вшаго, что́бы сдѣ́латься любо́вницей безро́днаго проходи́мца! — Дово́льно съ нихъ того́, что я ихъ забыва́ю!

При э́томъ послѣ́днемъ сло́вѣ Сипя́гинъ дви́нулъ ки́стью руки́ прочь отъ себя́, сни́зу вверхъ.

— Я забыва́ю ихъ, ми́лостивый госуда́рь!

— Ва́ше превосходи́тельство, я уже́ доложи́лъ вамъ, что я яви́лся сюда́ не отъ ихъ и́мени; — хотя́ всё-таки могу́, ме́жду про́чимъ, сообщи́ть ва́шему превосходи́тельству, что они́ уже сочета́лись у́зами зако́ннаго бра́ка... („А! всё равно́!“ поду́малъ Па́клинъ: „я сказа́лъ, что совру́... вотъ и совра́лъ. Куда́ ни шло!“).

Сипя́гинъ поёрзалъ затылко́мъ по спинкѣ́ кре́сла, впра́во и влѣ́во.

— Э́то меня́ нисколько не интересу́етъ, ми́лостивый госуда́рь. — Одни́мъ глу́пымъ бра́комъ на свѣ́тѣ бо́льше — вотъ и всё. — Но како́е же то́ самонужне́йшее дѣ́ло, кото́рому я обя́занъ удово́льствіемъ ва́шего посѣще́нія?

„А! прокля́тый дире́кторъ департа́мента!“ сно́ва поду́малъ Па́клинъ — „Бу́детъ тебѣ́ лома́ться, англі́йская мо́рда!“

— Братъ ва́шей супру́ги, — промо́лвилъ онъ гро́мко — г-нъ Ма́ркеловъ — схва́ченъ мужика́ми, кото́рыхъ вздумалъ возмуща́ть — и сиди́тъ въ за́перти въ губерна́торскомъ до́мѣ.

Сипя́гинъ вскочи́лъ во второ́й разъ.

— Что́... что́ вы сказа́ли? — залепета́лъ онъ ужъ во́все не министе́рскимъ баритоно́мъ, — а такъ, како́ю-то горта́нной дря́нью.

— Я сказа́лъ, что вашъ зять схва́ченъ и сиди́тъ на цѣпи́. — Я, какъ то́лько узна́лъ объ э́томъ, взялъ лошаде́й и пріѣ́халъ васъ предувѣ́домить. Я полага́лъ, что могу́ оказа́ть э́тимъ нѣ́которую услу́гу и вамъ и тому́ несча́стному, кото́раго вы мо́жете спасти́!

— О́чень вамъ благода́ренъ, проговори́лъ всё тѣ́мъ же сла́бымъ го́лосомъ Сипя́гинъ — и съ размаху уда́ривъ ладо́нью по колоко́льчику въ ви́дѣ гри́ба, напо́лнилъ весь домъ металли́ческимъ зво́номъ стально́го тэ́мбра. — О́чень вамъ благода́ренъ, — повтори́лъ онъ уже́ бо́лѣе рѣ́зко; — но зна́йте: человѣ́къ, рѣши́вшійся попра́ть всѣ зако́ны бо́жескіе и человѣ́ческіе, будь онъ сто разъ мнѣ ро́дственникъ — въ мои́хъ глаза́хъ не есть несча́стный; онъ — престу́пникъ!

Лаке́й вскочи́лъ въ кабине́тъ.

— Изво́лите приказа́ть?

— Каре́ту! Сію́ мину́ту каре́ту четверне́й! — Я ѣ́ду въ го́родъ. — Фили́ппъ и и Степа́нъ со мно́ю! Лаке́й вы́скочилъ. — Да, су́дарь, мой зять — есть престу́пникъ; и въ го́родъ ѣ́ду я не за тѣ́мъ, что́бы его́ спаса́ть! — О, нѣ́тъ!

— Но, ва́ше превосходи́тельство...

— Таковы́ мои́ пра́вила, ми́лостивый госуда́рь; — и прошу́ меня́ возраже́ніями не утружда́ть!

Сипя́гинъ приня́лся ходи́ть взадъ и впередъ по кабине́ту, — а Па́клинъ да́же глаза́ вытаращи́лъ. — „Фу ты, чортъ!“ ду́малъ онъ: — „да вѣдь про тебя́ говори́ли, что ты либера́лъ?! — А ты левъ рыка́ющій!“

Дверь распахну́лась — и прово́рными шага́ми вошли́; сперва́ Валенти́на Миха́йловна, — а за не́ю Калломѣ́йцевъ.

— Что́ это зна́читъ, Бори́съ? ты велѣ́лъ каре́ту заложи́ть? ты ѣ́дешь въ го́родъ? Что́ случи́лось?

Сипя́гинъ прибли́зился къ женѣ́ — и взялъ её за пра́вую ру́ку ме́жду ло́ктемъ и ки́стью. — Il faut vous armer de courage, ma chère. — Ва́шего бра́та арестова́ли.

— Моего́ бра́та? Серёжу? за что?

— Онъ проповѣ́дывалъ мужика́мъ соціалисти́ческія тео́ріи! — (Калломѣ́йцевъ сла́бо взви́згнулъ). — Да! Онъ проповѣ́дывалъ имъ револю́цію, онъ пропаганди́ровалъ! Они́ его́ схвати́ли — и вы́дали. — Тепе́рь онъ сиди́тъ... въ го́родѣ.

— Безу́мецъ! Но кто э́то сказа́лъ?...

— Вотъ господи́нъ... господи́нъ... какъ бишь его́?... Господи́нъ Конопа́тинъ привёзъ э́ту вѣсть.

Валенти́на Миха́йловна взгляну́ла на Па́клина. Тотъ уны́ло поклони́лся. — („А! ба́ба кака́я зна́тная!“ — поду́малось ему́. — Да́же въ подо́бныя тру́дныя мину́ты... ахъ, какъ былъ досту́пенъ Па́клинъ влія́нью же́нской красоты́!)

— И ты хо́чешь ѣ́хать въ го́родъ — такъ по́здно?

— Я ещё заста́ну губерна́тора на нога́хъ.

— Я всегда́ предска́зывалъ, что э́то такъ должно́ бы́ло ко́нчиться, — вмѣша́лся Калломѣ́йцевъ. — Э́то не могло́ быть ина́че! Но каки́е сла́вные ру́сскіе на́ши мужички́! — Чу́до! Pardon, madame, c'est votre frère! Mais la vérité avant tout!

— Неуже́ли ты въ са́момъ дѣ́лѣ хо́чешь ѣ́хать, Бо́ря? — спроси́ла Валенти́на Миха́йловна.

— Я убѣ́ждёнъ та́кже, — продолжа́лъ Калломѣ́йцевъ, — что и тотъ, тотъ *учи́тель*, г-нъ Неждано́въ, тутъ же замѣ́шанъ. — J'en mettrais ma main au feu. — Это всё одна́ ша́йка! Его́ не схвати́ли? Вы не зна́ете?

Сипя́гинъ опя́ть дви́нулъ ки́стью руки.

— Не зна́ю — и не жела́ю знать! Кста́ти, — приба́вилъ онъ, обращя́сь къ женѣ́ — il parait qu'ils sont mariés.

— Кто э́то сказа́лъ? Тотъ же господи́нъ? — Валенти́на Миха́йловна опя́ть посмотрѣ́ла на Па́клина, но прищу́рилась на э́тотъ разъ.

— Да; тотъ же.

— Въ тако́мъ слу́чаѣ, — подхвати́лъ Калломѣ́йцевъ, — онъ непремѣ́нно зна́етъ, гдѣ они́. — Вы зна́ете, гдѣ они́? Зна́ете, гдѣ они́? А?

А? А? Знаéте? — Калломѣ́йцевъ нáчалъ шмы́гать пéредъ Пáклинымъ, какъ-бы желáя преградúть емý дорóгу, хотя́ тотъ и не изъявля́лъ никакóго поползновéнія бѣжáть. — Да говорúте же? Отвѣчáйте! А? А? Знáете? Знáете?

— Хотя́ бы зналъ-съ, — промóлвилъ съ досáдой Пáклинъ, — въ нёмъ жолчь наконéцъ шевельнýлась и глáзки егó заблистáли: — хоть бы зналъ-съ, вамъ бы не сказáлъ-съ.

— О... о... о... — пробормотáлъ Калломѣ́йцевъ... Слы́шите!... Слы́шите! — Да э́тотъ тóже — э́тотъ тóже, должнó быть, изъ ихъ бáнды!

— Карéта готóва! — гáркнулъ вошéдшій лакéй.

Синя́гинъ схватúлъ свою́ шля́пу краси́вымъ, бóйкимъ жéстомъ; но Валентúна Михáйловна такъ настóйчиво стáла егó упрáшивать остáться до зáвтрашняго утрá; онá предстáвила емý такíе убѣдúтельные дóводы: и ночь-то на дворѣ́, и въ гóродѣ всѣ бýдутъ спать, и онъ тóлько разстрóитъ свои́ нéрвы и простудúтья мóжетъ — что Синя́гинъ, наконéцъ, согласúлся съ нéю; воскли́кнулъ:

— Повинýюсь — и такúмъ же краси́вымъ, но ужé не бóйкимъ жéстомъ постáвилъ шля́пу на столъ.

— Карéту отложúть! — скомáндовалъ онъ лакéю; — но зáвтра рóвно въ шесть часóвъ утрá чтóбы онá былá готóва! Слы́шишь? — Ступáй! — Стой! — Экипáжъ господúна... господúна гóстя отослáть! Извóзчику заплатúть! — А? Вы, кáжется, что-то говорúте, г-нъ Конопáтинъ? — Я возьмý васъ зáвтра съ собóю, г-нъ Конопáтинъ! — Чтó вы говорúте? Я не слы́шу... Вы вѣдъ пьёте вóдку? — Подáй вóдки г-ну Конопáтину! — Нѣтъ? Не пьёте? — Въ такóмъ слýчаѣ... Ѳёдоръ! Отведú ихъ въ зелёную кóмнату! Спокóйной нóчи, г-нъ Коно...

Пáклинъ вы́шелъ наконéцъ изъ терпѣ́нія.

— Пáклинъ! — завопúлъ онъ. — Моя́ фамúлія: Пáклинъ!

— Да... да; ну, да э́то всё равнó. — Похóже — знáете. Какóй у васъ однáко грóмкій гóлосъ, при вáшей сухощáвой компле́кціи! — До зáвтра, г-нъ Пáклинъ... *Tàкъ* я тепéрь сказáлъ? — Siméon, vous viendrez avec nous?

— Je crois bien!

И Пáклина отвелú въ зелёную кóмнату. И дáже зáперли егó. Ложáсь спать, онъ слы́шалъ, какъ щóлкнулъ ключъ въ звонкóмъ англíйскомъ замкѣ́. — Сúльно онъ себя́ вы́бранилъ за свою́ „геніáльную“ мысль — и спалъ óчень дýрно.

На другóе ýтро рáно, въ половúнѣ шестóго, егó пришлú разбудúть. Пóдали емý кóфе; покá онъ пилъ — лакéй, съ пёстрымъ аксельбáнтомъ на плечѣ́, ждáлъ, держá поднóсъ на рукáхъ и переминáясь ногáми: „Поспѣшáй-молъ — господá дожидáются“. Потóмъ его пóвелú внизъ. Карéта ужé стоя́ла пéредъ дóмомъ. — Тутъ же стоя́ла и коля́ска Калло-

мѣ́йцева. Сипя́гинъ появи́лся на крыльцѣ́, въ камло́товой шине́ли съ кру́глымъ воротнико́мъ. Таки́хъ шине́лей никто́ уже́ давно́ не носи́лъ, за исключе́ніемъ одного́ о́чень сано́внаго лица́, кото́рому Сипя́гинъ стара́лся прислу́живать и подража́ть. Въ ва́жныхъ оффиціа́льныхъ слу́чаяхъ онъ потому́ и надѣва́лъ подо́бную шине́ль.

Сипя́гинъ дово́льно привѣтливо раскла́нялся съ Па́клинымъ — и энерги́ческимъ движе́ніемъ руки́ указа́въ ему́ на каре́ту, попроси́лъ его́ сѣсть въ неё. — Г-нъ Па́клинъ, вы ѣ́дете со мно́ю, г-нъ Па́клинъ! Положи́те на козла́ сакъ-вояжъ г-на Па́клина! Я везу́ г-на Па́клина — говори́лъ онъ, напира́я на сло́во: Па́клинъ! и на бу́кву: *a!* „Ты, молъ, имѣешь тако́е про́звище да ещё обижа́ешься, когда́ тебѣ́ его́ ина́чатъ? — Такъ вотъ же тебѣ́! Ку́шай! Подави́сь!“ — Г-нъ Па́клинъ! Па́клинъ!! Зву́чно раздава́лось злосча́стное и́мя въ свѣ́жемъ у́треннемъ во́здухѣ. Онъ былъ такъ свѣ́жъ, что заста́вилъ вы́шедшаго за Сипя́гинымъ Калломѣ́йцева нѣ́сколько разъ произнести́ по-францу́зски: Brrr! brrr! brrr! — и плотнѣе заверну́ться въ шине́ль, садя́сь въ свою́ щегольску́ю коля́ску съ отки́нутымъ ве́рхомъ. — (Бѣ́дный его́ другъ, князь Михаи́лъ Се́рбскій Обрено́вичъ, уви́дѣвъ её, купи́лъ себѣ́ то́чно таку́ю же у Бендо́ра... „Vous savez, Binder, le grand carrossier des Champs Elysées?“) Изъ-за полураскры́тыхъ ста́вень окна́ въ спа́льнѣ выгля́дывала „въ чепцѣ́, въ ночно́мъ плато́чкѣ“, Валенти́на Миха́йловна.

Сипя́гинъ сѣ́лъ, сдѣ́лалъ ей ру́чкой.

— Вамъ ло́вко, г-нъ Па́клинъ? — Тро́гай!

— Je vous recommande mon frère! épargnez-le — послы́шался го́лосъ Валенти́ны Миха́йловны.

— Soyez tranquille! — воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ, бо́йко взгляну́въ на неё изъ-подъ око́лыша како́й-то, имъ са́мимъ сочинённой, доро́жной фура́жки съ кока́рдой... C'est surtout l'autre, qu'il faut pincer!

— Тро́гай! — повтори́лъ Сипя́гинъ. — Г-нъ Па́клинъ, вамъ не хо́лодно? — Тро́гай!

Экипа́жи покати́лись.

Пе́рвыя де́сять мину́тъ и Сипя́гинъ, и Па́клинъ безмо́лвствовали. — Злополу́чный Си́лушка, въ своёмъ некази́стомъ пальти́шкѣ и помя́той фура́жкѣ, каза́лся ещё мизе́рнѣе на тёмно-си́немъ фо́нѣ бога́той шёлковой матери́и, кото́рою была́ оби́та вну́тренность каре́ты. Онъ мо́лча огля́дывалъ и то́нкія голубы́я што́ры, бы́стро взвива́вшіяся отъ одно́го прикоснове́нія па́льца къ пружи́нѣ, и по́лость изъ нѣ́жнѣйшей бѣ́лой бара́ньей ше́рсти въ нога́хъ — и вдѣ́ланный спе́реди я́щикъ кра́снаго де́рева съ выдвижно́й дощечкой для письма́ и да́же по́лочку для книгъ — (Бори́съ Андре́ичъ; не то́ что люби́лъ, а жела́лъ, что́бы другіе ду́мали, что онъ лю́битъ — рабо́тать въ каре́тѣ, подо́бно Тье́ру, во вре́мя путеше́ствія). Па́клинъ чу́вствовалъ ро́бость. Сипя́гинъ ра́за два взгляну́лъ на него́ че́резъ вы́бритую до ло́ску щеку́ — и съ медли́тельной

ва́жностью вы́нувъ изъ бокового́ карма́на серебряную сига́рочницу съ кудря́вымъ ве́нзелемъ славя́нской вя́зью — предложи́лъ... дѣйстви́тельно предложи́лъ ему́ сига́ру, едва́ держа́ её ме́жду вторы́мъ и тре́тьимъ па́льцемъ руки́, облечённой въ жёлтую англійскую перча́тку изъ соба́чьей ко́жи!

— Я не ку́рю — пробормота́лъ Па́клинъ.

— А! — отвѣча́лъ Сипя́гинъ, и самъ закури́лъ сига́ру, кото́рая оказа́лась превосхо́днѣйшей рега́ліей.

— Я до́лженъ вамъ сказа́ть... любе́зный господи́нъ Па́клинъ, — на́чалъ онъ, вѣ́жливо попы́хивая и испуска́я то́нкія, кру́глыя стру́йки благово́ннаго ды́ма... — что я... въ су́щности... о́чень вамъ... благода́ренъ... Я могъ показа́ться... вамъ вчера́... не́сколько ре́зкимъ... что́ не въ моёмъ... хара́ктерѣ. — (Сипя́гинъ съ намѣреніемъ непра́вильно разсѣка́лъ свою́ рѣчь.) Смѣю васъ въ э́томъ увѣрить. — Но, г-нъ Па́клинъ! войди́те же и вы въ моё... положе́ніе — (Сипя́гинъ перекати́лъ сига́ру изъ одного́ угла́ рта въ другой). Мѣсто, кото́рое я занима́ю, ста́витъ меня́... такъ сказа́ть... на виду́; и вдругъ... братъ моей́ жены́... компрометти́руетъ и себя́... и меня́ таки́мъ невѣроя́тнымъ о́бразомъ! А? Г-нъ Па́клинъ! — Вы, мо́жетъ быть, ду́маете: э́то — ничего́?

— Я э́того не ду́маю, ва́ше превосходи́тельство.

— Вы не зна́ете, за что́ со́бственно... и гдѣ и́менно его́ арестова́ли?

— Слы́шалъ я, что въ Т.....мъ у́ѣздѣ.

— Отъ кого́ вы э́то слы́шали?

— Отъ... отъ одного́ челове́ка.

— Коне́чно, не отъ пти́цы. — Но отъ како́го челове́ка?

— Отъ... отъ одно́го помо́щника прави́теля дѣлъ канцеля́ріи губерна́тора.

— Какъ его́ зову́тъ?

— Прави́теля?

— Нѣтъ! Помо́щника?

— Его́... его́ зову́тъ Ульяше́вичемъ. Онъ о́чень хоро́шій чино́вникъ, ва́ше превосходи́тельство. — Узна́въ объ э́томъ происше́ствіи, я то́тчасъ поспѣши́лъ къ вамъ.

— Ну, да, ну, да! — И я повторя́ю, что весьма́ вамъ благода́ренъ. — Но како́е безу́міе! Вѣдь э́то безу́міе? а? Г-нъ Па́клинъ? а?

— Соверше́нное безу́міе! — воскли́кнулъ Па́клинъ — а у самаго́ по спинѣ́ тёплой змѣ́йкой заструи́лся потъ. — Это зна́читъ, — продолжа́лъ онъ: — не понима́ть во́все ру́сскаго мужика́. — У г-на Ма́ркелова, ско́лько я его́ зна́ю, се́рдце о́чень до́брое и благоро́дное; — но ру́сскаго мужика́ онъ никогда́ не понима́лъ. (Па́клинъ гляну́лъ на Сипя́гина, кото́рый, слегка́ поверну́вшись къ нему́, обдава́лъ его́ холо́днымъ, но не враждебнымъ взо́ромъ.) — Ру́сскаго мужика́ да́же въ бунтъ мо́жно вовле́чь не ина́че, какъ по́льзуясь его́ пре́данностью вы́сшей вла́сти, ца́рскому

ро́ду. Должно́ вы́думать каку́ю-нибудь леге́нду — вспо́мните лже-Дими́трія; — показа́ть какіе́-нибудь ца́рскіе зна́ки на груди́, вы́жженные раскалёнными пятака́ми.

— Да, да, какъ Пугачо́въ, — переби́лъ Сипя́гинъ таки́мъ то́номъ, какъ-бу́дто хотѣ́лъ сказа́ть: „Мы исто́рію ещё не забы́ли... не распи́сывай!“ — И приба́вивъ: — Это безу́міе! э́то безу́міе! — погрузи́лся въ созерца́ніе бы́строй стру́йки ды́ма, поднима́вшейся съ конца́ сига́ры.

— Ва́ше превосходи́тельство! — замѣ́тилъ осмѣ́лившійся Па́клинъ: — я сейча́съ сказа́лъ вамъ, что я не курю́... но э́то непра́вда — я курю́; и сига́ра ва́ша такъ восхити́тельно па́хнетъ...

— А? что? что тако́е? — проговори́лъ Сипя́гинъ, какъ-бы просыпа́ясь; — и не да́вши Па́клину повтори́ть ска́занное, чѣ́мъ са́мымъ несомнѣ́нно доказа́лъ, что о́чень хорошо́ слы́шалъ его́ слова́, но сдѣ́лалъ уча́щенные вопро́сы еди́нственно для ва́жности, — по́далъ ему́ раскры́тую сига́рочницу.

Па́клинъ осторо́жно и благода́рно закури́лъ.

„Вотъ, ка́жется, удо́бная мину́та“, поду́малъ онъ; но Сипя́гинъ его предупреди́лъ.

— Вы, по́мнится, говори́ли мнѣ та́кже, — произнёсъ онъ небре́жнымъ го́лосомъ, перерыва́я самого́ себя́, разсма́тривая свою́ сига́ру, передвига́я шля́пу съ затылка́ на лобъ: — вы говори́ли... а? вы говори́ли о томъ... о томъ ва́шемъ прія́телѣ, кото́рый жени́лся на мое́й... ро́дственницѣ. — Вы ихъ вида́ете? — Они́ не далеко́ посели́лись отсю́да?

(„Эге́!“ — поду́малъ Па́клинъ: — „Си́ла, береги́сь!“).

— Я ихъ ви́дѣлъ всего́ разъ, ва́ше превосходи́тельство! Они́ живу́тъ дѣ́йстви́тельно... не въ сли́шкомъ далёкомъ разстоя́ніи отсю́да.

— Вы, коне́чно, понима́ете, — продолжа́лъ тѣ́мъ же мане́ромъ Сипя́гинъ, — что я не могу́ бо́лѣе серьёзно интересова́ться, какъ я уже́ объясни́лъ вамъ — ни той легкомы́сленной дѣ́вицей, ни ва́шимъ прія́телемъ. — Бо́же мой! предразсу́дковъ у меня́ нѣтъ, но вѣ́дь согласи́тесь: э́то уже́ изъ рукъ вонъ. — Глу́по, зна́ете. Впро́чемъ, я полага́ю, ихъ соедини́ла бо́лѣе поли́тика... (поли́тика!! — повтори́лъ онъ, и пожа́лъ плеча́ми) — чѣ́мъ како́е-либо ино́е чу́вство.

— И я такъ полага́ю, ва́ше превосходи́тельство!

— Да, г-нъ Нежда́новъ былъ совсѣ́мъ кра́сный. — Отдаю́ ему́ справедли́вость: онъ свои́хъ мнѣ́ній не скрыва́лъ.

— Нежда́новъ, — рискну́лъ Па́клинъ, — быть мо́жетъ, увлека́лся; но се́рдце въ нёмъ...

— До́брое, — подхвати́лъ Сипя́гинъ; коне́чно... коне́чно, какъ у Ма́ркелова. — У всѣхъ у нихъ сердца́ до́брыя. — Вѣроя́тно и онъ уча́ствовалъ; — и бу́детъ то́же завлечёнъ... Придётся еще́ заступа́ться за него́!

Па́клинъ сложи́лъ ру́ки пе́редъ гру́дью. — Ахъ, да, да, ва́ше пре-

восходи́тельство! — Окажи́те ему́ ва́ше покрови́тельство! Пра́во... онъ сто́итъ... сто́итъ ва́шего уча́стія.

Сипя́гинъ хмы́кнулъ.

— *Вы* полага́ете?

— Наконе́цъ, е́сли не для него́... то для ва́шей племя́нницы; для его́ супру́ги! — (Бо́же мой! Бо́же мой! — ду́малъ Па́клинъ, — что́ э́то я вру!)

Сипя́гинъ прищу́рился.

— Вы, я ви́жу, о́чень пре́данный другъ. Э́то хорошо́; это похва́льно, молодо́й челове́къ. — Ита́къ, вы говори́те, они́ живу́тъ здѣсь бли́зко?

— Да, ва́ше превосходи́тельство; въ одно́мъ большо́мъ заведе́ніи... — Тутъ Па́клинъ прикуси́лъ себѣ́ язы́къ.

Сипя́гинъ зачмо́калъ губа́ми.

— Те, те, те, те... у Соло́мина! Вотъ гдѣ! — Впро́чемъ, я э́то зналъ; мнѣ э́то ска́зывали; мнѣ говори́ли... Да. — (Г-нъ Сипя́гинъ ниско́лько э́того не зналъ и никто́ объ э́томъ ему́ не говори́лъ; но вспо́мнивъ посѣще́ніе Соло́мина, ночны́я ихъ свида́нія, онъ запусти́лъ э́ту у́дочку... И Па́клинъ ра́зомъ пошёлъ на неё).

— Коли́ вы э́то зна́ете, — на́чалъ онъ и втори́чно прикуси́лъ язы́къ... — Но уже́ бы́ло по́здно... По одному́ взгля́ду, бро́шенному на него́ Сипя́гинымъ, онъ по́нялъ, что тотъ всё вре́мя игра́лъ съ нимъ, какъ ко́шка съ мы́шью.

— Впро́чемъ, ва́ше превосходи́тельство, — залепета́лъ-было несча́стный: — я до́лженъ сказа́ть, что со́бственно ничего́ не зна́ю...

— Да я васъ не разспра́шиваю, поми́луйте́! Что́ вы?! — За кого́ вы меня́ и себя́ принима́ете? — надме́нно промо́лвилъ Сипя́гинъ — и неме́дленно ушёлъ въ свою́ мини́стерскую высь.

А Па́клинъ сно́ва почу́вствовалъ себя́ мизе́рнымъ, ма́ленькимъ, по́йманнымъ... До того́ мгнове́нія онъ, ку́ря, клалъ свою́ сига́ру въ уголъ рта, не обращённый къ Сипя́гину, и пуска́лъ дымъ тихо́нько, въ сто́рону; тутъ онъ совсѣмъ её вы́нулъ изо рта и совсѣмъ переста́лъ кури́ть.

„Бо́же мой! — вну́тренно простона́лъ онъ — а горя́чій потъ оби́льнѣе пре́жняго заструи́лся по его́ чле́намъ. — Что́ э́то я сдѣ́лалъ! — Я вы́далъ всё и всѣхъ... Меня́ одура́чили, меня́ подкупи́ли хоро́шей сига́рой!... Я доно́счикъ... и ка́къ тепе́рь помо́чь бѣдѣ́! Го́споди!“

Помо́чь бѣдѣ́ бы́ло невозмо́жно, — Сипя́гинъ на́чалъ засыпа́ть досто́йно, ва́жно, то́же какъ мини́стръ, заверну́вшись въ свою́ „степе́нную“ шине́ль... Къ тому́ же и че́тверти ча́са не прошло́, какъ о́ба экипа́жа останови́лись пе́редъ губерна́торскимъ до́момъ.

XXXV.

Губерна́торъ го́рода С... принадлежа́лъ къ числу́ доброду́шныхъ, беззабо́тныхъ, свѣ́тскихъ генера́ловъ, генера́ловъ, одарённыхъ удиви́тель-

но вы́мытымъ бѣ́лымъ тѣ́ломъ и почти́ тако́й же чи́стой душо́й, генера́ловъ поро́дистыхъ, хорошо́ своспи́танныхъ, и такъ сказа́ть крупи́тчатыхъ, кото́рые, никогда́ не гото́вившись быть „па́стырями наро́довъ“, выка́зываютъ одна́ко весьма́ изря́дныя администра́торскія спосо́бности — и, ма́ло рабо́тая, постоя́нно вздыха́я о Петербу́ргѣ и волоча́сь за хоро́шенькими провинціа́льными да́мами, прино́сятъ несомнѣ́нную по́льзу губе́рніи и оставля́ютъ о себѣ́ хоро́шую па́мять. — Онъ то́лько-что подня́лся съ посте́ли — и, си́дя въ шёлковомъ шлафро́кѣ и ночно́й руба́хѣ на распа́шку пе́редъ туале́тнымъ зе́ркаломъ, вытира́лъ себѣ́ одеколо́номъ съ водо́ю лицо́ и ше́ю, съ кото́рой предвари́тельно снялъ цѣ́лую колле́кцію образко́въ и лада́нокъ, — когда́ ему доложи́ли о пріѣ́здѣ Сипя́гина и Калломѣ́йцева, по ва́жному и спѣ́шному дѣ́лу. — Съ Сипя́гинымъ онъ былъ о́чень коро́токъ, на „ты“ — зналъ его́ съ молоды́хъ лѣ́тъ, безпреста́нно встрѣча́лся съ нимъ въ Петербу́ргскихъ гости́нныхъ — и въ послѣ́днее вре́мя на́чалъ мы́сленно прибавля́ть къ его́ и́мени — вся́кій разъ, когда́ оно́ приходи́ло ему́ въ го́лову — почти́тельное: А! — какъ къ и́мени бу́дущаго сано́вника. Калломѣ́йцева онъ зналъ нѣ́сколько ме́ньше, а уважа́лъ гора́здо ме́ньше, такъ какъ на него́ ста́ли съ нѣ́которыхъ поръ поступа́ть „нехоро́шія“ жа́лобы; одна́ко счита́лъ его́ за челове́ка — qui fera son chemin — такъ и́ли и́наче.

Онъ велѣ́лъ попроси́ть посѣти́телей пожа́ловать къ нему́ въ кабине́тъ — и неме́дленно вы́шелъ къ нимъ въ томъ же шёлковомъ шла́фрокѣ, не извиня́ясь да́же, что принима́етъ ихъ въ тако́мъ неоффиціа́льномъ убра́нствѣ — и дружелю́бно потряса́я имъ ру́ки. — Впро́чемъ, въ кабине́тъ губерна́тора вошли́ то́лько Сипя́гинъ и Калломѣ́йцевъ; Па́клинъ оста́лся въ гости́ной. Вылѣза́я изъ каре́ты, онъ хотѣ́лъ-было ускользну́ть, пробормота́въ, что у него́ до́ма дѣла́; но Сипя́гинъ съ вѣ́жливой твёрдостью удержа́лъ его́ — (Калломѣ́йцевъ подскочи́лъ и шепну́лъ Сипя́гину на́ ухо: Ne le lachez pas! Tonnere de tonneres!) — и повёлъ его́ съ собо́ю. Въ кабине́тъ одна́ко онъ его́ не ввёлъ — и попроси́лъ — всё съ то́ю же вѣ́жливою твёрдостью — подожда́ть въ гости́ной, пока́ его́ позову́тъ. — Па́клинъ и тутъ надѣ́ялся ули́знуть... но въ дверя́хъ появи́лся дю́жій жандарм, предупрежденный Калломѣ́йцевымъ... Па́клинъ оста́лся.

— Ты навѣ́рно́е дога́дываешься, что́ меня́ приве́ло́ къ тебѣ́, Voldemar? — на́чалъ Сипя́гинъ.

— Нѣ́тъ, душа́, не дога́дываюсь, отвѣча́лъ ми́лый эпикуре́ецъ, — ме́жду тѣ́мъ какъ привѣ́тливая улы́бка округля́ла его́ ро́зовыя щёки и выставля́ла его́ блестя́щіе зубы, полузакры́тые шелкови́стыми уса́ми.

— Какъ?... Но вѣ́дь Ма́ркеловъ?...

— Что́ тако́е: Ма́ркеловъ? — повтори́лъ съ тѣ́мъ же ви́домъ губерна́торъ. — Онъ, во-пе́рвыхъ, не совсѣ́мъ я́сно по́мнилъ, что вчера́шняго аресто́ваннаго зва́ли Ма́ркеловымъ; а во-вторы́хъ, онъ соверше́нно по-

забы́лъ, что у жены́ Сипя́гина былъ братъ, носи́вшій э́ту фами́лію. — Да что́ ты стои́шь, Бори́съ — сядь; не хо́чешь ли ча́ю?

Но Сипя́гину бы́ло не до ча́ю.

Когда́ онъ растолкова́лъ наконе́цъ въ чёмъ бы́ло де́ло и по како́й причи́нѣ они́ яви́лись о́ба съ Калломе́йцевымъ, губерна́торъ изда́лъ огорчённое восклица́ніе, уда́рилъ себя́ по лбу и лицо́ его́ при́няло выраже́ніе печа́льное.

— Да... да... да! — повторя́лъ онъ: — како́е несча́стье! И онъ у меня́ тутъ сиди́тъ — сего́дня — пока́; ты зна́ешь, мы *таки́хъ* никогда́ бо́льше одно́й но́чи у себя́ не де́ржимъ; да жандармскаго нача́льника нѣтъ въ го́родѣ: твой зять и застря́лъ... Но за́втра его́ препроводя́тъ. Бо́же мой, какъ э́то непрія́тно! — Какъ твоя́ жена́ должна́ быть огорчена́!! Чего́ же ты хо́чешь?

— Я бы хоте́лъ сви́дѣться съ нимъ у тебя́ здѣсь, — е́сли э́то не проти́вно зако́ну.

— Поми́луй, душа́ моя́! — Для таки́хъ люде́й, какъ ты, зако́нъ не пи́санъ. — Я *та̀къ* тебѣ́ сочу́вствую... C'est affreux, tu sais!

Онъ позвони́лъ осо́беннымъ мане́ромъ. Яви́лся адъюта́нтъ.

— Любе́зный баро́нъ, пожа́луйста — тамъ — распоряди́тесь. — Онъ сказа́лъ ему́, ка́къ и что́ сдѣлать. Баро́нъ исче́зъ. — Предста́вь, mon cher ami: вѣдь его́ чуть не уби́ли мужики́. Ру́ки наза́дъ, въ телѣгу — и маршъ! — И онъ — предста́вь! — нисколько на нихъ не се́рдится — и не негоду́етъ, ей-ей! И вообще́ тако́й споко́йный... Я удиви́лся! да вотъ ты уви́дишь самъ. — C'est un fanatique tranquille.

— Ce sont les pires, — сентенціо́зно произнёсъ Калломе́йцевъ.

Губерна́торъ посмотрѣ́лъ на него́ изподло́бья.

— Кста́ти, мнѣ ну́жно переговори́ть съ ва́ми, Семёнъ Петро́вичъ.

— А что́?

— Да такъ; нехорошо́.

— А и́менно?

— Да зна́ете, вашъ должни́къ-то, мужи́къ э́тотъ, что ко мнѣ жа́ловаться приходи́лъ...

— Ну?

— Вѣдь онъ повѣ́сился.

— Когда́?

— Э́то всё равно́: когда́; а то́льло нехорошо́.

Калломе́йцевъ пожа́лъ плеча́ми и отошёлъ, щего́льски пока́чиваясь, къ окну́. Въ э́то мгнове́нье адъюта́нтъ ввёлъ Ма́ркелова.

Губерна́торъ сказа́лъ о нёмъ пра́вду: онъ былъ — неесте́ственно споко́енъ. — Да́же обы́чная угрю́мость сошла́ съ его́ лица́ — и замѣни́лась выраже́ніемъ како́й-то равноду́шной уста́лости. Оно оста́лось тѣмъ же, когда́ онъ уви́дѣлъ своего́ зя́тя; и то́лько во взгля́дѣ, бро́шенномъ имъ на приве́дшаго его́ нѣмца-адъюта́нта — мелькну́лъ мгно-

вѣ́нный оста́токъ его́ стари́нной не́нависти къ э́тому со́рту люде́й. — Пальто́ на нёмъ бы́ло разо́рвано въ двухъ мѣста́хъ и на̀скоро зашѝто то́лстыми ни́тками; на лбу, надъ бро́вью и на перено́сицѣ виднѣ́лись небольшія ссади́ны съ засо́хшей кро́вью. — Онъ не умы́лся; но во́лосы причеса́лъ. Глубоко́ засу́нувъ о́бѣ ки́сти рукъ въ рукава́, онъ остановѝлся недалеко́ отъ две́ри. — Дыша́лъ онъ ро́вно.

— Серге́й Миха́йловичъ! — на́чалъ взволно́ваннымъ го́лосомъ Сипя́гинъ, подойдя́ къ нему́ ша́га на́ два — и протяну́въ насто́лько пра́вую ру́ку, что́бы она́ могла́ тро́нуть — и́ли останови́ть его́, е́слибъ онъ сдѣлалъ движе́ніе впередъ: — Серге́й Миха́йловичъ! я при́былъ сюда́ не для того́ то́лько, что́бы вы́разить тебѣ́ на́ше изумле́ніе, на́ше глубо́кое огорче́ніе; — въ нёмъ ты не мо́жешь сомнѣ́ваться! — Ты самъ *хотѣ́лъ* погуби́ть себя́! И погуби́лъ!! — Но я жела́лъ тебя́ ви́дѣть, что́бы сказа́ть тебѣ́... э... э... что́бы дать... что́бы поста́вить тебя́ въ возмо́жность услы́шать го́лосъ благоразу́мія, че́сти, и дру́жбы! Ты мо́жешь ещё облегчи́ть свою́ у́часть; и, повѣ́рь, я съ своей стороны́ сдѣлаю всё, что́ бу́детъ отъ меня́ зави́сѣть! — Вотъ и почте́нный нача́льникъ здѣ́шней губе́рніи тебѣ́ э́то подтверди́тъ. — Тутъ Сипя́гинъ возвы́силъ го́лосъ: — Чистосерде́чное раская́ніе въ твои́хъ заблужде́ніяхъ, по́лное призна́ніе, безо вся́кой ута́йки, кото́рое бу́детъ заявлено гдѣ слѣ́дуетъ...

— Ва́ше превосходи́тельство — заговори́лъ вдругъ Ма́ркеловъ, обраща́ясь къ губерна́тору — и са́мый звукъ его́ го́лоса былъ споко́енъ — хоть и немно́го хрипло̀ъ: я полага́лъ, что вамъ уго́дно бы́ло меня́ ви́дѣть — и сно́ва допроси́ть меня́, что ли... Но е́сли вы призва́ли меня́ то́лько по жела́нію г-на Сипя́гина, то вели́те, пожа́луйста, меня́ отвести́: мы другъ дру́га поня́ть не мо́жемъ. — Всё, что́ онъ говори́тъ — для меня́ та́же латы́нь.

— Позво́льте... Латы́нь! — вмѣша́лся Калломѣ́йцевъ зано́счиво и писклѝво: — а э́то — латы́нь — бунтова́ть крестья́нъ? — Э́то — латы́нь? А? Латы́нь э́то?

— Что э́то у васъ, ва́ше превосходи́тельство, чиновни́къ по та́йной полѝціи, что ли? Тако́й усе́рдный? — спроси́лъ Ма́ркеловъ — и сла́бая улы́бка удово́льствія тро́нула его́ блѣ́дныя гу́бы.

Калломѣ́йцевъ зашипѣ́лъ, затопа́лъ нога́ми... Но губерна́торъ останови́лъ его́.

— Вы са́ми винова́ты, Семёнъ Петро́вичъ. Зачѣ́мъ мѣша́етесь не въ ва́ше дѣ́ло?

— Не въ моё дѣ́ло... не въ моё дѣ́ло... Ка́жется, э́то дѣ́ло о́бщее... всѣхъ насъ, дворя́нъ...

Ма́ркеловъ оки́нулъ Калломѣ́йцева холо́днымъ, ме́дленнымъ, — какъ-бы послѣ́днимъ взо́ромъ — и поверну́лся немно́го къ Сипя́гину. — А коли́ *вы*, зятёкъ, хоти́те, что́бы я вамъ объясни́лъ *мои́* мы́сли — такъ вотъ вамъ: я признаю́, что крестья́не имѣ́ли пра́во меня́ арестова́ть и

вы́дать, коли́ имъ не нра́вилось то, что́ я имъ говори́лъ. — На то была́ ихъ во́ля. — *Я* къ нимъ пришёлъ; не они́ ко мнѣ. — И прави́тельство, — е́сли оно́ меня́ сошлёть въ Сиби́рь — я ропта́ть не бу́ду — хоть и винова́тымъ себя́ не почту́. Оно́ своё дѣ́ло дѣ́лаетъ — потому́ — защища́ется. — Дово́льно съ васъ э́того?

Сипя́гинъ воздѣ́лъ ру́ки горѣ́.

— Дово́льно!! Что за сло́во! — Не въ томъ вопро́съ — и не намъ суди́ть, ка́къ посту́питъ прави́тельство; — а я жела́ю знать, чу́вствуете ли вы — чу́вствуешь ли *ты* — Серге́й — (Сипя́гинъ рѣши́лся затро́нуть серде́чныя стру́ны) — безразсу́дство, безу́міе своего́ предпрія́тія, гото́въ ли ты доказа́ть своё *раская́ніе* на дѣ́лѣ — и могу́ ли я поручи́ться — до нѣ́которой сте́пени поручи́ться — за тебя́, Серге́й!

Ма́ркеловъ сдви́нулъ свои́ густы́я бро́ви.

— Я сказа́лъ... и повторя́ть ска́занное не хочу́.

— Но раская́ніе? раская́ніе гдѣ?

Ма́ркелова вдругъ передёрнуло.

— Ахъ, отста́ньте съ ва́шимъ „раская́ніемъ!“ Вы хоти́те мнѣ въ ду́шу залѣ́зть? Предоста́вьте э́то — хоть мнѣ самому́.

Сипя́гинъ пожа́лъ плеча́ми.

— Вотъ ты всегда́ такъ; не хо́чешь внять го́лосу разсу́дка! Тебѣ́ предстои́тъ возмо́жность раздѣ́латься ти́хо, благоро́дно...

— Ти́хо, благоро́дно... — повтори́лъ угрю́мо Ма́ркеловъ. — Зна́емъ мы э́ти слова́! Ихъ всегда́ говоря́тъ тому́, кому предлага́ютъ сдѣ́лать по́длость. Вотъ что̀ онѣ́ зна́чатъ, э́ти слова́!

— Мы о васъ сожалѣ́емъ, — продолжа́лъ усовѣ́щивать Ма́ркелова Сипя́гинъ, — а вы насъ ненави́дите.

— Хорошо́ сожалѣ́ніе! Въ Сиби́рь насъ, въ ка́торгу — вотъ какъ вы сожалѣ́ете о насъ! Ахъ, оста́вьте... оста́вьте вы меня́, ра́ди Бо́га!

И Ма́ркеловъ пону́рилъ го́лову.

На душѣ́ у него́ бы́ло о́чень сму́тно, какъ ни тихъ былъ его́ нару́жный видъ. Бо́льше всего́ его́ гры́зло и му́тило то́, что вы́далъ его́ — кто же? Голоплёцкій Еремѣ́й! Тотъ Еремѣ́й, въ кото́раго онъ такъ слѣ́по вѣ́рилъ! — Что Менделѣ́й Ду́тикъ не пошёлъ за нимъ, э́то его́ въ су́щности не удивля́ло... Менделѣ́й былъ пьянъ и потому́ стру́силъ. Но Еремѣ́й!! Для Ма́ркелова Еремѣ́й былъ какъ-бы олицетворе́ніемъ ру́сскаго наро́да... И онъ ему́ измѣни́лъ! — Ста́ло-быть — всё, о чёмъ хлопота́лъ Ма́ркеловъ, всё бы́ло не то́, не такъ? — И Кисляко́въ вралъ, — и Васи́лій Никола́евичъ прика́зывалъ пустяки́, — и всѣ э́ти статьи́, кни́ги, сочине́нія соціали́стовъ, мысли́телей, ка́ждая бу́ква кото́рыхъ явля́лась ему́ чѣ́мъ-то несомнѣ́ннымъ и несокруши́мымъ, всё э́то — пуфъ? Неуже́ли?? — И э́то прекра́сное сравне́ніе назрѣ́вшаго ве́реда, ожида́вшаго уда́ра ланце́та — то́же фра́за? Нѣтъ! нѣтъ! — шепта́лъ онъ про себя́, и на его́ бро́нзовыя щёки набѣ́гала сла́бая кра́ска кирпи́чнаго

цвѣта: — нѣтъ; то всё пра́вда; всё... а э́то *я* винова́тъ, *я* не съумѣлъ; не то́ *я* сказа́лъ, не такъ приня́лся! — На́до бы́ло про́сто скомандова́ть, а е́сли бы кто препя́тствовать сталъ и́ли упира́ться — пу́лю ему́ въ лобъ! тутъ разбира́ть не́чего. Кто не съ на́ми, тотъ пра́ва жить не имѣетъ... убива́ютъ же шпіо́новъ какъ соба́къ, ху́же чѣмъ соба́къ;

И представля́лись Ма́ркелову подро́бности какъ его схвати́ли... Сперва́ молча́ніе, переми́гиванія, кри́ки въ за́днихъ ряда́хъ... Вотъ оди́нъ приближа́ется бо́комъ, какъ-бы кла́няется. Пото́мъ э́та внеза́пная возня́! И какъ его о́ земь... „Ребя́та... ребя́та... что́ вы?“ А они́: „Куша́къ дава́й! Вяжи́!...“ Ко́сти трещатъ... и безси́льная я́рость... и вонючая пыль во рту, въ но́здряхъ... „Вали́, вали́ его́... на телѣгу“. Кто-то гу́сто хохо́четъ... фай!

— Не такъ... не такъ я взя́лся...

Вотъ что́ со́бственно его́ гры́зло и му́чило; а что онъ самъ попа́лъ подъ колесо́, э́то была́ его́ ли́чная бѣда́: она́ не каса́лась о́бщаго дѣла, — её бы мо́жно бы́ло перенести́... но Еремѣй! Еремѣй!

Ме́жду тѣмъ какъ Ма́ркеловъ стоя́лъ съ голово́й опу́щенной на грудь, Сипя́гинъ отвёлъ губерна́тора въ сто́рону и на́чалъ говори́ть ему́ вполго́лоса, разводя́ немно́го рука́ми, выдѣлывая двумя́ па́льцами небольшу́ю трель на своёмъ лбу, какъ-бы жела́я показа́ть, что тутъ-де́скать у э́того несча́стнаго нела́дно, и вообще́ стара́ясь возбуди́ть, е́сли не сочу́вствіе, то снисхожде́ніе къ безу́мцу. — А губерна́торъ пожима́лъ плеча́ми, то поднима́лъ, то закрыва́лъ глаза́, сожалѣлъ о со́бственномъ безси́ліи, — и одна́ко что-то обѣща́лъ... „Tous les égards... certainement, tous les égards...“ — слы́шались прія́тно-карта́выя слова́, мя́гко проходи́вшія сквозь раздушенные усы́... „Но ты зна́ешь: зако́нъ!“ — Коне́чно: зако́нъ! — подхва́тывалъ Сипя́гинъ съ како́й-то стро́гой поко́рностью.

Пока́ они́ такъ разгова́ривали въ уголку́, Калломѣйцевъ про́сто не могъ утерпѣть на мѣстѣ: дви́гался взадъ и впередъ, слегка́ чмо́калъ, кряхтѣлъ, явля́лъ всѣ при́знаки нетерпѣнія. Наконе́цъ онъ подошёлъ къ Сипя́гину и поспѣшно промо́лвилъ:

— Vous oubliez l'autre!

— А, да! — промо́лвилъ Сипя́гинъ гро́мко. — Merci de me l'avoir rappelé. — Я до́лженъ довести́ слѣдующій фактъ до свѣдѣнія ва́шего превосходи́тельства, — обрати́лся онъ къ губерна́тору... (Онъ величалъ такъ дру́га своего́ Voldemar'a, со́бственно для того́, что́бы не скомпрометти́ровать прести́жа вла́сти пе́редъ бунтовщико́мъ). Я имѣю основа́тельныя причи́ны предполага́ть, что сумасбро́дное предпрія́тіе моего́ beau-frère'a имѣетъ нѣкоторыя рамифика́ціи; и что одна́ изъ э́тихъ вѣтвей, т.-е. одно́ изъ заподо́зрѣнныхъ мно́ю лицъ — нахо́дится въ неда́льнемъ разстоя́ніи отъ сего́ го́рода. — Вели́ ввести́, — приба́вилъ онъ вполго́лоса; — тамъ у тебя́ въ гости́ной есть оди́нъ... Я его́ привёзъ.

Губерна́торъ взглянулъ на Сипя́гина, поду́малъ съ уваже́ніемъ:

„како́въ!“ — и о́тдалъ прика́зъ. Мину́ту спустя́, рабъ Бо́жій, Си́ла Па́клинъ — предста́лъ пе́редъ его́ о́чи.

Си́ла Па́клинъ на́чалъ съ того́, что ни́зко поклони́лся губерна́тору; но, уви́дѣвъ Ма́ркелова, не доко́нчилъ покло́на, и такъ и оста́лся, на полови́ну со́гнутый, перемина́я ша́пку въ рука́хъ. Ма́ркеловъ бро́силъ на него́ разсѣя́нный взглядъ, но едва́ ли узна́лъ его́; и́бо сно́ва погрузи́лся въ ду́му.

— Э́то — вѣтвь? — спроси́лъ губерна́торъ, ука́зывая на Па́клина больши́мъ бѣ́лымъ па́льцемъ, укра́шеннымъ бирюзо́ю.

— О, нѣтъ! — съ полусмѣ́хомъ отвѣча́лъ Сипя́гинъ. — А впро́чемъ! — приба́вилъ онъ, поду́мавъ немно́го. — Вотъ, ва́ше превосходи́тельство, — заговори́лъ онъ сно́ва гро́мко, — пе́редъ ва́ми нѣ́кто г-нъ Па́клинъ. Онъ, ско́лько мнѣ извѣ́стно, петербу́ргскій жи́тель и бли́зкій прія́тель нѣ́котораго лица́, кото́рое состоя́ло у меня́ въ ка́чествѣ учи́теля, и поки́нуло мой домъ, увлёкши за собо́ю, — приба́влю, красне́я, — одну́ молоду́ю дѣ́вицу, мою́ ро́дственницу.

— Ah! oui, oui, — пробормота́лъ губерна́торъ, и иокача́лъ сверху́ внизъ голово́ю: — я что-то слы́шалъ... Графи́ня ска́зывала...

Сипя́гинъ возвы́силъ го́лосъ.

— Э́то лицо́ есть нѣ́кто г-нъ Неждано́въ, си́льно мно́ю заподо́зрѣнный въ превра́тныхъ поня́тіяхъ и тео́ріяхъ...

Un rouge à tous crins, вмѣша́лся Калломѣ́йцевъ...

— ...Въ превра́тныхъ поня́тіяхъ и тео́ріяхъ, — повтори́лъ ещё отчётливѣе Сипя́гинъ, — и ужъ, коне́чно, не чу́ждый всей э́той пропага́ндѣ; онъ нахо́дится... скрыва́ется, какъ мнѣ ска́зывалъ г-нъ Па́клинъ, на фа́брикѣ купца́ Фалѣ́ева...

При слова́хъ: „какъ мнѣ ска́зывалъ“, Ма́ркеловъ втори́чно бро́силъ взглядъ на Па́клина, и то́лько усмѣхну́лся, ме́дленно и равноду́шно.

— Позво́льте, позво́льте, ва́ше превосходи́тельство, — закрича́лъ Па́клинъ, — и вы, г-нъ Сипя́гинъ, я никогда́... никогда́...

— Ты говори́шь: купца́ Фалѣ́ева — обрати́лся губерна́торъ къ Сипя́гину, поигра́въ то́лько па́льцами въ направле́ніи Па́клина: — „пости́ше де́скать, бра́тецъ, пости́ше“. — Что́ съ ни́ми дѣ́лается, съ на́шими почте́нными борода́чами? Вчера́ то́же одного́ схвати́ли по тому́ же дѣ́лу, Ты, мо́жетъ, слы́шалъ его имя́: Голу́шкинъ, бога́чъ. Ну, э́тотъ революціи не сдѣ́лаетъ. Такъ на колѣ́нкахъ и ползае́тъ.

— Купе́цъ Фалѣ́евъ тутъ не при чёмъ, — отчека́нилъ Сипя́гинъ, — я его́ мнѣ́ній не зна́ю; я говорю́ то́лько объ его́ фа́брикѣ, на кото́рой, по слова́мъ г-на Па́клина, нахо́дится въ настоя́щую мину́ту г-нъ Неждано́въ.

— Э́того я не говори́лъ! — возопи́лъ опя́ть Па́клинъ. — Это *вы* говори́ли!

— Позво́льте, г-нъ Па́клинъ, — всё съ то́ю же неумоли́мой отчёт-

ливостью произнёсъ Сипя́гинъ. — Я уважа́ю то чу́вство дру́жбы, кото́рое внуша́етъ вамъ ва́шу „ренега́цію“. (Э́кій... Гизо́! поду́малъ тутъ про себя́ губерна́торъ). Но возьму́ смѣ́лость поста́вить вамъ себя́ въ приме́ръ. Полага́ете ли вы, что во мнѣ чу́вство ро́дственное не столь же си́льно, какъ ва́ше дру́жеское? — Но есть друго́е чу́вство, ми́лостивый госуда́рь, кото́рое ещё сильне́е и кото́рое должно́ руководи́ть все́ми на́шими дѣ́йствіями и посту́пками: чу́вство до́лга!

— Le sentiment du devoir, — поясни́лъ Калломе́йцевъ.

Ма́ркеловъ оки́нулъ взо́ромъ обо́ихъ говори́вшихъ.

— Г-нъ губерна́торъ, промо́лвилъ онъ, — повторя́ю мою́ про́сьбу: вели́те, пожа́луйста, увести́ меня́ прочь отъ э́тихъ болтуно́въ.

Но тутъ губерна́торъ потеря́лъ немно́жко терпе́ніе.

— Г-нъ Ма́ркеловъ! — воскли́кнулъ онъ: — я сове́товалъ бы вамъ, въ ва́шемъ положе́ніи, бо́лѣе сде́ржанности въ языке́ и бо́лѣе уваже́нія къ ста́ршимъ... осо́бенно когда́ они́ выража́ютъ патріоти́ческія чу́вства, подо́бныя тѣ́мъ, кото́рыя вы сейча́съ слы́шали въ уста́хъ ва́шего beau-frère' а! — Я счастли́вымъ себя́ почту́, любе́зный Бори́съ, — приба́вилъ губерна́торъ, обраща́ясь къ Сипя́гину, — довести́ твои́ благоро́дные посту́пки до све́дѣнія мини́стра. — Но у кого́ же со́бственно нахо́дится э́тотъ г-нъ Неждано́въ — на э́той фа́брикѣ?

Сипя́гинъ нахму́рился.

— У не́коего г-на Соло́мина, та́мошняго гла́внаго меха́ника, какъ мнѣ ска́зывалъ тотъ же г-нъ Па́клинъ.

Каза́лось, Сипя́гину доставля́ло осо́бенное удово́льствіе терза́ть бѣ́днаго Си́лушку: онъ вы́мещалъ на нёмъ тепе́рь и да́нную ему́ въ каре́тѣ сига́ру, фамиліа́рную вѣ́жливость своего́ обраще́нія съ нимъ, и не́которое да́же зайгрываніе.

— И э́тотъ Соло́минъ, — подхвати́лъ Калломе́йцевъ, — есть несомне́нный радика́лъ и республика́нецъ — и ва́шему превосходи́тельству не ху́до бы́ло бы обрати́ть ва́ше внима́ніе такъ же и на него́.

— Вы зна́ете э́тихъ... госпо́дъ... Соло́мина... и, ка́къ бишь! и... Неждано́ва? — немно́го пона́чальнически, въ носъ, спроси́лъ губерна́торъ Ма́ркелова.

Ма́ркеловъ злора́дно разду́лъ но́здри.

— А вы, ва́ше превосходи́тельство, зна́ете Конфу́ція и Ти́та-Ли́вія?

Губерна́торъ отверну́лся.

— Il n'y a pas moyen de causer avec cet homme, — промо́лвилъ онъ, пожима́я плеча́ми. — Г-нъ баро́нъ, пожа́луйте сюда́.

Адъюта́нтъ подскочи́лъ къ нему́; а Па́клинъ, улучи́въ вре́мя, приблизи́лся, ковыля́я и спотыка́ясь, къ Сипя́гину.

— Что̀ же э́то вы дѣ́лаете, — прошепта́лъ онъ: — зачѣ́мъ же вы гу́бите ва́шу племя́нницу? Вѣ́дь она́ съ нимъ, съ Неждано́вымъ!...

— Я никого́ не гублю́, ми́лостивый госуда́рь, — отвѣча́лъ Сипя́гинъ гро́мко: — я дѣ́лаю то́, что́ мнѣ повелѣва́етъ со́вѣсть и...

— И ва́ша супру́га, моя́ сестра́, у кото́рой вы подъ башмако́мъ, — вверну́лъ столъ же гро́мко Ма́ркеловъ.

Сипя́гинъ, какъ говори́тся, да́же не чу́кнулъ... Такъ э́то бы́ло ни́же его́!

— Послу́шайте, — продолжа́лъ шепта́тъ Па́клинъ — всё его́ тѣ́ло трепета́ло отъ волне́нія и, быть мо́жетъ, отъ ро́бости, — а глаза́ сверка́ли зло́бой и въ го́рлѣ клокота́ли слёзы — слёзы сожалѣ́нія о *тѣхъ* и доса́ды на себя́; — послу́шайте: я сказа́лъ вамъ, что она́ за́мужемъ — это непра́вда — я вамъ солга́лъ! — но бракъ э́тотъ до́лженъ соверши́ться — и е́сли вы э́тому помѣша́ете, е́сли туда́ я́вится поли́ція — на ва́шей со́вѣсти бу́детъ лежа́ть пятно́, кото́рое вы ничѣ́мъ никогда́ не сме́ете — и вы...

— Извѣ́стіе, сообщённое ва́ми, — переби́лъ ещё гро́мче Сипя́гинъ — е́сли оно́ то́лько справедли́во, въ чёмъ я имѣ́ю пра́во сомнѣва́ться — э́то извѣ́стіе мо́жетъ то́лько ускори́ть тѣ́ мѣ́ры, кото́рыя я почёлъ бы ну́жнымъ предприня́ть; а о чистотѣ́ мое́й со́вѣсти я ужъ бу́ду проси́ть васъ, ми́лостивый госуда́рь, не забо́титься!

— Вы́лощена она́, братъ, вверну́лъ опя́ть Ма́ркеловъ: — петербу́ргскій лакъ на неё наведе́нъ; никака́я жи́дкость ея́ не берётъ! А ты, г-нъ Па́клинъ, шепчи́, шепчи́, ско́лько хо́чешь: не отше́пчешься, шали́шь!

Губерна́торъ почёлъ за ну́жное прекрати́ть всѣ э́ти пререка́нія.

— Я полага́ю, — на́чалъ онъ, — что вы, господа́, уже́ доста́точно вы́сказались — а потому́, любе́зный баро́нъ, уведи́те г-на Ма́ркелова. N'est ce pas, Boris, ты не нужда́ешься бо́лѣе...

Сипя́гинъ развёлъ рука́ми.

— Я сказа́лъ всё, что́ могъ!...

— И прекра́сно!... — Любе́зный баро́нъ!...

Адъюта́нтъ прибли́зился къ Ма́ркелову, щёлкнулъ шпо́рами, сдѣ́лалъ горизонта́льное движе́ніе ручко́ю... „Пожа́луйте-молъ! Ма́ркеловъ повернулся и пошёлъ вонъ. — Па́клинъ, пра́вда, мы́сленно, но съ го́рькимъ сочу́вствіемъ и жа́лостью пожа́лъ ему́ ру́ку.

— А на фа́брику мы пошлёмъ на́шихъ мо́лодцовъ, — продолжа́лъ губерна́торъ. — То́лько вотъ что́, Бори́съ: мнѣ сдаётся — э́тотъ ба́ринъ — (онъ указа́лъ подборо́дкомъ на Па́клина) — тебѣ́ что-то сообща́лъ, насчётъ твое́й ро́дственницы... Бу́дто она́ тамъ, на той фа́брикѣ... Такъ какъ же...

— Её арестова́ть во вся́комъ слу́чаѣ нельзя́, — замѣтилъ глубокомы́сленно Сипя́гинъ: мо́жетъ быть она́ оду́мается и вернётся. Е́сли позво́лишь, я напишу́ ей запи́сочку.

— Сдѣ́лай одолже́ніе. И вообще́ ты мо́жешь быть увѣ́ренъ...

Nous coffrerons le quidam... mais nous sommes galants avec les dames... et avec celle-là donc!

— Но вы не принима́ете никаки́хъ распоряже́нiй на-счётъ э́того Соло́мина, — жа́лобно воскли́кнулъ Калломѣ́йцевъ, кото́рый всё вре́мя приника́лъ у́хомъ и стара́лся вслу́шаться въ ма́ленькое a parte губерна́тора съ Сипя́гинымъ. — Увѣря́ю васъ: э́то гла́вный зачи́нщикъ! У меня́ на э́то нюхъ... тако́й нюхъ!

— Pas trop de zèle, любе́знѣйшiй Семёнъ Петро́вичъ, — замѣ́тилъ, осклабя́сь губерна́торъ. — Вспо́мните Таллейра́на! Коли́ что, тотъ отъ насъ то́же не уйдётъ. Вы лу́чше поду́майте о ва́шемъ... ккк...къ! — И губерна́торъ сдѣ́лалъ знакъ уду́шенiя на своёй шеѣ... Да кста́ти, — обрати́лся онъ сно́ва къ Сипя́гину: — et ce gaillard là — (онъ опя́ть указа́лъ подборо́дкомъ на Па́клина) — Qu'en ferons nous? На видъ онъ не стра́шенъ.

— Отпусти́ его́, — сказа́лъ ти́хо Сипя́гинъ — и приба́вилъ понѣме́цки: — Lass' den Lumpen laufen!

Онъ почему́-то поду́малъ, что дѣ́лаетъ цита́ту изъ Гёте, изъ „Гёца фонъ-Берли́хингена“.

— Вы мо́жете идти́, ми́лостивый госуда́рь! — промо́лвилъ гро́мко губерна́торъ. — Мы бо́лѣе въ васъ не нужда́емся. — До зобаче́нья!

Па́клинъ о́тдалъ о́бщiй покло́нъ и вы́шелъ на у́лицу, весь уничто́женный и разби́тый. Бо́же! Бо́же! э́то презрѣ́нiе его́ докона́ло!

„Что же э́то тако́е?“ — ду́малъ онъ съ невырази́мымъ отча́янiемъ: — ...„и трусъ, и доно́счикъ?! Да нѣтъ... нѣтъ; я че́стный человѣ́къ, господа́, — и я не совсѣ́мъ уже́ лишёнъ вся́каго му́жества!“

Но что̀ за знако́мая фигу́ра торчи́тъ на крыльцѣ́ губерна́торскаго до́ма и смо́тритъ на него́ уны́лымъ, испо́лненнымъ упрёка взо́ромъ? Да, э́то — ста́рый слуга́ Ма́ркелова. Онъ, ви́дно, пришёлъ за свои́мъ ба́риномъ въ го́родъ и не отхо́дитъ прочь отъ его́ тюрьмы́... То́лько зачѣ́мъ же онъ смо́тритъ такъ на Па́клина? Вѣдь не онъ же Ма́ркелова вы́далъ!

„И зачѣ́мъ я сова́лся туда́, куда́ мнѣ — ни къ ко́жѣ, ни къ ро́жѣ?“ — ду́малъ онъ опя́ть свою́ отча́янную ду́му. — „Не могъ сидѣ́ть сми́рно на своёй ла́вочкѣ! — А тепе́рь они́ говоря́тъ и, пожа́луй, напи́шутъ: нѣ́кто г-нъ Па́клинъ всё разсказа́лъ, вы́далъ ихъ... свои́хъ друзе́й вы́далъ врага́мъ!... — Вспо́мнился ему́ тутъ взглядъ, бро́шенный на него́ Ма́ркеловымъ, вспо́мнились э́ти послѣ́днiя слова́: „не отше́пчешься, шали́шь!“ — а тутъ э́ти ста́рческiе, уны́лые, уби́тые глаза́! — И какъ ска́зано въ писа́нiи — онъ „плака́ся го́рько“ — и побрёлъ себѣ́ въ оа́зисъ, къ Ѳо́мушкѣ и Ѳи́мушкѣ, къ Снанду́лiи...

XXXVI.

Когда́ Маріа́нна въ то са́мое у́тро вы́шла изъ свое́й ко́мнаты — она́ уви́дѣла Неждано́ва одѣ́тымъ и сидя́щимъ на дива́нѣ. Одно́й руко́й онъ поддер́живалъ го́лову, друга́я безси́льно и недви́жно лежа́ла на колѣ́няхъ. — Она́ подошла́ къ нему́.

Здра́вствуй, Алексѣ́й... Ты не раздѣва́лся? не спалъ? Како́й ты блѣ́дный!

Отяжелѣ́вшія вѣ́ки его́ глазъ припо́днялись ме́дленно.

— Я не раздѣва́лся, я не спалъ.

— Ты нездоро́въ? и́ли э́то ещё слѣ́дъ вчера́шняго?

Неждано́въ покача́лъ голово́ю.

— Я не спалъ съ тѣ́хъ поръ, какъ Соло́минъ вошёлъ въ твою́ ко́мнату.

— Когда́?

— Вчера́ ве́черомъ.

— Алексѣ́й, ты ревну́ешь? Вотъ но́вость! И нашёлъ вре́мя, когда́ ревнова́ть! Онъ оста́лся у меня́ всего́ че́тверть ча́са... И мы говори́ли объ его́ двою́родномъ бра́тѣ, свяще́нникѣ — и о томъ, какъ устро́ить нашъ бракъ.

— Я зна́ю, что онъ оста́лся всего́ че́тверть ча́са: — я ви́дѣлъ, когда́ онъ вы́шелъ. И я не ревну́ю, о, нѣтъ! Но всё-таки́ я не могъ засну́ть съ тѣ́хъ поръ.

— Отчего́ же?

Неждано́въ помолча́лъ.

— Я всё ду́малъ... ду́малъ... ду́малъ!

— О чёмъ?

— О тебѣ́... о нёмъ... и о са́момъ себѣ́.

— И до чего́ же ты додума́лся?

— Сказа́ть тебѣ́, Маріа́нна?

— Скажи́.

— Я ду́малъ, что я мѣша́ю — тебѣ́... ему́... и самому́ себѣ́.

— Мнѣ! ему́! Я вообража́ю, что́ ты э́тимъ хо́чешь сказа́ть, хотя́ ты и увѣря́ешь, что не ревну́ешь. — Но: самому́ себѣ?

— Маріа́нна, во мнѣ сидя́тъ два челове́ка — и оди́нъ не даётъ жить друго́му. — Такъ я ужъ полага́ю, что лу́чше переста́ть обо́имъ жить.

— Ну, по́лно, Алексѣ́й, пожа́луйста. — Что за охо́та себя́ мучи́ть — и меня́? — Намъ слѣ́дуетъ тепе́ръ сообрази́ть, какія на́до приня́ть мѣ́ры... Вѣ́дь насъ въ поко́ѣ не оста́вятъ.

Неждано́въ ла́сково взялъ её за́ руку.

— Сядь во́злѣ меня́, Маріа́нна, и поболта́емъ немно́го, подру́жески. — Пока́ есть вре́мя. — Дай мнѣ ру́ку. — Мнѣ ка́жется, что намъ не

ху́до объясни́ться, — хотя́, говоря́тъ, вся́кія объясне́нія веду́тъ обыкнове́нно то́лько къ бо́льшей пу́таницѣ. Но ты умна́ и добра́; ты всё поймёшь — и чего́ я не доскажу́ — ты додумаешь. Сядь.

Го́лосъ Неждано́ва былъ о́чень тихъ — и кака́я-то осо́бенная, дру́жеская нѣжность и про́сьба вы́сказывались въ его́ глаза́хъ, при́стально устремлённыхъ на Маріа́нну.

Она то́тчасъ, охо́тно, сѣла во́злѣ него́ и взяла́ его́ ру́ку.

— Ну, спаси́бо, моя́ ми́лая — и слу́шай. — Я тебя́ до́лго не задержу́. — Я уже́ но́чью въ головѣ́ всё пригото́вилъ — что́ я до́лженъ тебѣ́ сказа́ть. — Ну — слу́шай. — Не ду́май, что́бы вчера́шнее происше́ствіе меня́ сли́шкомъ смути́ло: я былъ вѣроя́тно о́чень смѣшо́нъ и немно́жко да́же га́докъ; но ты, коне́чно, не поду́мала обо мнѣ ничего́ дурно́го и́ли ни́зкаго... ты меня́ зна́ешь. — Я сказа́лъ, что э́то происше́ствіе меня́ не смути́ло; э́то — непра́вда, э́то вздоръ... оно́ смути́ло меня́; но не потому́, что меня́ привезли́ домо́й пья́наго; а потому́, что оно́ оконча́тельно доказа́ло мнѣ мою́ несостоя́тельность! — И не то́лько въ томъ, что я не могу́ пить, какъ пьютъ ру́сскіе лю́ди — а вообще́! вообще́! — Маріа́нна, я обя́занъ сказа́ть тебѣ́, что я — не вѣ́рю бо́льше въ то дѣ́ло, кото́рое насъ соедини́ло, въ си́лу кото́раго мы вмѣ́стѣ ушли́ изъ то́го до́ма, и къ кото́рому я, говоря́ пра́вду, уже́ охладѣва́лъ — когда́ твой ого́нь согрѣ́лъ и зажёгъ меня́: — не вѣ́рю! не вѣ́рю!

Онъ положи́лъ свою́ свобо́дную ру́ку себѣ́ на глаза́ и умо́лкъ на мгнове́нье. — Маріа́нна то́же ни сло́ва не промо́лвила и потупи́лась... Она́ почу́вствовала, что онъ ей не сказа́лъ ничего́ но́ваго.

— Я ду́малъ пре́жде, — продолжа́лъ Неждано́въ, отня́въ ру́ку отъ глазъ, но уже́ не гля́дя бо́льше на Маріа́нну, — что я въ са́мое-то дѣ́ло вѣ́рю — а то́лько сомнѣва́юсь въ са́момъ себѣ́, въ своей си́лѣ, въ своёмъ умѣ́ньѣ; мои́ спосо́бности, ду́малъ я, не соотвѣ́тствуютъ моимъ убѣжде́ньямъ... Но ви́дно э́тихъ двухъ вещей отдѣли́ть нельзя́ — да и къ чему́ обма́нываться! Нѣтъ — я въ *са́мое дѣ́ло* не вѣ́рю. — А ты вѣ́ришь, Маріа́нна?

Маріа́нна вы́прямилась и по́дняла го́лову.

— Да, Алексѣ́й, вѣ́рю. Вѣ́рю всѣ́ми си́лами души́ — и посвящу́ э́тому дѣ́лу всю́ свою́ жизнь! До послѣ́дняго дыха́нія!

Неждано́въ повернулся къ ней и измѣ́рилъ её всю умилённымъ и зави́дующимъ взгля́домъ.

— Такъ; такъ; я ждалъ тако́го отвѣ́та. — Вотъ ты и ви́дишь, что намъ вмѣ́стѣ дѣ́лать не́чего: ты сама́ одни́мъ уда́ромъ переруби́ла на́шу связь.

Маріа́нна молча́ла.

— Вотъ и Соло́минъ, — на́чалъ сно́ва Неждано́въ, — хоть и онъ не вѣ́ритъ...

— Нѣтъ! Онъ не вѣ́ритъ... да э́то ему́ и не ну́жно; онъ по-

двига́ется споко́йно вперёдъ. Челове́къ, кото́рый идётъ по доро́гѣ въ го́родъ, не спра́шиваетъ себя́: да существу́етъ ли по́лно э́тотъ го́родъ? Онъ идётъ себѣ́ да идётъ. Такъ и Соло́минъ. И бо́льше ничего́ не ну́жно. А я... вперёдъ не могу́; наза́дъ не хочу́; остава́ться на мѣ́стѣ — то́мно. Кому́ же дерзну́ я предложи́ть быть мои́мъ това́рищемъ? Зна́ешь поговóрку: оди́нъ подъ оди́нъ коне́цъ, другóй подъ другóй — и пошло́ дѣ́ло на ладъ? А коли́ оди́нъ не смóжетъ нести́ — какъ быть другóму?

— Алексѣ́й, — промóлвила нерѣши́тельно Маріа́нна, — ты, мнѣ ка́жется, преувели́чиваешь. — Мы вѣдь лю́бимъ другъ дру́га.

Неждáновъ глубокó вздохну́лъ.

Маріа́нна... Я преклоня́юсь пе́редъ тобóю... а ты жалѣ́ешь меня́ — и ка́ждый изъ насъ увѣ́ренъ въ че́стности другóго: вотъ настоя́щая пра́вда! А любви́ ме́жду на́ми нѣтъ.

— Но, постóй, Алексѣ́й, что̀ ты говори́шь? Вѣдь сегóдня же, сейча́съ, за на́ми я́вится погóня... Вѣдь намъ на́добно уходи́ть вмѣ́стѣ, а не разстава́ться.

— Да; и ѣ́хать къ попу́ Зоси́мѣ, чтóбы онъ насъ обвѣнча́лъ, по предложе́нію Соло́мина. Я хорошó зна́ю, что въ твои́хъ глаза́хъ э́тотъ бракъ не что ино́е, какъ па́спортъ, какъ сре́дство избѣгну́ть полице́йскихъ затрудне́ній... но всё-таки́ онъ нѣ́которымъ óбразомъ обя́зываетъ... къ житію́ вмѣ́стѣ, ря́домъ... и́ли е́сли не *обя́зываетъ*, то по кра́йней мѣ́рѣ предполага́етъ жела́ніе жить вмѣ́стѣ.

— Что-жъ э́то, Алексѣ́й? Ты здѣсь оста́нешься?

У Неждáнова чуть-бы́ло не сорвалóсь съ языка́: Да! — но онъ оду́мался и промóлвилъ:

— Н... н... нѣтъ.

— Въ такóмъ слу́чаѣ ты удали́шься отсю́да не туда́, куда́ я?

Неждáновъ крѣ́пко пожа́лъ ея́ ру́ку, кото́рая всё ещё лежа́ла въ его́ рукѣ́.

— Оста́вить тебя́ безъ покрови́теля, безъ защи́тника бы́ло бы преступно — и я э́того не сдѣ́лаю, какъ я ни плохъ. У тебя́ бу́детъ защи́тникъ... Не сомнѣва́йся въ томъ!

Маріа́нна нагну́лась къ Неждáнову — и, забóтливо прибли́зивъ своё лицó къ его́ лицу́, стара́лась загляну́ть ему́ въ глаза́, въ ду́шу — въ са́мую ду́шу.

— Что́ съ тобóй, Алексѣ́й? Что́ у тебя́ на-сердцѣ́? Скажи́!... Ты меня́ безпокóишь. Твои́ слова́ такъ зага́дочны, такъ стра́нны... И лицó твоё? Я никогда́ не вида́ла у тебя́ такóго лица́!

Неждáновъ тихóнько отклони́лъ её и тихóнько поцѣлова́лъ у ней ру́ку. На э́тотъ разъ она́ не проти́вилась — и не засмѣя́лась — и всё продолжа́ла забóтливо и тревóжно глядѣ́ть на негó.

— Не безпокóйся, пожа́луйста! Тутъ ничегó стра́ннаго нѣтъ. —

Вся бѣда́ моя́ вотъ въ чёмъ. Ма́ркелова, говоря́тъ, мужики́ поби́ли; онъ отвѣдалъ ихъ кулако́въ, они́ помя́ли ему́ бока́... — Меня́ мужики́ не би́ли, они́ да́же пи́ли со мно́ю, пи́ли моё здоро́вье... по ду́шу они́ мою́ помя́ли, ху́же чѣмъ бока́ у Ма́ркелова. Я былъ рождёнъ вы́вихнутымъ... хотѣлъ себя́ испра́вить, да ещё ху́же себя́ вы́вихнулъ. Вотъ и́менно то, что̀ ты замѣча́ешь на моёмъ лицѣ.

— Алексѣй, — ме́дленно промо́лвила Маріа́нна: — тебѣ́ бы́ло бы грѣшно́ не быть откровѣ́ннымъ со мно́ю.

Онъ сти́снулъ свои́ ру́ки.

— Маріа́нна, всё моё существо́ переда́ть тобо́ю, какъ на ладо́ни; и что́ бы я ни сдѣ́лалъ, говорю́ тебѣ́ наперёдъ: въ су́щности, ничему́, ничему́ ты не удиви́шься!

Маріа́нна хотѣ́ла попроси́ть объясне́нія э́тихъ словъ, одна́ко не попроси́ла... притомъ въ э́то мгнове́нье въ ко́мнату вошёлъ Соло́минъ.

Движе́нья его́ бы́ли быстрѣ́й и рѣ́зче обыкнове́ннаго. Глаза́ прищу́рились, широ́кія гу́бы сжа́лись, всё лицо́ какъ бу́дто заостри́лось и при́няло выраже́ніе сухо́е, твёрдое и нѣ́сколько грубо́е.

Друзья́ мои́, — на́чалъ онъ; — я пришёлъ вамъ сказа́ть, что мѣ́шкать не́чего. Собира́йтесь... ѣ́хать вамъ пора́. Че́резъ часъ на́до вамъ быть гото́выми. На́до вамъ ѣ́хать вѣнча́ться. Отъ Па́клина нѣтъ никако́го извѣ́стія; лошаде́й его́ сперва́ задержа́ли въ Аржано́мъ, а пото́мъ присла́ли наза́дъ... Онъ оста́лся тамъ. Вѣроя́тно его́ увезли́ въ го́родъ. Онъ, коне́чно, не донесётъ, но, Богъ его́ зна́етъ, разболта́етъ, пожа́луй. Да и по лошадя́мъ могли́ узна́ть. Мой двоюро́дный предупреждёнъ. Па́велъ съ ва́ми пое́детъ. Онъ и свидѣ́телемъ бу́детъ.

— А вы... а ты? — спроси́лъ Неждано́въ. — Ра́звѣ ты не пое́дешь? Я ви́жу, ты одѣ́тъ подоро́жному, — приба́вилъ онъ, указа́въ глаза́ми на высо́кіе боло́тные сапоги́, въ кото́рыхъ пришёлъ Соло́минъ.

— Э́то я... такъ... на дворѣ́ гря́зно.

— Но отвѣча́ть ты за насъ вѣдь не бу́дешь?

— Не полага́ю... во вся́комъ слу́чаѣ — э́то ужъ моё дѣ́ло. Ита́къ, че́резъ часъ. — Маріа́нна, Татья́на жела́етъ васъ ви́дѣть. Она́ что-то тамъ пригото́вила.

— А! Да! Я и сама́ хотѣ́ла къ ней идти́...

Маріа́нна напра́вилась къ двери...

На лицѣ Неждано́ва изобрази́лось нѣ́что стра́нное, нѣ́что въ ро́дѣ испу́га, тоски́...

— Маріа́нна, ты ухо́дишь? — промо́лвилъ онъ внеза́пно упа́вшимъ го́лосомъ.

Она́ останови́лась.

— Я че́резъ по́лчаса верну́сь. Мнѣ уложи́ться недо́лго.

— Да; но подойди́ ко мнѣ...

— Изво́ль; — зачѣ́мъ?

— Мнѣ ещё разъ хо́чется взглянýть на тебя́. — Онъ посмотрѣ́лъ на неё до́лгимъ взо́ромъ. — Прощáй, прощáй, Маріáнна! — Онá изумúлась. — То́ бишь... Что̀ э́то я? — Это я такъ... сболтнýлъ. — Ты вѣдь чéрезъ по́лчаса вернёшься? Да?

— Конéчно.

— Ну, да... да... Извини́. У меня́ въ головѣ́ пýтаница отъ безсо́нницы. — Я то́же сейчáсъ... уложýсь.

Маріáнна вы́шла изъ ко́мнаты. Соло́минъ хотѣ́лъ-было пойти́ за ней Неждáновъ останови́лъ его́.

— Соло́минъ!

— Что?

— Дай мнѣ рýку. На́до-жъ мнѣ поблагодари́ть тебя́ за твоё гостепріи́мство.

Соло́минъ усмѣхнýлся.

— Вотъ что вздýмалъ! Однáко подáлъ емý рýку.

И вотъ ещё что, — продолжáлъ Неждáновъ, — éсли со мной что̀ случи́тся, могý я надѣ́яться на тебя́, что ты не остáвишь Маріáнну?

— Твою́ бýдущую женý?

— Ну, да, — Маріáнну?

— Во-пéрвыхъ, я увѣ́ренъ, что съ тобо́й ничего́ не случи́тся; а во-вторы́хъ, ты мо́жешь быть споко́енъ — Маріáнна мнѣ такъ же дорогá, какъ и тебѣ́.

— О! Я э́то знáю... знáю... знáю! Ну, и прекрáсно. И спаси́бо. — Такъ чéрезъ часъ?

— Чéрезъ часъ.

— Я бýду гото́въ. Прощáй!

Соло́минъ вы́шелъ и догнáлъ Маріáнну на лѣ́стницѣ. Онъ намѣ́ревался ей сказáть что-то на счётъ Неждáнова — да промолчáлъ. И Маріáнна, съ своéй стороны́, по́няла, что Соло́минъ намѣ́ревался ей что-то сказáть — и и́менно на счётъ Неждáнова — и что онъ промолчáлъ. — И онá промолчáла то́же.

XXXVII.

Какъ то́лько Соло́минъ вы́шелъ, Неждáновъ мгновéнно вскочи́лъ съ дивáна, прошёлся рáза два изъ одного́ углá въ другóй, пото́мъ постоя́лъ съ минýту въ како́мъ-то кáменномъ раздýмьи посреди́ ко́мнаты; внезáпно встрепенýлся, торопли́во сбро́силъ съ себя́ свой „маскарáдный“ костю́мъ, отпихнýлъ его́ ногóю въ ýголъ, достáлъ и надѣ́лъ своё прéжнее плáтье. — Пото́мъ онъ подошёлъ къ трехно́гому сто́лику, вы́нулъ изъ я́щика двѣ́ запечáтанныя бумáжки и ещё какóй-то небольшóй предмéтъ, сýнулъ его́ въ кармáнъ, а бумáжки остáвилъ на столѣ́. Пото́мъ онъ присѣ́лъ на ко́рточки пéредъ пéчкой, отвори́лъ заслóнку... Въ пéчкѣ

оказа́лась цѣ́лая гру́да пе́пла. Это бы́ло всё, что́ остава́лось отъ бума́гъ Неждано́ва, отъ завѣ́тной тетра́дки... Онъ сжёгъ всё э́то въ тече́ніе но́чи. Но тутъ же въ пе́чкѣ, сбо́ку, прислонённый къ одно́й изъ стѣ́нокъ, находи́лся портре́тъ Маріа́нны, пода́ренный ему́ Ма́ркеловымъ. Ви́дно у него́ не хвати́ло ду́ха сжечь и э́тотъ портре́тъ! Нежда́новъ бере́жно вы́нулъ его́ и положи́лъ на столъ ря́домъ съ запеча́танными бума́жками.

Пото́мъ онъ рѣши́тельнымъ движе́ніемъ руки́ сгрёбъ свою́ фура́жку и напра́вился-бы́ло къ две́ри... но останови́лся, верну́лся наза́дъ и вошёлъ въ ко́мнату Маріа́нны. Тамъ онъ постоя́лъ съ мину́ту, огляну́лся круго́мъ и, прибли́зившись къ ея́ у́зенькой крова́ткѣ, нагну́лся — и съ одино́чнымъ нѣ́мы́мъ рыда́ньемъ, прини́къ губа́ми не къ и́зголовью, а къ нога́мъ посте́ли... Пото́мъ онъ ра́зомъ вы́прямился — и, надви́нувъ фура́жку на лобъ, бро́сился вонъ.

Ни съ кѣ́мъ не встрѣ́тившись ни въ корридо́рѣ, ни на лѣ́стницѣ, ни внизу́, Нежда́новъ проскользну́лъ въ палиса́дникъ. День былъ сѣ́рый, не́бо висѣ́ло ни́зко, сыро́й вѣтеро́къ шевели́лъ верху́шки травъ и кача́лъ ли́стья дере́вьевъ; фа́брика стуча́ла и шумѣ́ла ме́ньше, чѣ́мъ о ту же по́ру въ дру́гіе дни; съ двора́ ея́ несло́ за́пахомъ у́гля, дёгтя, са́ла — Зо́рко и подозри́тельно огляну́лся Нежда́новъ и пошёлъ пря́мо къ той ста́рой ябло́ни, кото́рая привлекла́ его́ внима́ніе въ са́мый день его́ пріѣ́зда, когда́ онъ въ пе́рвый разъ вы́глянулъ изъ окна́ свое́й кварти́рки. Стволъ э́той ябло́ни обро́съ сухи́мъ мо́хомъ; шероховаты́е, обнажённые су́чья, съ коё-гдѣ́ висѣ́вшими красновато-зелёными ли́стьями, искри́вленно поднима́лись кверху́, на подо́біе ста́рческихъ, умоля́ющихъ, въ ло́ктяхъ согбённыхъ рукъ. Нежда́новъ сталъ твёрдой ного́ю на тёмную зе́млю, окружа́вшую ко́рень ябло́ни и вы́нулъ изъ карма́на тотъ небольшо́й предме́тъ, кото́рый находи́лся въ я́щикѣ стола́. — Пото́мъ онъ внима́тельно посмотрѣ́лъ на о́кна флигелька́... „Е́сли кто́-нибудь меня́ уви́дитъ въ э́ту мину́ту,“ поду́малъ онъ, „тогда́, быть мо́жетъ, я отложу́“... Но нигдѣ́ не показа́лось ни одного́ человѣ́ческаго лица́... то́чно всё вы́мерло, всё отверну́лось отъ него́, удали́лось навсегда́, оста́вило его́ на произво́лъ судьбы́. — Одна́ фа́брика глу́по гудѣ́ла и воня́ла, да сверху́ ста́ли сѣ́яться ме́лкія, игли́стыя ка́пли холо́днаго дождя́.

Тогда́ Нежда́новъ взгляну́лъ сквозь кривы́я су́чья дерева, подъ кото́рымъ онъ стоя́лъ, на ни́зкое, сѣ́рое, безуча́стно-слѣпо́е и мо́крое не́бо, зѣ́внулъ, пожа́лся, поду́малъ: „вѣ́дь, ничего́ друго́го не оста́лось, не наза́дъ же въ Петербу́ргъ, въ тюрьму́“, сбро́силъ фура́жку долой и зара́нѣе ощути́въ во всёмъ тѣ́лѣ каку́ю-то слаща́вую, си́льную, томи́тельную потяго́ту, приложи́лъ къ груди́ револьверъ, дёрнулъ пружи́ну курка́...

Что-то ра́зомъ толкну́ло его́, да́же не сли́шкомъ си́льно... но онъ уже лежа́лъ на спинѣ́ и стара́лся поня́ть, что́ съ нимъ и ка́къ онъ э́то сейча́съ ви́дѣлъ Татья́ну?... Онъ да́же хотѣ́лъ позва́ть ее́, сказа́ть:

„Ахъ, не на́до!“ — но вотъ уже́ онъ весь онѣмѣ́лъ и надъ лицо́мъ его́, въ глаза́хъ, на лбу, въ мозгу́ завертѣ́лся мутно-зелёный вихрь — и что-то стра́шно-тяжёлое и пло́ское прида́вило его́ навсегда́ къ землѣ́.

Татья́на не да́ромъ помере́щилась Нежда́нову; въ ту са́мую мину́ту, какъ онъ спусти́лъ куро́къ рево́львера, она́ подошла́ къ одному́ изъ око́нъ флигелька́ и уви́дѣла его́ подъ ябло́нью. Не успѣ́ла она́ поду́мать: „что э́то онъ въ таку́ю пого́ду торчи́тъ подъ ябло́нью, простоволо́сый,“ — какъ онъ повали́лся навзни́чь, то́чно снопъ. Вы́стрѣла она́ не слыха́ла — звукъ его́ былъ о́чень слабъ, но то́тчасъ почу́яла что-то недо́брое и опроме́тью бро́силась внизъ, въ палиса́дникъ... Она́ добѣжа́ла до Нежда́нова... „Алексѣ́й Дми́тричъ, что̀ съ ва́ми?“ Но уже́ имъ овладѣ́ла темнота́. Татья́на нагну́лась къ нему́, увида́ла кровь...

— Па́велъ! — закрича́ла она́ не свои́мъ го́лосомъ. — Па́велъ!

Нѣсколько мгнове́ній спустя́, — Маріа́нна, Соло́минъ, Па́велъ и ещё дво́е фабри́чныхъ уже́ бы́ли въ палиса́дникѣ. Нежда́нова то́тчасъ подня́ли, понесли́ во фли́гель и положи́ли на тотъ са́мый дива́нъ, на кото́ромъ онъ провёлъ свою́ послѣ́днюю ночь.

Онъ лежа́лъ на спинѣ́ съ полузакры́тыми недви́жными глаза́ми, съ посинѣ́лымъ лицо́мъ, — и хрипѣ́лъ протя́жно и ту́го, и́зрѣдка всхли́пывая и какъ-бы давя́сь. Жизнь ещё не поки́нула его́. — Маріа́нна и Соло́минъ стоя́ли по обѣ́имъ сторона́мъ дива́на, о́ба почти́ такіе же блѣ́дные, какъ и самъ Нежда́новъ. Поражены́, потрясены́, уничто́жены бы́ли о́ба — осо́бенно Маріа́нна — но не изумлены́. „Какъ мы э́того не предви́дѣли?“ ду́малось имъ; и въ то же вре́мя имъ каза́лось, что они́... да, они́ э́то предви́дѣли. — Когда́ онъ сказа́лъ Маріа́ннѣ: „что́ бы я ни сдѣ́лалъ, говорю́ тебѣ́ наперёдъ: ничему́ ты не удиви́шься“ — и ещё, когда́ онъ говори́лъ о тѣхъ двухъ человѣ́кахъ, кото́рые въ нёмъ ужи́ться не мо́гутъ — ра́звѣ не шевельну́лось въ ней нѣ́что въ ро́дѣ сму́тнаго предчу́вствія? — Почему́ же она́ не останови́лась то́тчасъ и не вду́малась и въ э́ти слова́, и въ э́то предчу́вствіе? — Отчего́ она́ тепе́рь не смѣ́етъ взгляну́ть на Соло́мина, какъ бу́дто онъ ея́ сообщинкъ... какъ бу́дто и онъ ощуща́етъ угрызе́ніе со́вѣсти? Отчего́ ей не то́лько безконе́чно, до отча́янія жаль Нежда́нова, но какъ-то стра́шно, и жу́тко — и со́вѣстно? — Мо́жетъ быть, отъ нея́ зави́сѣло его́ спасти́? Отчего́ они́ о́ба не смѣ́ютъ произнести́ сло́ва? Почти́ не смѣ́ютъ дыша́ть — и ждутъ... Чего́? Бо́же мой!

Соло́минъ посла́лъ за до́кторомъ, хотя́, коне́чно, наде́жды не́ было никако́й. На ма́ленькую, уже почернѣ́вшую, безкро́вную ра́ну Нежда́нова Татья́на положи́ла большу́ю гу́бку съ холо́дною водо́й, намочи́ла его́ во́лосы то́же холо́дной водо́ю съ у́ксусомъ. Вдругъ Нежда́новъ переста́лъ хрипѣ́ть и пошевельну́лся.

— Прихо́дитъ въ па́мять, — прошепта́лъ Соло́минъ.

Маріа́нна ста́ла на колѣ́ни во́злѣ дива́на... Нежда́новъ взгляну́лъ на

неё... до того́ вре́мени его́ глаза́ бы́ли недви́жны какъ у всѣхъ умира́ющихъ.

— А я ещё... живъ, — проговори́лъ онъ чуть слы́шно. — И тутъ не съумѣ́лъ... заде́рживаю васъ.

— Алёша, — простона́ла Маріа́нна.

— Да вотъ... сейча́съ... По́мнишь, Маріа́нна, въ моёмъ... стихотворе́ніи... „Окружи́ меня́ цвѣта́ми“... Гдѣ же цвѣты́?... Но за то ты тутъ... Тамъ, въ моёмъ письмѣ́...

Онъ вдругъ затрепета́лъ весь.

— Онъ, вотъ она́... Да́йте о́ба... другъ дру́гу... ру́ки — при мнѣ... Поскорѣе... да́йте...

Соло́минъ схвати́лъ ру́ку Маріа́нны. Голова́ ея́ лежа́ла на дива́нѣ, лицо́мъ внизъ, во́злѣ са́мой ра́ны.

Самъ Соло́минъ стоя́лъ пря́мо и стро́го, су́мрачный какъ ночь.

— Такъ... хорошо́... такъ...

Неждано́въ опя́ть на́чалъ всхли́пывать, но какъ-то ужъ о́чень необы́чно... Грудь вы́ставилась, бока́ втяну́лись...

Онъ я́вно пыта́лся положи́ть свою́ ру́ку на ихъ соединённыя ру́ки, но *его́* ру́ки уже бы́ли мёртвы.

— Отхо́дитъ, — шепну́ла Татья́на, стоя́вшая у две́ри, и ста́ла крести́ться.

Всхли́пыванья ста́ли рѣ́же, коро́че... Онъ ещё иска́лъ взо́ромъ Маріа́нну... но кака́я-то гро́зная бѣлесова́тость уже́ завола́кивала изнутри́ его́ глаза́...

„Хорошо́“... бы́ло его́ послѣ́днимъ сло́вомъ.

Его́ не ста́ло... а соединённыя ру́ки Соло́мина и Маріа́нны всё ещё лежа́ли на его́ груди́.

Вотъ что стоя́ло въ двухъ оста́вленныхъ имъ коро́ткихъ запи́скахъ. Одна́ была́ адресcóвана Си́лину, и содержа́ла всего́ нѣ́сколько строкъ:

„Проща́й, братъ, другъ, проща́й! Когда́ ты полу́чишь э́тотъ клочо́къ — меня́ уже не бу́детъ. Не спра́шивай, ка̀къ, почему́, и не сожалѣ́й; знай, что мнѣ тепе́рь лу́чше. Возьми́ ты на́шего безсме́ртнаго Пу́шкина и прочти́ въ „Евге́ніѣ Онѣ́гинѣ“ описа́ніе сме́рти Ле́нскаго. По́мнишь: „О́кна мѣ́ломъ забѣ́лены; хозя́йки нѣтъ“ и т. д. Вотъ и всё. Сказа́ть мнѣ тебѣ́ не́чего... оттого́ что сли́шкомъ мно́го пришло́сь бы говори́ть, а вре́мени нѣ́ту. Но я не хотѣ́лъ уйти́, не увѣ́домивъ тебя́; а то ты бы ду́малъ обо мнѣ, какъ о живо́мъ, и я согрѣши́лъ бы пе́редъ на́шей дру́жбой. Проща́й; живи́.

Твой другъ А. Н.“

Друго́е письмо́ бы́ло нѣ́сколько длиннѣ́е. Оно́ бы́ло адресcóвано на и́мя Соло́мина и Маріа́нны. — Вотъ что́ стоя́ло въ нёмъ:

„Дѣти мои!

(Тотчасъ послѣ этихъ словъ былъ перерывъ; что-то было зачёркнуто или скорѣе замарано; какъ-будто слёзы брызнули тутъ.)

„Вамъ, быть можетъ, странно, что я васъ такъ величаю; я самъ почти ребёнокъ — и ты, Соломинъ, конечно, старше меня. Но я умираю — и стоя на концѣ жизни, гляжу на себя какъ на старика. Я очень виноватъ передъ вами обоими, особенно передъ тобой, Маріанна — въ томъ, что причиняю вамъ такое горе — (я знаю, Маріанна, ты будешь горевать) — и доставилъ вамъ столько безпокойства. — Но что было дѣлать? Я другого выхода не нашёлъ. Я не умѣлъ *опроститься*; оставалось вычеркнуть себя совсѣмъ. — Маріанна, я былъ бы бременемъ и для себя, и для тебя. Ты великодушная — ты бы обрадовалась этому бремени, какъ новой жертвѣ... но я не имѣлъ права налагать на тебя эту жертву: у тебя есть лучшее и большее дѣло. — Дѣти мои, позвольте мнѣ соединить васъ какъ-бы загробной рукою. — Вамъ будетъ хорошо вдвоёмъ. Маріанна, ты окончательно полюбишь Соломина — а онъ... онъ тебя полюбилъ, какъ только увидѣлъ тебя у Сипягиныхъ. Это не осталось для меня тайной, хотя мы нѣсколько дней спустя бѣжали съ тобою. — Ахъ, то утро! Какое оно было славное, свѣжее, молодое! Оно представляется мнѣ теперь какъ знаменіе, какъ символъ вашей двойной жизни, — твоей и его; — и я только случайно находился тогда на его мѣстѣ. — Но пора кончить; я не желаю тебя разжалобить... я желаю только оправдаться. — Завтра будутъ нѣсколько очень тяжёлыхъ минутъ... Но что же дѣлать? Другого выхода вѣдь нѣтъ? — Прощай, Маріанна, моя хорошая, честная дѣвушка! — Прощай, Соломинъ! — Поручаю тебѣ её. — Живите счастливо — живите съ пользой для другихъ; а ты, Маріанна, вспоминай обо мнѣ только когда будешь счастлива. — Вспоминай обо мнѣ, какъ о человѣкѣ тоже честномъ и хорошемъ, но которому было какъ-то приличнѣе умереть, нежели жить. — Любилъ ли я тебя любовью — не знаю, милый другъ; но знаю, что сильнѣе чувства я никогда не испыталъ, и что мнѣ было бы ещё страшнѣе умереть, еслибъ я не уносилъ такого чувства съ собой въ могилу.

„Маріанна! Если ты встрѣтишь когда-нибудь дѣвушку, Машурину по имени, Соломинъ её знаетъ, впрочемъ и ты, кажется, её видѣла — скажи ей, что я съ благодарностью вспомнилъ о ней незадолго передъ кончиной... Она ужъ поймётъ.

„Надо-жъ однако оторваться. — Я сейчасъ выглянулъ изъ окна — среди быстро мчавшихся тучъ стояла одна прекрасная звѣзда. — Какъ быстро онѣ ни мчались — онѣ не могли ея закрыть. Эта звѣзда напомнила мнѣ тебя, Маріанна! — Въ это мгновенье ты спишь въ сосѣдней комнатѣ — и ничего не подозрѣваешь... Я подошёлъ къ твоей

две́ри, приложи́лъ у́хо и, каза́лось, улови́лъ твоё чи́стое, споко́йное дыха́ніе... Проща́й! Проща́й! Проща́йте, мои́ дѣти, мои́ друзья́!

Вашъ А.

„Ба, ба, ба! Какъ же э́то я въ *предсме́ртномъ* письмѣ́ ничего́ не сказа́лъ о на́шемъ вели́комъ дѣ́лѣ? — Знать потому́, что пе́редъ сме́ртью лгать уже́ не прихо́дится... Маріа́нна, прости́ мнѣ э́ту припи́ску... Ложь была́ во мнѣ — а не въ томъ, чему́ ты вѣ́ришь!

„Да! вотъ ещё что́: ты, быть мо́жетъ, поду́маешь, Маріа́нна: онъ испуга́лся тюрьмы́, въ кото́рую его́ непремѣ́нно засади́ли бы — и нашёлъ *э́то* сре́дство ея́ избѣ́гнуть? — Нѣтъ; тюрьма́ ещё не ва́жность; но сидѣ́ть въ тюрьмѣ́ за дѣ́ло, въ кото́рое не вѣ́ришь — э́то уже́ никуда́ негоди́тся. И я кончаю съ собо́ю — не изъ стра́ха тюрьмы́.

„Проща́й, Маріа́нна! проща́й, моя́ чи́стая, нетро́нутая!“

Маріа́нна и Соло́минъ поо́чередно прочли́ э́то письмо́. — Пото́мъ она́ положи́ла и портре́тъ свой и о́бѣ бума́жки къ себѣ́ въ карма́нъ — и оста́лась неподви́жной.

Тогда́ Соло́минъ сказа́лъ ей:

— Всё гото́во, Маріа́нна; пое́демъ. — На́до испо́лнить его́ во́лю.

Маріа́нна прибли́зилась къ Нежда́нову, прикосну́лась уста́ми къ его́ уже похолодѣ́вшему лбу — и, обернувшись къ Соло́мину, сказа́ла: — Пое́демъ.

Онъ взялъ её за ру́ку — и о́ба вы́шли изъ ко́мнаты.

Когда́, нѣ́сколько часо́въ спустя́, поли́ція нагря́нула на фа́брику, она́, коне́чно, нашла́ Нежда́нова — но уже́ тру́помъ. — Татья́на опря́тно убра́ла его́, положи́ла ему́ подъ го́лову бѣ́лую поду́шку, скрести́ла его́ ру́ки, поста́вила да́же буке́тъ цвѣто́въ во́злѣ него́ на сто́ликъ. — Па́велъ, получи́вшій всѣ ну́жныя инстру́кціи, при́ня́лъ полице́йскихъ чино́вниковъ съ велича́йшимъ подобостра́стіемъ и таковы́мъ же глумле́ніемъ — такъ что тѣ не зна́ли, благодари́ть ли его́ и́ли то́же арестова́ть? Онъ разсказа́лъ обстоя́тельно, какъ происходи́ло дѣ́ло самоубі́йства, накорми́лъ ихъ швейца́рскимъ сы́ромъ, напои́лъ маде́рой; — но на счётъ настоя́щаго мѣстопребыва́нія Васи́лія Ѳедо́тыча и пріѣ́зжей ба́рышни отозва́лся соверше́ннымъ невѣ́дѣньемъ — и то́лько ограни́чился увѣре́ньемъ, что Васи́лій, молъ Ѳедо́тычъ никогда́ до́лго въ отсу́тствіи не пребыва́етъ — потому́ дѣла́; — что онъ не ны́ньче — за́втра вернётся — и тогда́ то́тчасъ, мину́точки не теря́я, дастъ о томъ знать въ го́родъ. — Челове́къ онъ на э́то — аккура́тный!

Такъ господа́ чино́вники и отъѣ́хали ни съ чѣмъ, приста́вивъ сторожёй къ тѣ́лу и обѣща́вшись приспа́ть суде́бнаго слѣ́дователя.

XXXVIII.

Че́резъ два дня по́слѣ всѣхъ э́тихъ происше́ствій — на дворъ къ „скла̀дному“ попу́ Зоси́мѣ въѣ́хала телѣ́жка, на кото́рой сидѣ́ли мужчи́на и же́нщина, уже́ извѣ́стныя намъ — и на другу́ю же день по́слѣ ихъ пріѣ́зда они́ сочета́лись бра́комъ. Вско́рѣ пото́мъ они́ исче́зли — и до́брый Зоси́ма нисколько не горева́лъ о томъ, что́ онъ сдѣ́лалъ. На фа́брикѣ, оста́вленной Соло́минымъ, оказа́лось письмо́, адресо́ванное на и́мя хозя́ина и доста́вленное ему́ Па́вломъ; въ нёмъ отдава́лся по́лный и то́чный отчётъ о положе́ніи дѣ́лъ — (оно́ бы́ло блестя́щее) и выпра́шивался трехмѣ́сячный о́тпускъ. Письмо́ э́то бы́ло напи́сано за два дня до сме́рти Неждано́ва, изъ чего́ мо́жно бы́ло заключи́ть, что Соло́минъ уже́ тогда́ счита́лъ ну́жнымъ уѣ́хать съ нимъ и съ Маріа́нной и скры́ться на́ время. Слѣ́дствіе, произведённое по по́воду самоубі́йства, ничего́ не откры́ло. — Трупъ похорони́ли; Сипя́гинъ прекрати́лъ вся́кое дальнѣ́йшее иска́ніе свое́й племя́нницы.

А мѣ́сяцевъ де́вять спустя́ суди́ли Ма́ркелова. Онъ и на судѣ́ держа́лъ себя́ такъ же, какъ пе́редъ губерна́торомъ: споко́йно, не безъ досто́инства и нѣ́сколько уны́ло. — Его́ обы́чная рѣ́зкость смягчи́лась — но не отъ малоду́шія: тутъ уча́ствовало друго́е, бо́лѣе благоро́дное чу́вство. — Онъ ни въ чёмъ не опра́вдывался, ни въ чёмъ не раска́ялся, никого́ не обвиня́лъ и никого́ не назва́лъ; его́ исхуда́лое лицо́ съ поту́хшими глаза́ми сохраня́ло одно́ выраже́ніе: поко́рности судьбѣ́ и твёрдости; — а его́ коро́ткіе, но прямы́е и правди́вые отвѣ́ты возбужда́ли въ сами́хъ его́ су́дьяхъ чу́вство, похо́жее на сострада́ніе. Да́же крестья́не, кото́рые его́ схвати́ли и свидѣ́тельствовали про́тивъ него́ — да́же они́ раздѣля́ли э́то чу́вство — и говори́ли о нёмъ какъ о ба́ринѣ „простомъ“ и до́бромъ. Но вина́ его́ была́ сли́шкомъ я́вна; избѣ́гнуть наказа́нія онъ не могъ — и, каза́лось, самъ при́нялъ э́то наказа́ніе какъ до́лжное. — Изъ остальны́хъ его́, впро́чемъ немногочи́сленныхъ, соуча́стниковъ, — Машу́рина скры́лась; Остроду́мовъ былъ уби́тъ одни́мъ мѣща́номъ, кото́раго онъ подгова́ривалъ къ возста́нію и кото́рый „нело́вко“ толкну́лъ его; Голу́шкина, за его́ „чистосерде́чное раска́яніе“ — (онъ чуть съ ума́ не сошёлъ отъ у́жаса и тоски́), — подверги́ лёгкому наказа́нію; Кисляко́ва подержа́ли съ мѣ́сяцъ подъ аре́стомъ, а пото́мъ вы́пустили и да́же не препя́тствовали ему́ сно́ва „скака́ть“ по губе́рніямъ; Неждано́ва изба́вила смерть; Соло́мина, за недоста́ткомъ ули́къ — оста́вили въ нѣ́которомъ подвзрѣ́ніи — и въ поко́ѣ. (Онъ, впро́чемъ не уклони́лся отъ суда́ и яви́лся въ срокъ.) О Маріа́ннѣ не́ было и рѣ́чи... Па́клинъ оконча́тельно вы́вернулся; да на него́ и не обрати́ли осо́беннаго внима́нія.

Прошло́ го́да полтора́, наста́ла зима́ 1870 го́да. Въ Петербу́ргѣ, въ томъ са́момъ Петербу́ргѣ, гдѣ та́йный сове́тникъ и каммерге́ръ Сипя́гинъ гото́вился игра́ть значи́тельную ролъ, гдѣ его́ жена́ покрови́тельствовала всѣмъ иску́сствамъ, дава́ла музыка́льные вечера́ и устра́ивала дешёвыя ку́хни — а г. Калломе́йцевъ счита́лся одни́мъ изъ наде́жнѣйшихъ чино́вниковъ своего́ министе́рства — по одно́й изъ ли́ній Васи́льевскаго О́строва, шёлъ, ковыля́я и слегка́ перева́ливаясь, ма́ленькій челове́къ въ скро́мномъ пальто́ съ ко́шачьимъ воротнико́мъ. То́ былъ Па́клинъ. Онъ поря́дкомъ измѣни́лся въ после́днее вре́мя: въ концáхъ ви́сковъ, выда́вавшихся изъ-подъ кра́евъ мѣхово́й ша́пки, виднѣ́лось нѣ́сколько сере́бряныхъ ни́тей. — На встрѣ́чу ему́ дви́галась по троттуа́ру да́ма дово́льно по́лная, высо́каго роста, пло́тно заку́танная въ тёмный суко́нный плащъ. — Па́клинъ бро́силъ на неё разсѣ́янный взглядъ, прошёлъ ми́мо... пото́мъ вдругъ останови́лся, заду́мался, разста́вилъ ру́ки — и, съ жи́востью оберну́вшись и нагна́въ ее́, загляну́лъ ей подъ шля́пку въ лицо́.

— Машу́рина? промо́лвилъ онъ вполго́лоса.

Да́ма вели́чественно измѣри́ла его́ взо́ромъ — и, не сказа́въ сло́ва, пошла́ да́льше.

— Ми́лая Машу́рина, я васъ узна́лъ, — продолжа́лъ Па́клинъ, ковыля́я съ не́ю ря́домъ — то́лько вы пожа́луйста не бо́йтесь. Вѣдь я васъ не вы́дамъ — я *сли́шкомъ* радъ что встрѣ́тилъ васъ! — Я Па́клинъ, Си́ла Па́клинъ, зна́ете, прія́тель Нежда́нова... Зайди́те ко мнѣ; — я живу́ въ двухъ шага́хъ отсю́да... Пожа́луйста.

— Io со́но контéсса Ро́кка ди Са́нто и... и... e ancóra! — отвѣча́ла да́ма ни́зкимъ го́лосомъ, но съ удиви́тельно-чи́стымъ ру́сскимъ акце́нтомъ.

— Ну, что́ контéсса... кака́я тамъ контéсса... Зайди́те, побол-та́емте...

— Да гдѣ вы живёте? — спроси́ла вдругъ по-ру́сски италья́нская графи́ня. — Мнѣ не́когда.

— Я живу́ здѣсь въ э́той ли́ніи, вотъ мой домъ, тотъ сѣ́рый, трёхъэта́жный. — Кака́я вы до́брая, что не хоти́те бо́льше секре́тничать со мно́ю! Да́йте мнѣ ру́ку, пойдёмте. — Давно́ ли вы здѣсь? И почему́ вы графи́ня? Вы́шли за́мужъ за како́го-нибудь италья́нскаго конто́?

Машу́рина ни за како́го конто́ не выходи́ла; её снабди́ли па́спортомъ, вы́даннымъ на и́мя нѣ́коей графи́ни Ро́кко ди Са́нто Фіу́ме, неда́вно пе́редъ тѣмъ у́мершей — и она́ съ нимъ преспоко́йно отпра́вилась въ Россію, хотя́ ни сло́ва не понима́ла по-италья́нски — и имѣ́ла лицо́ са́мое ру́сское.

Па́клинъ привёлъ её въ свою́ скро́мную кварти́рку. Горба́тая сестра́, съ кото́рой онъ жилъ, вы́шла на встрѣ́чу го́стьѣ изъ-за перегоро́дки, отдѣля́вшей кро́хотную ку́хню отъ тако́й же пере́дней.

— Вотъ, Сна́почка, — промо́лвилъ онъ — рекоменду́ю, больша́я моя́ прія́тельница; да́й-ка намъ поскоре́е ча́ю.

Машу́рина, кото́рая не пошла́ бы къ Па́клину, е́слибъ онъ не упомяну́лъ и́мени Неждано́ва, сняла́ шля́пу съ головы́, — и, попра́вивши свое́й му́жественной руко́й свои́ по пре́жнему коротко́ остри́женные во́лосы, поклони́лась и се́ла мо́лча. Она́ такъ во́все не измѣни́лась; да́же пла́тье на ней бы́ло то же са́мое, какъ и два го́да тому́ наза́дъ, — но въ глаза́хъ ея́ установи́лась кака́я-то недви́жная печа́ль, кото́рая придава́ла нѣ́что тро́гательное обы́чно-суро́вому выраже́нію ея́ лица́.

Снанду́лія побѣжа́ла за самова́ромъ — а Па́клинъ помѣ́стился про́тивъ Машу́риной, слегка́ похло́палъ её по колѣ́ну и пону́рилъ го́лову; а когда́ хотѣ́лъ заговори́ть, принужденъ былъ отка́шляться: го́лосъ его́ перерва́лся и слези́нки сверкну́ли на глаза́хъ. — Машу́рина сидѣ́ла неподви́жно и пря́мо, не прислоня́ясь къ спи́нкѣ сту́ла — и угрю́мо смотре́ла въ сто́рону.

— Да, да, — на́чалъ Па́клинъ — бы́ли дѣла́! Гляжу́ на васъ и вспомина́ю... мно́гое и многи́хъ. — Мёртвыхъ и живы́хъ. — Вотъ и мои́ периклимки у́мерли... да вы ихъ, ка́жется, не зна́ли; — о́бѣ, какъ я предска́зывалъ, въ оди́нъ день. — Неждано́въ... бѣ́дный Неждано́въ!... Вы вѣ́дь, вѣроя́тно, зна́ете...

— Да, зна́ю, — промо́лвила Машу́рина, всё такъ же гля́дя въ сто́рону.

— И объ Остроду́мовѣ то́же зна́ете?

Машу́рина то́лько ка́чнула голово́ю. Ей хотѣ́лось, что́бы онъ продолжа́лъ говори́ть о Неждано́вѣ — но она́ не рѣша́лась проси́ть его́ объ э́томъ. — Онъ её по́нялъ и такъ.

— Я слы́шалъ, что онъ въ своёмъ предсме́ртномъ письмѣ́ упомяну́лъ о васъ. — Пра́вда э́то?

Машу́рина не то́тчасъ отвѣча́ла.

— Пра́вда, — произнесла́ она́ наконе́цъ.

— Чуде́сный былъ человѣ́къ! То́лько не въ свою́ колею́ попа́лъ! — Онъ тако́й же былъ революціоне́ръ, какъ и я! Зна́ете, кто онъ со́бственно былъ? — Рома́нтикъ реали́зма! Понима́ете ли вы меня́?

Машу́рина бро́сила би́стрый взглядъ на Па́клина. Она́ его́ не по́няла — да и не хотѣ́ла дать себѣ́ трудъ его́ поня́ть. — Ей показа́лось неумѣ́стнымъ и стра́ннымъ, что онъ осмѣ́ливается прира́внивать себя́ къ Неждано́ву; — но она́ поду́мала: „Пуска́й хва́стается тепе́рь“. (Хоть онъ во́все не хва́стался — а скорѣ́й, по его́ поня́тіямъ, принижа́лъ себя́).

— Меня́ тутъ отыска́лъ нѣ́кто Си́линъ, — продолжа́лъ Па́клинъ; — Неждано́въ то́же писа́лъ къ нему́ пе́редъ сме́ртью. Такъ вотъ онъ, э́тотъ са́мый Си́линъ, проси́лъ: нельзя́ ли найти́ какія-нибудь бума́ги поко́йнаго? — Но Алёшины ве́щи бы́ли опеча́таны... да и бума́гъ тамъ не́ было; онъ всё сжёгъ — и стихи́ свои́ сжёгъ. — Вы, мо́жетъ быть,

не зна́ли, что онъ стихи́ писа́лъ? Мнѣ ихъ жаль; я увѣ́ренъ — иные́ должны́ бы́ли быть о́чень неду́рны. — Всё э́то исчѣ́зло вмѣстѣ съ нимъ — всё попа́ло въ о́бщій круговоро́тъ — и за́мерло на вѣ́ки! То́лько что у друзе́й оста́лось воспомина́ніе, — пока́ они́ са́ми не исчѣ́знутъ въ свою́ о́чередь!

Па́клинъ помолча́лъ.

— За то Сипя́гины, подхвати́лъ онъ сно́ва — по́мните, э́ти снисходи́тельные, ва́жные, отвратительные тузы́ — они́ тепе́рь на верху́ могу́щества и сла́вы! — Машу́рина во́все не „по́мнила“ Сипя́гиныхъ; но Па́клинъ такъ ихъ ненави́дѣлъ обо́ихъ — осо́бенно его́ — что не могъ отказа́ть себѣ́ въ удово́льствіи ихъ „продёрнуть“. Говоря́тъ, у нихъ въ до́мѣ тако́й высо́кій тонъ! — Всё о добродѣтели толку́ютъ!! То́лько я замѣ́тилъ: е́сли гдѣ́ сли́шкомъ мно́го толку́ютъ о добродѣтели — э́то всё равно́, какъ е́сли въ ко́мнатѣ у больно́го сли́шкомъ наку́рено благово́ніями: навѣ́рно пе́редъ э́тимъ соверши́лась кака́я-нибудь та́йная па́кость! — Подозри́тельно э́то! Бѣ́днаго Алексѣ́я *они́* погуби́ли, э́ти Сипя́гины!

— Что Соло́минъ? — спроси́ла Машу́рина. — Ей вдругъ переста́ло хотѣ́ться слы́шать что́-нибудь отъ *э́того* о *нёмъ*!

— Соло́минъ! — воскли́кнулъ Па́клинъ. — Э́тотъ молодцо́мъ. Вы́вернулся отли́чно. Пре́жнюю-то фа́брику бро́силъ и лу́чшихъ люде́й съ собо́ю увёлъ. — Тамъ былъ оди́нъ... голова́, говоря́тъ, бѣдо́вая! Па́вломъ его зва́ли... такъ и того́ увёлъ. Тепе́рь, говоря́тъ, свой заво́дъ имѣетъ — небольшо́й — гдѣ-то тамъ, въ Перми́, на каки́хъ-то арте́льныхъ нача́лахъ. Э́тотъ дѣ́ла своего́ не оста́витъ! Онъ продолби́тъ! — Клювъ у него́ то́нкій — да и крѣ́пкій за то. Онъ — молоде́цъ! А гла́вное: онъ не внеза́пный исцѣли́тель обще́ственныхъ ранъ. — Потому́, вѣдь мы, ру́сскіе, како́й наро́дъ? мы всё ждёмъ: вотъ-молъ придётъ что́-нибудь, и́ли кто́-нибудь и ра́зомъ насъ излечи́тъ, всѣ на́ши ра́ны заживи́тъ, выдернётъ всѣ на́ши не́дуги, какъ больно́й зубъ. Кто бу́детъ э́тотъ чародѣ́й? — Дарвини́змъ? Дере́вня? Архи́пъ Перепе́нтьевъ? Заграни́чная война́? — Что́ уго́дно! то́лько, ба́тюшка, рви зубъ!! — Э́то всё — лѣ́ность, вя́лость, недомы́сліе! — А Соло́минъ не тако́й; нѣтъ, — онъ зубо́въ не дёргаетъ — онъ молоде́цъ!

Машу́рина сдѣ́лала знакъ руко́ю, какъ-бы жела́я сказа́ть, что: „э́того, ста́ло-быть, похе́рить на́до“.

— Ну, а та дѣ́вушка — спроси́ла она́ — я забы́ла ея́ и́мя — кото́рая тогда́ съ нимъ — съ Нежда́новымъ — ушла́?

— Маріа́нна? Да она́ тепе́рь э́того са́маго Соло́мина жена́. Ужъ бо́льше го́да, какъ она́ за нимъ за́мужемъ. Сперва́ то́лько чи́слилась — а тепе́рь, говоря́тъ, настоя́щей жено́ю ста́ла. Да-а.

Машу́рина опя́ть сдѣ́лала тотъ же знакъ руко́ю.

Быва́ло, она́ ревнова́ла Нежда́нова къ Маріа́ннѣ; а тепе́рь она́ не-

годова́ла на неё за то, что какъ могла́ она́ измѣни́ть его́ па́мяти?!... — Чай, ребёнокъ уже есть, — приба́вила она́ съ пренебреже́ніемъ.

— Мо́жетъ быть, не зна́ю. — Но куда́ же вы, куда́? — приба́вилъ Па́клинъ, ви́дя, что она́ берётся за шля́пу. — Подожди́те; Сна́почка намъ сейча́съ ча́ю пода́стъ. Ему́ не сто́лько хотѣ́лось удержа́ть со́бственно Машу́рину, ско́лько не упусти́ть слу́чая вы́сказать всё, что́ накопи́лось и накипѣ́ло у него́ на душѣ́. — Съ тѣхъ поръ, какъ Па́клинъ верну́лся въ Петербу́ргъ, онъ ви́дѣлъ о́чень ма́ло люде́й, осо́бенно молоды́хъ. — Исто́рія съ Нежда́новымъ его́ напуга́ла, онъ сталъ о́чень осторо́женъ и чужда́лся о́бщества, — и молоды́е лю́ди, съ своей стороны́, погля́дывали на него́ подозри́тельно. Оди́нъ такъ да́же пря́мо въ глаза́ обруга́лъ его́ доно́счикомъ. Съ старика́ми онъ самъ неохо́тно сближа́лся; вотъ ему́ и приходи́лось иногда́ молча́ть по недѣ́лямъ. Пе́редъ сестро́й онъ не выска́зывался; не потому́ — что́бы вообража́лъ её неспосо́бной его́ поня́ть — о, нѣтъ! Онъ высоко́ цѣни́лъ ея́ умъ... Но съ ней на́до бы́ло говори́ть серьёзно и вполнѣ́ правди́во; а какъ то́лько онъ пуска́лся „козыря́ть“ и́ли „запуска́ть бра́ндеръ“ — она́ то́тчасъ принима́лась гляде́ть на него́ каки́мъ-то осо́беннымъ, внима́тельнымъ и соболѣ́знующимъ взгля́домъ; — и ему́ станови́лось со́вѣстно. Но скажи́те, возмо́жно ли обойти́сь безъ лёгкой „козырки́?“ Хоть съ дво́йки — да козыря́й! Оттого́-то и жизнь въ Петербу́ргѣ на́чала станови́ться тошна́ Па́клину, и онъ уже́ ду́малъ какъ-бы перебра́ться въ Москву́, что-ли? — Ра́зныя соображе́нія, измышле́нія, вы́думки, смѣшны́я и́ли злы́я слова́, набира́лись въ нёмъ, какъ вода́ на за́пертой ме́льницѣ... Заста́вокъ нельзя́ бы́ло поднима́ть: вода́ дѣ́лалась стоя́чей и по́ртилась. — Машу́рина подверну́лась... Вотъ онъ и подня́лъ заста́вки и заговори́лъ, заговори́лъ...

Доста́лось же Петербу́ргу, петербу́ргской жи́зни, всей Россіи! — Никому́ и ничему́ не́ было ни малѣ́йшей пощады́! — Машу́рину всё э́то занима́ло весьма́ умѣ́ренно; но она́ не возража́ла и не перебива́ла его́... а ему́ бо́льше ничего́ не тре́бовалось.

— Да-съ, — говори́лъ онъ; — весёлое наступи́ло вре́мячко, доложу́ вамъ! Въ о́бществѣ засто́й соверше́нный; всѣ скуча́ютъ а́дски! Въ литерату́рѣ пустота́ — хоть ша́ромъ покати́! Въ кри́тикѣ... е́сли молодо́му передово́му рецензе́нту ну́жно сказа́ть, что „ку́рицѣ сво́йственно нести́ я́йца“ — подава́й ему́ цѣ́лыхъ два́дцать страни́цъ для исложе́нія э́той вели́кой и́стины — да и то онъ едва́ съ не́ю сла́дитъ! Пу́хлы э́ти господа́, доложу́ вамъ, какъ пуховики́, размя́зисты, какъ тюря́ — и съ пѣ́ной у рта говоря́тъ — о́бщія мѣста́! Въ нау́кѣ... ха-ха-ха! *учёный Кантъ* есть и у насъ; — то́лько на воротника́хъ инжене́ровъ! Въ искусствѣ то же са́мое! Не уго́дно ли вамъ сего́дня пойти́ въ конце́ртъ? Услы́шите наро́днаго пѣвца́ Агреманта́скаго... Большимъ успѣ́хомъ по́льзуется... А е́сли бы лещъ съ ка́шей — *лещъ съ ка́шей*, говорю́ вамъ, былъ одарёнъ го́лосомъ, то онъ и́менно такъ бы и пѣлъ, какъ э́тотъ

господи́нъ! — И тотъ же Скороши́хинъ, зна́ете, нашъ и́сконный Ариста́рхъ — его хвали́тъ! Э́то, молъ, не то, что за́падное иску́сство! Онъ же и на́шихъ паску́дныхъ живопи́сцевъ хвали́тъ! — Я, молъ, пре́жде самъ приходи́лъ въ восто́ргъ отъ Евро́пы, отъ италья́нцевъ; — а услы́шалъ Росси́ни и поду́малъ: — Э! э! — уви́дѣлъ Рафае́ля... Э! э! И э́того: э! э! — на́шимъ молоды́мъ лю́дямъ совершённо доста́точно; и они́ за Скороши́хинымъ повторя́ютъ: э! э! — и дово́льны, предста́вьте! А въ то же вре́мя наро́дъ бѣдствуетъ стра́шно, по́дати его́ разори́ли въ коне́цъ, и то́лько та и соверши́лась рефо́рма, что всѣ мужики́ карту́зы надѣли, а ба́бы бро́сили ки́чки... А го́лодъ! А пья́нство! А кулаки́!

Но тутъ Машу́рина зѣвнула — Па́клинъ по́нялъ, что на́до перемѣни́ть розгово́ръ.

— Вы мнѣ ещё не сказа́ли, — обрати́лся онъ къ ней, гдѣ вы э́ти два го́да бы́ли и давно́ ли пріѣхали — и что́ дѣлали — каки́мъ о́бразомъ преврати́лись въ италья́нку и почему́...

— Вамъ всё э́то не слѣдуетъ знать, — переби́ла Машу́рина: — къ чему́? Вѣдь ужъ э́то тепе́рь не по ва́шей ча́сти.

Па́клина какъ бу́дто что-то кольну́ло, — и онъ, чтобъ скрыть своё смуще́ніе, посмѣя́лся коро́тенькимъ, натя́нутымъ смѣхомъ.

— Ну, какъ уго́дно, — промо́лвилъ онъ: — я зна́ю, я въ глаза́хъ ны́нѣшняго поколѣ́нія челове́къ отста́лый; да и то́чно, я уже́ не могу́ счита́ться... въ тѣхъ ряда́хъ... Онъ не зако́нчилъ своей фра́зы. — Вотъ намъ Сна́почка чай несётъ. Вы вы́кушайте ча́шечку, да послу́шайте меня́... Мо́жетъ быть, въ мои́хъ слова́хъ бу́детъ что́-нибудь интере́сное для васъ.

Машу́рина взяла́ ча́шку, кусо́чекъ са́хару и при́нялась пить въ прику́ску.

Па́клинъ размѣя́лся уже́ на-чисто.

— Хорошо́, что поли́ціи здѣсь нѣтъ, а то́ италья́нская граф и́ня... какъ бишь?

— Ро́кко-ди-Са́нто-Фіу́ме, — съ невозмути́мой ва́жностью проговори́ла Машу́рина, втя́гивая въ себя́ горя́чую струю́.

— Ро́кко-ди-Са́нто-Фіу́ме! — повтори́лъ Па́клинъ — и пьётъ въ прику́ску чай! Ужъ, о́чень неправдоподо́бно! Поли́ція сейча́сь возымѣла бы подозрѣ́нія.

— Ко мнѣ и то́ на грани́цѣ, замѣ́тила Машу́рина, — приставалъ како́й-то въ мундирѣ; всё разспра́шивалъ; я ужъ и не вытерпѣла: „Отвяжи́сь ты отъ меня́, говорю́, ра́ди Бо́га!“

— Вы э́то по-итальянски ему́ сказа́ли?

— Нѣтъ по-ру́сски.

— И что же онъ?

— Что́? Извѣ́стно: отошёлъ.

— Бра́во! — воскли́кнулъ Па́клинъ. — Ай да контéсса! Ещё ча́-

шечку! Ну, такъ вотъ что́ я хотѣ́лъ вамъ сказа́ть: вы вотъ о Соло́минѣ отозва́лись су́хо. — А зна́ете ли, что̀ я вамъ доложу́? Такіе, какъ онъ — они́-то вотъ и суть настоя́щіе. Ихъ сра́зу не раску́сишь — а они́ — насто́ящіе, повѣ́рьте; и бу́дущее имъ принадлежи́тъ. Это — не геро́и; э́то да́же не тѣ „геро́н труда́“, о кото́рыхъ како́й-то чуда́къ — америка́нецъ и́ли англича́нинъ — написа́лъ кни́гу для назида́нія насъ, убо́гихъ; э́то — кре́пкіе, се́рые, одноцвѣ́тные, наро́дные лю́ди. Тепе́рь то́лько таки́хъ и ну́жно! Вы посмо́трите на Соло́мина: умёнъ — такъ день, — и здоро́въ — какъ ры́ба... Какъ же не чу́до! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси́ ка́къ бы́ло: коли́ ты живо́й челове́къ, съ чу́вствомъ, съ созна́ніемъ — такъ непремѣ́нно ты больно́й! А у Соло́мина се́рдце-то, пожа́луй, тѣмъ же боле́етъ, чѣмъ и на́ше — и ненави́дитъ онъ то́ же, что̀ мы ненави́димъ — да не́рвы у него́ молча́тъ — и всё тѣ́ло повину́ется, какъ слѣ́дуетъ... зна́читъ: молоде́цъ! Поми́луйте: челове́къ съ идеа́ломъ — и безъ фра́зы, образо́ванный — и изъ наро́да, просто́й — и себѣ́-на-умѣ́... Како́го вамъ ещё на́до?

— И вы не гляди́те на то, — продолжа́лъ Па́клинъ! приходя́ всё бо́лѣе и бо́лѣе въ аза́ртъ, и не замѣча́я, что Машу́рина его́ уже́ давно́ не слу́шала — и опя́ть уста́вилась куда́-то въ сто̀рону; не гляди́те на то́ что у насъ тепе́рь на Руси́ вся́кій во́дится наро́дъ: и славянофи́лы, и чино́вники, и просты́е, и махро́вые генера́лы, и эпикуре́йцы, и подража́тели, и чудаки́ — (знава́лъ же я одну́ ба́рыню, Хавро́нью Пры́щову по и́мени, кото́рая вдругъ съ бу́хта-бара́хта сдѣ́лалась легитими́сткой и увѣря́ла всѣхъ что когда́ она́ умрётъ — то сто́итъ то́лько вскры́ть ея́ тѣ́ло — и на се́рдцѣ ея́ найду́тъ наче́ртаннымъ и́мя Ге́нриха V-го... Э́то у Хавыо́ньи Пры́щовой-то!) — Не гляди́те на всё э́то, моя́ почте́ннѣйшая, а зна́йте, что настоя́щая, иско́нная на́ша доро́га — тамъ, гдѣ Соло́мины, се́рые, просты́е, хи́трые Соло́мины! Вспо́мните, *когда́* я э́то говорю́ вамъ — зимо́й 1870 го́да, когда́ Герма́нія собира́ется уничто́жить Фра́нцію — когда́...

— Си́лушка, — послы́шался за спино́й Па́клина ти́хій голосо́къ Снандýліи: — мнѣ ка́жется, въ твои́хъ разсужде́ніяхъ о бу́дущемъ, ты забыва́ешь на́шу рели́гію и ея влія́ніе... И къ тому́ же, — поспѣ́шно приба́вила она́: — г-жа́ Машу́рина тебя́ не слу́шаетъ... Ты бы лу́чше предложи́лъ ей ещё ча́шку ча́ю.

Па́клинъ спохвати́лся.

— Ахъ, да, моя́ почте́нная — не хоти́те ли вы въ са́момъ-дѣлѣ́?...

Но Машу́рина ме́дленно перевела́ на него́ свои́ тёмные глаза́, и задýмчиво промо́лвила:

— Я хотѣ́ла спроси́ть у васъ, Па́клинъ, нѣтъ ли у васъ како́й-нибудь запи́ски Неждáнова — и́ли его́ фотогра́фіи?

— Есть фотогра́фія... есть; и, ка́жется, дово́льно хоро́шая. — Въ столѣ́. — Я сейча́съ отыщу́ вамъ её.

Онъ сталъ ры́ться у себя́ въ я́щикѣ — а Снандýлія подошла́ къ Машýриной — и съ учáстіемъ, дóлго и прúстально посмотрѣ́въ на неё, пожáла ей рýку — какъ собрáту.

— Вотъ онá! Нашёлъ! — воскли́кнулъ Пáклинъ и пóдалъ фотогрáфію. Машýрина бы́стро, — почти́ не взглянýвъ на неё и не сказáвъ спасúбо, но покраснѣ́вши вся, — сýнула её въ кармáнъ, надѣ́ла шляпу и напрáвилась къ двéри.

— Вы ухóдите? — промóлвилъ Пáклинъ. — Гдѣ́ вы живёте, по крáйней мѣ́рѣ?

— А гдѣ́ придётся.

— Понимáю; вы не хотúте, чтобъ я объ э́томъ зналъ. Ну, скажúте, пожáлуйста, хоть одно́: вы всё по приказáнію Васúлія Николáевича дѣ́йствуете?

— На что́ вамъ знать?

— Или, мóжетъ, кого́ другóго, Сúдора Сúдорыча?

Машýрина не отвѣ́чала.

— Или вáми распоряжáется безы́мянный какóй?

Машýрина ужé перешагнýла порóгъ.

— А, мóжетъ быть, и безы́мянный!

Онá захлóпнула дверь.

Пáклинъ дóлго стоя́лъ неподвúжно пéредъ э́той закры́той двéрью.

— „Безы́мянная Русь!“ — сказáлъ онъ наконéцъ.

КОНЕ́ЦЪ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Печатано въ типографіи О. Гауталя въ Наумбургѣ.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Turgenev, Ivan Sergeevič,

Nov' Roman

Leipzig 1887

P.o.rel. 3539 gf
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11679135-7